

Маргарита Прошина

Фортунета

рассказы

Маргарита
Прошина

Фортунета

рассказы

Издательство
Книжный Сад
Москва
2015

ББК 84 Р7

П 78

*На передней стороне переплета:
писательница Маргарита Прошина. Фото Юрия Кувалдина.*

Прошина М.В.

П 78 Фортунэта: рассказы. Предисловие Эмиля Сокольского. - М.: Издательство "Книжный сад", 2015. - 448 с.

Каких бы тем ни касалась Маргарита Прошина в своих рассказах, вошедших в книгу "Фортунэта", все они пропущены через женское сердце. Эмиль Сокольский подробно рассматривает творчество писательницы в предисловии "В потоке классики". Маргарита Васильевна Прошина родилась 20 ноября 1950 года в Таллине. Окончила институт культуры. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Долгое время работала заведующей отделом Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, затем была заместителем директора библиотеки им. И. А. Бунина. Автор многочисленных поэтических заметок под общим заглавием "Задумчивая грусть", и рассказов. Печаталась в альманахе "Золова арфа", в "Независимой газете". Постоянно публикуется в журнале "Наша улица". Автор книг "Задумчивая грусть" и "Мечта", издательство "Книжный сад", Москва, 2013.

ISBN 978-5-85676-153-4

ББК 84 Р7

© Маргарита Прошина, 2015

Эмиль Сокольский

В ПОТОКЕ КЛАССИКИ

(предисловие)

Маргарита Прошина пишет спокойно и естественно - так, словно её литературная деятельность началась с самого юного возраста. Лишь только открываю книгу, чтобы познакомиться с автором, войти в её художественный мир, воспринять манеру письма - как сразу забываю о том, что ещё минутой назад этот писатель был мне совершенно неведом. Прошина говорит со мной так, будто знает меня много лет, будто давно уже писала специально для меня, и будто мои литературные предпочтения ей понятны и близки.

Прошиной не нужно меня как читателя завоевывать, заинтересовывать, задерживать на чём-то моё внимание. С первых же слов я отдаюсь течению её речи, слышу её внятный негромкий голос, вижу всё, о чём она рассказывает - и сам становлюсь героем или персонажем её повествования. Говорит ли это о моей - безусловно, похвальной и необходимой для восприятия художественного произведения - чуткости, или есть причины объективного характера?

Читательский талант - вещь, конечно, важная. Но ведь этот же самый талант - избирателен, предполагает строгость оценок, не жалуется вторичности, ему подавай достойное качество. Что можно сказать о прошинских сочинениях?

Начну с того, что Маргарита Прошина - писатель позднего старта. Богатый жизненный опыт, неустанное чтение книг, работа в библиотечной сфере - видимо, и сформировали её как будущего писателя. Потребовался лишь толчок, счастливое стечение обстоятельств, чтобы Прошина открыла себя читательскому миру. Этим толчком послужила встреча с писателем Юрием Кувалдиным, первооткрывателем писательских

талантов, прошедших школу художественного письма в его журнале "Наша улица", где Прошина показала себя вполне сложившимся автором.

Пожалуй, главное, что отличает её прозу - непринуждённость. Прошина будто и не задумывается, каким образом в её рассказах будут развиваться события; её не останавливает "страх перед чистой страницей": проза Маргариты Прошиной по своей природе близка самой природе; речь её льётся словно сама по себе, "ни о чём" и "нипочему", а главное - биеение самой жизни, где каждая минута наполнена не всегда уловимым смыслом, и с каждой минутой - всё больше хочется жить, всё больше наполняешься каким-то невидимым богатством, чувством значительности жизни. Не в этом ли высшее предназначение писателя: выразить в слове всю многообразную красоту мира, красоту человеческих отношений, которая явлена в простом, на первый взгляд незначительном, и особенно остро - при контрасте с уродливыми сторонами жизни - всяческим негативом. Прошина нашла себя в жанре рассказа, что уже - признак опытности: рассказ дисциплинирует, взывает к экономии средств, высокой концентрации мыслей и образов, композиционной цельности, взвешенности. Однако вместе с тем произведения Прошиной напоминают маленькие повести - столько в них непредсказуемых сюжетных ходов и действующих лиц.

Открываем наугад книгу.

"Зою разбудили крики петухов. Она открыла глаза и не поняла, где находится. Её еще полусонный взгляд скользнул по тускло белеющей печи и остановился на слабо горевшей лампадке в углу под иконой Спасителя в большом серебристом окладе. Из тесаных бревенчатых стен кое-где из пазов свисала пакля".

Так начинается рассказ "Уроки деревни". Действие развивается неторопливо. Автор бережно разворачивает повествование, задерживаясь на каждой детали; мы подробно видим и окончательно пробуждающуюся Зою, и обстановку избы, и то, что за окном: накрытую густым туманом деревню.

Этой деревне далее посвящается несколько поэтичных строк: окружена сосновым лесом, который стоит на ковре голубых мхов, и серебристо-изумрудными лугами, где золотятся купола стогов

Собственно, в этом рассказе - вся Маргарита Прошина. Вообще, читатель сразу должен настроиться на то, что не внешней занимательности нужно ожидать от книги. И в "Уроках деревни" - вроде бы никаких особенных событий и не происходит: девушка приехала в деревню учительствовать, и вот она знакомится с местными жителями, с укладом жизни, вовлекается в хозяйственные заботы, проводит первые уроки... Ритм прошинской прозы словно бы в ладу с ритмом деревенской жизни: ни суеты, ни многословия, речь размеренна, рассудительна, Прошина не чуждается развёрнутых отступлений - без которых рассказу никак не обойтись, настолько они необходимы для живого портрета героини, за которой угадывается сам автор - "родом" из литературы. Некоторые фрагменты заставляют и меня вспомнить детский холодок восторга перед корешками книг в шкафу - ещё не читанных, манящих: "Всегда, с детства, Зою интересовали книги. Но поскольку книг в доме было много, к книгам относились безалаберно, раздавали читать направо и налево, и многие книги зачитывались навсегда. А Зоя, еще учась в начальной школе, пыталась их как-то систематизировать. У Зои было два варианта систематизации. Допустим, расположить книги по алфавиту стран, как сначала она думала. И когда стала смотреть предисловия, послесловия, где содержались сведения об авторах, решила, что интереснее будет хронологическая систематизация, когда будет видно, как развивалась литература, а уж потом расположить по странам".

Но вот место в рассказе - для меня едва ли не самое в нём трогательное, - но чем оно столь трогает меня? - своей абсолютной непридуманностью, искренностью, душевной чистотой. Такой прозе веришь непрекословно:

"У Зои была страсть к учительству. Каждая кукла имела у неё своё имя: Наташа, Нелли, Инна, Татьяна и Геночка. Ната-

ша была самая крупная целлулоидная с большими синими глазами, в бордовом, строгом платье в складку. Она была отличницей и старостой класса. Нелли - очень кокетливая, немецкая, из папье-маше, с белыми кудрявыми волосами, и платье у неё было легкомысленное - белое, в оборочках с синими цветочками. Училась она на тройки. Инна была со стрижкой мальчика. Она была дисциплинированная и хорошистка. Татьяна - самая красивая ученица в классе, немецкая кукла с закрывающимися голубыми глазами и прекрасными белыми локонами. У неё было самое красивое гипюровое платье и белые туфельки с белыми носочками. Только Танечка ходила в школу с красной сумочкой, которую Зоя ей сделала. Танечка была гордостью класса. Геночка, почему-то Зоя всегда называла его ласково, был болезненным мальчиком, в синих штанишках и белой водолазке".

Чем заканчивается рассказ? Героиня впервые в жизни купается в баньке, затопленной по-чёрному - и едва не теряет сознание. На неё выливают два ведра холодной воды, укутывают в полотенце, отводят в избу. "И сутки потом Зоя пролежала больная". Дальше - действие могло бы развиваться в любом направлении; однако автора интересует лишь живой, насыщенный впечатлениями отрезок жизни, свободный её поток, - вот ещё одно доказательство писательской опытности.

Язык Прошиной далёк от книжности; она вроде бы и не заботится о литературности; художественная задача не сводится к "рассказыванию историй", что столь популярно в литературе по сей день.

Художественное Прошина находит везде, даже, например, в серой жизни обитателей фабричного барака (рассказ "Ледяйкина"): "На табурете поблескивала тарелка. Оттенки на ней от белого становились то матовыми, то лиловыми, то светло-серыми. На тарелке лежало яблоко. Один бок красный, другой - трёхцветный в рыжую с красным полосочку, а ещё одна часть яблока хвалилась своим светло-зелёным пятнышком". Кроме того, прекрасное едва ли не насильственно врывается в безрадостную обыденность: по радио в бараке

говорят о Моне, Куинджи, Мусоргском, и автор, словно бы равняясь на высокие имена, уверенно подтягивает рассказ до высокохудожественного уровня. И ещё - важное замечание: Прошина любит повседневные мелочи, у неё вкус к явлениям будничной жизни в литературе; можно сказать и так: Маргарита Прошина - певец быта, непоэтических подробностей повседневного существования; её рассказы в основном населены простыми людьми, которые озабочены домашними, производственными проблемами, устройством личной жизни. Любопытен в этом отношении "Дневник библиотечарши": в нём много места уделено рабочей текучке; однако - на примере этого рассказа особенно - хорошо видно, насколько быт преобразуется, будучи выраженным в талантливом художественном слове. И постигаются важные вещи: "Сколько времени я потеряла в молодости! Болтались с подружками, то в кино, то в компаниях. Ссорились, мирились, спорили. О чём, из-за чего? Никто уже не помнит. Где эти подружки? Разбежались. Исчезли. Я почти ничего не читала. Дома вечно какие-то домашние дела. Мама, каждый раз увидев меня с книгой, говорила: "Ты опять с книжкой? Делом займись". Конечно, чтение ведь для неё все равно что безделье".

Под впечатлением от рассказа "В зеркалах" не могу себе представить у зеркала женщину, которой бы не хотелось всегда стоять у него дольше, чем это нужно.

Через все рассказы Прошиной проходит уверенно женская тема. Поначалу это немного смущает, можно ведь расширить горизонты, но по мере погружения в художественную ткань прозы Прошиной приходит понимание, что в рамках своего творчества каждый автор сам себе и Бог, и гений. И законы в нём - свои. И правда - своя.

Рассказ "Последнее слово" заставил меня вспомнить Бердяева: "Христианство учит прежде всего беспощадному отношению к злу в себе. Но истребляя зло в себе, я должен быть снисходителен к ближнему. Максималистом я должен быть в отношении к себе, а не к другим. Ложный морализм и заключается в этом максимализме в отношении к другим людям.

Я должен прежде всего в себе и в своей жизни явить силу и красоту добра, а не осуждать других за то, что в них не явлена эта сила и красота, когда она и во мне не явлена, не принуждать их к тому, к чему я сам себя не смог принудить".

В эту книгу вошли только рассказы Прошиной, хотя у неё есть бесчисленное количество эссе. Я очень благодарен писательнице за такую запись:

"Моё знакомство с творчеством Эмиля Сокольского началось с предисловия к собранию сочинений Юрия Кувалдина в 10 томах (2006) "Запредельная проза". Текст захватил с первых же строк. Глубина проникновения в произведение, мысли, синтаксис, лексика - всё дышит свежестью, оригинальностью и доброжелательностью. Безусловно, творчество Юрия Кувалдина не укладывается ни в какие схемы, как и личность самого писателя, и Эмиль Сокольский блистательно это показывает, анализируя творчество писателя. Я питаю особую страсть к предисловиям, послесловиям, примечаниям, но ничего лучше я не встречала прежде. Предисловие очаровало меня, ввело в неисчерпаемый "второй текст", насыщенный глубинными философскими течениями, которые, как магнит, притягивают, увлекают парадоксальными открытиями и свободой. Произведения Юрия Кувалдина поражают своей раскованностью, смелостью и дерзостью, так же как и предисловие Эмиля Сокольского, которое вводит читателя в мир литературы. Ибо, сказано, Кувалдин и есть сама Литература. Он не ждет от нее материальных благ. Он сам несёт в нее деньги. "Он выпускает книги одаренных "некоммерческих" авторов и ежемесячный литературно-художественный журнал современной русской литературы "Наша улица". И, заметно никуда не спеша, успевает всё. Кто знает, сколько филологов будет кормиться на его имени, как мечтал кормиться на Достоевском Егоров?" Я воспринимаю предисловие Сокольского как самостоятельное высокохудожественное произведение".

Правда, с первого раза я не понял: это написано на самом деле обо мне? - или о Кувалдине?..

Кстати говоря, в "Новых тайнах" (вместо послесловия), помещенных в конце этой книги, Маргарита Проршина очень точно расставляет акценты в понимании художественной прозы:

"Пишу рассказ. Сомнения терзают меня. Все новые персонажи заявляют о себе, пытаюсь убедить меня в необходимости их присутствия в нём. "Вы только отвлекаете меня, перегружая текст частными подробностями. Моя героиня сама в состоянии выразить глубину своих переживаний, нескольких деталей вполне достаточно для этого", - объясняю я им. У Марка Аврелия в "Размышлениях" есть важное для писателя замечание: "Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства". Вот я и стремлюсь следовать им. Стремлюсь я к соразмерности. Слово какое хорошее - соразмерность, а как определить её в тексте? При чтении художественных текстов Платонова, Чехова, меня восхищает сочетание изображения, глубина, воздух, построение диалогов, в общем, дозировка. Например, рассказ Андрея Платонова "Глиняный дом в уездном саду": "Деревянная кузница стояла на другом конце сада. В ней работал и неотлучно жил пожилой одинокий кузнец Яков Саввич Еркин. Ему было теперь почти пятьдесят лет, он прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя. Когда-то он работал лесным сторожем и проклял лес. Уходя навсегда из казённой избышки, он обернулся к дубовой чаще и сказал ей: - Проклинаю тебя на веки веков, грудь моя забудет все твои деревья, грибы и тропинки. Голова моя не увидит тебя и во сне никогда! Он перекрестил шумящую дубраву крестом прощания и презрения и пошёл от неё в пустошь, опять неимущий и свободный". Герой рассказа "прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя". Как умело ставит Платонов слова, какой подтекст! Отношение героя к труду немилому подневольному, характеристика самого героя, его история, правила искусства познаются в процессе чтения и создания художественных произведений".

Многие женщины в рассказах Прошиной целомудренны. В наши дни понятие "целомудрие" сузилось до "половой чистоты"

ты", но значение его шире. Во-первых, это "целостность". Целостность - то, что противостоит злу, то есть - распаду, а потому вне целостности - жизнь невозможна. И второе, нераздельное от целостности - мудрость: то есть мир и гармония души, ума, сердца. Целомудрие, смиренномудрие, терпение, - это основа любви. Любовь - одновременно и двигатель нашей жизни, и цель её. Нет любви - нет жизни.

Маргарита Прошина - автор непредсказуемый; никогда не знаешь, чего ожидать от её очередного рассказа, и тем более - чем он окончится - особенно если учесть, что Прошина способна и смело выйти за границы реальности, - как, например, происходит в "Огнях Москвы":

"Ей показалось, что за ней неотрывно наблюдают испуганные глаза пассажиров из рядом едущих машин и автобусов. Впереди вдруг возникла какая-то светлая в ночи арка, или нечто похожее на выход из тоннеля.

Софья приложила еще большее усилие, придавливая стекло вниз всем корпусом. Стекло наполовину опустилось.

И в этот момент Софья ощутила прохладное прикосновение чьих-то рук к спине. Она оглянулась и увидела яркие павлиньи перья, которые стали прямо на глазах с невероятной скоростью расти прямо из лопаток, совершенно незаметно превращаясь в её руки. А сами руки растворились в этих павлиньих крыльях, которыми она продолжала опускать стекло.

Порыв ветра ворвался в комнату, разметав длинные волосы Софьи, распушив веером её немыслимые крылья, с лёгкостью подхватил её самую высокой волной, и вынес в распахнутое окно.

Софья стала невесомой, воздушной, невиданной птицей с роскошным опереньем плывущей по переливчатой глади ночного неба".

Однако что такое "выход за пределы реальности?" Что такое на самом деле реальность? Реально только то, что закреплено в слове; вся остальная так называемая "реальная жизнь" исчезает бесследно. Прошина это прекрасно понима-

ет; и не о себе ли самой она пишет в рассказе "ЕГЭ"? - "Курбская родилась в старинных книгах и до самозабвения, до перевоплощения, до исчезновения любила не просто читать их, а жить в них единственно реальной жизнью".

Художественные предпочтения Прошиной вполне определённы - она вся вышла из классики: "До чего же психика человека зависима от множества самых неожиданных моментов, происходящих внутри и вокруг него! Перемену состояния уловить, передать это преобразование художественно одной лишь фразой, но чтобы читатель увидел и уловил миг этот, чтобы сам его пережил, почувствовал, для меня - вершина, которую я стремлюсь покорить. Читая Чехова, упиваясь каждым словом, я сделала очередное для себя открытие, перечитывая его рассказ "Случай из практики". Каждое новое прочтение показывает все до этого неизвестные тайны текста, поражающие меня бездонностью. Вот герой рассказа Королёв входит в спальню больной Лизаньки: "Совсем уже взрослая, большая, хорошего роста, но некрасивая, похожая на мать, с такими же маленькими глазами и с широкой, неумеренно развитой нижней частью лица, непричесанная, укрытая до подбородка, она в первую минуту произвела на Королева впечатление существа несчастного, убогого, которое из жалости пригрели здесь и укрыли, и не верилось, что это была наследница пяти громадных корпусов". Королёв осматривает больную и вдруг: "В это время принесли в спальню лампу. Больная прищурилась на свет и вдруг охватила голову руками и зарыдала. И впечатление существа убогого и некрасивого вдруг исчезло, и Королев уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица; он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить её не лекарствами, не советом, а простым ласковым словом". Свет лампы и всё переменилось в одно мгновение. Какое полотно художественное: обстановка, портрет, настроение, чувства, размышления. Всё переменилось, когда принесли лампу! Я перечитываю снова и

снова, восхищение моё не угасает. Мне хочется впитывать каждое слово этой как бы будничной прозы".

Прошина умело использует изобразительные средства языка, в том числе сравнения. Например, в рассказе "Азбука" есть такое: "Она росла, как травинка под солнышком, и не знала отказа ни в чём", - сразу возникает образ не возделанной культурой женщины, вышедшей в жизнь прямо из природы. Тут уместны неожиданные мысли из книги Филиппа Жакоте "Пейзажи с пропавшими фигурами" (его называют одним из великих поэтов XX века):

"Сравнения всегда говорят больше, чем нужно, они оправданы лишь отчасти; их следует воспринимать как указатели на пути к цели. Эти явления, эти пейзажи не должны рядиться в чужие одежды; поэтические образы не могут подменять собою реальность, их задача - показать, каким образом эта реальность раскрывается и впускает нас в себя. Непростая задача... Сравнение способно увести прочь от истины, а прямое высказывание уничтожить её плоть, оставив лишь голую схему, скелет... И выходит, что цель поэзии заключается не столько в том, чтобы найти связь между двумя предметами и сделать так, чтобы это новое единство парило над ними, мерцая, но погрузиться вглубь одного или нескольких предметов или явлений и идти в том направлении, куда им вздумается нас повести".

Есть места в рассказах Прошиной, которые веют душевным покоем, при, в общем-то, беспокойных жизнях персонажей, дышат природой. Драматичный рассказ "Проводница" уравновешен этим изредка случающимся душевным покоем: "Синева, насыщенная, глубокая синева моря показала Ларисе настолько ослепительной, что у неё перехватило дыхание. Она замерла и судорожно сделала несколько глотков воздуха, как рыба на берегу. Влажный, прохладный воздух с ароматом утренней росы привёл её в чувство. Она зажмурилась, сладко потянулась, воскликнув: "Господи, хорошо как, спасибо!" Раскинула руки, как бы желая обнять утро, небо, аромат трав. В эту минуту ей казалось, что она может сделать невоз-

можное. Она не могла даже себе объяснить, откуда это ощущение полноты жизни? Голова закружилась от свежести летнего утра. Синева была ослепительна. Такими же синими, как море, были ставни на окнах в доме Сергея. Луч солнца отражался в них и, казалось, что это частички моря. Это она попросила свёкра, она искренне считала родителей Сергея папой и мамой, покрасить ставни в синий цвет, а дом покрасили почти в белый цвет. Добавив в него чуть-чуть краски лимонного цвета. Дом преобразился до неузнаваемости, особенно тогда, когда Лариса посадила три сорта садовых ромашек в палисаднике перед домом. Ромашки выросли и красовались на высоких сочных стеблях, которые смотрятся особенно выразительно на синем фоне. У ромашек крупных белые лепестки в два ряда плотным кольцом опоясывают золотую серединку, и стебли более устойчивые, они держат гордо свои самостоятельные головки. Ромашки помельче изящно поворачивали свои трогательные головки, неукоснительно следуя за солнцем. Самые мелкие ромашки своими ажурными лепестками напоминали искусные изделия вологодских кружевниц. Они придавали ромашковому полотну особое изящество. Ромашковое облако ранним утром искрилось на солнце капельками росы. На фоне неба - дом с палисадником как бы слегка парил над землёй. А дальше начиналось море...".

Прошина отчётливо понимает, что проза должны дышать поэзией, тёплыми красками, вызывая в душе читателя счастливый отклик доброжелательности. Мне очень близко это настроение и я за то, что нужно, чтобы пример был хорошим и чтобы в человеке, который читает то, что ты пишешь, откликлось хорошее и чтобы он смотрел в сторону хорошего.

Рассказ "Фортуэта", давший название всей книге, тронул меня мягкостью подачи трагедийной судьбы героини. Вот фрагмент счастливой жизни: "Фортуэта выжидательно вглядывается в полумрак кабинета. Но в сумраке видит только клубы дыма, который потом был связан с памятью об отце. Отец был очень постоянен в своих привычках и набивал трубку английским табаком "Вирджиния".

Пытаясь уловить реакцию отца, который сидел в кресле за письменным столом, на зелёном сукне которого поблескивал в свете бронзовой настольной лампы малахитовый письменный прибор и подставка с курительными трубками, она то-ропливо гладила котёнка.

Это было одно из самых трогательных воспоминаний Фортунэты - день, когда она вбежала к отцу с котёнком. Кабинет запомнился ей как внушительная комната с высокими окнами, тяжёлые шторы на которых редко раздвигали, поэтому там всегда был полумрак, придававший некую таинственность. Высокие книжные шкафы с резными дверцами, заполненные солидными фолиантами с позолоченным тиснением на корешках, бюро с многочисленными ящичками, отец с трубкой в руке. Стоило Фортунэте подумать об отце, как перед ней отчетливо возникала эта сцена".

Почему я привёл именно этот фрагмент? Потому что при большевизме Фортунэте пришлось хлебнуть горя, посидев в лагере для перемещённых лиц, а потом тихо заканчивать жизнь продавщицей галантерейного магазина. Формула, развёрнутая "властью народа": из князи - в грязи. Только социальное унижение Фортунэты никак не сказалось на её умной душе: она оставалась интеллигентной, предельно воспитанной женщиной. При чтении этого рассказа Прошиной невольное зазвучало в моей душе стихотворение Зинаиды Миркиной:

И есть всего одна задача -
Других, наверно, в мире нет:
Нашупать дно среди бездны плача,
В кромешной тьме увидеть свет.
И в совершенной тишине,
В неё вращая понемногу,
Почувствовать живого Бога,
Раздвинувшего сердце мне.

Читаю рассказ Прошиной "Поня" и, словно проснувшись, раздвигаю занавески - а на меня в упор смотрит утро. Поня "...вспоминала, как мамынька, Манефа Яковлевна, как бы не

касаясь пола, легко вплывала в освещенную осенним солнцем горницу, с большой русской печью, и ставила старую берестяную корзину с картошкой на гладкую лавку, отполированную за долгие годы службы многочисленным семейством. На мамыньке было домотканое расшитое синими и красными лентами платье, на ногах - войлочные белые тапочки с синенькими из таких же ленточек цветочками, на голове - вязаная в форме цилиндра шапка с вплетенными там и сям узорами из толстых пестрых ниток".

Рассказы Прошиной столь женственны, доброжелательны и пластичны, даже если в них развёртывается драматическая судьба героинь, что невольно вспоминаю Чехова (правда, зрелого, а не раннего-юмористического, и не пьесы его, которые мне кажутся фальшивыми). Оттого, что он из Таганрога, в котором я люблю гулять, Чехов воспринимается мной едва ли не как добрый сосед. И Чехов, и Прошина и я довольно спокойны по характеру, и к людям я, за редким исключением, отношусь без негодования. Так вот: фраза из "Петербургского буерака" Алексея Ремизова, которую оценил Михаил Гаспаров, - она приведена в его "Записях и выписках": "Чехов относился к России как врач, а на больного не кричат".

В замечательном рассказе "Её волшебное озеро" вызывает в памяти целый поток ассоциаций такая характеристика героини: "Лебедева старалась ни с кем не ссориться. Она избегала выяснения отношений, предпочитала сама попросить прощения, даже если была права".

Я сразу задумался о способности прощать.

Что касается меня - я людей прощаю. Из великодушия? Нет, - с таким же успехом можно было бы сказать - из равнодушия. Однако всё проще. Дело в том, что я понимаю: человек существо непростое, неоднозначное, часто - не очень счастливое, иногда плохо понимающее, что делает и что говорит; он попросту бывает заложником своего скверного характера (или плохого настроения), о сказанном-содеянном может впоследствии жалеть, удивляясь себе самому... Или не жалеть, - но тогда уж если человек держит зло - значит, ему ху-

же приходится, чем мне, который зла не держит, и его можно пожалеть. Есть, правда, люди, которые получают адское наслаждение оттого, что причиняют зло, - но это уже клиника: тем более - почему бы не простить? В общем, вовсе не обязательно продолжать общение, но не прощать - бессмысленно и даже вредно, ибо непощение - будет жить во мне, а зачем оно мне нужно? Хорошая проза призывает к размышлениям, и произведения Прошиной всю свою художественную ткань направлены на это.

Я объёмнее, яснее представил Маргариту Прошину, посмотрев телефильм "Задумчивая грусть" (такое же общее название носят циклы её эссе), особенно меня тронул финал фильма, где она уходит, покачивая плечиками, в даль переулка под чудесную песню в исполнении Изабеллы Юрьевой "Бирюзовые колечки". Сама Прошина вот что пишет о певице:

"Голос, интонация, проникновение в текст и подача его - всё меня в ней завораживает. Изабелла Юрьева прожила почти целый век. Но, кажется, что она моя современница. Она пережила взлёт, успех, забвение, возвращение из небытия на сцену. При этом сохранила уникальное мастерство подачи романсов, за что в период необычайной популярности получила прозвище "белая цыганка". Как она бережно относится к каждому слову. В каждом исполнении песни чувствуется филигранная работа над интонацией, музыкальной фразой, дикцией. Да, это культура минувшего века. Она ушла "в невозвратную даль", но записи её концертов сохраняют для нас её песни. Изабелла Юрьева с первых звуков своего чарующего голоса берёт слушателя в плен. Когда я слышу "Бирюзовые, златы колечки..." в её исполнении, то невольно улыбаюсь, передёргиваю плечами, и мысленно переносусь на яркий праздник начала предыдущего века. Вижу удалую тройку, румяных гимназисток, бравых военных, дам и кавалеров, которые кружатся в зале под захватывающие дух песни незабвенной Изабеллы Юрьевой".

Я поймал себя на мысли родственности наших душ, потому что сам обожаю творчество Изабеллы Юрьевой. У Изабеллы

Юрьевой была прекрасная память. Обычно, когда я звонил ей спустя месяц после нашего последней беседы, она как ни в чем не бывало напоминала: "Помнишь, на чем мы остановились? Так вот..." - и продолжала тему. Говорить любила долго... Однажды память Юрьеву, вроде, подвела. Когда я с радостью поделился впечатлением от ее исполнения песни Дунаевского "Вечер вальса" (непривычный для "белой цыганки" репертуар! - до того мне попадались только "романсовые" пластинки певицы), она пренебрежительно бросила: "Не пела я такого! Не помню!" Об одной песне, за давностью лет, забыть можно... Однако спустя время в мои руки попали другие диски Юрьевой с подобным репертуаром, и уж тогда на сообщение о моих находках она пробурчала: "Ну, спела две-три песни, потому, что заставляли петь советский репертуар. Не хочу вспоминать, и ты не вспоминай. Слушай лучше романсы!" А после того, как я прислал Изабелле Даниловне запись передачи о ней, в которую включил песню "Возле города Тамбова", она месяца три со мной не разговаривала...

У прозы Маргариты Прошиной свой звук. Её манера письма порой может показаться несколько жёсткой, но в рассказах, из которых состоит эта книга, столько любви к жизни, столько внимания и тепла, что нельзя не почувствовать, что каждая страница наполняет нас внутренним богатством, расширяет и обостряет наше зрение.

УРОКИ ДЕРЕВНИ

Зою разбудили крики петухов. Она открыла глаза и не поняла, где находится. Её еще полусонный взгляд скользнул по тускло белеющей печи и остановился на слабо горевшей лампадке в углу под иконой Спасителя в большом серебристом окладе.

Из тесаных бревенчатых стен кое-где из пазов свисала пакля.

Зоя зевнула с томительной мукой, затихая, изгибаясь и вытягиваясь, как струна, едва не до судорог, одеяло сползло с её груди, отчетливо видной под тонкой ночной рубашкой, с розовыми набухшими сосками.

Голова опять на минутку упала на подушку, после чего Зоя окончательно проснулась и встала.

В проеме между окнами висело большое позеленевшее зеркало в почерневшей широкой резной раме. Зоя увидела себя, раскинула руки в стороны, улыбнулась и мелко мелко задрожала.

Сладко.

Босыми ногами ступая по доскам пола, Зоя вышла на крыльцо. Деревня, словно огромным ватным одеялом, была накрыта туманом.

Рядом стоящие избы были еще видны, а через пару домов едва проклевывались мутными пятнами, а уж дальше, и говорить нечего, совсем ничего нельзя было разглядеть, и казалось, никогда не было ни леса, ни колхозного скотного двора, ни клуба с высокой крышей... Всё исчезло на горизонте, и главным местом этого импрессионистического мира оказалась изба, в которой остановилась Зоя.

Она была черноволоса и кареглаза, как казачка. Родители её были с Дона.

Встряхнув головой, Зоя вспомнила, что она приехала работать в деревню. И ей стало немножко боязно, но и радостно одновременно.

Деревня была большая, и в ней, как и всюду в деревнях, преобладали старухи.

У каждой завалинки по старухе. Сидят, лужгают семечки, и с умным видом озирают каждого встречного-поперечного.

Деревня со всех сторон была окружена еловым лесом, который стоял на ковре голубого мха. Когда присматриваешься, привыкаешь к этому голубому цвету, то понимаешь, что если мох чуть-чуть приподнять, то под ним - море грибов. Только успевай нагибаться. И не за какими-нибудь сыроежками и опятами, а за звенящими упругими белыми, подосиновиками и подберезовиками. А уж о маслятах и разговора нет. Тут их было такое количество, как на стадионе болельщиков во время центрального футбольного матча тура.

Там всё полно грибами.

А в оврагах всё усеяно черникой и брусникой.

Луга на взгорках были серебристо-изумрудны, и издали казалось, что они присыпаны пудрой, купола стогов золотились, лес выказывал всю свою непревзойденную осеннюю палитру красок, нежно чертили вертикали стволы берез, но осины еще были зелены, как летом, и по опушкам цвел еще неугомонный высокий иван-чай.

Грибами и ягодами и живут старухи, по сути, помимо своего огорода, который многие из них с трудом едва поддерживают. Не влюбиться в этих старух невозможно. Они на редкость для нашего времени доброжелательны. На любую радость, беду, событие - у них одно: «Господи, благодать!»

Они не знали никаких лекарств, никогда не видели врачей в своей жизни. И выживают как одна семья, заботясь друг о друге.

Каждое утро у них начинается веселой переключкой, если так можно сказать. Направо и налево посылают приветы. Подойдут к окошку, постучат, спросят: «Ты видела Дарью?» - «Да, видела».

В эту местность Зоя попала по распределению после пединститута. Она сама пожелала туда распределиться, поскольку у неё была навязчивая идея пожить в глухой деревне в избе, потому что Зоя до этого никогда не была в деревне. Еще ей хотелось узнать, как готовят еду в русской печке. И, конечно, хотелось помыться в деревенской баньке.

Она поехала туда в июле. И увидела такое место, глуше которого не бывает. Сначала ехала на электричке с Казанского вокзала до Шатуры, а потом час с лишним автобус вез её, тряся по колдобинам, до этой глухомани.

С собой у Зои были книги. Она решила взять с собой книги, на которых вырос Александр Сергеевич Пушкин. Книг было много, нести было тяжело. Две тяжеленные сумки. Ну, еще, в другой сумке, тушенка, чай, кофе, и шоколадные конфеты – «Красная шапочка», «Каракум», «Мишка», то есть то, что в то время считалось дефицитом.

И первые уроки она все время говорила ученикам о Пушкине. В классе было всего семь человек, но она выступала как перед огромной аудиторией, читая наизусть:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:

Мой друг, мой нежный друг... люблю...
твоя... твоя!..

Это была осень.

Такая красота!

А сначала, когда она только показалась в деревне, старухи, узнав, что Зоя хочет снять жилье, просто изумились, потому что никогда такого не видывали, потому что отродясь у них никто никогда жилья не снимал, не жил.

Старухи растерялись, и первые три из них сказали совершенно категорически, что постороннюю в свой дом не пустят.

Когда Зоя, расстроенная, стала им объяснять, что приехала сюда работать учительницей, и что мечтала всю жизнь пожить в деревенской избе, что она книжки только будет читать, что ничего плохого делать не будет, и даже не на заготовки грибов и ягод приехала, и что она никогда и ни при каких условиях их заповедные места не выдаст, тогда старухи смилостивились.

Они посоветовались, и послали Зою к Катерине, потому что у нее была самая большая изба.

Всегда, с детства, Зою интересовали книги. Но поскольку книг в доме было много, к книгам относились безалаберно, раздавали читать направо и налево, и многие книги «зачитывались» навсегда.

А Зоя, еще учась в начальной школе, пыталась их как-то систематизировать.

У Зои было два варианта систематизации. Допустим, расположить книги по алфавиту стран, как сначала она думала. И когда стала смотреть предисловия, послесловия, где содержались сведения об авторах, решила, что интереснее будет хронологическая систематизация, когда будет видно, как развивалась литература, а уж потом расположить по странам.

Она еще в детстве любила рассаживать кукол, как учеников в классе, и читала им книги. Сама Зоя научилась читать в четыре года.

У Зои была страсть к учительству. Каждая кукла имела у неё своё имя: Наташа, Нелли, Инна, Татьяна и Геночка. Наташа была самая крупная целлулоидная с большими синими глазами, в бордовом, строгом платье в складку. Она была отличницей и старостой класса. Нелли - очень кокетливая, немецкая, из папье-маше, с белыми кудрявыми волосами, и платье у неё было легкомысленное - белое, в оборочках с синими цветочками. Училась она на тройки. Инна была со стрижкой мальчишка. Она была дисциплинированная и хорошистка. Татьяна - самая красивая ученица в классе, немецкая кукла с закрывающимися голубыми глазами и прекрасными белыми локонами. У неё было самое красивое гипюровое платье и белые туфельки с белыми носочками. Только Танечка ходила в школу с красной сумочкой, которую Зоя ей сделала. Танечка была гордостью класса. Геночка, почему-то Зоя всегда называла его ласково, был болезненным мальчиком, в синих штанишках и белой водолазке.

Маленькие тетрадки и книжки Зоя шила для них сама.

Каждая куколка сидела за отдельной партой со своими малюсенькими тетрадками и книжками.

А Зоя на маленькой доске писала им буквы: «А», «Б», «В»...

Потом вызывала кукол к доске. Брала куколку из-за парты и ставила у доски, и говорила:

- Нелли, почему ты не выучила букву «А»?

И сама же за Нелли отвечала:

- Я позабыла сделать уроки. Я в песочнице куличики формочками делала.

- Нехорошо, Нелли, делать куличики, когда букву «А» не выучила...

И о Зое дома в шутку говорили, ну, ты учительница. Когда особых профессиональных пристрастий у Зои не было, она стала думать о том, чего она не хочет. Отсекала всё лишнее. Техника ей была не интересна. Скучно. Медицина была для неё страшна, вдруг да Зоя кого-нибудь не спасет, и из-за нее кто-нибудь умрет.

Ей очень хотелось быть учительницей, потому что со школой у Зои были очень хорошие отношения. Зоя завидовала учителям. Они для нее были как артисты в театре. И она хотела стать такой же.

Учителя требовали делать всё так, как делали все, и Зоя с удовольствием так делала. Но в то же время хотела быть оригинальной, единственной. И тогда Зоя решила поступать на факультет русского языка и литературы областного педвуза.

Поэтому в эту деревню Зоя и ехала с охапкой книг.

Итак, Зою отправили к Катерине.

Её изба находилась в самом центре деревни напротив колодца-журавля, где питьевую воду брали. Этот колодец был со старым, обросшим зеленью срубом. Были и другие колодцы в деревне, но не для питья, а для полива огородов, поэтому чистую воду брали только против избы Катерины.

Все дома в деревне были в три окна, а изба Катерины насчитывала семь окон. Как бы одни сени, налево вход в старый дом, а направо - в новый дом.

В старом доме была русская печка, а в новом печка-голландка. Новый дом предназначался для сына, полагая, что он женится и будет жить в деревне, но он взял и уехал в город.

Катя считалась в деревне самой уважаемой, почитали её за мудрость, и к её советам прислушивались. Она умела гадать на картах, и к ней часто приходили, чтобы узнать свою судьбу. Катерина была сухонькой старушкой, с седыми волосами, стянутыми в узелочек на затылке, глаза были такие

озорные, что видно было, что в молодости она была кокетливой и задиристой, роста чуть выше среднего, но уже согнулась. Очень худая. Руки в жилах, руки труженицы. Как сама любила говорить, что всю силу матушке-земле отдала. Женщина, которая всю жизнь тяжело работала. Её муж в японскую войну был ранен в Порт-Артуре. И вот когда она об этом узнала, то отправилась за мужем в совершенно неведомое место через всю страну. Неграмотная. И что самое удивительное, нашла его, и привезла домой. Как сама она говорила - привезла своё счастье. Они прожили долго и счастливо около тридцати лет. Нажили троих детей, которые уехали в Москву. Потом муж умер. Она осталась одна.

Катерина говорила так:

- Я встаю с рассветом, а ложусь с закатом. И целый день я в огороде с весны до осени.

Ну а зимой они позволяли себе скотинке кинуть немного еды, а вечерами вышивали, перешивали одежду, латали. И собирались в выходные и праздники у кого-то, кто чего принесет, кто хлебушка, кто прянички, кто драчёны и шанечки. И играли в подкидного дурачка, и пели песни. Перемывали свою жизнь по многу раз.

Катерина поставила на стол бутылку самогона, и когда Зоя чуть-чуть выпила, то запела, а старухи открыли рты от её изумительного пения:

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

Ни пути, ни следа по равнинам,
По сугробам безбрежных снегов.
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов.

Замела, замела, схоронила
Всё святое, родное пурга.
Ты, - слепая жестокая сила,
Вы, - как смерть, неживые снега.

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой
И холодныя ветры степныя
Панихиды поют над тобой.

Учась в институте, Зоя раскопала архивные материалы об этом романсе. Она сначала думала, что это стихи Сергея Есенина. Но оказалось, что романс написан Филаретом Черновым в 1918 году в России и впервые опубликован в том же году в московской газете "Свобода". Популярность романс приобрел у русской эмиграции первой волны, став ее неофициальным гимном. Его исполняли Надежда Плевицкая, Иза Кремер, Стефан Данилевский, Николай Гедда. По этой причине Чернов, который остался в России, предпочитал особо не афишировать свое авторство.

Когда Зоя просилась на постой к тете Кате, то та сказала, что изба-то парадная, что Зоя там делать будет - не известно, испачкает, испортит.

Катерина очень боялась за состояние своей парадной избы. А Зоя сказала, что только готовиться к урокам будет, читать и писать конспекты занятий, что она очень аккуратная, и что всё мыть и чистить будет.

Когда Зоя сказала, что будет только читать и писать, Катерина испугалась. Свет-то дорог, а денег у Катерины, практически нет.

И Зоя договорилась, что будет регулярно снимать показания счетчика, и в последний день месяца будет оплачивать весь расход электроэнергии. И что Зоя будет ей платить по рублю в месяц. Катерина ойкнула, куда ж столько-то. И 50 копеек хватит.

- Картошку прикапывай сколько надо. Огурцов полно.

Засыпала Зоя на высокой кровати так быстро, как никогда не бывало в Москве.

Её обласкивала молчаливая спящая деревня. Хотя во сне она слышала какие-то неясные звуки, вроде как дыхание леса, или слабого стеснительного собачьего лая, или тревожного, но тихого. какого-то картавого ночного вскрика петуха. За околицей, в темноте полей тарахтел, но негромко, колхозный трактор, и трудно было понять, пахал ли то передовик производства или заново вспахивал пашню тракторист-неумеха, из молодых.

Напротив избы Катерины жила Прасковья. Она одна на всю деревню держала корову. И тетя Катя ежедневно брала у нее литр молока. Вот этот литр она уступила Зое, чтобы поправлялась. У самой Катерины была коза Катька. Вот сама Катерина и пила козье молоко. А Зоя его как-то испугались, не пробовала. У козы был козленок Борька, черный, и козочка Нелька, серенькая с белым. И еще у Катерины был баран Ленька и две овцы. Она их звала:

- Кати-кати-кати.

Они дружно подбегали. И Катерина давала им хлеб.

Зоя любила собирать полевые цветы. Особенно колокольчики. Она постоянно обновляла букет в своей комнате. Поле простиралось вдоль леса до речки. Зоя набирала колокольчики, напевая песню:

За дальнею околицей, за молодыми вязами
Мы с милым, расставаяся, клялись в любви своей.
И были три свидетеля: река голубоглазая,
Березонька пушистая да звонкий соловей...

И тут вдруг раздался какой-то треск из лесной чащи, и оттуда выскочило в разные стороны несколько коров, среди которых была одна очень здоровая и с необычным

большим выменем. Глаза у этой коровы были огромные и налитые кровью. Когда эта корова повернулась боком и привстала на дыбы, Зоя со страхом разглядела, что это не вымя, а нечто двояко огромное.

Бык!

Зоя в страхе рухнула на землю, и перестала дышать. Сердце её так стучало, что казалось, это стучит сама земля своим огромным сердцем. Тут послышался пьяный хриплый голос пастуха:

- А-ну!

И свист, и хлопок кнута.

Пастух, видимо, заметил Зою, и поворотил стадо в другую сторону, к оврагу, где протекала тощая речушка. Зоя бездыханно лежала ещё несколько минут от этого ужасного видения. Когда стадо удалилось, Зоя встала, и сначала быстрым шагом, а потом бегом помчалась в деревню.

Магазина не было в деревне. За хлебом нужно было идти на центральную усадьбу, где и школа располагалась, лесочком, с километр.

А самогон был у всех.

На уроке русского языка Зоя сегодня объясняла правописание безударных гласных:

- Общее правило здесь таково. Написание букв на месте безударных гласных устанавливается путем проверки другими словами и формами, где в той же значимой части слова (в том же корне, в той же приставке, суффиксе, окончании) проверяемый гласный находится под ударением, напр.: горА (ср. гОры, гОрный), набрАть (нАбранный), землянОй (овсянОй), в дОме (в столЕ).

Зоя ходила, сжимая указку, по ряду от доски к концу класса, и продолжала вести урок:

- При проверке следует учитывать регулярные соотношения буквенных пар а - я, у - ю, о - ё (о - е, ё - е), и - ы, члены которых способны заменять друг друга. Сравните,

например: олЕня - кабанА, дОсиня - докраснА, рАнние - золотЫе, дОмом - кораблём, стОрожем - ножОм, неуклЮже - свежО, гОрцев - отцОв, отраслевОй - рублёвый, вынесет - несёт - нёс, ключевОй - парчОвый...

Только одна из старух - Анна - жила с дочерью, которой было уже около 50 лет. Звали её Нинка. Она работала санитаркой в сумасшедшем доме в нескольких километрах от деревни. Она работала сутки через трое. Как-то добиралась туда, пешком, на перекладных, на тракторе, на автобусе. Очень держалась за эту работу, потому что это были деньги. Нинка считалась богатой.

Нинка никогда не была замужем, по рассказам тети Кати, но всю жизнь томилась и мечтала о своем мужике.

И вот она среди этих больных в сумасшедшем доме выбрала себе мужика. 35 лет огромного амбала, плечистого. Такой фактурный человек со взглядом мятежным победителя. Звали его Коля Масленников. Взяла его Нинка под расписку к себе в деревню. На усладу.

Он был мужик безобидный, но временами находила на него какая-то дурь, как говорили старухи. Он начал гонять Нинку по деревне в любое время года, раздевая. Та орала благим матом. Старухи запирались все в своих избах.

Сидели мышами.

Потом всё стихало.

Наступало любовное примирение.

У Коли было одно навязчивое видение. Он показывал на восток и орал:

- Вот придет тьма китайцев, и земля вся запопыхает пожаром! А мы исчезнем.

Это пугало старух, они крестились, и причитали: «Спаси и сохрани Христа ради!».

- Зойка, а что у вас в Москве слышно? Правда, что ли, китайцы придут?

- Нет-нет, - говорила Зоя. - Пока всё тихо. Живите, не волнуйтесь.

Почему Зойку тетя Катя полюбила? В первый же день Зоя у нее в кухоньке, такая пристройка была во дворе к дому, вымыла стены, и оказалось, что они покрашены голубой краской. Они все были в жире, сале, грязи. Зоя вымыла стены стиральным порошком.

Потом Зоя увидела совершенно немыслимо грязную керосинку. Она была тоже, как стены, вся в жире, скользкая какая-то. Зоя очистила её стиральным порошком, и керосинка засияла. И вот, когда тетя Катя с огорода зашла, она не узнала ни керосинку, ни кухню. Просто обомлела. И, всплеснув руками, воскликнула:

- Зойка, какая ж ты девка справная, аккуратная, хозяйственная. Вот мужики ходют и не знают, какая девка-то пропадает. Уж больно справная. Вот мне такую бы сноху.

Помимо любви к школе, к книгам, Зоя была рукодельницей. И вышивать, и вязать очень любила. И в свободное время она с увлечением вязала крючком салфетки. Всевозможные – и круглые, и квадратные, и лепестками... Ни одна салфетка не повторялась.

Катерина охала и приплясывала от вида на разных этажерках и полках эти салфеточки.

Зоя и готовила, и книги читала. И мыла и убирала, и пропалывала грядки в огороде, по забору которого буйно росла выше человеческого роста крапива, о которую Зоя раз так ужалилась, что тело пошло волдырями.

На уроках литературы она впадала в какой-то пушкинский транс, и с полузакрытыми глазами читала школьникам, почти неслышно, шепотом, и всё вокруг так затихало, как будто в класс залетал ангел:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Зоя напевала этот до боли знакомый романс уже несколько дней, как заведённая, и мысль о «чУдном» мгновении, которое случается в течение жизни не раз и не два её не покидало. Некоторые индивиды, первый раз открывшие книгу, могут прочитать и как «чуднОм». В юности Зоя воспринимала это произведение как единое целое в гармонии текста и музыки.

С годами учебы вдруг как-то давно знакомые строки показались ей такими простыми, такими обыденными, даже банальными.

В чём тут дело? Зоя стала пристальнее вглядываться в слова. Какие-то стёртые, невыразительные. Ну, что это за рифма: «мгновенье» - «виденье»?! И вот тут, Зое как бы открылся секрет художественного произведения.

Она вспомнила Антона Чехова, который всем и всюду повторял: пишите простыми, понятными словами, вычёркивайте определения глаголов и существительных, избегайте многословия, длинный абзац постарайтесь выразить одной фразой, потому что всё остальное уйдёт в подтекст. И Зоя поняла, что это стихотворение Александра Сергеевича Пушкина подобно айсбергу.

Во дворе за огородом, на задах, была банька, в низинке. Баня топилась по-черному. Бревенчатая банька, бревна поседели. Не было там никакого света. Вечером зажигалась керосиновая лампа. В предбаннике лавка, всегда ведро с холодной водой, и в стене гвозди для одежды. Вход в саму баню был очень низким. Дверь маленькая. Входя, приходилось сильно нагибаться. Наверное, для того, чтобы тепло не выходило. Маленькое окошечко под потолком. Напротив двери - полати. Камень. Большой бак на двадцать ведер. Ковш.

Первый раз в баньке для Зои был таким. Она только успела намылиться, как почувствовала, что сомлела, умирает. Тесное помещение заволокло от пола до потолка густым, едким дымом. Нельзя было ничего разглядеть. Воздуха не хватало. Пошатываясь, держась за стены, вышла намыленная, голая, села на какой-то булыжник около баньки. У Зои всё поплыло - земля, небо.

Потом смотрит - какая-то маленькая фигурка вдали. Оказалось это тетя Катя идет. Она Зою увидела и сказала:

- Девка-то у меня отходит, угорела.

И стала обливать Зою холодной водой. Два ведра вылила, и увела Зою в полотенце в избу.

И сутки потом Зоя пролежала больная.

ЕЁ ВОЛШЕБНОЕ ОЗЕРО

Рад милой барышне служить.
Нельзя ли мне вас проводить?

Гёте «Фауст»

Сколько помнила себя Лебедева, всё самое романтическое, загадочное, пленительное в её жизни приключалось как-то само собой.

Ей свойственно было, не задумываясь, импульсивно совершать поступки.

К ним в НИИ часто приезжали специалисты на консультации. На днях она шла по коридору на своих высоченных каблуках, отчего ноги её могли соперничать с красотой манекенщиц, и встретила незнакомого молодого человека, брюнета с тонкими усиками, в джинсах, их взгляды встретились, оба вздрогнули, почувствовав любовный, словно электрический, разряд, и в томительном молчании медленно, оглядываясь, разошлись в разные стороны.

В конце рабочего дня этот молодой человек ждал её в вестибюле у выхода. Лебедева нисколько не удивилась. Оказалось, что тот приехал на три дня из Петрозаводска в командировку.

Они пошли рядом, не разговаривая, но так быстро и уверенно, как будто боялись опоздать, и через какое-то время оказались в метро, а затем в запущенном парке, больше похожем на лес.

Они увидели лошадь шоколадного цвета, с тонкими щиколотками, в белых носочках, с густой чёрной гривой. Мягкими губами лошадка, старательно выбирая, щипала траву.

Не сразу оба разглядели, что лошадка пасётся за ажурной изгородью.

- Какая маленькая лошадь! - воскликнул Лебедева. - Это, наверно, новую породу вывели.

Через несколько минут показалась ещё одна маленькая лошадь, немного светлее первой, но тоже в белых носочках. Вдруг лошадки одновременно оглянулись, вытянули головы, и показалась настоящая солидная крупная лошадь. Её окрас был цвета горького тёмного шоколада. Маленькие лошади резво подбежали к ней, подняли головы и прикоснулись своими губами к её губам.

- Это - жеребята! - догадалась Лебедева.

Два жеребёнка нежно тёрлись о бока своей мамы и ласкали друг друга. Солнечный день, пьянящий лесной воздух, грациозная любящая семья - всё это создавало ощущение провинциальной гармонии.

Но это была Москва, хотя и лесная. В тишине, под пение птиц, он обнял Лебедеву.

Его прохладная ладонь прикоснулась к её животу и медленно, очень медленно, в тот момент, когда их жаркие губы соприкоснулись в жадном поцелуе, соскользнула к её волшебному озеру.

Они испытали настолько сильную и всепоглощающую страсть, что не понимали где они, кто они и что с ними происходит.

Очнувшись от сладкого наваждения, Лебедева поспешно привела себя в порядок, и довольно прохладно сказала:

- Я одна пойду...

И быстро исчезла за кустами.

Молодой человек в недоумении пожал плечами, но всё же вдогонку крикнул:

- Может быть, проводить мне тебя?!

Из глубины леса каким-то эхом донеслось:

- Ни-ког-да-а-а-а!..

«Колесо любви», - подумала с таинственной улыбкой Лебедева, спускаясь на эскалаторе, поглядывая под ноги, как бы тонкие каблук не попали в щели ступенек.

Лебедева ходит на высоких шпильках круглый год. Предпочитает модную и надежную итальянскую обувь. До конца спуска осталось несколько метров, и она побежала, но вдруг нога подвернулась, раздался треск: отлетел каблук! Лебедева замерла на секунду, на ходу подняла его, и со смехом пошла по платформе, переваливаясь с боку на бок, как хромая.

Раньше, в мыслях о новых мужчинах Лебедева задеивала комок в горле, грудную клетку, расстояние между лопатками - там у неё болело. Еще при мыслях о новеньких у неё болели зубы. Сейчас зубы не болят. Сейчас она задеивает живот. Там у неё такой сладкий зуд, что даже переходит в колени и пальцы. Пальцы от этого ледяные. Лебедева везде думает о том, как ей хочется этого нового: «Хочу тебя, новенький!» Лебедева смотрит в пол все время, когда едет в метро, но если во время этих своих мыслей о мужчинах она поднимает глаза, то даже старики-пенсионеры напротив неё закашливаются и краснеют.

На другой день она говорит Скороходовой:

- Ты представляешь, вчера в метро у меня отлетел каблук!

- А я знаю, - спокойно сказала Скороходова. - Тебя видели там с женщиной, и как вы разошлись, и как потом у тебя сломался каблук.

У Лебедевой непроизвольно раскрылся рот.

Наступило молчание.

Лебедева догадалась, что за ней следят.

- Что у тебя за характер, понимаешь?! Ты с таким характером никогда не выйдешь замуж, а тебе уже давно пора, - поджимая губы, сказала Скороходова.

Она была с гладко зачёсанными на прямой рядок волосами, стянутыми в тугий узел на затылке, жёлтым лицом и тонкими, бледными губами.

- А чего это тебя беспокоит? – приходя в себя, спросила Лебедева, играя изумрудными глазами, из которых рассыпались искры любви, внутренне смеясь над провинциальным говором Скороходовой, но замечаний при этом, как воспитанная москвичка, родившаяся на Петровке, не делала.

- Потому что, знаешь, в твоём возрасте все женщины... порядочные женщины, - подчеркнула Скороходова, сжимая свои и без того тонкие и синие губы, - уже вышли замуж и родили детей. А ты чего меняешь мужиков?! Разве после этого кто на тебе женится? Одна в старости останешься. стакан воды некому будет поднести.

- А ты-то что беспокоишься?! Тебе-то чего переживать?! У тебя ведь есть муж, есть и сын, есть и отдельная квартира. Всё есть, о чём мечтают такие, как ты, - со скрытой иронией произнесла Лебедева. - Я-то тебе чем мешаю?! У меня нет ни мужа, ни детей, ни квартиры. И я, представь себе, счастлива! Я никому не завидую, довольна жизнью своей. У меня всё в порядке!

Скороходова чуть не подавилась в затаённом кашле, на мгновение порозовела, согнулась, провела костлявой рукой по пояснице, выпрямилась, и лицо её опять стало жёлтым...

Лебедева жила с матерью в небольшой квартирке в Тёплом Стане. Эту квартирку мать получила от завода, проработав 43 года технологом в сборочном цеху. Она была седовласа и проворна, всё время бегала по магазинам, сравнивая цены, где бы что купить подешевле.

Окруженная материнской заботой, Лебедева жила беззаботно. Мать всё время привозила с садового участка цветы. Она поставила в высокую вазу астры. И для Лебедевой наступила любимая осень. Лебедевой нравился запах

осени, паутина, переливающаяся на солнце. Осенние краски передают самые разные цвета и оттенки настроения, окрашивая мир вокруг. Её цветы - астры и хризантемы - связаны с воспоминаниями о детстве, которое она проводила за городом. Каждое утро, просыпаясь в дачном домике, Лебедева смотрела на астры, и они представлялись ей звёздами на небе с разноцветными мирами. В домике пахло пирогами и вареньем...

Что особенно радовало Лебедеву, так это то, что мать никогда в жизни не заводила с ней разговора о замужестве.

- Живи, дочка, как знаешь, как тебе самой нравится, - ласково говорила она. - От мужиков ничего кроме слёз не получишь. Никаких радостей.

На застекленной книжной полке над письменным столом в комнате Лебедевой стояли книги Аганбегяна, Вайнштейна, Эйдельмана... На ночь Лебедева читала книгу Фидлера «Информационное обеспечение анализа себестоимости продукции».

Скороходова двадцать лет назад стала кандидатом экономических наук. Пыталась пойти на докторскую, но силёнок оказалось маловато. А тут ещё пару лет назад Лебедева защитилась. В этом Скороходова почувствовала для себя опасность. Как бы Лебедева не заняла её место.

Лебедева же с легкостью защитила свою кандидатскую по теме "Оценка трудозатрат и оплата труда", где дала детальную характеристику объемам, структуре товарооборота предприятий тяжелой промышленности. Ну, и так далее...

В жаркий летний день после работы Лебедева решила одну остановку пройти пешком. Вагоны так были переполнены спрессованными потными телами, что она вышла на «Коньково» и пошла к своему Тёплому стану.

Улица выглядела умытой, вся в чистых каплях грибного дождика. Листва на деревьях была какая-то новенькая,

как будто только что распустилась, и поблескивала лаком. Вдруг Лебедеву догнала своими фонтанирующими струями поливальная машина, после дождя зачем-то поливавшая асфальт. Лебедева с восторженным испугом, как школьница, подставила руки прохладным струям, отливающим всеми цветами радуги. Потом Лебедева купила себе мороженое, и стала беззаботно, как та же школьница, надкусывать белый холодный купол вместе с краешком вафельного стаканчика, отчего зубы едва заметно, но очень приятно заняли.

Сзади ей окликнул вкрадчивый мужской голос:

- Вы любите мороженое?

Лебедева оглянулась.

Бородатый мужчина в очках, в белом пиджаке и с шелковым синим шарфиком на шее, своими такими же синими, как шарфик, глазами заглянул ей прямо в глаза и, она была уверена, прямо в душу - и при этом без сколько-нибудь заметного стеснения. Лебедева перестала есть мороженое и застыла. Она стояла перед ним без движения, как фонарный столб. Стоит, стоит, а он только шевельнул уголками рта, и сунул руки в карманы.

- Пойдем?! - сказал после паузы он.

Без промедления Лебедева промолвила:

- Пойдём...

И опустила мороженое в ближайшую урну. Лебедевой нравится почти мазохистская покорность своим чувствам.

А в это время Скороходова стояла у кассы в своём Бескудниково, и требовала три копейки, которые ей кассирша недодала.

Очередь возмущённо шипела.

Кассирше хотелось послать её простыми понятными словами куда подальше, но сдерживалась, говоря: «Пересчитайте лучше!» Скороходова против воли принялась

пересчитывать сдачу, и обнаружила, что кассирша была права, но сразу сдаваться не захотела.

- А почему вы, понимАшь, мне грубите?..

На другой день Скороходова стала рассказывать Лебедевой об этом случае, на что Лебедева с некоторой приглушенной язвительностью ответила фразой самой же Скороходовой:

- А я знаю это. Тебя видели у кассы в магазине.

Скороходова позеленела на некоторое время, пока опять не стала желтой.

Если случались необходимые для НИИ командировки, то посылали частенько Лебедеву.

Она любила ездить.

Непреодолимое беспокойство, волнение, смешанное с ужасом, страх опоздать - всё это захватило Лебедеву одновременно, и она смешалась с толпой на перроне и, не соображая, понеслась вправо. Её били по ногам сумками, толкали, наступали на ноги. Внезапно чувство протеста Лебедеву остановило. Она стала соображать, что времени более чем достаточно.

Поезд отправляется с третьей платформы, и нужно спуститься в туннель.

Вот Лебедева уже на месте.

Ждёт поезда.

Каждый раз вид огнедышащего, шипящего, свистящего чудовища пугает её. Заходит в вагон, находит своё купе, и занимает место, верхнюю полку. Последние минуты перед отправкой поезда.

Безотчётное волнение.

Лебедеву никто не провожает. Она едет в очередную обычную командировку, но всегда испытывает одни и те же чувства.

Каждая поездка - предвкушение чего-то нового и ожидание чуда.

Опыт ничего не меняет.

Наконец, затихли предупредительные крики проводниц. Поезд тронулся.

Неспешные разговоры, чай в подстаканниках, а самое увлекательное, постоянно меняющиеся виды за окном.

Сколько помнила себя Лебедева с детства, её интересовали женские лица. Сначала интересовали прически, брови и губы. Слово «макияж» тогда не было ей знакомо, да и о косметике разговоров в их доме не вели. Лебедева мечтала стать взрослой как можно скорее, чтобы выщипать брови, иметь просто красивые от природы брови, казалось ей неправильно, и купить губную помаду всех оттенков, к каждому платью. Смешная, глупая и наивная она была. Повзрослев, Лебедева стала не просто рассматривать, стала любоваться женскими лицами: внутренним светом, благородством, глазами, и пришла к мысли, что красота во многом зависит от внутренней самооценки, от наличия или отсутствия вкуса, умения подчеркнуть свою индивидуальность. Лебедева расстраивается, когда видит лица старательно «сделанные под кого-то», или физиономии, иначе не скажешь, женщин, которые не любят, или просто ненавидят себя.

Поезд остановился. Утро. Она приехала в небольшой городок. Её ослепило яркое, летнее солнце.

Лебедева торопливо собралась, и поспешила выйти из вагона к теплу и солнцу. Погода - чудесная. Душа поёт: «Выйду на улицу, гляну на село, девки гуляют и мне весело!» Никак не могла избавиться от песни этой. Ощущение такое, будто она в волшебном городке находится, вверх поднимается по зелёной извилистой улочке, мимо уютных домиков, в цветах утопающих. Раскланивалась и здоровалась с редкими прохожими. Изредка оглядывалась - не следит ли кто за ней. К реке вышла, вдоль берега прошла. Монастырь отражается в воде. Отражается ли?! Может, это

ей и только ей открылся Град Китеж?! Когда душа настроена на поэтический лад, то всё возможно!

Лебедева любила маленькие города, их небольшие дома с резными наличниками и мезонинами, лай собак, ленивый, небрежный, даже добродушный, так для порядка.

Лебедева стоит у озера. И будто бы слышит музыку.

Вкрадчивое начало.

Арфа со струнными звучит так нежно, будто волны набегают.

Она струится, переливается шёлком, золотистая музыка, тягучий, прекрасный поток. Она светится из сердца, обволакивает теплой волной любви, наполняет, освобождает.

Затем мелодия усиливается, присоединяются духовые, слышны звуки леса.

Вот - настороженный голос птицы, перед глазами возникает лесное озеро необычайной красоты. В нём бегут облака и ускользают, прячутся в цветах и травах, которые обрамляют озеро и отражаются в нём.

Вода в озере настолько прозрачна, что видно до самого дна, где переливаются на солнышке камешки всех цветов и оттенков.

Лучи высвечивают играющих рыб.

На воду можно смотреть бесконечно, как на костёр или на звёзды на ночном безоблачном небе.

Это волшебство ещё было связано с необычайным любовным взлётом её души.

Порой Лебедева пыталась разобраться в себе, понять, что с ней не так? Поклонников в её жизни всегда было много, внешностью она не была обделена, но ещё ни разу она не пожалела ни об одном из них. Не было среди её многочисленных знакомых такого человека, с которым бы не захотелось расставаться. Наверное, она относилась к той части женщин, о которых говорят «кошка, которая гуляет сама по себе», так она объясняла себе то, что с ней происходит.

Некоторые её поклонники в течение жизни пытались завоевать её сердце, построить более продолжительные, серьёзные отношения, но она ускользала от них с лёгкой, рассеянной улыбкой на губах.

Лебедева старалась ни с кем не ссориться. Она избегала выяснения отношений, предпочитала сама попросить прощения, даже если была права.

Высокий, с уже заметной сединой мужчина, с которым она накануне познакомилась в гостинице, командировочный инженер из Братска, обнял её, привлёк к себе, и ещё до страстного поцелуя она увидела краем глаза своё отражение в воде. Всё стало чистым, как утренний воздух, свежим, играющим, понятным и свободным. Прекрасное чувство озарения и свободы.

И вдруг сама себя ощутила этим озером, в которое нырнул он...

Но минуты затмения так коротки!

- Давай завтра здесь же встретимся, - сказал он.

- Нет, - сказала она. - Меня завтра здесь не будет.

А вот у Скороходовой всё было иначе. С мужем, начальником колонны автобусного парка, выходцем из Владимирской губернии, у Скороходовой отношения были, как брат с сестрой. Спали в разных комнатах.

Откуда у них появился сын, смеялась про себя Лебедева. И сама парочка Скороходовых об этом помнила смутно.

В НИИ стол Скороходовой, заведующей лабораторией, стоял напротив окна. В одной позе Скороходова могла просидеть три часа, не шевелясь. Демонстрировала свою не иссякающую работоспособность.

Комната лаборатории была довольно большая, но узкая, напоминающая коридор старинного здания с лепниной на высоком потолке.

Пока Скороходова изображала рабочую усидчивость, Лебедева несколько раз выскакивала с сигареткой в кори-

дор. Но получался парадоксальный результат. Лебедева успевала систематизировать таблицу коэффициентов и скоррелировать с данными отдела Гинзбурга. У Скороходовой же, в результате такого «напряжённого рабочего дня», выходило лишь несколько алгоритмов подсчёта трудозатрат при непрерывной разливке стали в металлургической промышленности.

В лабораторию заглянула распространитель билетов от профкома. Лебедева сразу схватила билет в Большой театр.

За десять минут она уже сидела в седьмом ряду партера. Через минуту рядом с ней сел военный.

- Вы не возражаете, девушка, что я рядом с вами посижу? - спросил он мягким голосом.

- Что вы! Пожалуйста! Это же ваше место?

Военный внимательно посмотрел на свой билет.

- Да, это моё место.

Лебедева оглядела его.

- А у кого же такая форма красивая?

- Это парадная форма авиации.

- А почему у вас всего три звездочки на погонах?

- Я полковник...

- Пять звездочек лучше! - с подъёмом сказала Лебедева, и обожгла его искристым изумрудным взглядом.

- Пять звездочек - неплохо, - согласился полковник. - Особенно армянский...

И оба рассмеялись.

- Вы летаете?

- В последнее время довольно редко, с земли команду.

Лебедева тоже решила подчеркнуть свой статус:

- А я кандидат экономических наук.

- Очень приятно.

Здесь ударил оркестр, и открылся занавес.

В антракте он сказал:

- Может быть, на сегодня достаточно спектакля?

- Мне кажется, что да... Пора на свежий воздух.

Он поймал такси, и через полчаса угодил Лебедеву в ресторане гостиницы «ЦДСА».

А еще через час они лежали на широкой кровати той же гостиницы.

Он склонился к ее груди, поцеловал и, приподнявшись, прошептал:

- Я воспарил, как на самолете.

- А у меня выросли крылья.

Когда он хотел её проводить, она сказала:

- Не надо.

Полковник растерялся, некоторое время подыскивал слова, пока, наконец, робко не спросил:

- Когда мы встретимся? Я буду еще неделю в Москве...

- Никогда! - отрезала Лебедева, повернулась и, быстро стуча каблуками и покачивая бедрами, удалилась.

Столько партнёров позади, хоть ставь ножом засечки о достижениях!

Пока шла, нервно курила одну за другой сигареты, и думала, что после любовной страсти у неё появлялось какое-то очень странное и сильное чувство отторжения. Она буквально готова была от неисповедимой злости убить этого мужчину, который окунулся в волшебную глубину её озера. Этот мужчина становился ей не просто неприятен, он делался страшным врагом, овладевшим о ней секретной информацией, которую в любую минуту может направить, использовать против неё. При всех удовольствиях в близости, Лебедева где-то в самых потаенных уголках души чувствовала, что она совершает преступление. Уж так была построена нравственная шкала оценок на эту тему в этой стране, что иначе как противозаконным действием смену одного за другим мужчин назвать было нельзя. И нужно было постоянно таиться, обрубать концы, чтобы

шлейф её любовий не тащился за ней грузом компромата. А разговоры? Что разговоры. Поговорят и выдохнутся. Ненависть к очередному мужчине была подобна раскаленному, огнедышащему металлу, льющемуся из печи. Она взвинчивала себя до пронзительной боли, как будто действительно всё её тело было на грани предсмертной агонии. Ни с одним из мужчин второй раз она никогда, нигде, ни при каких условиях не встречалась, и не хотела встречаться. Они стирались из памяти, как стирается ластиком карандаш с листа бумаги. Нет, и не было! Кажется, Лебедева стала понимать самку богомола, которая убивает самца после спаривания. Почему Лебедева даже после замечательного секса не может больше общаться с мужчиной? Смотрит на него, а в голове одна мысль - поскорее одеться и убежать куда подальше, только чтобы не видеть его. Лебедева получала удовольствие, и мужчина тоже его получал, это заметно, но после всего он ей противен.

На работе курили в коридоре у окна.

На подоконнике пепельницей была большая плоская банка из-под селедки.

- Ты, мать, даешь! Каждый день - мужики, один лучше другого. Даже полковника подцепила! Это уму непостижимо. Пожирают тебя, понимаешь, влюбленными глазами, а ты всё не замужем! - сказала Скороходова, вышедшая зачем-то в коридор. - Ты, что, прынца ищешь?! - Скороходова подчеркивала интонацией это «Ы». - Или красавца? Так с лица воду не пить.

«Точно, следят», - подумала Лебедева и затянулась сигаретой. Затем медленно выпустила голубоватое облачко дыма. Лицо её стало загадочным.

Она посмотрела в окно. Вдруг на железный отлив окна сел белый голубь, повертел своим глазом и уставился на Лебедеву. Она смутилась. Но голубь, почувствовал как будто это, тут же вспорхнул и улетел. Лебедева обвела

взглядом крыши старых московских домов, и задумчиво произнесла:

- Сама думаю, как бабы могут с одним мужчиной всю жизнь прожить. Я вообще мужчин люблю. Мне с бабами скучно. Я всех мужчин люблю. Они какие-то не такие, как вы. И каждый мне, помимо зашкаливающего удовольствия, что-то дает. Дает такое, с чем я ещё в своей жизни не сталкивалась, что-то такое новое, от которого по всему телу пробегает пленительная дрожь.

- Слушай, а тебе лет-то сколько? - Скороходова погладила ладошкой своё желтое лицо. - Пора определяться, зНАшь. Не век же они за тобой будут ухлестывать.

Годовой отчет правила своей быстрой и легкой рукой Лебедева. На общем собрании НИИ по итогам года Лебедева после бессонной любовной ночи задремала, когда с трибуны прозвучало: «Лаборатория Скороходовой признана лучшей».

Крышка гроба открылась, костлявые руки Скороходовой схватили Лебедеву за волосы, и потащили к себе. Синие губы прикоснулись к щеке Лебедевой. Она вздрогнула от ужаса, и, открыв глаза, увидела, что Скороходова, сидевшая с ней рядом в актовом зале, на самом деле целует её своими могильными губами.

Скороходова день ото дня желтела.

И вскоре умерла.

ЛЕДЯЙКИНА

Ледяйкина родилась и жила в старом, покосившемся в сторону грязной речки огромном двухэтажном бараке, со стенами из дранки, на множество узких комнат. Барак постоянно находился в аварийном состоянии. Со всех сторон его обступала неистребимая, в человеческий рост, свирепая крапива. Разболтанная входная дверь на ржавой, провисшей пружине постоянно с писком и воем ходила ходуном, стучала даже от небольшого сквозняка, но никто из жильцов вовсе не собирался её чинить.

Зимой снег наметало на треть длинного коридора, а у порога образовывалась ледяная корка. Жильцы часто и больно падали, но коридор не чистили. Однажды дядя Коля, истопник из третьей комнаты, так упал, что получил изменение в мозгах, и после этого стал со всеми в городе здороваться, чего раньше никогда не делал.

На весь барак у кого-то говорило радио женским низким голосом: "Роль "русского Моне", показавшего прелесть самой краски, открывшего законы ее вибрирования, ее звона, и сыграл в русской живописи Куинджи. Едва ли не каждая картина Куинджи..."

Постоянно по коридору ходил огромный грязно-белый кот с черными заплатками и, хрипло подвывая, просил подать что-нибудь для пропитания.

Не чинили подгнившие скрипящие, качающиеся от каждого шага ступени, к тому же поросшие травой и мхом.

Барак был построен в тридцатых годах для новых рабочих завода, выходцев из деревень, на каменном фундамен-

те. Мать Ледяйкиной помнила, что после войны его однажды даже подкрасили под желток, чтобы повеселее выглядел, в честь 5-ой годовщины Победы. Еще красные флаги по углам развесили, чтобы уж совсем праздничным выглядел. Но после того праздника совсем перестали и подкрашивать, и флагами украшать. Ходят рабочие на завод работать? Куда они денутся! А теперь штукатурка на стенах постоянно обваливалась.

За баракom, в ста шагах, располагалось в тиши и зелени кладбище. Летом его не было видно, а с листопадом и особенно зимой вдруг вырисовывались кресты и ограды с покосившимися памятниками. Смотреть даже в ту сторону не хотелось жителям барака. Холодный ветер проносился по веткам черных деревьев, графически ясным на зимнем небе, до времени распахнувшим синь от мороза, волновал их тени по заснеженным камням надгробий.

Согнутая мать стояла над узким оцинкованным корытом и лихорадочно терла о стиральную доску белье. Руки у нее все были в трещинах, кровоточили, ногтей почти не было. Но она упорно, как будто в неё свыше заложили программу каждый день стирать, стояла над корытом. Волнистый металл доски не знал усталости от трения тряпок, неизвестно откуда появлявшихся у матери. Может быть, на улицах собирала? Но в углу комнаты горой росло тряпье. Оцинкованное, как и корыто, ведро и такой же таз для чистого белья были под лавкой. Казалось, что все свои тяжкие, постоянные горести мать Ледяйкиной делит со стиральной доской. Выглядела мать в клубах пара, шедшего от огромного кипящегося бака на плите, вдохновенной. Её синеватое, морщинистое лицо постоянно сжималось в каком-то остервенении, как будто она шла в атаку на невидимого врага. Из глаз летели искры, как от наждачного круга точильщика. Мать брала палку, как солдат винтовку, наотмашь сбрасывала со стуком на пол крышку, и крутила

белье в баке. Затем той же палкой выдергивала горячее тряпье, и с видом победительницы, с грудным присвистом, с одышкой ей одной ведомого счастья швыряла в корыто. На матери был желтый, как у банщиков, клеенчатый фартук, подпоясанный старым широким армейским ремнем, и косынка в горошек, завязанная на затылке узлом. Из-под косынки выбивались редкие седые пряди.

Постоянно кто-то курил в дальнем тупике около окна с выбитыми стеклами, из которого лился не ровный, как в тихие ночи, а мерцающий и временами угасающий свет.

Всё время хлопали двери комнат. Жильцы куда-то уходили, приходили, кричали, встречали и провожали гостей...

И всех изучал зоркий взгляд. Эту старуху никогда и ни с кем не перепутаешь. Она знает всё о тебе, даже то, что ты сам о себе ещё не знаешь. Причудливо завязанный платок на голове всегда соответствует времени года. Замысловатая одежда, подразумевает особый стиль «у барака», то есть любому понятно, что старуха - местная. Острые глазки, как буравчики, насквозь сверлят каждого, кто входит или выходит из барака или часто проходит мимо него. Небольшого роста, очень живая и неутомимая, она от рассвета до заката добровольно стоит на своём посту. На скамейке у неё есть группа поддержки, которая дежурит не так активно. Она же не боится ни холода, ни жары. Смысл жизни у неё - собирать или сочинять небылицы и распространять по всему бараку. Так проходит её жизнь.

По коридору, широкому и чёрному, бегали и ползали чьи-то чумазные дети. На стенах висели какие-то совсем вышедшие из употребления вещи, вроде ржавого велосипеда без колес, прохудившегося дореволюционного самовара или рваных сапог... Почти у каждой двери стояли сундуки с картошкой, или с пронафталиненными сарафанами времен Степана Разина. Только тусклая слабая лам-

почка, слабее не бывает, чтобы как можно меньше платить за свет, едва высвечивала каким-то рыбьим жиром направление на общую огромную кухню. Там на протянутых из угла в угол веревках постоянно сушилось чьё-то бельё.

- Дусь, ты опять стираешь?

- Набралось-то сколько!

Другая жиличка вошла с кастрюлей, с порога зло крикнула:

- Из-за твоего бака мои щи хозяйственным мылом пропахли!

- Ужо достаю! - И опять согнулась.

У каждой хозяйки был свой угол с самодельным столом с двумя фанерными дверцами, с полками над ним, забитыми дуршлагами, мисками, сковородками и половниками... Под одной из полок сидел небритый инвалид Сашка в свернутой из газеты шапке и, никуда не торопясь, допивал свою бутылку из оловянной кружки. Изредка он восклицал:

- Тихо, бабы! Я речь говорить буду! - и замолкал надолго.

В городе было четыре улицы, а на пятой располагался завод. Улица называлась просто и понятно: «Рабочая». И была она вымощена булыжником, на котором спотыкались спешащие на смену толпы женщин, среди которых очень редко попадались мужчины.

Раннее чёрно-лиловое декабрьское утро, на улице непроглядная тьма. Кажется, что это вовсе не женщины, а какие-то тени на ногах, мешая друг другу, путаясь, меся грязный снег, несутся вперёд. Снег походил на крупную серую соль, которой посыпают мостовую.

Временами моросило со снегом, в разрывы туч изредка выглядывала луна, чтобы снова спрятаться за гонимыми ветром черными тучами.

Спешащих ног было не счесть, в основном, в непригляд-

ной, грязной обуви со сбитыми каблуками. Ноги вбегали в железные ворота и как бы проваливались сквозь землю, потому что понять, каким образом они попадали на завод, было нельзя.

От бьющего в глаза прожектора частоколом падали длинные тени. И, казалось, что эти тени сами бегут на завод.

Одна пара толстых, как поленья, ног в серых чулках, кое-где заштопанных черной шерстяной ниткой, отделилась от остальных и торопливо свернула в раздевалку своего цеха. Эти ноги украшали новые войлочные черные на резиновом ходу боты.

Ледяйкина влетела в раздевалку. Подбежала к своему узкому фанерному шкафчику. Сняла короткое серое пальтишко с зелёной заплаткой на локте.

На тыльной стороне дверцы было прикреплено позеленевшее зеркальце с отбитым углом. Ледяйкина погляделась в него. Длинные ресницы походили на желтые иголки прошлогодней елки. Рыжие две косы спадали до поясицы. Брови были мохнатые, как у мужчины, и такие же рыжие, как косы. Щеки алели, как два спелых яблока, и на левой выделялась вишенка родинка.

И тут услышала:

- Ты знаешь, наладчика Володьку застукали с Надькой в третьей смене! - визгливо сообщила остроноса и косоглазая Верка. - Ночью!

Вспотевшая от быстрой ходьбы Ледяйкина, часто дыша, посапывая, утерла лоб ладошкой, и надела белый, как у медсестры, халат.

Присела по центру раздевалки на скамейку, сняла боты, осмотрела их, и бережно протерла. Затем аккуратно повязала на ноги из белой грубой бязи бахилы.

Из радио какая-то артистка неестественным, пафосным голосом говорила: "Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют?"

Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться..."

Рядом с Ледяйкиной на скамейке переодевалась Оксанка, которая недавно вышла замуж за моряка, и собиралась увольняться с завода и уезжать с ним во Владивосток. Все Оксанке страшно завидовали. Ледяйкина взглянула на её профиль с крупным тёмным локоном на маленьком ушке, с наполненными истомой, задумчиво печальными глазами, с чуть разомкнутыми, словно в предчувствии поцелуя, губами, с шелковистой, лилейной, как весенний цветок, шейкой. Оксанка была женщиной самой волнительной, самой кроткой красоты. Любуясь ею, Ледяйкина на минуту потеряла чувство места и времени.

У Ледяйкиной тоже был ухажер, с которым она встречалась раз в неделю. Он был солдат. Ходил в увольнительную. Они смотрели фильмы в тесном и обветшавшем клубе «Трудовые резервы». Когда свет в душном зале гасили, солдат в темноте какими-то медвежьими движениями пытался её прижать и поцеловать, но она пугливо отстранялась и укоризненно вполголоса бурчала:

- Только когда распишемся!

Солдат часто и обидчиво дышал, затем глухим басом говорил:

- Ну ты чего?

Ледяйкина тоже дышала возбужденно и громко, и без всякой злобы для порядка огрызалась:

- Того! Демобилизуешься и нацелуешься после загса вдоволь!

Луч кинопроектора из окошка киномеханика вонзался в белую простыню экрана, по которому начинали ходить и говорить под веселую музыку шахтеры с отбойными молотками.

В раздевалке сильно пахло спиртом, потому что всё на этом заводе им протиралось.

Верке она ничего отвечать не стала. Старалась казаться вполне спокойной. Волнение выдавал только небольшой мускул, чуть подергивающийся на щеке. Повертелась несколько минут перед своим зеркальным осколком, затем привычными движениями, сжимая заколки в губах, завернула косы в пучок на затылке и накинула сильно накрахмаленный четырёхугольник, попросту называемый в народе косынкой, как какая-нибудь повариха, дабы ни один её рыжий волосок не был замечен.

Вход в цех предваряли три прохода, в которых работали шумные, свистящие вентиляторы. При входе висел плакат с розовощеким комсомольцем, гласившим: «Чистота - залог качества продукции!»

Ледяйкина, поглядывая по сторонам, все ли уже работают, прошла в центр огромного цеха к своему месту. Она как бы сразу уменьшилась в размерах, стала крошечной в этом грандиозном прямоугольнике без окон, облицованном серыми под мрамор плитами.

И здесь в неживом искусственном свете пахло спиртом. Никаких перегородок в цехе не было, очевидно, для того, чтобы всё, что здесь происходит, со всех сторон отчетливо просматривалось.

Уже почти все женщины, переговариваясь и посмеиваясь, поправляя завязки и косынки, расположились на своих рабочих местах, все - в белом, сияющие, как снег под солнцем.

И Ледяйкина проворно и привычно села на свой крутящийся металлический стул, поерзала на нём, устраиваясь поудобнее. Приготовилась. Через некоторое время сначала чуть медленнее, а потом в обычном режиме пошел двухъярусный цепной горизонтально-замкнутый конвейер с прозрачными диодами и усиками, играющими всеми цветами радуги, упругими, как тонкие швейные иголки.

Ледяйкина взяла небольшой никелированный пинцет, и принялась почти машинально вставлять усики в диоды, этикие прозрачные стекляшки, наподобие маленьких кубиков, с двух сторон. Глаза её были очень зорки. Это такое устройство глаза, особенность хрусталика - увидеть микроскопические дырочки для волосяных проволочек. Кубики с усиками всё чаще и чаще отъезжали влево, а справа надвигались всё новые и новые без усиков. Они уже превращались в какую-то бесконечную цепочку, словно связанные одной нитью для невероятных бус. А то и вовсе стеклянный поток казался сверкающей разноцветными огоньками елочной гирляндой. В некоторых огоньках Ледяйкиной стали видеться какие-то не то блестящие шарики, не то мушки, не то комарики, или вообще - пляшущие человечки. Ледяйкина встряхивала головой. Человечки пропадали. Усики вставлялись. Постепенно она переставала обращать внимание на то, что делала. Выполнялось всё как-то само собой, будто без её участия. Руки жили отдельно. А глаза видели уже не эти стекляшки, а копейки и рубли, которые прибавляются с каждой деталью к зарплате. Вот она получит деньги и купит себе на лето белые босоножки с узорчатыми дырочками, на каблукче... Она даже представляла себя идущей в обнове на свиданье к солдату.

Подбежала Верка.

- Бабы волосья друг другу дерут! - взвыла она.

- Да что ты! - ойкнула Ледяйкина.

- Так клочья и выдирают друг дружке...

- Из-за чего?

Верка, озираясь, поскребла ногтями впалую щеку и сказала:

- Я ж давеча тебе говорила... Из-за мужика, кондрашка его расшиби!

- Ревнуют? - спросила Ледяйкина, и глаза её загорелись, румянец еще гуще выступил на щеках.

- Ревнуют...

Все работницы сорвались со своих мест. Остановили конвейер.

От входной двери, с лестницы, слышался женский визг.

Ледяйкина бросилась следом за всеми.

На лестничной площадке толстая раскрасневшаяся баба трясла за волосы тощую бабёнку маленького роста, и причитала с шипением:

- Я тебе покажу, как за моим Володькой бегать!

И трясла её неистово, аж глаза кровью наливались, и трясла, сгибая до самого пола. Она выводила горлом страшные скрипучие звуки, повторяя на разные лады свои угрозы, которые, отскакивая от стен, становились ещё убийственнее.

Лица дерущихся женщин были потны и красны. Глаза зрителей дико следили за схваткой.

Маленькая снизу повизгивала:

- Уби-ива-ают! Помо-огите!

Слезы, которые она проливала при этом, видимо, произвели на глазающих женщин большее впечатление, чем её крик. Но лишь когда толстая баба завалила её на холодный пол, тогда уж всё бросились разнимать их.

- Как им только не стыдно?! - воскликнула красавица Оксанка.

Тут и обеденный перерыв подошёл.

Ледяйкина для успокоения съела в углу прихваченный из дому разрезанный вдоль батон с котлетами, пропахшими чесноком. Жевала, смотрела круглыми глазами в потолок на лампы дневного света, и улыбалась. Ей виделись новые босоножки.

Через пять минут она уже ловко откидывала в сторону готовые стекляшки, как семечки.

Кубики с усиками всё чаще и чаще отъезжали влево, а справа надвигались всё новые и новые без усиков.

Мать Ледяйкиной до войны пришла на завод. Тогда его только строили и тут же монтировали оборудование. Вместе с другими женщинами копала котлован под фундаменты, промывала в керосине части оборудования. Поточной линии тогда еще не было. Работницы сидели за специальными столами. Подсобные рабочие подносили детали в ящиках. Мать сначала очень медленно работала. И детали были увесистые. Поди, поперекладывай, повставляй мелкие болтики и контактные пластины в пазы. Глаза у матери боялись, а руки делали, как говорится. Пришёл день, когда она услышала за своей спиной удивлённый возглас мастера цеха: «Гляди-ка, без году неделя пришла женщина в цех, а управляется как кадровая работница!» Эта похвала начальника окрылила мать.

Поначалу её цех шёл отстающим. К ним переводили из других цехов в наказание за всякие нарушения. Сборку постоянно лихорадило из-за сбоев в работе цеха. Приходилось работать по выходным, а иной раз и по две смены подряд.

- Подруженьки, потрудимся в выходной, ведь план-то горит, - уж в который раз спрашивал мастер женщин.

- Да мы что проклятые, что ли, без отдыха вкалывать! - обижались те. - Дома все дела заброшены. Муж не ухожен. Детей накормить некому!

Мать Ледяйкиной приходила.

Из-за спины показалась рука с синим наколотым якорем между большим и указательным пальцем и словом «Вова». В руке была отвертка. Ледяйкина узнала по этой руке наладчика. Она оглянулась. Косая челка спадала на узкий морщинистый лоб. Бусинки глаз, как у мышки. А на одном глазу - бельмо. Голова казалась очень маленькой на неимоверно широких плечах. Голова, как ручка на чемодане.

Володька подкрутил наладочный винт.

- Вот это так она пойдет глаже, - сказал он.

Ледяйкина промолчала, но кивнула в знак одобрения его работы.

А прозрачные кубики всё плыли и плыли. Поточная линия не останавливалась. Усики вставлялись и вставлялись. Кубики казались Ледяйкиной то хрустальными, то алмазными, то бриллиантовыми, а Ледяйкина золотыми нитями превращает их в невиданной красоты ювелирные изделия, под разным углом зрения сияющие то красными, то синими, то желтыми, то зелеными огоньками. И Ледяйкиной виделся уже зал, сияющий множеством хрустальных люстр. Со стороны могло показаться, что пинцет её кружится на сцене балериной, а не вставляет проволочные усики в прибор с односторонней проводимостью, применяемый в сложной аппаратуре для выпрямления переменного тока, детектирования, преобразования частоты, переключения электрических цепей.

Стекляшки с усиками всё чаще и чаще отъезжали влево, а справа надвигались всё новые и новые без усиков. Они уже становились какими-то бесконечными, невероятными бусами. А то и вовсе хрустальная вереница представлялась сияющей всевозможными цветами новогодней гирляндой. В некоторых огоньках Ледяйкиной уже виделись какие-то не то блестящие пчёлки, не то ромашки, не то микроскопические синие якоря, или вообще - дерущиеся крохотные бабы.

А потом поплыли лодочки по речке. Беленькие лодочки. Желтенькие весла. И всё плыли, плыли. А Ледяйкина стоит на берегу. И уж в руках у неё много разноцветных платочков.

И она уже сама плывёт в лодочке, и платочками машет.

Кубики с усиками всё чаще и чаще отъезжали влево, а справа надвигались всё новые и новые без усиков.

Ей приходилось работать в три смены. Но она к этому привыкла.

Иногда, как мать в своё время, по воскресеньям выходила. С утра. Одна смена работала. А потом кладовщица Шурка в закутке спирта бутылку выставляла на стол. И кто чего из женщин на закуску выкладывал: огурцы там соленые, квашеную капусту в банке, шмат сала... А как поднапьются, петь начинают, танцевать. В обнимку. Да еще целоваться станут с хохотом и томлением страстным в глазах. Эх, бабы! Нет на вас мужиков. Володька-то один по цеху шляется.

Усатые стекляшки уже превращались в какую-то немислимую цепочку, словно связанные одной нитью для невероятных бус. А то и вовсе стеклянный поток казался сверкающей разноцветными огоньками елочной гирляндой. В плывущих огоньках Ледяйкиной стали видеться какие-то не то птицы, не то белые босоножки, не то сумочки в тон босоножкам, или вообще - солдат, лезущий целоваться.

Со стороны кладбища раздавались какие-то неясные, истошные крики, сопровождаемые карканьем ворон.

Глаза дежурной старухи на скамейке у барака изучающе проводили Ледяйкину в подъезд.

Какой-то мальчик в солдатской ушанке, надетой задом наперед, выбежал из ближней комнаты под лестницей на второй этаж вприпрыжку с лыжами на плече.

В темном тупике у окна с разбитыми стеклами маячила тень какого-то курильщика.

Огромный грязно-белый кот с черными заплатками, хрипло подвывая, ударился в ноги Ледяйкиной.

Мать стирала на кухне.

У кого-то сильно говорило радио металлическим голосом под пиликанье скрипок: "Раньше Мусоргский учился игре на фортепиано у Герке и сделался хорошим пианистом. Хотя пению Мусоргский и не учился, но обладал довольно красивым баритоном..."

Ледяйкина прошла в комнату. Там было темно. Синяя полоса света от окна лежала на полу до самой двери. Ледяйкина щелкнула выключателем, и окно стало черным. На подоконнике вспыхнули синие бессмертники в пустой бутылке из-под молока. Рядом с ней покоилась небольшая корзинка для рукоделия, полная катушек, швейных принадлежностей, мотков и небольших лоскутов.

На табурете поблескивала тарелка. Оттенки на ней от белого становились то матовыми, то лиловыми, то светло-серыми. На тарелке лежало яблоко. Один бок красный, другой - трёхцветный в рыжую с красным полосочку, а ещё одна часть яблока хвалилась своим светло-зелёным пятнышком.

Скрипнули половицы, и Ледяйкиной показалось, что в комнату кто-то входит. От страха у неё задрожал подбородок, сердце забилося учащённо, и не было сил оглянуться, но она чувствовала, что нечто огромное и прозрачное, как немислимых размеров морская скользкая медуза, вползает в её комнату, заполняя всё её пространство. Тут Ледяйкина повернулась к двери, и к ужасу своему на самом деле увидела нечто огромное и стеклянное с проволочными шевелящимися усами. И эти усы стали прикасаться к лицу Ледяйкиной. Она вздрогнула, но скользкая втягивающая сила, как будто это была водяная воронка, всосала её в толстую глыбу стекла.

ОГНИ МОСКВЫ

В дождь звуки с улицы усиливались, постепенно наполняя комнату, как будто кто-то включил приёмник, и постепенно всё прибавлял и прибавлял звук, назойливо перебиваемый скрипящими и свистящими радиопомехами. Софья медленно, плавно переходя из одного мира в другой, проснулась. Она оглядела комнату полусонным взглядом, приподняла голову, прислушалась.

Длинные черные волосы поблескивающими, переливающимися волнами спадали на хрупкие белые плечи.

Софья, бесконечно погружённая в себя, с замедленной лёгкостью встала, сунула ножки с выкрашенными в красный цвет ногтями в изящные домашние туфельки с золотыми пуговками, бесшумно подошла, нежно потягиваясь и плавно разводя руки в стороны, к широкому окну, опустила свои черные глаза и разглядела, как под дождём люди в телогрейках и резиновых сапогах с подвернутыми голенищами, неторопливо проходя между машинами, загружают в небольшой тентованный серым брезентом фургон ржавые скрипящие листы железа.

Ах, эта ржавая, рыжая, русская осень!

На монотонный дождь озабоченные рабочие не обращали никакого внимания. В нескольких метрах от них надрывно тархтел огромный самосвал с красной кабиной, и высокими стальными бортами - как он только въехал в узкий переулоч! - и готовился сыпать на землю асфальт. Шофер в синей бейсболке с надписью «Adidas» под зычные командные крики прораба в желтой каске приподнял

кузов, дернул машину вперед, и горячий, маслянистый, чёрный асфальт сам собой посыпался на дорогу, испуская плотное облако чёрно-синего дыма.

И сразу сумерки стали гаснуть, пока совсем не стемнело.

Софья некоторое время широко раскрытыми глазами понаблюдала за асфальтированием переулка, затем неспешно отошла от окна, держа спину, как тренированная, изысканная балерина, подняв руку с выставленным указательным пальцем, плавно повернулась, как в вальсе, затылком к окну, и лица её не стало заметно, только силуэт с вскинутой вверх рукой четко очерчивался, как на гравюре в вечернем свете окна.

На ней было тёмно-синее длинное платье со шлейфом, в котором она любила ходить в темноте.

Она идёт, и тень по зеркальному паркету идёт за нею.

Софья легко, даже как-то грациозно нагнулась, подхватила длинный шлейф своего платья, и опустилась на чёрный венский стул, с овалами и закруглениями. Вся её изящная, артистическая поза говорила о полной свободе движений, о том, что она будет сидеть именно на белом стуле с подхваченным шлейфом в таком ракурсе, когда её спина принимает диктуемый конструкцией стула почти вертикальную линию, при сжатых вместе ногах, а бедра и голени составляют еще одну четкую вертикаль.

Софья с предчувствием удовольствия сначала погладила ладонью ламинированную суперобложку с изображением обнаженной женской фигуры античных форм, а затем бережно открыла большой тяжелый альбом, пролистнула несколько мелованных страниц, проложенных тончайшей папиросной бумагой. Остановилась на картине, разделённой художником условно на две соприкасающихся волной половины: верхняя часть - синяя, даже от синефиолетового до ультрамарина; нижняя - зеленая, с вкраплениями тонов малахита и изумруда, нечто вроде луга.

Бездонное небо и бескрайняя земля. Это только то, что есть у человека. На зелени под небом звучит музыка. Сидящие оранжевые человечки, которых с легкостью бы изобразил ребенок, слушают дудочку. Да, у одного цвета апельсиновой корки человечка к губам прижата дудочка, или даже две дудочки. Другой игрушечный человек ведет смычок по струнам скрипки. Остальные сияют солнечным светом счастья.

И опять наступало утро.

Софья жила на последнем этаже современного многоэтажного дома, почти стеклянного, потому что с улицы издалека дом казался хрустальным, переливающимся всеми цветами спектра.

Да, она жила в стеклянном доме.

Москва широко справа налево и до горизонта расстилась перед её взором, как пёстрый немислимый ковёр. Огромные окна квартиры выходили на все стороны света. Больше всего в жизни Софья любила наблюдать, как меняется, преобразуется город в разное время года в зависимости от освещения. Вид из окон был завораживающий: из одного окна был виден с куполами соборов Донской монастырь, чуть в стороне от него - Алексеевская больница, а там и Ленинский проспект... Если смотреть в другое окно, то можно было долго любоваться Нескучным садом, старым Бородинским мостом и новыми небоскрёбами на Пресне. А в третье - виден на горизонте краснокирпичный флорентийский Кремль, золотоголовый, устремленный в небо всю свою плодотворящую мощью Иван Великий, а дальше над рекой - почти нью-йоркская высотка на Котельнической набережной...

Софья бесконечно, с какою-то невиданной страстью любила осень и зиму. В эти времена года день был, как вздох, короткий, мимолётный, темнеющий так быстро, что не успеваешь к нему приспособиться. Тем Софье он и нра-

вился, что быстро исчезал, открывая простор для её любимой ночи.

Она бесшумно и плавно опускалась то там, то тут, то у окна, то в кресло, то на её любимый просторный старинный диван среди дорогих, с детства обожаемых мягких игрушек, прижимая их к сердцу и целуя, как живых.

Особенно она любила своих плюшевых медведей. Их было множество: большие, маленькие, средние. Самые старые были с глазами из больших пуговиц, четыре дырочки для ниток в которых издали выглядели как зрачки. Все медведи были из «династии» Тедди. Первого медвежонка ей привёз давным-давно отец из Америки, ещё в раннем детстве. И рассказал легенду о том, как Теодор Рузвельт пощадил на охоте медведя. Об этом было написано в газетах. Так и прозвали спасенного медведя - Тедди, по сокращенному от имени Теодор. Теодор - Тедди. И одна американка сшила такого медвежонка, настолько ей понравилась эта история, и отправила его в подарок президенту. Медвежонок стал с тех пор самым лучшим подарком.

Вспоминая об этом с улыбкой, Софья обняла медвежонка, и наугад открыла рядом лежащую книгу:

«...Никольсон пальцем снял с языка табачную крошку.

- Вы Адама знаете? - спросил Тедди.

- Кого-кого?

- Адама. Из Библии.

Никольсон усмехнулся.

- Лично не знаю, - ответил он сухо.

Тедди помедлил.

- Да вы не сердитесь, - произнес он наконец. - Вы задали мне вопрос, и я...

- Бог мой, да не сержусь я на вас.

- Вот и хорошо, - сказал Тедди.

Сидя лицом к Никольсону, он поглубже устроился в шезлонге.

- Вы помните яблоко из Библии, которое Адам съел в раю? - спросил он. - А знаете, что было в том яблоке? Логика. Логика и всякое Познание. Больше там ничего не было. И вот что я вам скажу: главное - это чтобы человека стошнило тем яблоком, если, конечно, хочешь увидеть вещи, как они есть. Я хочу сказать, если оно выйдет из вас, вы сразу разберетесь с кусками дерева и всем прочим. Вам больше не будут мерещиться в каждой вещи ее границы. И вы, если захотите, поймете, наконец, что такое ваша рука. Вы меня слушаете? Я говорю понятно?

- Да, - ответил Никольсон односложно.

- Вся беда в том, - сказал Тедди, - что большинство людей не хочет видеть все как оно есть. Они даже не хотят перестать без конца рождаться и умирать. Им лишь бы переходить все время из одного тела в другое, вместо того, чтобы прекратить это и остаться рядом с Богом - там, где действительно хорошо.

Он задумался.

- Надо же, как все набрасываются на яблоки, - сказал он.

И покачал головой.

В это время стюард, одетый во все белое, обходил отдыхающих...»

В раздумьях о том, как же она могла попасть сразу на Тедди, не медвежонка, а мальчика, Софья принялась готовить себе кофе.

Она всегда молола кофе в старинной ручной кофемолке.

Софье очень нравился сам этот процесс.

Это была бронзовая с восточным, витиеватым орнаментом тяжелая вещь, ручка которой была до блеска отполирована несколькими поколениями предков Софьи. Перед тем, как сварить кофе, Софья подолгу просто рассматривала кофемолку, а уж потом не спеша насыпала стучащие шоколадные зернышки в воронку и, задумчиво и подолгу вра-

щала ручку. Она так любила слушать мелодичные, как у шарманки, звуки, издаваемые этим приспособлением, что они, как казалось Софье, передавали ей любовь всей семьи.

Кофе она всегда пила из золоченной маленькой чашечки. Медленно.

Мир реальный незаметно ускользал из рук её, как шёлк. Как-то воздушно, призрачно, непонятно для самой себя она всё дальше и дальше отдалялась от людей, со всеми их постоянно возникающими и никогда до конца не разрешаемыми проблемами. Копшатся миллионы тел в огромной из еловых иголок куче, как муравьи, тащат эти иголки на спинах, и бегут, и бегут, всё бегут куда-то, и исчезают вместе с иголками...

Софья постоянно находилась в состоянии иллюзорных мечтаний. Она так отчетливо представила себе муравьев, с глазками, с лапками, с животиками, что вздрогнула и отмахнулась, как будто бы они уже побежали по её нежной спине.

В эти минуты в ней не было каких-то продуманных движений, не было ни фразы, ни междометия, которые бы выразили её состояние, в которое она была всецело погружена, как форель в горную реку, не понимая, что она форель и что она в реке. Софья казалась более чем отвлечённой. Во всём её облике сочетались одновременно и увядание и цветение: жесты свободные и быстрые, как у актрисы, которая только что отыграла главную роль в трехактной пьесе. Софья сидела, почти не двигаясь, и временами, взмахнув ресницами, смыкала их на почти минуту, а потом открывала глаза, почти округляя, и вздыхала так глубоко, что, казалось, она только что вынырнула из воды.

Она смотрела на огни Москвы.

Это был не просто любимый город, а место жизни её нескольких предшествующих поколений. По семейным пре-

даниям один из предков еще при Алексее Михайловиче представлял Земскому собору свод законов.

С детства сверстники и их родители считали Софью странной. В чём была эта странность, никто не пытался понять.

Большие напольные часы, тяжело кашлянув, медленно пробили десять раз...

Да, она была странная. Ещё студенткой, когда ездила в метро и держалась за верхний поручень, ей казалось, что она безобразно высокая, выше всех, и, как бы стесняясь своего роста, озиралась и втягивала голову в плечи. Ужасно боялась своих отражений в витринах на улице. Она думала, что нет страшнее её, что она безобразнее всех, что её окружают веселые, счастливые люди. А она не вписывалась в это довольное собой окружение.

Дом был обнесен высоким железным забором. Чтобы пройти во двор через калитку, Софье нужно было обойти большую лужу. Заглянув в неё, она в ужасе отпрянула. Казалось, что этот глубокий, бездонный омут сейчас затянет её.

Ей скорее хотелось прийти домой, забиться куда-нибудь в угол, слушать музыку. Она не любила ходить ни в гости, ни на концерты, ни в театры, хотя изредка, даже просто редко приходилось по необходимости.

Она хотела неотрывно смотреть на огни Москвы.

Москва словно вырвалась из мрака «торжества социализма» и в мгновение ока стала городом сказочных огней. Как только день незаметно отдавал свои права синей ночи, у Софьи невольно возникало чувство, что она вдруг оказывалась совершенно в другом городе, так вспыхивала, зажигалась, иллюминировалась, сияла Москва.

Когда-то давно ей подарили очень красивые туфли, от которых глаз нельзя было оторвать. Это были чудесные лодочки с изящно обтянутым гладким золотом каблуком, а

сами они были сделаны как бы из мягкого золота. Туфельки были так прекрасны, что она не удержалась, скорее наде-ла их, и стала вертеться перед зеркалом. Отец, работник МИДа, случайно поднял глаза от газеты, и как бы обронил между прочим: «Какие у тебя красивые ноги, доченька!». Она посмотрела на себя уже совершенно другими глазами. И ей сразу страшно захотелось иметь такое же, как туфли, красивое платье.

Платье сшили.

И она пришла на праздничный институтский вечер. Оркестранты в белых пиджаках выдували «Серенаду солнечной долины». Софья стала ловить восхищенные взгляды мальчиков. И завистливые взгляды девочек.

Но её никто не пригласил на танец.

Так каблучки золотых туфелек одиноко и звонко стучали в переулке.

Но она не любила, когда громко и много говорят. Не терпела шумных компаний. Ей всегда почему-то казалось, что там обстановка неискренняя, как огромная лужа.

Наконец, обойдя эту лужу, она увидела что-то холодное и скользкое, которое готовилось схватить её за ногу. С золотыми туфельками. Кольца зеленовато-серого, лоснящегося непонятого существа, взирали на неё удавкой ужаса.

Да, странная, выросшая среди книг, музыки и альбомов живописи, без которых вообще она не понимала, как можно жить, Софья просто не любила шума и суеты.

Она сидела в темноте, освещённая огнями вечерней Москвы. Квартира преображалась, и Софья, мечтательница, начинала жить своею тайной жизнью, в которой не было больше никому места.

Освещение, деревья, дома - всё как бы размыто, нет резкости, вид из окна как бы туманен, потому что все время шел дождь...

Софья неподвижно стояла у огромного окна.

В эти мгновения синий цвет превращался в фиолетовый, что в полной мере соответствовало переходу от взволнованности в спокойствие, когда можно было, казалось, донырнуть до самого дна своей души. Но как бы глубоко Софья ни погружалась, она не могла обнаружить там нужного слова, способного обрисовать её состояние. Изменения случились в ней так незаметно, так тихо и безболезненно, что она, находясь внутри своего состояния, неспособна была понять саму себя, и тем более подобрать нужные слова к этому состоянию.

На небе была полная, желтая как лимон, луна. Её свет и свет с улицы выхватывал Софью из темноты, подчёркивая всю её стройную фигуру, длинная тень от которой шла по полу и переходила на стену рядом с напольной японской фарфоровой вазой, цвета топлёных сливок. Ветви цветущей розовым цветом сакуры опускались с верхней части вазы на гейш, тихо прогуливающихся в саду. Кимоно гейш поблескивали в полутёмной комнате ласковыми красными и золотыми красками. Венчали вазу ручки в виде сделанных под бронзу драконов.

Из вазы возвышались веера павлиньих перьев, переливающихся пурпуром и изумрудом.

Над вазой висела картина с видом ночного Парижа. Перед глазами Софьи вспыхнули, как живые, мириады огней. Сладкие мазки, вкусная игра света передавали загадочное, романтическое настроение, которое возникало у Софьи при манящем слове «Париж».

О, город искусства! Город любви... Шансонье... Предчувствие счастья... Призрачный мир, для неё был настоящим.

Ночной город пустынный, наполненный тайной, притягивал Софью. С поблескивающим взглядом глядя в окно, она повторяла про себя любимые строки:

Пусть бьют часы, приходит ночь.
Я остаюсь, дни мчатся прочь...

До неё донёлся легкий запах свежего укропа. Софья прошла на просторную кухню, там Елена Ивановна на столе, стоявшем по центру, мелко резала зелень для салата на разделочной доске.

Софья обошла стол, чтобы взять любимую кофемолку.

- Ты опять за кофе, Сонечка? Ужин почти готов, - воскликнула Елена Ивановна.

- Нет, я пока не хочу.

Заскрипела кофемолка.

С чашечкой кофе под неярким синим торшером Софья села в кресло с книгой. Восторженные глаза с медленным удовольствием побежали по черным строчкам, наслаждаясь ими, как кофе.

«...Кроме того, для де Шарлю, как для человека в высшей степени интеллигентного, беседа с человеком интеллигентным не представляла интереса, особенно с Берготом, - Бергот был, с его точки зрения, слишком литератор и из другого клана, они были люди разных взглядов. А Бергот хотя и отдавал себе отчет в корыстности визитов де Шарлю, но возмущения в нем это не вызывало; он не был постоянен в своем добролюбии, но ему нравилось доставлять удовольствия, он был отзывчив, не любил читать нравоучения. Что касается порока де Шарлю, то сам он не был им заражен ни в малой мере, но в его глазах - глазах художника - это придавало действующему лицу известную колоритность: *fas et nefas*, содержащееся не в примерах нравственной жизни, но в воспоминаниях о Платоне и о Содоме. «Мне бы так хотелось, чтобы он приехал сегодня, - он бы послушал, что Чарли играет лучше всего. Но он, кажется, не выходит, не любит, чтобы ему надоедали, и он прав. Но и вас, прелестная молодежь, на набережной Кон-

ти не видать. Вы себя не утруждаете!» Я сказал, что выхожу из дому только с моей родственницей...»

Она услышала, как глуховато щёлкнул замок входной двери, и до неё донёлся едва ощущаемый аромат так ею любимых роз.

- Как ты себя чувствуешь, душа моя? - раздался баритон мужа.

Минуту она помолчала, как бы не слыша вопроса, затем с окрашенной нежностью интонацией, промолвила:

- Я летаю над Парижем...

Софья находилась в прострации, которую, однако, не следует понимать как ненастье, но всё же в этой прострации проявлялось какое-то резкое торможение, вроде того, когда срывают тормозной кран в поезде, и остановленные колеса высекают искры, скользя по рельсам, так эта прострация в Софье приобретала свойство слегка эйфорическое - её мозг не прекращал работу, не останавливался в полном штиле, но как-то расплывался, и вспышки разнородных огней мыслей жили в бесчисленных извилинах в рифму с реальными мириадами переливающихся огней Москвы.

Она бесшумно подошла к высоким белым дверям, положила свою изящную руку на бронзовую ручку в виде головы льва, и вышла в широкий холл.

Остановилась.

Прошла мимо открытых дверей кабинета, где в глубоком, кожаном чёрном кресле сидел бородатый, лысый муж, и, покуривая трубку, сосредоточенно перебирал какие-то бумаги.

- Что ты? - спросил он, чуть приподняв глаза.

- Так я...

По широкому коридору с поблескивающим в свете люстр узорным паркетом, чуть поскрипывающим, Софья прошла в гостиную, где на белом рояле в хрустальной вазе стояли свежие розы.

На пюпитре были раскрыты ноты с переложением для фортепиано третьей части третьей симфонии Брамса.

Стоя, Софья указательным пальцем с алым маникюром тронула сначала одну клавишу, затем другую...

В раздумьях опустила на мягкую банкетку, подняла глаза к потолку, пошевелила пальцами и, заглянув в ноты, медленно и не очень громко заиграла...

Эта волшебная вещь у Брамса написана в форме вальса, и Софья подбирала под эту мелодию свои собственные слова, складывая их в поэтические строки:

Там огни дальние.
Здесь огни ближние.
Звуки прощальные.
Слова лишние...

Софью окутывала темнота, в которой она, как летучая мышь, легко парила среди таинственных теней, причудливых очертаний предметов.

В детстве она ходила в музыкальную школу, но музыканткой так и не стала. Потом она занималась в балетной студии, но балерины из неё не получилась. В школе и до сих пор изредка она сочиняла стихи, но поэтессой не стала. После школы поступила в институт международных отношений, который окончила с красным дипломом, но дипломатом не стала, поскольку сразу вышла замуж. Муж не хотел детей, и она пошла ему навстречу, но через два года они разошлись. Потом её взял в жены сотрудник посольства Франции в Москве, и после окончания своей здесь работы, увез Софью в Париж, но там они прожили в согласии всего год и разошлись. Софья вернулась к родителям на Фрунзенскую набережную. Потом всю страну потрясло так, что весь мир зашатался. Отец, исхудавший, седой, глубокий старик, лишенный всех прав и привилегий, приговари-

вал: «Не раскачивайте Россию. Посеете ветер - пожнете бурю!» И понеслось! С моста над Москвой-рекой тяжелые танки ударили по Белому дому. Воспетые Лермонтовым гордые горцы пошли войной за свободу и независимость... Украина выпала из рта России, как сыр из клюва вороны... Но тот, кто был рядом с распределением государственной казны, тот, кто был до этого никем, стал всем, вырос сразу в статусе до небес. Таким сказочным счастливецом оказался её нынешний муж, бывший секретарь районного комитета комсомола, овладевший богатствами половины Уральских гор.

Картины, возникающие в голове Софьи, шли одна за другой, словно стрелки по циферблату, как бы раскачивая мозг то в одну сторону, то в другую, и, чтобы не упасть, Софья разводила руки в стороны, балансируя, как будто шла по канату над пропастью.

Её ладони легли на поверхность стекла. Она как бы хотела вжать их в прозрачную преграду. Потом повела ладони вниз. Появился нежный гладящий звук. Но, когда она повела ладони вверх, то звук уже был другим, несколько посвистывающим. Она подняла руки выше, стараясь дотянуться до верхней перекладины рамы. Но роста для этого у нее не хватало. Стекло стало переливаться мигающими огоньками. То ли это были отсветы горящей вблизи дома рекламы, то ли все огни Москвы направили свои огни в её окно. Она хотела ухватить самый яркий огонек пальцами, но ногти закричали по стеклу так пронзительно, что напомнили звук сирены спешащей в пробке «скорой помощи». Софья догадалась, что ей нужно найти кнопку, которая автоматически опустила бы стекло. Но кнопки не было.

Она вновь стала совершать ладонями движения по стеклу сверху вниз. Наконец, стекло стало очень медленно опускаться.

Ей показалось, что за ней неотрывно наблюдают испуганные глаза пассажиров из рядом едущих машин и автобусов. Впереди вдруг возникла какая-то светлая в ночи арка, или нечто похожее на выход из тоннеля.

Софья приложила еще большее усилие, придавливая стекло вниз всем корпусом. Стекло наполовину опустилось.

И в этот момент Софья ощутила прохладное прикосновение чьих-то рук к спине. Она оглянулась и увидела яркие павлиньи перья, которые стали прямо на глазах с невероятной скоростью расти прямо из лопаток, совершенно незаметно превращаясь в её руки. А сами руки растворились в этих павлиньих крыльях, которыми она продолжала опускать стекло.

Порыв ветра ворвался в комнату, разметав длинные волосы Софьи, распушив веером её невысказанные крылья, с лёгкостью подхватил её самую высокую волну, и вынес в распахнутое окно.

Софья стала невесомой, воздушной, невиданной птицей с роскошным опереньем плывущей по переливчатой глади ночного неба.

Волна с необыкновенной лёгкостью подняла её над домами, и Софья, с услаждающей, нарастающей все сильнее и сильнее захватывающей полностью её дух радостью, увидела далеко внизу море огней, как будто бы она летела над огненной рекой.

Но это был Ленинский проспект.

ОДНОГЛАЗАЯ

Ресницы заиндевели. Мороз безжалостно щипал щёки и нос. Раиса растирала их шерстяной пушистой варежкой, усердно подышав на неё.

Темнело.

Раиса, ускорив шаг, вышла на безлюдную аллею.

До дома рукой подать.

Аллея была заметным украшением небольшого рабочего посёлка. Широкая, прямая, выложена белыми плитами, и как бы разделяла посёлок на две части. По бокам росли голубые ели, в это время присыпанные пушистым снегом. Дом Раисы светился разноцветными окнами в конце аллеи. Оставалось лишь добежать до него, повернуть и сразу в подъезд. В манящее тепло.

Когда она уже мысленно ставила чайник и видела чашку чая, то вдруг наткнулась на что-то и упала. То ли на бревно, то ли еще на что-то. Большое и холодное.

Но то был человек.

- Господи, спаси и сохрани! - с чувством промолвила Раиса и перекрестилась.

После этого сразу хотела быстро пройти мимо. Мало ли кто лежит на улице. Но что-то властно, как будто кто-то схватил её за руку, остановило её. А вдруг да этот лежащий на её пути человек замерзнет? А она не пришла ему на помощь? Как же это так! Нет, она сама себя совсем перестанет уважать. Надо помочь человеку. Нагнулась. В носшибанул запах водки.

Отпрянула. А в этот момент еще елка шевельнулась и из неё с диким карканьем вылетела ворона. Тут уж совсем

жуть охватила Раису. Сердце в испуге учащенно забилося. Несколько минут она постояла без движений, успокаивая дыхание.

Придя в себя, пересилив неприязнь, принялась тормошить человека. Бесплезно. Не подает никаких признаков жизни. И так, и сяк, и по щекам, и по лбу. Даже вспотела. Встала над ним, уперев руки в боки, в глубокой задумчивости.

«Что же делать-то, девки?» - не понятно к каким девкам обращаясь, подумала она. И возвела око к небу. И сказала уже другое:

- Господи, что же делать-то?!

На небе одиноко и как-то жалобно светилась голубая звезда.

Посоветовавшись мысленно со звездой, Раиса, глубоко вздохнув, как будто собиралась рубить дрова, нагнулась, схватила пьяного за ноги, обутые в кирзовые сапоги, и поволокла, как санки с дровами, к подъезду.

«Крупный бродяга!» - подумала она.

Но справилась с этим грузом.

Раиса жила на первом этаже.

Втащив пьяного в комнату своей малогабаритной квартиры, Раиса первым делом ощупала его уши, нос, руки. Растерла лицо варежкой и стащила с него тулуп. Пьяный забормотал что-то, всхлипнул и затих.

Раиса бросила на пол ватное стеганое с одной стороны красное, с другой - желтое одеяло, пуховую большую подушку с дивана. Уложила. Сверху накрыла тулупом.

Посмотрела на икону в углу, прошептала молитву:

- Господи, я признаю, что я - грешница. Прости меня за все грехи, которые я совершила в жизни. Но помоги и прости этого несчастного, чтобы он был хорошим, чтобы по нраву мы были друг дружке...

И после этих слов села на диван и заплакала. Горе её было безутешно в сплошном женском одиночестве.

Быть может, Бог и услышал её молитвы, подбросив этого пьянчугу? Страшно ей было всю жизнь маяться одной.

Подружки как-то легко выскочили замуж, некоторые уже ловко успели и по несколько раз, а у неё никак не получалось. Даже для коротких встреч не могла найти себе мужика.

Раиса была некрасива. К тому же у нее один глаз был стеклянный. Она боялась смотреть не то что на мужчин, но и на весь белый свет. Платком прикрывала стеклянную сторону. Ходила как-то боком, как кот, когда приближался к незнакомым людям.

Вон Тайка из квартиры напротив. У неё три хахалы. Цыганистая, с золотыми кольцами в ушах. Один под следствием, второй сидит, а третий вышел и к ней. Второй выйдет - третий сядет, потом первый выйдет. И так - по кругу.

Несколько лет назад с Раисой случилось несчастье. На полном обороте токарного станка откололась рабочая вольфрамовая головка резца и прошила, как пуля, ей глаз. Хорошо хоть на глазном дне споткнулась, а то бы все мозги на смерть вышибла. Всё потемнело. Она упала без сознания. Очнулась на больничной койке с перевязанной головой.

- Придется ставить протез, - сказал врач, держа руки в карманах белого халата.

- Куда? - не поняла Раиса.

- Вы лишились... - врач сделал значительную паузу, - глаза.

Раиса заплакала одним глазом.

Так она стала одноглазой. Изредка за спиной слышала: «Вон, одноглазая пошла».

Раиса и раньше не отличалась любовной бойкостью, а, если уж быть точнее, то у нее в жизни любовных связей было по пальцам одной руки пересчитать, и постоянно - пустота, даже, когда были целы оба глаза. Теперь и вовсе она замкнулась.

Она была крепкая и коренастая, как мужчина, и лицо у нее было скорее мужское, с коротким, но очень широким носом, со скулами восточного типа, и даже с заметными реденькими черными усиками. Да и работала она всю жизнь по мужской профессии - токарем.

Но зато у неё была огромная грудь.

«Не судьба мне быть счастливой», - убеждала она себя, но в глубине души слабая надежда все-таки теплилась. Подруги действительно пытались познакомить её несколько раз с «видными» ухажерами, но из этого ничего не получалось. Как только Раиса оставалась с очередным ухажером наедине, что случалось, как сказано, чрезвычайно редко, наступала гнетущая тишина, поскольку «ухажеру» казалось, что если он дотронется до неё, то получит достойный мужской отпор, иными словами, получит по зубам. Её боялись. Продолжений и встреч не было.

Пьяный вытянулся во весь рост, сладко потянулся во сне и лёг на спину. Раиса разглядела его своим одним глазом только сейчас. Черты лица крупные, будто рубленые, брови густые, нависают на глаза.

Посидев некоторое время в грусти, она вдруг всполошилась, обнаружив, что сидит в пальто и сапогах. Пошла в прихожую. Разделась. Сняла платок. Села на табурет, сняла сапоги, надела домашние тапочки. Прошла в комнату. Стянула с себя рейтузы с колготками, юбку, свитер и футболку. Все разложила по местам. Накинула теплый красный с синими и белыми разводами фланелевый халат. И шерстяные носки домашней вязки.

Всё время с волнением поглядывала на спящего.

Пошла на кухню. Подвязала фартук с карманом на животе и вышитым петухом. Взяла кастрюлю, эмалированную, четырехлитровую. Сполоснула её. Налила воды чуть выше половины. Поставила на огонь. Бросила перец горошком, лавровый лист. Вынула из морозилки кусок говья-

дины на косточке, тщательно помыла в двух водах. И положила в кастрюлю. Пока закипало мясо, Раиса нашинковала капусты, отдельно морковь, лук и свеклу, и положила их на сковороду обжаривать. Когда закипело мясо, она сняла шумовкой пену, и бросила в кастрюлю много капусты. Она любила густой борщ.

Когда уже с капустой закипело, минут тридцать, она отправила туда со сковороды томленые, обжаренные овощи. Посолила. И оставила на плите вариться минут на десять, предварительно насыпав приправы - сухой петрушки, смесь перцев и разрежала большой помидор.

По кухне медленно разливался аппетитный аромат.

Отсыпав из мешка картошки, Раиса начистила её полную миску. Причем, когда чистила, смотрела на каждую картофелину боком, как ворона.

Начищенную картошку помыла, положила в большую алюминиевую кастрюлю, залила водой и поставила вариться.

Открыла холодильник, и стала внимательно перебирать банки. В третьем ряду на второй полке она разглядела банку говяжьей тушенки, которая, как раз, подумала она, подойдёт к картошке.

Потом пошла в комнату к серванту, поглядывая на храпящего мужчину. Постояла, глядя на него, не очнется ли. Потом осторожно открыла дверцу, которая все же скрипнула, и достала бутылку водки. Прижала её к пышной груди, так что бутылка утонула, мельком взглянула на себя в зеркало трехстворчатого шкафа, поправила рукой завитые волосы, и вернулась на кухню.

Выключила борщ, доварился. Проверила картошку, пора сливать воду, и туда добавлять тушенку.

Взяла из кухонного ящика льняную скатерть, которую стелила только по праздникам для гостей. Сама обычно ела на клеёнке. Поставила большие тарелки. Нарезала

хлеба черного. Положила в соломенную хлебницу и накрыла чистым глаженным полотенцем. Подготовила стопки, ложки, вилки, нож. И водрузила по центру стола бутылку. Вернулась к холодильнику за солеными огурцами. Оглядела все своим зорким глазом, и осталась довольной.

Время незаметно подходило к утру. Раиса немного вздремнула на диване, но спать не хотелось. Она поглядывала на гостя, не пробудится ли тот.

Раиса смотрела-смотрела на него, и сама решила разбудить его. Подняла тулуп, провела ладонью по щеке. В ответ раздалось нечленораздельное мычание.

- Ну, может, встанешь?! - сказала она как бы для самой себя, и решительно потрясла его за плечо.

Он открыл глаза полные недоумения. Она стояла над ним.

- Ты кто? - спросил он.

- Я кто?! Я здесь живу. Вот хочу узнать, ты кто такой?

- А это что? Где я нахожусь?

- Ты у меня дома. Я тебя подобрала на дороге. Иначе бы ты был уже неживой.

Он на минуту закрыл глаза, поднатужился и сел. Почесал затылок.

- Вот, черт, ну ничего не помню!

- Ну, иди тогда мойся, может, вспомнишь что...

- А чего мыться-то?

- А того, что ты валялся на улице.

Пока он соображал, она открыла ящик комода, на котором на вышитой гладью салфетке по углам стояли два фарфоровых медведя в голубых шароварах с балалайками в лапах. Взяла большое махровое полотенце, добавила вафельное. Нагнулась к нижнему ящичку и прихватила вязаные еще матерью шерстяные носки. И понесла всё в ванную.

- Иди мойся, а то от тебя больно сильный дух идёт!

Он почти безвольно подчинился её уверенному голосу, поднялся, и, пошатываясь, пошел следом за Раисой.

Ванная была маленькая, совмещенная. Раиса при входе задела его грудью, он качнулся и упал спиной к унитазу.

- Милый, да ты на ногах не стоишь. Дай-ка я тебе помогу. Как тебя звать-то?

- Паша, - пробормотал тот, пытаясь подняться.

Раиса взяла его подмышки и поставила. Расстегнула ремень, спустила утеплённые цвета хаки брюки. На Павле были длинные синие трусы с белыми ромашками. Сняла носки, бросив их в таз стираться, затем рубашку с майкой, увидев на груди его наколку орла с распахнутыми крыльями.

- Ну, орел, забирайся в ванну.

Павел попытался поднять ногу, но тут же опять стал падать, однако Раиса была настороже. Подхватила его, выровняла вертикально, и быстрым движением сняла с него трусы. И обомлела. Давно она хотела увидеть то, что увидела.

Её даже пот прошиб и в лицо ударила краска.

- Ну, садись в воду, я тебя зонтиком полью, - с дрожью в голосе сказала Раиса, придерживая за локоть Павла, пока тот, молча, сажился.

Куском банного мыла она намылила ему голову, затем смыла зонтиком горячего душа. Тёрла мочалкой спину.

После мытья укутала Павла широким махровым полотенцем, и повела к столу.

Глаза у Павла вспыхнули, как только он увидел бутылку.

Выпил-то он хорошо, проворно, в один глоток, а вот ел плохо.

- Не лезет, - после нескольких ложек борща пробурчал он.

- А ты насильно, - посоветовала Раиса. - Надо похлебать, организм поправить. Ты ж опился, наверно?!

Ничего не ответив, лишь шмыгнув носом, Павел принялся против аппетита черпать ложкой борщ. При этом глаза его сами собой, как у ясельного ребёнка, слипались.

Раиса заметила, что он засыпает прямо за столом, обняла его, подняла и повела на диван. Как только Павел уронил голову на подушку, так сразу захрапел с присвистом.

Павлу снилось, что он теплым весенним днём идет по главной аллее поселка, а справа и слева вместо елей стоят палатки на колёсах, на которых написано: «Водка». А ниже, помельче: «Бесплатно». Павел чешет голову, говоря себе, что такого быть не может. Но у каждой палатки стоят ребята с завода, чокаются гранеными стаканами и пьют без закуски.

Павел подходит к рабочим из второго цеха, спрашивает:

- Что вы стаканами-то хлещете? Уж я мастак поддать, но по столько?! Где вас искать потом?

- Не шуми, Паша, - говорят ему ребята. - На-ка прими, а потом рассуждать станешь.

Паша не привык отказываться. Берет стакан, полный, и разом, чтобы перед своими не упасть в грязь лицом, выпивает. И сразу ему как-то хорошо делается, привольно и вольготно. Ни шума в голове, ни опьянения. Только как-то всё вокруг приятнее стало. И во всём теле появилась необычайная легкость. Сам себе говорит, мол, не спеши, это дело требует проверки. Часика через два поглядим. Пока курили с ребятами, болтали о рыбной ловле, которую скоро можно будет начинать, прошло как раз пару часов, а не в одном глазу. Только видимость улучшилась. Принял еще один стакан, да и пошел домой.

Утром просыпается свеженьким, с легкостью встает, умывается. И всё думает, вот сейчас тошнота наступит, сердце воробьем забьется, в глазах синие с красными круги начнут крутиться. Но не тут-то было. Ни похмелья, ни дрожи, и, главное, чувствует себя очень сытым, подтяну-

тым. Пошел на завод. Опять на пути палатки с бесплатной водкой. Ребята тоже все подтянутые стоят со стаканами, трезвые, но очень радостные.

- Махни, Паша, перед сменой, - говорят с подъемом.

Конечно, Паша махнул и раз, и два. И все вместе пошли на смену.

И после смены, хорошо поработав, закрыв все месячные наряды, к палаткам.

Паша у продавщицы нарядной, молоденькой спрашивает:

- А чего это мы не напиваемся, и похмелья нету, ничего не болит?

А продавщица голосом нежным отвечает культурно:

- Так на нашем поселке идет испытание новой водки. Беспохмельной, безболезненной. В институте химии разработали. Водка эта сразу и закуску в себе содержит. Ведь вы и мы все из атомов состоим. Так вот эта водка в атомах вся и сделана для организма полезной, лучше мяса, огурцов и хлеба.

- Не может быть, - говорит Павел.

Но тут сон оборвался, потому что Павел перевернулся на бок, и перестал храпеть. Вот как будто темный занавес опустился, и всё погасло.

Раиса разделась, легла рядом, под одно одеяло. Долго не засыпала, всё думала.

Предчувствие полноты жизни, желаемой, но еще не проверенной на себе, в эти минуты начинало жить в ней, стучалось в её душу снова и снова, пока не стало неотвязным.

И Раиса всё смотрела неотрывно на спящего Павла, и всё думала о том, как всё это будет.

Вернее всего, всё её существо испытывало огромную потребность зажечься в обновлении. Она как бы ждала второго рождения. Да, приспособить свой единственный глаз к новому зрению, омыть его от всего наносного, при-

дать ему большее сходство с безоблачным небом, которое бывает в зимний солнечный день.

А потом сон взял своё.

И вот она в белом подвенечном платье идет с женихом, в черном костюме с синим галстуком, идет в поселковый отдел загса. И много людей вышли на главную аллею, чтобы посмотреть на невесту и жениха. А шлейф у платья такой длинный, что его несут двенадцать ангелов, голеньких и с крыльями, как у гусей, когда они ими начинают взмахивать.

- Откуда же тут ангелы? - спрашивает Раиса и матери, идущей рядом.

- С неба, доченька. Мы ж все с неба на землю спустились. Господи, прости и сохрани.

В руках у матери пышный букет белых с крупными бутонами с тончайшим ароматом роз. Мать улыбается и осеняет себя крестным знамением.

Раиса смотрит на жениха, на его крупное с резкими чертами лицо, на чёрные брови и черные волнистые волосы.

Она и не верит сама себе, что у неё с ним всё наладилось, что они идут расписываться. Хорошо бы, конечно, венчаться в церкви, но ближайшая в сорока километрах в райцентре.

Жених идет трезвый, светлый. Раисе даже не верится, что он такой статный и свежий. Только вот витает где-то возле запах водки. А, это ребята с завода уже успели соорудить, поэтому всё время пытаются затянуть песню: «Не слышны в саду даже шорохи...», но дальше никак не могут пойти, потому что слов не знают.

Тут белые ангелы вдруг всполошились, и взмыли в небо, как белые голуби, и потянули за собой Раису. И она почувствовала себя такой легкой, что даже как бы в пушинку превратилась, в снежную пушинку, и парит над елками главной аллеи...

Она проснулась в семь часов утра. Павел уже не храпел, только широкие ноздри от воздуха ритмично раздувались.

Каждое его едва заметное движение, каждое мгновение нахождения рядом с ним, просто рядом, имели для неё вкус новизны - дар совершенно невыразимый. Благодаря ему она находилась в эти минуты в почти постоянном страстном удивлении. Она этим вниманием к лежащему рядом мужчине чуть ли не доводила себя до состояния любовного обморока, и ей нравилось впадать в это своего рода забытьё.

Раиса лежала на боку лицом к Павлу. Всё смотрела на него, а потом положила руку ему на живот. Павел во сне улыбнулся.

Раиса осторожно, чтобы не потревожить его, встала, босиком прошла на кухню, налила стопку водки и наколола на вилку солёный крепкий огурчик. Когда она вошла в комнату, Павел уже приоткрыл глаза.

Он сначала увидел стопку с огурчиком, просветлел, а потом уж разглядел крупную женщину с широкими плечами и большим белым животом, на который спадали неимоверно большие груди с малиновыми расплывшимися сосками, уставившимися на Павла. Он привстал на локтях, как-то всхлипнул и протер глаза тыльной стороной ладони. Раиса нагнулась к нему, поднесла стопку к губам. Павлу только осталось открыть рот, чтобы в него была опрокинута рюмка, и срочно поднесён огурец.

- Слава тебе, Господи! - прошептала Раиса.

Поставив пустую стопку на комод, положив вилку между медведями, Раиса вся повернулась к Павлу, сделала шаг к нему и, чтобы он ясно осознал, что нужно делать, подвела ладони под груди и стала попеременно приподнимать их, как весы.

Потом Павел смотрел в её глаза, и никак не мог понять, почему в одном глазу он отражается, как в зеркале, а в другом почти не виден. Раиса спокойно объяснила:

- Осколком резца вышибло глаз-то мне... Вот со стекляшкой жожу.

- И ходи, - сказал Павел.

Раиса его сразу полюбила, и эта любовь показалась ей столь прекрасной, столь необходимой, столь ценной, что она ни за что не хотела ничего в этой любви упустить.

Все чувства Раисы знали, что она оказалась в плену упоения.

Каждое новое и законченное объятие приносило ей невиданное, пронзительное наслаждение. И эти объятия длились без перерыва.

К вечеру, уставшие от страстных сближений, поднялись с дивана. Проголодались. Павлу дала свой новый халат, и сама надела старый.

Только стали закусывать, как раздался звонок в дверь. А за ним - бойкая музыка.

Раиса как-то настороженно пошла открывать. На пороге стояла соседка Тая с лысым пожилым гармонистом. У Таи были сильно крашены в огненно-красный цвет губы. У гармониста сверкали два вставных верхних передних стальных зуба.

Когда прошли к столу, гармонист вытащил из кармана бутылку. Выпили. Закусили.

Тайка вскочила, звонко стукнула своими высокими каблуками модных туфель с золотыми пряжками. Проворный, весь в улыбке, вспотевший, так что капельки пота поблескивали на лысине, гармонист лихо растянул мехи гармошки. Тайка с хитрым подмаргиванием Раисе, мол, знаем, в чём тут дело и приветствуем, с хороводным повизгиванием пропела:

Гармониста я любила,
Гармониста тешила.

На евонную гармошку
Незабудки вешала...

И Раиса, румяная и счастливая, с восторгом вышла постучать каблуками. И даже Павел встал в позу медведя с комода, и бил косолапо то одной ногой, то другой.

В передышках наливали по стопке, поднимали. Глаза у всех искрились. А вставной глаз у Раисы светился каким-то изумрудом.

Приостановил веселье резкий, многократный звонок в дверь.

Когда Раиса с улыбкой, всё ещё находясь в состоянии веселья, открыла, то увидела огромную толстую бабу в точно таком же тулупе, как у Павла, и в приспущенном на затылок пуховом сером платке, зовущимся в народе «оренбургским».

Увидев бабу в этом платке, в голове Раисы пронеслись строчки известной песни:

В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок...

А баба прямо от двери невыносимо истошным голосом, побагровев от злобы, заголосила:

- Это ты моего мужика к себе затащила?! Ах, вот ты какая, одноглазая! - И воинственно подняла кулак.

В мгновение Раиса успела отпрянуть, как бабий кулак просвистел по воздуху.

За спиной бабы стояла маленькая востроносая жиличка с третьего этажа.

«Донесла!» - сообразила Раиса.

- Что я тебе, Симка, говорила! - взвизгнула жиличка, когда они увидели в углу Павла.

- Я тебе корова одноглазая покажу, как чужих мужиков воровать! - во всё горло закричала Серафима.

- Да он бы издох в мороз-то, - пытаюсь не кричать, оправдалась Раиса.

- Не твоего ума дело! - остервенело крикнула Серафима, и опять полезла с кулаками на Раису.

Меж ними встрял гармонист:

- Но-но, только без рук!

- А ну, живо собирайся! - приказала Серафима мужу.

Павел послушно и довольно-таки быстро оделся и покорно пошел за женой.

- Эх! Испортила праздник! - с горечью воскликнул гармонист, взял гармонь, накинул ремень на плечо, и заиграл "цыганочку".

Раиса отвернулась, прошептала: «За что, Господи!», - приложила ладони к лицу, и зарыдала.

ПРОВИНЦИАЛОЧКА

Шум неприятно свистящих турбин «лайнера», которому давно было пора падать вместе с пассажирами с неба, затих почти, но не смолк. Он старчески кашлял, задыхался, издавая звуки, сходные с теми, какие извлекала из скрипящей дощатой двери соседка баба Маня, когда скреблась в бабушкину избу. Каждое лето Рогачёва, зеленоглазая блондинка с заманчивой фигурой, когда была поменьше, жила в глухой деревне у бабушки. Почерневшая от дождей изба её стояла у полуразрушенной церкви, приспособленной под зернохранилище.

За церковью был пустырь, на котором обычно собирались и веселились деревенские ребята. Рогачёва так любила деревенские забавы, что хохотала всегда громче всех. Голос у неё с детства был низкий, с каким-то открытым звуком, не сдерживаемый, почти мужской, а речь - такой громкой, что её за это часто грубо обрывали взрослые, и передразнивали дети.

На очень малом ходу, поблескивая фюзеляжем, «лайнер» подрулил к стоянке.

Сначала пассажиров довольно длительное время потопили, потом лениво подали трап.

Спускаясь, Рогачёва увидела большой иностранный самолёт, идущий на взлет с сильным ревом. Он оглушил Рогачёву.

За свою жизнь она привыкла к постоянным одергиваниям по поводу её слишком громкого голоса. Вот и самолеты ей показались такими же «громко говорящими», как она. Когда же она молчала, в тишине квартиры, то заво-

роженно, в каком-то забытьи слушала пение своего любимого кенара «Стёпу». Большая клетка стояла на тумбочке посреди комнаты. Кенар заливисто и нежно выводил свои рулады, а Рогачёвой казалось, что он разговаривает с нею. Он поёт: «Тю-ит, тю-ить...», а ей казалось, он спрашивал: «Как ты сама? Как ты сама?». Она могла часами вот так в прострации сидеть на диване и слушать своего обожаемого желтобокого друга. Особенно после работы, когда руки как бы наливались свинцом, не поднимались от усталости, а ноги ну никак не хотели никуда идти, даже на Волгу, которую она путем никогда и не видела. Так - несколько раз, проезжая на автобусе по длинному мосту.

Самолёты повсюду пестрели окраской, как конфетные фантики, разных марок и компаний. «Как их много, какие красивые!» - подумала она, вертя по сторонам головой с любопытством.

Хромая на один бок, подъехал давно выслуживший свой срок автобус. Толпа устремилась к нему, расталкивая друг друга локтями, чтобы занять места, как будто предстоял долгий путь. Автобус затарахтел. Задрожали сиденья и стекла. Эта дрожь передалась Рогачёвой, которая и без того сильно волновалась.

Она - в Москве! Невиданное дело!

Покачиваясь, как лодка на волнах, автобус развернулся, и Рогачёва увидела здание аэровокзала, неприятно ударившее по глазам отраженным солнечным светом. Она даже зажмурилась. Ей казалось, что это не она летела на самолёте, не она трясется в автобусе, а какая-то другая, не знакомая ей женщина.

Она же постоянно так уставала на фабрике, что дома, слушая кенара, засыпала прямо на диване одетая. Вскakiвала среди ночи, раздевалась, и вновь проваливалась в сон до звонка будильника в шесть утра.

Выйдя из автобуса с большой спортивной на молнии сумкой, Рогачёва пошла за толпой. Сумка была набита банками с едой, и казалась ещё тяжелее, чем при упаковке дома. Это мать постаралась, набивала побольше в дорогу.

- Кто тебя там кормить будет?! - восклицала она.

Мать прожужжала все уши о многочисленных опасностях, которые ожидают её в Москве.

Вспомнив это, Рогачёва почувствовала боль в ноге. Так и знала, что новые туфли, купленные специально для этой поездки, такие классные на высоченной платформе, в которых она выглядела совершенно неотразимо, изрядно натрут ногу.

Войдя в здание вокзала, остановилась, растерявшись от шума и суеты, поставила сумку прямо на ходу, нагнулась, сняла туфлю, и увидела стертую в кровь пятку. Боль была раздражительна. Хотелось сесть на пол и вообще больше никуда не ходить.

Тут из громкоговорителя раздался неприятный, какой-то металлически скрипящий женский голос: «Пассажирка Рогачёва, прибывшая из Саратова, вас ожидают у справочного бюро». Голос дикторши звучал со всех сторон одновременно, гулко, как в пустой бочке, отражаясь эхом от всех стен.

Нескончаемый людской поток огибал растерянную Рогачеву. На мгновение она замерла в отчаянии. Затем вскочила, сообразив, что дикторша обращается к ней.

- Где справочное бюро?! - закричала она так, что несколько человек сразу остановились.

- В центре зала, - бросил на ходу какой-то парень в тёмных очках.

Рогачёва стремглав побежала туда, держа одну туфлю в руке.

- Кто оставил сумку! - услышала она испуганный женский возглас за спиной.

В Москве по известным причинам все стали бояться оставленных сумок.

Рогачёва метнулась назад и подхватила вещи.

У стойки её ожидала Белкина. На ней были ужасно узкие джинсы. Из-под синей бейсболки нависала на глаза черная ровно стриженная челка.

- Ну, наконец-то! - воскликнула Белкина, увидев Рогачёву. - Ты что это туфлю-то сняла?

- Так ногу натерла, просто ужас! - прогремела Рогачёва.

- Ты всё так же орёшь?! Пора бы уже культурно научиться говорить. Говори потише... Это же Москва... Не пугай людей своим говорильником!

Рогачёва испуганно приложила ладошку к губам. И сама себе сказала: «Дуреха, говори тихо!», - при этом отстранила ладошку от губ и шлепнула ею себя по лбу.

Покопавшись в своей изящной красной сумочке, Белкина нашла пластырь.

Рогачёва залепила больное место, надевая туфлю.

- Как долетела? - спросила Белкина.

- Самолет так болтало, что всё время было страшно, - пугливо оглядывая, полушепотом сказала Рогачева, целуя подругу.

- Ладно, долетела же! - сказала Белкина и перехватила из рук Рогачёвой сумку, сгибаясь от её веса. - Ты что туда кирпичей напихала?!

- Это всё мать... Боялась, чтобы я не проголодалась...

- В Москве-то! Да здесь любой без копейки в кармане выживет, - усмехнулась Белкина, направляясь к выходу.

Прихрамывая, Рогачева пошла за ней.

- Мы на автобус или на электричку? - много тише спросила Рогачёва.

- Да я на своей машине, - сказала Белкина.

- Ты мне не говорила, что у тебя есть машина, - удивилась Рогачёва, следя за громкостью своего голоса.

- Машина - это в наше время пустяк.

Перебрасываясь дежурными фразами, дошли до парковки. У Рогачёвой под пластырем пятка уже не болела.

Пустяком оказалась внушительная белая «тойота» с толстыми колесами, как у трактора. Джип.

Дорога от аэропорта была забита, лишь на некоторых участках Белкина спокойно развивала скорость до 120. Она выглядела как профессиональная гонщица, и особенно ей придавали этот вид черные перчатки без пальцев. Да и в невероятно плотных потоках машин Белкина удивительно непринуждённо находила какие-то немыслимые щели, поддавала газку, притормаживала, перестраивалась из ряда в ряд.

Рогачёва заморожено, как прибитая цирковыми номерами воздушных гимнастов на трапеции, искренне любовалась школьной подругой.

Уже больше десяти лет прошло с тех пор, как Белкина рванула в Москву. И теперь, глядя на неё, у Рогачевой заскребло на душе от её собственной пассивности, от боязни покинуть дом родной, к которому так привыкла и не могла оторваться, даже не от самого дома, а от матери, с которой, кажется, срослась так, что по-другому свою жизнь не представляла.

При матери Рогачёва жила беззаботно, домашним хозяйством, практически, не занималась, так кое-что лишь делала по мелочам, чуть было не вышла замуж, но испугалась сильно пьющего жениха, после которого сразу подвернулся другой, с которым пять лет встречалась, и даже подумывала за него выходить, но чем-то он ей не нравился, всё время молчал, и часто уезжал в командировки. Он был горным инженером. И из одной командировки он не вернулся - его завалило в шахте.

Месяца два после трагического известия Рогачёва очень переживала, но потом как-то сама собой догада-

лась, что у него была женщина на стороне. А Рогачёвой хотелось быть единственной, как и всем женщинам с мебельной фабрики.

И вот позвонила Белкина, под Новый год, поздравила, а разговор закончила возгласом: «Да брось ты всё к чертовой матери! Приезжай в Москву! Я тебя пристрою!»

Как так приезжать в Москву? - думала Рогачёва. Страшно. Но этот совет стал преследовать её.

Она была вполне довольна своей жизнью. У неё не возникало даже тени сомнений в том, что жизнь её неинтересна, скучна и бессмысленна. Она плавала в своей привычной с детства среде спокойно и уверенно, как рыба в пруду. Будет ли эта рыба думать о своей участи?! Вот и Рогачёва не то что не мечтала или не думала о сущности жизни, она даже не знала, что такое эта «сущность». Жила, как живет её мать, как живут родственники, как живут фабричные подруги. Работа, зарплата, дом, певчий кенар который поглощал практически всё свободное время, чего ещё желать!?

К лету всё-таки наступил момент, когда Рогачёва уже не могла ходить на свою мебельную фабрику. Всюду её преследовал запах лака. Ей казалось, что вся она пропахла, пропиталась едким лаком. Вот просто клин в горле встал. Каждое утро - на фабрику, а вечером домой к кенару Стёпе.

Ничего не говоря матери, она позвонила Белкиной:

Откликнулся незнакомый приятный женский голос.

Рогачёва своим привычным «иерихонским» тембром прогудела:

- Я, наверно, ошиблась номером? Мне Белкину...

- Вы не могли бы говорить потише... Таких здесь нет.

То была женщина из прислуги.

- Лену Белкину... - вполголоса уточнила Рогачёва.

- А-а... Лену... Одну минуточку...

Через эту минуту подошла Белкина.

- Ты, что, не Белкина?! - заорала Рогачёва.

Наступила пауза, потому что Белкина отстранила трубку от уха, ощущая в нём сильный звон. Рогачёва её просто оглушила.

- Ой, ну ты даешь! У меня чуть барабанная перепонка не лопнула... Говори как-нибудь потише... Нет, конечно... Я уже давно... Я тебе не говорила... Я уже давно Бакиханова...

Несколько секунд Рогачёва переваривала эту новость.

Ну и поговорили.

Рогачёва сказала, что окончательно решила, едет...

Белкина жила легко, вокруг неё всегда крутились поклонники. Вечеринки, музыка и, конечно, ресторан, в котором работала её мать. Белкина пригласила Рогачёву туда на прощальный вечер. Она отмечала грандиозное событие в своей жизни - отъезд в Москву. Обилие блюд на столе поразило Рогачёву, но она почти ничего не ела, и, как это частенько бывает с простыми людьми, опасалась непонятных блюд, а «морские гады», мидии там и кальмары, просто пугали её. Положив на тарелку ложку «столичного» салата, она с завистью наблюдала, как непринуждённо держится Белкина. Все дружно чокались, выпивали, но Рогачёва только пригубила первую рюмку, а потом пила только сок. Заглушал всех ресторанный оркестр. Саксофон, аккордеон, труба и ударные, кто в лес кто по дрова, хотели выглядеть приличным оркестром. Пол под ногами Рогачёвой вибрировал. Какой-то подвыпивший гость подбежал к оркестру, бросил комок сотен, требуя сейчас же исполнить песню «К нам в Саратов».

И оркестр ударил:

К нам в Саратов, к нам в Саратов,
На родимый огонёк

Возвратился из Кронштадта
Синеглазый паренёк.

"Ишь ты", - сказали ребята,
"Видно, парень быть первым привык".
"Ух ты", - сказали девчата,
- Сразу видно - фронтовик!"

Рогачёву неожиданно схватил за руку и потащил танцевать какой-то запьяневший парень. Он сразу запрыгал в такт «саратовской». Рогачёва посмотрела на него испуганно, но все же неуклюже топнула пару раз, и остановилась. Музыкального слуха у неё не было, она не могла спеть ни одной самой заурядной песни. О таких говорят: медведь на ухо наступил. Оркестр пошел на перекур. Парень проводил её на место, сел рядом. На другой день Белкина улетела в Москву. А у Рогачёвой появился первый жених, за которого она даже замуж собиралась... Но... Выпивал... И не закусывал...

Она уволилась с фабрики, купила билет на самолет, только после этого поставила мать перед фактом. Мать стала нервничать.

- Как я тут буду одна...

Рогачёва парировала:

- Пусть Колька почаще заезжает!

- Не ори! - одёрнула мать. - Не глухая...

Колька, брат, жил с семьей в другом районе, поэтому навещался редко. Да и приходил всегда с пустыми руками. Хоть бы пачку риса, что ли, принёс когда. Нет. Норовил у матери стрелнуть денжат, чтобы со своими заводскими продолжить пьянку. Колька сильно пил.

- У него своих забот полон рот, - возразила мать. - Всё ж таки трое детей. - И слезы выступили у нее на глазах.

Рогачёвой не нравилось, когда мать плакала, поэтому отвернулась, чтобы не видеть её слез, и промолчала. Она

не любила Кольку, который был на семь лет старше. Да и вообще он казался ей чужим человеком.

Не следует упускать из виду, что объяснять матери, что она больше не может, да и не хочет ходить на ненавистную мебельную фабрику, задыхается от запахов лака и морилки, было бесполезно. Ни мать, ни родственники, ни подружки не поймут её. Деньги платят хорошие, опять же льготы: молоко, дополнительные дни к отпуску. Рогачёва сама так считала, но разговор с Белкиной как бы разбудил её. Там, в Москве - совсем другая, заманчивая жизнь. Недаром все так стремятся туда.

- Кто тебя приласкает, - повторяла мать, - кому ты нужна, кроме матери?

Мать всю жизнь боролась с нищетой. Работала на двух-трёх работах уборщицей, растила детей без мужа. Рогачёва привыкла видеть мать со шваброй и ведром, в грубом халате неопределённого цвета, толстых носках и тусклых галошах с красной байковой подкладкой. Иногда мать брала дочку с собой на работу, и она наблюдала, как размашисто мать орудует шваброй и тряпкой. За работой она обычно приговаривала: «Трудись, дочка, честно. Я всю жизнь работаю, слава Богу, мы ни в чём не нуждаемся. Вырастешь, замуж выйдешь, детей родишь, я тебе помогать буду, и заживём!». Мать всегда что-то протирала, мыла, ей даже дома не сиделось на месте. Рогачёва жалела её. Они разговаривали мало, но чувствовали друг друга без слов.

Они по праздникам ходили в гости к родственникам, изредка приглашали их к себе. В тёплые дни мать сидела на скамейке у подъезда с соседками, а вечером обсуждала собранную информацию с дочерью. Они так привыкли друг к другу, что не представляли своей жизни друг без друга. Ссорились они редко, в основном, из-за брата Кольки. Рогачёва злилась на брата. Жена Кольки поссорилась с матерью из-за того, что та даёт ему деньги на пьянку. На

упрёки мать отвечала: «Да кто ж его пожалеет еще, если не мать! Он ведь работает и всю зарплату жене отдаёт. Чего ж вы от него хотите!?»

Рогачёву же всё чаще охватывала тоска, хотелось чего-то другого. Она поняла, что так жить больше не хочет. Но объяснить себе это своё состояние не могла.

Сколько помнила она себя, с самого детства Белкина всегда была рядом, они жили на одной улице. Белкина была контрастной противоположностью ей. Хотя, в сущности, все крайности равны, и ни одна не лучше другой. Но, как известно, противоположности по какой-то загадочной причине сходятся. Импульсивная уверенная в себе девочка, всегда была заводилой в их детских играх. Рядом с Белкиной Рогачёва необъяснимо для самой себя чувствовала уверенней. Хорошенькая черноволосая, темноглазая Белкина всегда придумывала какие-то необычные развлечения. Например, залезть в дождливую погоду на чердак, где ютились голуби, и гонять их среди наклонных стропильных ног, вертикальных стоек и наклонных подкосов что было мочи, поднимая несусветную пыль. Рогачёва восхищалась Белкиной, тянулась к ней, но мать частенько предупреждала: «Ты, дочка, смотри осторожнее с ней, у неё мать шалава, и девчонка делает, что хочет!»

Мать Белкиной всю жизнь, как уже было сказано, работала в ресторане, сначала - официанткой, а последнее время - в баре. Соседки поглядывали на неё искоса, относились с недоверием, уж очень разбитной выглядела она. Да и одевалась не по годам, вызываяще, красное с зелёным, в крупную клетку, или широкую ярко-желтую с черным полоску. Обвешивалась блестящими и звенящими побрякушками, а на всех пальцах с длинными маникюренными в светофорный красный цвет - кольца и перстни. В общем, как говорится, изо всех сил молодилась. Да и дочке позволяла носить вызывающие наряды, краситься. Бел-

кина рано начала бегать на свидания, мать всё ей разрешала. Баловала. Но, надо сказать, училась Белкина хорошо, схватывала всё на лету. И с такой же легкостью махнула в Москву...

- Как у тебя с последним? - отвлёк её от размышлений голос Белкиной-Бакихановой.

- Да никак, - мрачно и почти безголосо отреагировала Рогачёва, занятая разглядыванием улиц и прохожих на них.

- И это правильно, - сказала Бакиханова. - Здесь ты будешь человеком! Я ему о тебе всё рассказала... Он ждёт - не дожидется...

Рогачёва незаметно для себя вжалась в сиденье, осторожно, всё время помня об излишних децибелах своего голоса, проговорила:

- Я боюсь. А что, если он мне не понравится...

- При чём здесь «не понравится»? А мне, что, мой нравится?! Речь не об этом. Жизнь устроена так, что многими вещами нужно научиться жертвовать.

Рогачёва посмотрела на неё с открытым ртом. Ей показалось, что она впервые видит свою давнюю подругу, что Бакиханова - женщина из другого мира.

- А как же ты живешь, если он тебе не нравится? - опять очень громко выкрикнула этот вопрос Рогачёва.

- Тише! Ты меня оглушила! - взвилась Бакиханова.

Обе минуту помолчали.

- Прости, буду тихой...

Произнеся эти слова в какой-то оскорблённой тональности, Рогачёва ощутила, что краснеет.

Бакиханова включила приемник, покрутила ручку, остановилась на какой-то джазовой волне. Солировал саксофон очень грустным голосом. Казалось, он на что-то жаловался. Наверно, тоже не хотел покидать Саратов...

Бакиханова взглянула на Рогачёву с подозрением и, усмехаясь, сказала:

- Слушай, какая ты глупая! Настоящая провинциалочка! Я что, тебя на панель зову?! Если ты сама свою убогую жизнь не переделаешь, никто за тебя это делать не будет. Я тебя в хорошие руки отдам! Партнеру моего мужа по бизнесу, богатому человеку...

От этих слов Рогачёва с испугом подняла брови.

- Как отдашь? - опять крикнула она.

- Ты, что, невменяемая? Не глуши меня своим голосищем, как рыбу! Ладно, проехали... Слушай меня и наматывай на ус. Учись жить двойною жизнью... Я-то сама уже какую-то тройною жизнью живу... А, может, пятерною, десятирною...

При этом Бакиханова расхохоталась и положила руку на её колено.

Рогачёва затаилась, как кошка. Её забрали в тиски собственные представления о правильной жизни, внушаемой с детских лет матерью и родственниками. Если встречаешься, живёшь с одним, то о других и думать не смей. Потому что, размышляла она, если есть один, то другие - уже преступление. Она поняла, что поступает безрассудно.

Жила себе преспокойно в Саратове, а тут вдруг нахлынул поток оглушающих впечатлений!

А Бакиханова продолжила методично развивать свои мысли:

- В Москве необходим зверский темп! Постоянно возникают новые знакомства, а их нужно поддерживать, а от некоторых знакомств нужно тактично уклоняться... Ты понимаешь, нужно же всё уметь! И научиться принимать гостей, но и культурненько выпроваживать неугодных, всё время улыбаться и говорить только приятные людям слова... Постоянно нужно следить за модой, знать, кто что носит, стараться понравиться мужчинам и не показаться дурёхой... Надо чувствовать людей! Одному надо натурально оказать честь, а другого регулярно кормить обещаниями, чтобы далеко не убежал, был у ноги...

У Рогачёвой даже голова закружилась от этих наставлений. И от езды тоже, конечно.

Между тем Бакиханова свернула с Садового кольца в свой переулок и, прежде чем заехать в подземный гараж нового дома, построенного в стиле модерн, остановилась у цветочного стеклянного киоска и купила огромный букет бордовых роз.

- Я каждый день меняю цветы... - сказала как бы небрежно Бакиханова.

Рогачёва смиренно промолчала.

К вечеру приехал этот самый партнер по бизнесу - Лифшиц.

- О, вот и Лев Абрамыч! - воскликнул Мехрали Магомедович, очень тучный, с мясистым носом и жирными губами, муж Ленки, неспешно отпивая молоко из тонкого высокого стакана.

Лифшиц вошел довольно бодрым шагом, правда, чуть покачиваясь от солидного возраста, потому что этот «возраст» так и выпирал отовсюду. Это был маленький щуплый человечек, совершенно лысый, с ободком редких белых длинных волос, с миниатюрными детскими пальчиками и большими розовыми ушами.

Рогачёву охватил ужас. Она сжала пальцы, лицо её померачнело. Она не знала, куда себя деть.

- Ах, вот вы какая, красавица! - надтреснутым тенором произнес он.

Лифшиц взял её за руку с выражением одновременного стеснения и снисходительности. Взгляд его старческих мутных глаз проходил как бы сквозь неё.

ЕГЭ

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) - это основная форма государственной (итоговой) аттестации выпускников школ Российской Федерации.

Из официальных правил.

Курбская родилась в старинных книгах и до самозабвения, до перевоплощения, до исчезновения любила не просто читать их, а жить в них единственно реальной жизнью. Зрительная память у неё была настолько сильно развита, что она безо всяких усилий запоминала самые серьезные, написанные для умных людей произведения целыми страницами. Глас вещей, аще кому хотяше песнь творити, отзывался в её душе «Плачем Иеремии», который бабушка читала ей еще с колыбели, дабы внучка сладко ко сну отходила.

Примеры задач по обществоведению на ЕГЭ:

1. Под “социальным подъемом” в социологии понимается:

- А. Рост благосостояния общества.
- Б. Накопление культурного потенциала нации.
- В. Переход человека или группы на более высокую статусную позицию в обществе.
- Г. Рост доли внутреннего валового продукта на душу населения.

2. Что в социологии понимается под “первичными группами”?

А. Наиболее ранние общности, в которые объединялись древние люди.

Б. Низовые ячейки производственного коллектива (например, бригады).

В. Группы, оказывающие наиболее сильное влияние на формирование личности.

Г. Группы, на нормы и ценности которых в основном ориентируется взрослый человек.

3. Что можно отнести к неформальным инстанциям социального контроля?

А. Гражданское законодательство.

Б. Налоговый контроль.

В. Правила пожарной безопасности.

Г. Престиж...

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: "О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши! Чему мычеша хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бьшет горе под облакы вьяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?"

Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему. Иуда переселился по причине бедствия и тяжкого рабства, поселился среди язычников, и не нашел покоя; все, преследовавшие его, настигли его в тесных местах. Пути Сиона сетуют, потому что нет идущих на праздник; все ворота его опустели; священники его вздыхают, девицы его печальны, горько и ему самому. Враги его стали во главе, неприятели его благоденствуют, потому что Господь наслал на него горе за множество беззаконий его; дети его пошли в плен впереди врага.

В семье Курбских (Мантигирдасов) всегда стояла возвышенная тишина, а все члены семьи располагались в своих

комнатах с серьезными книгами. Если у человека есть возможность упиваться чтением в течение многих часов, то это значит, что в таком доме царит уважение к личности.

Существует версия, что последний представитель рода князей Курбских отошел в мир иной в Польше в XVIII веке. Однако дело обстоит иначе. Академик Курбский, проводя тщательное историческое расследование, выяснил, что его линия идёт от литовского отпрыска знаменитого князя, который имел побочные связи, и который по причинам собственной безопасности стал «Йонасом Мантигирдасом».

В полумраке длинного коридора, кое-где слабо освещенного дежурной лампочкой без абажура, вдоль одной стены в огромных кадках стояли с лопушистыми, глянцевыми листьями фикусы, вершинами своими упиравшиеся в потолок. Между фикусами на тумбочках, покрытых красным сатином, белели в ряд бюсты в натуральную величину Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Ивана Грозного и Павлика Морозова с алым пионерским галстуком на шее. Взвейтесь кострами синие ночи!

У противоположной стены на лавке сидели в томительном ожидании своего вызова седобородый старик в промасленной телогрейке, капитан милиции в портупее и с кобурой на боку, модная с накрашенными губками, с чернобуркой на плечах дамочка неопределённого возраста, красный толстощёкий гражданин в фетровой шляпе с широкой шёлковой лентой и другие товарищи. Лица у всех были растеряны и напряжены. Кто мял платок, вытирая слёзы, кто чесал затылок, кто судорожно перебирал ногами, кто закрывал глаза и откидывал голову назад...

Из-за дверей слышалось непрерывное гудение голоса.

Волосы директрисы были неумело выкрашены марганцем в рыже-розовый цвет с лиловым отливом, и седина

была заметна в корнях кудряшек повсюду. На директрисе был черный мужской пиджак с орденом Ленина на лацкане. Верхняя пуговица строгой белой блузки впивалась в дряблую шею. Огромная грудь её выпирала из пиджака и лежала на столе. Командный, металлический голос её был слышен не только в приёмной, но и гремел по всему этажу. «Очередную жертву отчитывает», - пронеслось в голове у сидевших за дверями.

- Курбская, я тебя в последний раз вызвала. Я надеялась, что ты возьмешься за ум. Но ты палец о палец не ударила. Какой же ты новый социалистический человек после этого, как ты будишь сдавать ЕГЭ?!

- Гэ, гэ, гэ! - отлетело эхом от оконных стекол.

А на улице подхватила собака: «Гав, гав, гав!»...

Собака, по всей видимости, уже сдала ЕГЭ.

Не позднее 31 декабря орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющий управление в сфере образования, обязан на своем сайте и в средствах массовой информации объявить список мест регистрации на сдачу ЕГЭ.

На 8-е марта директриса получила щедрый подарок от учеников. Огромную коробку торта. Принесла домой. Измождённый и как всегда пьяный муж без движений лежал в коридоре. Она переступила через него и понесла торт на кухню. Развязала коробку, сняла крышку и увидела огромный красный кирпич.

Курбская, в расшитом золотом платье с длинными рукавами, которые на запястьях поддерживались «наручами» - обручами, браслетами, украшенными жемчугом и драгоценностями, ученица выпускного класса, с накрашенными ресницами, тупо смотрела в пол, и думала о том, что скоро, наконец, окончит ненавистную школу.

Десять лет терплю эту дуру никаких сил уже нет. Человеке! убойся Бога, сидящего (Курбская так и помнила не

«си», а «се», не «щего», а «щаго») на херувимех и призирающего в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь! Тут надо быть стоиком. И у Курбской мысли потекли сами собой, ибо только ей стоило завестись на каком-нибудь размышлении, так она уходила в бесконечность. Да, стоики были замечательные люди, но учение их застыло еще две тысячи лет назад и ни капли не подвинулось вперед и не будет двигаться, так как оно не практично и не жизненно. Оно имело успех только у меньшинства, которое проводит свою жизнь в штудировании и смаковании всяких учений, большинство же не понимало его. Учение, проповедующее равнодушие к богатству, к удобствам жизни, презрение к страданиям и смерти, совсем непонятно для громадного большинства, так как это большинство никогда не знало ни богатства, ни удобств в жизни; а презирать страдания значило бы для него презирать самую жизнь, так как всё существо человека состоит из ощущений голода, холода, обид, потерь и гамлетовского страха перед смертью. В этих ощущениях вся жизнь: ею можно тяготиться, ненавидеть ее, но не презирать. Учение стоиков, казалось Курбской, никогда не может иметь будущности, прогрессируют же, думала она, от начала века до сегодня борьба, чуткость к боли, способность отвечать на раздражение...

Участники ЕГЭ в основные сроки получают пропуск до 10 мая у администрации своего образовательного учреждения или в месте регистрации на ЕГЭ.

Дадут аттестат, куда они денутся. Курбская была, как и положено княгиням, самая высокая среди старшеклассниц, выглядела лет на девятнадцать, носила короткие юбки, выкроенные из княжеских платьев, которым отрезала подолы, из-за которых подвергалась бесконечным замечаниям со стороны учителей, завуча и директрисы. Уникаль-

ный педагогический состав был тщательно подобран в соответствии с отсутствием интеллекта директрисой, и состоял, в основном, из престарелых учителей крепкой советской закалки. Все они старались походить на своего руководителя, и одевались, как служители ритуальных агентств и кладбищ, и щеки не мазали, губы не красили, ногти грызли. Неотразимая мужская половина сплочённого коллектива состояла из горбатого учителя математики, учителя физкультуры с фигурой и физиономией орангутанга, девяностолетнего слепого охранника и татарина-дворника, не понимавшего ни слова по-русски. В учительской, как на коммунальной кухне, постоянно пропадали разные предметы, царила атмосфера истерических скандалов со схватками до вырывания волос, наушничества и регулярного составления коллективных писем с осуждением американской военщины, не дающей вздохнуть братьям по тёмному разуму на свободоубийственном Острове свободы. «Да предстанет пред лице Твое вся злоба их; и поступи с ними так же, как Ты поступил со мною за все грехи мои, ибо тяжки стоны мои, и сердце мое изнемогает».

Ученики же старших классов называли школу «заповедником старых маразматиков». Пятиэтажная хрущоба школы была построена во времена Ивана Грозного.

Курбский тогда писал Грозному: «Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! И коих лъжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившася ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, понеже горестью еще душа моя объята бысть. Но вкупе вся реку конешне: всего лишен бых и от земли Божия тобою туне отогнан бых. И воздал еси мне злая воз благая и за возлюбление мое - непримирительную ненависть. И кровь моя, яко вода, пролитая за тя, вопиет на тя к Богу моему. Бог - сердцам зритель - во уме моем прилежно смышлях и совесть

мою свидетеля поставлях, и исках, и зрех, мысленно обращался, и не вем себе, и не найдох в чем пред тобою согрешивша...»

Грозный же отвечал сбежавшему в Литву Курбскому в духе ревнителей социализма и сталинской конституции: «Кровию же никакою праги церковныя не обагрям; мучеников же в сие время за веру у нас нет...»

- Курбская, я к кому обращаюсь? Что ты молчишь?

А Курбская вспомнила ответ царя беглому князю: «А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было. А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмь человецы. Ты чево для понял стрелецкую жену?» Это и понятно. Ибо многочисленные любовницы и жены Грозного умирали не своей естественной смертью. Разными напитками и кушаньями «добрые люди» помогали им обретать жизнь вечную.

- Ещё раз спрашиваю? Пошто молчишь?! - вскричала жена Грозного.

Обязательными для всех выпускников школ являются экзамены ЕГЭ по русскому языку и математике. Положительные оценки по этим предметам необходимы для получения аттестата. Если выпускник намерен продолжить образование в высшем или среднем профессиональном учебном заведении, то он должен сдать так называемые предметы по выбору. Выбор должен быть основан на перечнях вступительных испытаний в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего или среднего профессионального образования.

Курбская росла среди древних книг, читала по-старославянски с шести лет. Родители её были настолько увлечены наукой и искусством, что не утомляли её воспитанием. Родители полностью во всём доверяли дочери. Отец Курбской посвятил себя истории, можно сказать, что он,

собственно на ней был женат, всё своё время он увлечённо посвящал своей избраннице. В тридцать два года он защитил уже докторскую диссертацию о взаимоотношениях Грозного с Курбским. Работал в историческом научно-исследовательском институте, его статьи печатали самые уважаемые американские журналы, а тут давали лишь искаженные выжимки. Отец часто уезжал на научные конференции, читал лекции в престижных университетах Китая и Америки.

- Что ты молчишь?! - рыкнула директриса, яко дивий зверь.

Резко подул ветер, хлопнула форточка.

Настоящим другом Курбской, с которым она делилась своими секретами, была бабушка. Бабушка, училась в Смольном институте благородных девиц, свободно говорила и читала по-древнерусски, нашла новый ключ к пониманию русской истории, и в таком духе воспитала сына.

Дежурная лампочка освещала узкий проход между железными койками. Звуки металлических подковок надзирательницы смолкли. Хлопнула дверь. Щелкнул ключ в замке. Скрипнула задвижка. Курбская достала из-под подушки старую книгу, открыла страницу на закладке и углубилась в чтение «Плача Иеремии». Она читала на ночь каждый день, после работ на колхозной ферме. Она выгребала навоз из-под коров. Глаза побежали по строчкам: «Услышали, что я стенаю, а утешителя у меня нет; услышали все враги мои о бедствии моем и обрадовались, что Ты соделал это: о, если бы Ты повелел наступить дню, предреченному Тобою, и они стали бы подобными мне!» Бабушка отложила книгу и заплакала. Оставалось ей ночевать на этой барачной койке 1284 дня. Дни эти она считала, и ставила палочки утекших в неволе на последней странице книги. А хорошо бы бабушке эту книгу читать не в зоне, а в кабинете.

Но ведь Диоген не нуждался в кабинете и в теплом помещении; там и без того жарко. Лежи себе в бочке да кушай апельсины и оливки. А доведись ему в России жить, так он не то что в декабре, а в мае запросился бы в комнату. Небось, скрючило бы от холода.

Мать Курбской - солистка государственной филармонии, пела старинные романсы.

Мне не спится в тоске по ночам,
 Думы мрачные сон отгоняют,
 И горючие слезы невольно к очам,
 Как в прибое волна, приливают...

Курбская вздрогнула, но глаз не подняла. Засим в голове у неё пронеслось: «Чтоб ты, старая ведьма, скорее провалилась сквозь землю со своими Сталиным, Павликом Морозовым и ЕГЭ!»

Странное дело, в ту же секунду раздался ужасный душевраздирающий хруст, пол и стены страшно закачались, со стола упал дулевского завода фарфоровый чайник, из которого директриса постоянно из горлышка пила заварку, по стене пошла чёрная трещина, портрет Ленина в тяжёлом багете закачался, перекосялся, и грохнулся на пол со звоном битого стекла, после чего, и пол разверзся, как при сильнейшем землетрясении. С ополоумевшим взглядом пациентки психиатрической клиники директриса в эту щель мгновенно провалилась.

Курбская посмотрела вниз, в чёрный провал, однако высвеченный внизу ясным серебристым светом. Луна прожектором светила. Глубина была как в горном ущелье. Далеко внизу среди деревянных и железных крестов и гранитных памятников скопилось множество людей. Курбская вгляделась. Вон учитель математики маленький, сгорбленный с трясущимися руками. Он был

горбатый с детства. Горб возвышался над его головой, и когда он шёл по коридору, над ним насмеялась вся школа. Вон учительница физики в своём огромном ортопедическом ботинке, которым она стучала так, как будто в класс входила сама смерть, и детей охватывал ужас. А вон учительница английского языка, плоская как доска и злобная, как коммунальная стерва, без мужских ласк, обучившая своих учеников только одной фразе: «Гоу аут!» - «Выйди вон!». Вон и все остальные «воспитатели нового человека».

Крышку гроба забили. Гроб подняли на полотенцах и начали опускать в могилу. Строй учителей, самому младшему из которых было 70 лет, дружно стал подвывать.

Сзади этого строя послышался гул бульдозера. Все оглянулись. Огромная жёлтая немецкая машина, с электрогидравлической коробкой передач, с ковшем фирмы «Брудер», поблескивая гайками на огромных колёсах, быстро двигалась на них. Не успели они что-то понять и, тем более, выкрикнуть, как бульдозер столкнул всех учителей в огромную глубокую могилу.

Могильщики быстро насыпали холм и воткнули табличку с надписью: «Школа имени Первой пятилетки».

Истощились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя, изливается на землю печень моя от гибели дщери народа моего, когда дети и грудные младенцы умирают от голода среди городских улиц.

Бланк ответов № 1 предназначен для записи ответов на задания типа А с выбором ответа из предложенных вариантов и записи результатов выполнения задания типа В ответом в краткой форме (слово или число). Записывать ответы надо в строгом соответствии с инструкцией, которые дается к заданиям в КИМ.

- А директор-то на месте? - испугано как бы сам себя спросил милиционер.

- Должна, видать, скоро быть, - ответила бабка в армейском бушлате.

- Что-то не видать... Не ндравится мне это! – сказал милиционер и, подумав, повторил: - Не ндравится!

Но сидящим особенно понравился этот звук «д» в слове «нравится», которое всегда и всюду жило спокойно без этой буквы «д».

...в прессе словно мне кто намекнул а он укрыв лицо бумажной салфеткой и изобразил из себя человека думающего о своих проблемах так что вероятно оно и сочинялось какой-нибудь которая полагает что отыскала себе недоумка поскольку у подавляющего большинства мужской половины людей в его годах такое случается особенно когда им под пятьдесят как вот ему так что сумеет ныне извлечь из него пользу в виде денежных знаков сколько получится седовласый паренёк наивнее любого мужчины и стало быть когда он мне тыльный низ облобызал как водилось за ним частенько это случалось так дабы утаить а мне безразлично с кем он там сексом утешается или кто прежде у него был хотя видимо понять бы нетерпелось коль уж это не такое дело когда оба они у меня на глазах всю дорогу как с той безотказной Джулией которую мы приютили на Булли-террас крутила регулярно своим турнюром чтоб его растлить неприятно когда от него пахло разукрашенными девицами несколько раз у меня появлялась такая догадка нарочно поманила его к себе а потом обнаружила вытравленный женский волос на брюках это сверх того не беря в голову момента когда заглядываю в ванную а он быстро как самодеятельный актёр перевоплотился как будто водой от жажды наслаждается при женщине что тут толковать кто его знает другие тут ни при чём если он сам всегда ставит себя в дурацкое положение вот пришло ему в голову сойтись с домработницей а вскоре советует усадить ее с нами за праздничный стол

как это кому понравится вот уж тут нет благодарю но не в моей квартире прихватывала без спросу у меня макароны и селёдку штуки три когда бежала проведать родственницу понимаете в чём дело кому это понравится сущая воровка и вот весь и сказ о ней но я убеждена у него наверняка было это самое с ней у меня собачий нюх на это он пробормотал у тебя нет фактов возможно это и не она о да вот к примеру её родственница не могла прожить дня без селёдки и макарон но я все-таки ей внушила что я о ней думаю умолял меня пройтись на воздухе чтоб самому с ней побыть наедине я не снизила бы до того чтобы следить за ними те колготки что я обнаружила у неё под шкафом в среду в ее отгул этого уже мне было достаточно у неё вся физиономия налилась от злобы когда я ей выговорила что увольняю её я это прекрасно заметила лучше совсем жить без прислуги без неё квартиру я сама уберу гораздо лучше если бы только не ежедневная готовка еды и мытьё посуды но все равно я поставила ему ультиматум она или я будет здесь жить я бы на него даже взглянуть не смогла бы если бы точно знала что он был с какой-то нечистоплотной бессовестной вруньей вроде вот этой что вперив в тебя круглые глаза и оправдывается да к тому же поёт в уборной свои сельские песни потому что полагала что её положение здесь крепче крепкого да ясно ведь что он не сможет длительное время без этого так что обязательно вынужден будет найти себе а в тот уже давний раз он кончил не на её а на мой зад...

Толстяк в шляпе приоткрыл дверь кабинета директора и охнул. За столом сидела в княжеском одеянии Курбская.

- Вы кто?! - с испуганным удивлением спросил толстяк.

- Но только слово истинно, по Писанию: не увидеша, дожде придет вода взят вся... С вещим ужасом слушали люди, и казалось возможным пророчество: а где ныне школа имени Первой пятилетки?...

Толстяк остолбенел на некоторое время, затем, придя в себя, робко повторил вопрос:

- А вы-то кто будете?

- Я ваш новый директор, - довольно приятным голосом сказала княгиня.

- А, простите, как вы вошли в кабинет?

- Через окно, - спокойно ответила та.

Толстяк перевел взгляд на окно. Одна рама была открыта, и ветерок легко шевелил белые шторы.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: "Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жажду имь лучи съпряже, тую им тули затче?"

И аще что реченно просто: бланк ответов № 2 предназначен для записи ответов на задания с развернутым ответом. Поля для ответов на задания располагаются на титульной и обратной стороне бланка. В верхней части бланка ответов № 2 расположены вертикальный и горизонтальный штрихкоды, поля для рукописного занесения информации участником ЕГЭ, при этом вносимые, код региона, код и название предмета, должны соответствовать информации, внесенной в бланк регистрации и бланк ответов № 1. Как умрем, так он почтет, да помянет пред Богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем Бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

ПОНЯ

У Манефы Яковлевны было девять дочерей. Она обвела ласковым глазом стол, комод, полки - всё светится, всё прибрано, всё чисто, и как-то очень приветливо перекрестилась на образ в углу. Подняла дощатую крышку ведра, зачерпнула железной кружкой немного колодезной воды, медленно, по маленькому глоточку отпила, улыбнулась без причины, и певучим голосом позвала:

- Гранюшка, поди-тко ко мне, где ты?

- Иду, мамынька, сейчас уроки допишу, - ответил высокий детский голос из глубины дома. Через несколько минут в комнату, слегка прихрамывая, вошла в цветочках и ленточках худенькая девочка лет десяти.

- А Катя где? - спросила Манефа Яковлевна, подходя к печи и открывая заслонку. Оттуда пошел горячий воздух. Печь Манефа Яковлева протопила еще на рассвете, а теперь можно было ухватом ставить в неё чугунок, чтобы готовить обед.

- Так она пошла за водой с Устей и Капой, мамынька, папынька велел в бане бочку до полна наполнить, - высоким голоском ответила Граня, покрывая голову платком и тщательно убирая под него русые волосы со лба.

- Малая-тко в доме уже? - продолжила переключку дочерей Манефа Яковлевна.

- Нет она играет в палисаднике ещё, за ней Стеша смотрит, - с полным знанием расположения всех сестёр доложила Граня, - а те уроки делают.

- Ну-тко, доча, чистить пора картошку. Печь-тко вон вся расфуфырилась, - мягкой ладонью погладив девочку по

голове, сказала Манефа Яковлевна, и поставила на стол эмалированную миску для картошки.

Граня взяла закопчённый чугунок, наполнила его водой, набрала полную миску картошки, взяла нож с деревянной гладкой ручкой и принялась за работу. Кожура как спираль красиво заструилась, закручивалась, вниз.

- Аполлинария там ещё сидит? - посуровевшим вдруг голосом спросила Манефа Яковлевна.

- Да, мамынька, там она, - торопливо доложила Граня.

- Позови, пусть-тко идёт помогать, - сказала мать.

Граня послушно пошла за занавеску, дальше - по коридору, поднялась по лестнице, миновала ещё один коридор, спустилась по узким ступеньками к низкой двери, похожей на дверь в чулан, открыла её и вошла в темную, слабо освещённую комнату. Это было совершенно необычное помещение, которое тщательно скрывали от посторонних глаз. Тесная с низким покатым потолком. Больше похожа на кладовку. Но стены говорили о другом. Они все поблескивали в неярком свете иконами. Некоторые иконы были высотой с человеческий рост. Под каждой иконой висела лампадка, а на полу - подсвечники и глиняные кувшины с узкими горлышками, в которых стояли цветы. Единственное маленькое, почти слуховое окно было завешано плотными занавесками. Во время молитвы в дополнение к лампадкам зажигались в бронзовых, почти церковных высоких подсвечниках свечи, мерцающий свет которых ярко подчёркивал лики святых. Когда же в молельной никого не было, горела только лампадка перед образом Христа, слабо освещая его. По великим праздникам лампы и свечи горели постоянно, и следить за ними поручали двум старшим дочерям, при условии примерного поведения.

Когда Граня вошла, то увидела перед иконой Божьей Матери стоящую на коленях старшую сестру Поню, от кото-

рой на другую стену, тоже с иконами, ложилась черная тень. Поня была наказана.

- До замужества чтобы не смела ни с кем гулять, - с металлической холодностью сказал отец, Евдоким Пахомович. - Наказываю тебя на сутки. Марш в молельню! И чтоб духу твоего я не ощущал нигде.

Поня молча удалилась к иконам.

Накануне меньшая сестра Улита, вбежав в дом, когда все усаживались к столу на ужин, закричала:

- Понька с Гъинькой у амбая целуются, - Улита звук «р» не выговаривала.

Евдоким Пахомович, в расшитой русской рубахе, уронил ложку в чугунок, а ели они все вместе в одно время из одного чугуна по очереди, покраснел, хотел что-то сказать, но вместо этого изо рта вышел слабый хрипленький звук. Как говорят в таких случаях, отец потерял дар речи.

Евдоким Пахомович редко бывал дома, от восхода до заката он работал на молокозаводе.

- Понь, мамынька зовёт, - торопливо перекрестившись на образа, сказала Граня. Аполлинария, глядя в пол, упрямо прошептала:

- А я всё равно за Гришку замуж выйду.

И вышла.

Молчком, даже намек не подав, сбежала, совсем потеряв голову, с Гришкой в Москву.

Как она была прекрасна в эти дни! Вьющиеся волосы Пони вздрагивали, между поблескивающими зубами игриво показывался язычок, она вся колыхалась от смеха и поцелуев.

У Гришки там на Солянке жила тетка, у которой временно и остановились. Через месяц расписались.

Потянулись дни. Поня любила Гришку, и он любил её, но уже какой-то другой, обыкновенной, будничной любовью хозяина, в которой было больше необходимой потребнос-

ти, чем самозабвения в наслаждении. И Поне от прилива непонятной тоски подчас даже странно было припоминать, что сошлись-то они ради этой одной, ставшей такой обыденной любви.

Поне стало мучительно так, как бывает мучительно молодой и радостной кобылке, выпущенной в поле с перевязанными веревками ногами.

А Гришка устроился на завод Сталина закручивать гайки на конвейере. Но вот какие случаются истории: ходил на завод Гришка, да и сошелся там с другой, с браковщицей из литейки.

До этого они с Поней жили уже в общежитии завода. А Поня устроилась работать на картонажную фабрику.

Монотонно потекла теперь жизнь в четырех стенах девятиметровой комнаты общежития фабрики.

Разошлись они с Гришкой, как и не сходились.

Однажды Поня шла после вечерней смены в своё новое общежитие.

Воздух был свеж и прозрачен.

С проводов между фонарными столбами капали остатки летнего дождя, поблескивавшие в лучах высоких ламп. А над ними, в темнеющем небе, загорались синие звезды.

Пока Поня любовалась звездами, к ней подошел уже немолодой чуть под хмельком полноватый человек с покатыми плечами, и сказал сразу:

- Я следовал за вами и вы мне очень понравились.

Поня испугалась.

Она не знала, как в подобных случаях себя вести. Ей было, конечно, приятно, что она вот так сразу понравилась мужчине, пусть и не очень приглядному.

Она почесала затылок. Зачем её думать о чем-то, когда сами подходят свататься?

- Ой, ну что вы! - сказала, покраснев, она.

- И как же вас величать? - спросил мужчина.

- Аполлинария, - тихо ответила Поня.

Так она нашла себе другого мужа. Он жил в комнате в Хользуновом переулке, а работал в трамвайном парке бухгалтером.

Поня уволилась со своей картонажной фабрики и стала работать кондуктором в трамвае.

- Следующая - Дом культуры "Компрессор"! - бодро объявляла она, откручивая билеты, рулонами висящие на груди, по разным ценам на разные расстояния, новым пассажирам и даже покрикивая на них: - Граждане, не скапливайтесь на задней площадке, продвигайтесь в голову вагона!

Через известное время Поля вышла в декрет. У неё родилась дочь, которую назвали Катей.

Не успела Поня понянчиться с Катей, как мужа, хоть и был он бухгалтер, забрали на фронт. Это, когда Кате исполнилось всего четыре месяца, началась война.

С войны бухгалтер не вернулся. Пропал без вести.

Поня одна воспитывала Катю. Делала всё так, как её воспитывали - в строгом исполнении указаний родителей.

- Раскрытой не ходи, платок накидывай! - говорила она строго.

Дочь вроде бы молча слушала, но глаза у нее заметно поблескивали в полумраке.

Поня даже сама не понимала, как она сделалась строгой, как папенька.

Туда не ходи, это не делай. На танцы? Да я тебя со свету сживу!

И вот в восьмом классе пропала дочь. Ушла, не спросясь, из дому.

Поня ездила в своем покачивающемся трамвае, и под стук колёс всё думала о том, как же всё в жизни повторяется. Она сбежала из-под указаний родителей. И дочь сбежала. Это она сразу поняла.

Один раз съездила в церковь в Рогожскую слободу. Но там ей стало так тоскливо, что она выбежала на улицу, и, развязав узелок платка, приспустив его на лоб, чтобы промокнуть холодный пот, долго дышала, как будто её кто там душил.

Отрадой после этого для Пони стал телевизор, который она купила в кредит. Придет с работы, включит его, он бубнит что-то там, а ей хорошо. Всё ж не одна.

Поне было странно и трудно сознавать, что Катя уже как бы не её дочь, а существует в жизни сама по себе, вроде как бы Поня её и не рожала. Но ведь и с ней такое было. И Поня пыталась понять, но не понимала до конца, что любое её замечание больно отзывается в другом человеке, который переживает это совсем не так, как она. А, может, и так. Кто знает?

Только года через два Катя дала о себе знать. Она уже родила девочку себе от законного мужа - шофера автобазы строительного управления.

А Поня все отрывала билеты. До тех пор, пока её не заменили железной кассой. Три копейки бросаешь, и сам себе отрываешь билет. Вот и вся функция Пони.

Она теперь каждый день сидит у подъезда и, разглаживая своими грубыми пальцами морщинистое лицо, делает замечания всем входящим и выходящим.

- Не сорите! А курить у подъезда запрещено!

Но на неё даже никто внимания не обращал.

А она вспоминала, как мамынька, Манефа Яковлевна, как бы не касаясь пола, легко вплывала в освещенную осенним солнцем горницу, с большой русской печью, и ставила старую берестяную корзину с картошкой на гладкую лавку, отполированную за долгие годы службы многочисленным семейством. На мамыньке было домотканое расшитое синими и красными лентами платье, на ногах - войлочные белые тапочки с синенькими из таких же лен-

маргарита прошина

точек цветочками, на голове - вязаная в форме цилиндра шапка с вплетенными там и сям узорами из толстых пестрых ниток.

“Наша улица” №161 (4) апрель 2013

ЛАВРУШЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

У неё было редкое имя - Видана.

И великолепные тяжелые две косы, на солнце отливавшие золотом.

Она устроилась переводчиком в НИИ сразу после окончания института.

Это была её первая работа, и она очень волновалась, сумеет ли справиться с техническим переводом, но языком немецким она владела свободно и надеялась освоиться и с терминологией.

Внушительное здание института никак не вписывалось в компанию замоскворецких особняков, подавляло их, нарушая гармонию и тишину уютных улочек.

Комната, в которой Видане предстояло отныне проводить значительную часть жизни, была очень большой с высоким потолком и четырьмя просторными трёхстворчатыми окнами.

На одном из подоконников стоял старый прозрачный графин с большой стеклянной же пробкой. Вода в графине позеленела, но в солнечном луче светилась изумрудом.

Видана насчитала двенадцать двухтумбовых письменных громоздких столов.

В углу в деревянной кадке стоял огромный фикус.

Стрекотали пишущие машинки.

- Доброе утро! - громким, чуть дрожащим голосом произнесла она в первое своё появление и улыбнулась.

«Привет», «И вам того же», «Если не шутите», «Какая милая девушка», - вразнобой ответили ей сотрудники, разглядывая косы и статность новенькой.

- Я не расслышала вашего имени, - сказала Мариам Давыдовна, с седыми кудряшками очень полная заведующая отделом.

- Видана...

Всех поразила её фигура, и, конечно, имя.

Многим это имя сразу понравилось.

Честное слово, прямо вот так сильно понравилось. Необычность всегда оживляет и привлекает.

Почему-то её рука показалась Мариам Давыдовне холодной, когда она пожала руку Видане. Быть может, оттого, что Видана не любила носить перчатки.

Тут же в честь новенькой устроили чаепитие с бубликами.

Сначала разговор зашел о Твардовском и Симонове, сменившем того на посту главного редактора «Нового мира».

Потом перешли на Борисова-Мусатова, и вообще на Третьяковку. Благо НИИ находился рядом с Лаврушенским переулком.

Потом вышли покурить.

Видана с улыбкой затянулась. Мариам Давыдовна с каким-то сладострастием жадно курила «беломор». В очередной раз затянувшись и выпустив почти черный клуб дыма, она рассказала, сама посмеиваясь, анекдот:

«На одном из переводческих факультетов студентов попросили перевести с русского на немецкий. Листочки с результатами собрали и выдали студентам другой группы, с предложением перевести их обратно с немецкого на русский. Вот что у них из этого получилось:

Исходный текст на русском языке: "Чем дальше в лес, тем больше дров".

Переводной текст на русском: "Рост концентрации древесных лесных ресурсов, по мере погружения в лесной массив"».

Значительная пауза вся состояла из хохота.

Вокруг уже курили и посмеивались люди из других отделов.

Когда успокоились, Видана выдала свой анекдот:

«В зоомагазине:

- У вас есть попугай, который владеет немецким?

- Нет, зато у нас есть дятел.

- А чем он владеет?

- Азбукой "Морзе"».

Видана знала, что первой трудностью для переводчика, при переводе с немецкого на русский, является выбор правильного значения многозначного слова. Даже основа слова в немецком языке может иметь самые разные значения в зависимости от контекста, в котором употребляется.

К концу недели она уже закончила перевод брошюры «Stranggie?en von Stahl». Текст у Виданы лился как бы сам собой, вроде: «Головка затравки обдувается сжатым воздухом до полного удаления влаги. Зазоры между стенками кристаллизатора и головкой затравки забиваются шнуровым асбестом. Асбест должен быть забит вровень с поверхностью головки. На головку затравки устанавливаются холодильники из листа Н (4 - 6) мм и по периметру головки укладываются прутки Д (16-20) мм. Зазор между плоскостью головки затравки и листовым холодильником не допускается...»

Частенько Видана, отрываясь от работы, подходила к окну с графином. Дымчатое солнце окутывало железные крыши, тротуары и проезжую часть с редкими «победами» и «москвичами». И прохожие казались воздушными, как будто они не шли, а плыли, не касаясь асфальта. На углу переулка светился желтизной старый особняк. Рядом с ним, чуть выступая из ряда, стоял овальный дом, серый, как потухший фонарь, графическими контурами напоминавший старинный офорт. Возле него притулился, словно умытый глазурью фаянсовый чайник, одноэтажный домик

с белыми наличниками. Из-за этих пряничных строений не видишь прочих домов, обычных, с простецкими занавесками на окнах, но, тем не менее, эта незаметность и создает Москву.

Видана любила ходить через Москворецкий мост к метро «Площадь революции», ибо жила на «Электрозаводской», по прямой линии.

Как-то вечером, когда уже синева смешивалась с ультрафиолетом, на углу её окликнул коренастый человек в кепке:

- Огонька не найдется, барышня?

Лаврушинский переулок выходит на Кадашевскую набережную примерно в ее середине.

- Найдется. - Видана протянула коробок.

При свете спички Видана разглядела седину, морщинистое лицо пожилого человека. Он был заметно ниже её ростом.

В руках у Виданы была книга.

- Что читаете? - кивнул он на эту книгу.

- Heine «Die Harzreise»...

- Понял, что Гейне. А как называется?

- «Путешествие по Гарцу»...

- Вы читаете по-немецки?

- Я работаю по-немецки, - рассмеялась Видана.

- Прочтите что-нибудь.

Они перешли в свет фонаря. Видина навскидку открыла страницу и прочитала:

- In der Tat, wenn man die obere Hälfte des Brockens besteigt, kann man sich nicht erwehren, an die ergo"tzlichen Blocksbergsgeschichten zu denken, und besonders an die gro"e, mystische, deutsche Nationaltrago"die vom Doktor Faust. Mir war immer, als ob der Pferdefu? neben mir hinaufklettere, und jemand humoristisch Atem scho"pfe. Und ich glaube, auch Mephisto mu? mit Mu"he Atem holen, wenn er seinen Lieblingsberg ersteigt; es ist ein a"u?erst

erscho"pfender Weg, und ich war froh, als ich endlich das langersehnte Brockenhaus zu Gesicht bekam.

- Как прекрасно у вас звучит немецкий язык! - воскликнул человек. - А по-русски как это будет выглядеть.

- Вот так, - сказала Видана, и с ходу перевела прочтенный кусок: «Действительно, когда поднимаешься на вершину Брокена, невольно приходят на память связанные с Блоксбергом замечательные сказания, и особенно великая и таинственная немецкая национальная трагедия о докторе Фаусте. Мне так и чудилось, будто рядом со мной взбирается на гору чье-то копыто и кто-то смешно пыхтит. Мне кажется, даже Мефистофелю приходится попытеть, когда он всходит на свою любимую гору; это чрезвычайно утомительно, и я был рад, увидев, наконец, давно желанный дом на Брокене».

Постояли некоторое время в молчании. Теплый вечерний ветерок гладил их лица.

Человек вернул ей коробок. Она хотела идти дальше, но задержалась, потому что пожилой сказал:

- Вот стою и смотрю. Сначала на Москворецкий мост, затем на Большой Каменный, и думаю, по какому мне пойти в «Националь», чтобы пропустить рюмочку-другую с друзьями.

- Я бы тоже не прочь, - добродушно усмехнулась Видана.

- Чудесно можем вдвоём прогуляться. Вас как зовут?

- Видана.

- Бесподобно! Так начинается поэзия...

- А вас? - спросила она.

- Юрий.

- Ну, мне так неудобно будет вас называть. Вы же старей, - сказала она машинально, только потом, опомнившись, что произнесла бестактность, поправилась: - Много старше меня.

- Это ничего. Это даже хорошо. Разница в возрасте исчезает сразу, когда находятся общие интересы.

Они остановились на середине Москворецкого моста.

На темном небе выступили звёзды.

- С достоверностью можно утверждать, что подавляющее большинство людей не уделяет какого-либо особого внимания звездному небу. Часто ли вы видите человека, который, подняв голову, смотрит на звезды? Или бывало ли с вами так, чтобы в то время, когда вы сами смотрели на звезды, кто-либо подошел к вам и, догадавшись, какой звездой вы именно восхищаетесь, разделил с вами восхищение? Пожалуй, в основном люди, живущие в городах, не предполагают, что вид неба в целые периоды года почти одинаков, что это неподвижный узор. Скорее всего, думают люди, что вечерами оно выглядит иначе, что каждый вечер взлетает и рассыпается в небе новая звездная ракета. Иногда и сам идешь, забыв о небе, и оно над тобой как надвинутая на лоб голубая шапка с блестками. Может быть, книга эта, которую я сейчас пишу, есть не что иное, как рассказ о том, как я все собирался попасть когда-нибудь в обсерваторию...

- Красиво, - сказала Видана.

- Да, - согласился он.

- Очень.

- Гейне... Маленькие гномы, которых поляки называют краснолюдками и о которых так хорошо писал Гейне, исполняли, по преданию, эту работу по находке и гранению камней. Они заняты были этим в Богемских горах. Они носили красные, синие, зеленые шапочки, у них были румяные, но немного в жилках лица весельчаков и чревоугодников, длинные белокурые бороды при отсутствии усов. Иногда они отправлялись в какие-то непонятные людям шестивия... Гейне пишет, что по сохранившимся свидетельствам гномы довольно охотно общались с людьми и производили

самые разнообразные волшебства, полезные для людей. Разрыв между людьми и краснолюдками произошел не по вине последних; наоборот, виноваты как раз люди с их грубостью и эгоизмом. Например, гномы пришли однажды посмотреть на какой-то праздник в деревне; они уселись на длинной ветке дерева - все в ряд, и смотрели себе на праздник. Кто-то из людей, какой-то грубый парень, подпилил ветку, и все краснолюдки упали вместе с ней под хохот деревни. Так постепенно охладели гномы к людям, которых прежде любили, которым служили своим волшебством...

Москва-река, почти черная, в ярких отблесках желтых фонарей, гладила робкими волнами опоры моста. Золотистые отблески иногда ложились на грудь Виданы, поднимались и падали в такт её дыханию.

- Река изрекает, - прошептала Видана.

- Вы слышите прекрасно слова, - сказал Юрий.

- Мне кажется иногда, что я вижу все слова мира навзвозь и все они идут к одному первому слову, как, если представить, что все лучи идут не от Солнца к нам, а от нас возвращаются к Солнцу...

- Вот мы стоим на мосту... Но мне видится другой мост, - сказал Юрий. - Мост из великой книги... И вот оба мы, вы и я, как мертвый поэт и живой, вдруг сбились с пути. Вергилий встревожен, что касается живого поэта, то тот в ужасе: в самом деле, ведь провожатый его в любую минуту - отозванный почему-либо высшей силой - может исчезнуть! Он останется один! Один в аду - где сами имена ужасающие: город Дит, "злые щели"!

- Злые щели? - переспросила Видана.

- Да. Так сказать, ориентиром для Вергилия служил мост. Вот тут он и должен быть, этот мост. Моста, однако, нет. Может быть, с самого начала было взято неверное направление? Пикет бесов - просто подлая пьяная банда - оказывается тут как тут.

- Там есть поблизости мост? - спрашивает Видана.

- Есть! - отвечает один из бесов. Надо помнить, между прочим, что они крылатые. Представьте себе эту дюжину крылатых уродов, которые, отвечая Вергилию, перемигиваются. Да, да, именно так Данте и пишет: они перемигиваются!

- Есть мост! Есть! Вот там! Туда идите! - воскликнула Видана.

- Но моста нет и там (он вообще разрушен), но бесам хочется навести на обоих путников панику, окончательно сбить их с пути. У бесов, кстати говоря, имеются клички. Как у воров и убийц - клички! И они издают похабные звуки. Изображают, говорит Данте, "трубу из зада". Данте видит эти перемигивания бесов, точно оценивает смысл их поведения - однако что поделаешь! Вергилий следует по пути, указанному бесами, и не находит моста... У меня нет под рукой книги, и я не могу вспомнить, чем окончилось приключение... Я только приведу ту необычайную мотивировку, которую изобрел автор для объяснения, почему не оказалось моста. Он обвалился во время того землетрясения, которое произошло в аду, когда туда спустился Христос!

- Какая мощь подлинности! - воскликнула Видана.

- Не удивительно, что, встречая Данте на улицах Флоренции, прохожие отшатывались в священном страхе.

- Еще бы, боже мой, он ведь был в аду! - сочувственно прошептала Видана.

- Мне бы хотелось приблизить этого великого автора к русскому читателю. Конечно, не только из желания оказать ему исключительно, так сказать, информационную услугу, сделать его более образованным, взялся бы я за эту задачу - еще хочется поделиться с ним тем прекрасным, которое сейчас у меня на руках... Что может быть более радостного, чем делиться прекрасным! Рай, по Данте, - это лес. Пе-

реход от Чистилища к Раю незаметен. Вдруг становится светлей и безопасней. Изображен ручей, почти река, которая бежит среди леса. Беатриче появляется на колеснице, запряженной грифонами, в бело-зелено-красной одежде, окруженная старцами. Данте видит все это отраженным в реке. Он встречает ее, стоя на берегу по ту сторону реки. Она благодарит его за то, что он любил ее, но укоряет за суетность, которую он проявлял на земле, - за политиканство. В аду, по Данте, находятся не только грешники - в нем заключены также и те, кто не близок к Христу в силу, если можно так выразиться, исторической несовременности: черти древности, например. Также и новорожденные младенцы, не успевшие принять крещение, находятся в аду. Но только тот ад невинных - не тот ад, в котором находятся грешники. Это особое место в аду, город Лим, место вечных сумерек, унылого покоя. В этом городе Лиме помещает Данте также и великих поэтов древности...

Когда Юрий снял кепку, голова его показалась Видане непропорционально большой. Такие головы бывают у философов.

В этот раз тяжелые с отблеском чистого золота косы были уложены на её голове высокой короной. Поэтому статная осанка с мощной грудью казалась более величественной. Дышала она легко и бесшумно.

Юрий встал на цыпочки, философская голова поднялась, вскинулись руки, осторожно обнявшие корону кос Виданы, губы чмокнули её в лоб.

- Царица!.. - произнёс он с некоторой патетической интонацией.

ДНЕВНИК БИБЛИОТЕКАРШИ

27 февраля.

Делаю в страхе первую запись. С чего бы это? В какой-то момент, уже даже не помню, листала воспоминания Боборыкина, и вдруг задумалась, остановилась. А что, если мне самой вести дневник? Меня даже в жар от этой мысли бросило. Как, я и - дневник? Да, меня засмеют девчонки. Что я туда запишу? Нельзя сказать, что я не читала книг. Нет, я просматривала их, иногда даже с интересом. Покажут по телевизору, скажем, «Идиота» Достоевского, так все сразу, в том числе и я, бросаются к этой книге. Все экземпляры на руки выдаю. Ещё и не хватает. Пишутся в очередь. Но, если говорить начистоту, то насквозь за последние годы, от корки до корки, я ни одну книгу не прочитала. Ужас! Что я тут делала? Хотя окружена книгами. Набитые книгами стеллажи высятся тут и там. Свою библиотеку я очень люблю. У нас есть столовая, душ, чайник электрический. С девчонками даже скинулись на маленький чайный сервиз. Замечательно! Порой, даже домой не хочется идти. Так бы тут и жила! Однако я (ишь ты, как я ввернула слово «однако») знаю каждую книгу в лицо, где какая книга стоит. Только читатель спросит, положим, Леонида Андреева, как я мигом снимаю его с известной полки. Ладно. На сегодня хватит. Устала. Пойду, попью чайку с шоколадными конфетками.

1 марта.

Я упомянула Боборыкина. Меня встревожил сразу эпиграф из Тургенева: «Кто знает: сколько каждый живущий

на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти». А какие семена взойдут после меня? Мне даже страшно стало. Неужели и я умру?! Я ходила сама не своя. А тут раздался грудной низкий голос Копыловой, внезапно и гулко: «А ну-ка, девочки, подъём! Книги привезли. Коллектор. Встаём лесенкой». Головы, склонённые за письменными столами, мгновенно повернулись к окну, возле которого восседала Копылова. Девочки, от двадцати пяти до пятидесяти лет, не спеша потянулись к окну. Самая молодая, Щукина, сдвинула вправо оконную решётку, и, распахнув створки, ловко выпрыгнула из окна. Копылова продолжала командным голосом: «Сколько там пачек?» - «Двадцать восемь и двадцать одна пачка, два счёта», - ответил шофер, передавая первую пачку Хаджиковой. - «Так, девочки, смотрим внимательно. Складываем отдельно каждый счёт!» - распорядилась Копылова. Она добровольно взвалила на себя обязанность руководителя. Копылова женщина простая, родилась и выросла в деревне, поступила в заочный библиотечный техникум. Во время сессии познакомилась с парнем, который работал на заводе «Знамя труда», вышла замуж и стала москвичкой. Высокая, статная Копылова, была бы даже симпатичной, если бы не манера кричать и ставить руки в боки. Она всегда вызывает желание у девочек ей возражать.

3 марта.

Из-за этих пачек забыла про эпитафию Тургенева. Задел он меня. Хожу и думаю, что же после меня останется? Ведь у меня жизненный опыт немаленький. А уж чудачков в библиотеке хватает. Например, сегодня приходит пожилая женщина, и просит учебник по математике для техникума, зелёный такой! Внук прислал. Она как себе это представляет? Я подвела её к стеллажу с учебниками по мате-

матике. Только тогда она поняла, что глупость спросила, смутилась и даже извинилась.

5 марта.

Опять бачок в туалете не спускает. Вот бы знать, какой идиот открутил шишечку на бачке!

10 марта.

Что-то я забыла совсем о записях в дневник! Праздники, суета. Всё-таки женский день! С одной стороны, приятный праздник, а с другой, обидный. Правда, что мы - любимые и красивые женщины только 8 марта?! Сегодня мы с девчонками себе устроили женские посиделки. Копылова привезла от матери из деревни картошки, капусты квашеной, грибов солёных, сала. Наварили картошки, сбегали за шампанским - всё для нас, ненаглядушек. Себя не полюбим сами, нас никто не любит. Это наш девиз. Посидели душевно, как всегда, и повеселились и всплакнули. А как не заплакать? У Копыловой муж опять запил. Жалко их обоих. Уж очень она давит на своего мужа. Вроде женщина она неплохая, любит помогать всем. Но почему-то от помощи её удавиться часто хочется. Бестактная. Когда она ушла мужа искать в пивной, мы сбегали ещё за шампусиком и хором сказали любимый наш тост: «За нас, красивых, а если мы некрасивые, то мужики - зажрались!» Быстро убрали всё, и по домам.

14 марта.

Открыла дневник и задумалась, пишу я в него, а зачем? Никому пока о нём не сказала. А вот ведь тянет уже писать, нравится. Решила так - мужу не покажу, сыну оставляю. Вырастет и прочитает. Сегодня один дедушка (мы его так называем между собой) сдал «Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники» Чехова. Он продлевал

эту книгу много раз, почти полгода читал. Так он так восхищался этими чеховскими записками, что я тоже решила их прочитать.

23 марта.

Сегодня у нас опять проверяли дисциплину. Господи, лучше бы туалет в порядок привели. Я всё время об этом на собраниях говорю. Библиотека ведь, а не рынок. Туалет в учреждении культуры должен чистым быть. А заведующая замечание мне сделала: «Позвольте, я буду переживать за библиотеку, а вы лучше свою энергию направьте на борьбу с задолжниками». Пожалуйста, больше вообще выступать не буду. У меня дома туалет всегда исправен. С задолжниками же я работаю каждый день. Так вот, проверка. Хаджикова сегодня опаздывала на несколько минут. Я ей открыла окно, через которое мы книги принимаем, чтобы никто не видел. В комнате никого не было. Так именно в тот момент, когда она спрыгнула с подоконника, вошла Копылова, руки в боки и заорала: «С ума сошла! В библиотеку через окно, а если читатели увидят?!» Хаджиковой записали опоздание. Вечно эта Копылова всех закладывает, что за человек?! Всё-таки она вредная баба.

30 марта.

Прочитала «Записную книжку 1» Чехова, смеялась и восхищалась одновременно, как он точно подмечает всё. Например, он записывает такое: «Я терпеть не могу, когда кричат дети. Но когда плачет мой ребенок, я не слышу». Меня тоже раздражают шумные чужие дети. Мой сын, конечно, совсем другой. Он всё время чем-то занят. Пометки и записи Чехова очень современные, по-моему: «Страшная бедность. Положение безвыходное. Мать вдова, дочь девушка, очень некрасивая. Мать, наконец, со-

бралась с духом и советует дочери идти на бульвар. Она когда-то в молодости тайком от мужа ходила, чтобы заработать на наряды; у нее есть некоторый опыт. Она учит дочь. Та идет, ходит до утра, но ни один мужчина не берет ее: безобразна. Дня через два шли по бульвару три каких-то безобразника и взяли ее. Она принесла домой бумажку, которая оказалась лотерейным билетом, уже никуда не годным». И у нас подобных историй хватает. Только у нас девчонки теперь уже в школе говорят о свободной любви. Ничего не стесняются. Чем больше читаю записки, тем интереснее мне Чехов. Он прямо родной какой-то. Хочется читать и читать, а времени не хватает. На работе удаётся только украдкой почитать, а дома вечно какие-то дела.

4 апреля.

Сколько времени я потеряла в молодости! Болтались с подружками, то в кино, то в компаниях. Ссорились, мирились, спорили. О чём, из-за чего? Никто уже не помнит. Где эти подружки? Разбежались. Исчезли. Я почти ничего не читала. Дома вечно какие-то домашние дела. Мама, каждый раз увидев меня с книгой, говорила: «Ты опять с книжкой? Делом займись». Конечно, чтение ведь для неё все равно что безделье.

11 апреля.

Почти весь день дежурила на абонементе. Девчонки болеют. Удивительно спокойный выдался день. Читатели сегодня самостоятельные, не отвлекают. Удалось насладиться чтением чеховских дневников. День пролетел, как одна минута, а я так зачиталась, что ушла домой в восемь. Буду читать Чехова. Хочется о нем узнать как можно больше.

12 апреля.

Я вчера вечером не могла уснуть, всё думала о том, как много Антон Чехов успел написать, а ведь ещё и людей лечил. Вдруг бы он ничего не написал. Был бы просто врачом, тогда я бы даже не узнала, что жил такой человек. Да, литература живёт, конечно, и живопись, и музыка, а значит и их авторы. Все остальные не просто умирают, а исчезают. Я так разволновалась от этих мыслей, что уснула только под утро.

20 апреля.

Субботник! Такое у меня впечатление, что все притворяются и делают вид, что субботники объединяют людей. Лично я не понимаю, почему я должна мыть окна в библиотеке, подметать улицу, когда у нас есть люди, которые зарплату получают за это?! Одна показуха. Господи, как надоело это враньё и лицемерие! Мы и так с девчонками сами каждый месяц протираем стеллажи, обеспыливаем и раздвигаем фонд. Интересно, сколько тонн книг переносит библиотекарь за свою жизнь? Кто-нибудь считал? Кому скажешь, что в библиотеке работаешь, то в ответ сразу слышишь: «Вы там целый день книги читаете». Как будто эти книги сами в библиотеку приходят, сами ставят штамп себе, номер пишут инвентарный, сами шифр себе ставят и на полки встают. А библиотекари сидят и читают!

30 апреля.

Сегодня санитарный день. Мы быстро сделали необходимые дела, и накрыли на стол. Каждая из нас принесла своё коронное блюдо: я - шарлотку, Хаджикова - беляши, Копылова нажарила пирожки с картошкой. Купили бутылочку «Кагора». Посидели душевно. Девчонки побежали домой пораньше, а я осталась, чтобы насладиться чтением в тишине. Дома никак не получается.

12 мая.

Не успеваю я каждый день в дневник события записывать. Всем от меня постоянно что-то нужно. Слава богу, конечно, что есть семья. Я всё понимаю, но так хочется затаиться с книжкой в укромном уголке, чтобы обо мне ненадолго забыли. Во вторник встретила Тамару Крылову, мы с ней в восьмом классе за одной партой сидели. Она меня узнала и окликнула. Я бы её не узнала. У неё были длинные волосы всегда, а сейчас - короткая стрижка. Она покрасила волосы, стала жгучей брюнеткой, мне, показалось, что этот цвет её старит. Но я наговорила ей комплиментов, а она, как и раньше, в своём репертуаре прощebetала: «Ой, какая ты бледненькая, страшненькая, всё сидишь в своей библиотеке?» Змея в сиропе! А я ей с улыбкой говорю: «Спасибо, за комплимент!» Не опускаться же до неё. Она в жизни ни о ком не сказала доброго слова! Такой человек.

17 мая.

Каждый день писать понемногу, казалось бы, что тут сложного?! Но у меня не получается никак. Сын к экзаменам в школе готовится, нужно ему помочь. Муж обижается, говорит, что я о нём забыла. Как ребенок, ей богу. Мне иногда кажется, что у меня два сына, причём, муж - младший. Мне сегодня читательница рассказала, как они с сотрудницами повеселились в пятницу после работы. Она работает в салоне красоты, администратором. Живёт с мужем. Детей у них нет. К нам ходит часто. Берёт книги, себе про любовь, мужу - фантастику. Пошли они в кафе, попили шампанского от души, попели, потанцевали, и ей захотелось продолжения праздника. Она позвонила мужу и попросила встретить её в метро. Встретились, зашли в магазин, купили коньяк и фрукты. Дома муж вынимает продукты из пакета, кладёт на стол, и спрашивает: «А это, что?» Она переодевается в комнате, и отвечает: «Вынимай всё».

Заходит она на кухню, а муж с непроницаемым лицом раскладывает на полу огромную мужскую футболку, мужские трусы небольшие и к ним мужские носки 27 размера. Муж, рассматривая всё это на полу говорит, тихо так: «А он у тебя - карлик». Она, ничего не понимая, спрашивает его: «Откуда это?» Муж: «Из твоего пакета, ты принесла». Она в панике восклицает: «Да, но я же всё в дом несу, а не из дома!» Муж, тихо так, задумчиво, говорит: «И, что мы с этим будем делать?» Она: «Выбросим немедленно! Понятия не имею, чьи это вещи!» Выбросили, поужинали и не поссорились. Мы с ней хохотали до слёз! Ночью она сообразила, что, вероятно, прихватила пакет у мужчины, который сладко спал рядом с ней на сиденье в вагоне метро. Вот как бывает! Анекдот!

1 июня.

Сегодня большой праздник, «День защиты детей». Мы с Хаджиковой решили поднять себе настроение после работы. Погода просто сказочная: нежная свежая зелень, тепло, светло. Господи, как я люблю начало лета! Вечер красивой жизни, так мы это называем между собой. Копылова нас обеих достала. Хочется уши заткнуть, чтобы не слышать её голос. Бедный муж её, вот попал, так попал. Если бы я была на его месте, тоже запила бы. Она хвалится, что была у него на заводе, разговаривала с парторгом. Написала заявление, что он, член партии, в семью денег не приносит. Теперь Копылова два раза в месяц лично будет получать его деньги. Рассказывает об этом с такой гордостью, как будто победу одержала великую. Мы с Хаджиковой купили бутылку белого сухого вина, шоколад «Вдохновение», две свежие булочки, сырку «Российского». Домашних предупредила, что пойду с Хаджиковой покупать подарок заведующей, чтоб не волновались. Скорее бы день закончился рабочий!

4 июня.

Как я провела День защиты детей. После работы мы с Хаджиковой не спеша пошли по переулкам Замоскворечья. Прогулялись по Кадашевской набережной. Перешли через Малый Каменный мост. Пришли в сквер к Илье Ефимовичу Репину. Мы иногда приходим к нему, чтобы он был третьим на нашем празднике жизни. Около памятника скамеек нет. Мы зашли на газон, постелили пакеты, достали закуску. Стали открывать бутылку. Пробку всегда карандашом проталкивали, в тут такая тугая попалась, ужас! Крутим бутылку, а открыть не можем. Я попыталась её ключом от квартиры как-то ковырять. Никак! Хоть плач! Сидим расстроенные. Вдруг, в кустах кто-то зашевелился. Мы испугались, спрятали бутылку. Хотели уже собрать всё и уйти. Видим - огромный дог, красивый такой, остановился и смотри на нас. Слышим мужской голос: «Барон!» Дог стоит, как вкопанный молча, не реагирует. Хозяин его позвал несколько раз и со словами: «Что ты там нашёл?» - идёт за собакой, и видит нас. «Добрый вечер», - говорит он нам. Мы ответили и попросили его помочь нам открыть бутылку. Такой хороший человек, открыл молча, пожелал нам приятного вечера, и ушёл вместе с Бароном. Что делать, если простым библиотекарям негде посидеть с подружкой. На ресторан у нас денег нет. Вечер удался.

23 июня.

Я влюбилась в Антона Чехова. Он для меня живее всех. Недавно мне приснился сон. Я приезжаю на Левый берег на электричке. Спускаюсь с платформы, стоит пролётка. В ней сидит Антон Павлович. Я подхожу, он улыбается, подаёт мне руку. Я знаю, что он ждал именно меня. Я сажусь рядом с ним такая счастливая, и мы едем по просёлочной дороге. Он говорит мне комплименты, и я просыпаюсь.

24 июня.

Сын сдал первые экзамены в своей жизни. Успешно. Мы подарили ему магнитофон. Через неделю они с отцом уедут в Тулу к родителям мужа. Я смогу читать спокойно и отдыхать от готовки еды. Отпуск у меня в октябре. Мне нравится отдыхать осенью. Запахи осени, её постоянно меняющиеся краски, мокрые, черные стволы деревьев мне особенно дороги. Я ведь в октябре родилась, наверное, поэтому люблю осень до дрожи.

2 июля.

Свобода! Проводила своих в Тулу. Обещала навестить их через две недели. Я люблю побыть одна, и в то же время очень дорожу своей семьёй. В этом году я ждала этого момента с нетерпением, чтобы никто не отрывал меня от книг. Сама удивляюсь, почему я потеряла столько времени так бездарно, в пустых разговорах. Сейчас я читаю Фицджеральда. Мы недавно получили его трёхтомник. Я прежде его не читала. Прочитала его роман «Ночь нежна», и заплакала, так он мне понравился. Но Чехову я никогда не изменю. Он лучше всех. Он открыл мне глубину художественного текста.

11 июля.

Как быстро пролетают дни, десять дней, как миг один! Вчера на абонементе познакомилась с очень интересной читательницей. Дама в годах, но в ней чувствуется порода. Осанка как у балерины. Спина прямая, походка легкая, как будто ей 18 лет. Волосы гладко зачёсаны и собраны в аккуратный пучок. Лоб открыт, изящный носик. Просто воплощение подлинной красоты и женственности. Она работает в издательстве «Прогресс», переводит художественные произведения с английского и французского. Недавно купила кооператив в нашем районе. Ходит в нашу биб-

лиотеку недавно. Мы разговорились. Она дала мне книгу Набокова, которого у нас не издают. Роман «Лолита», самиздат. Я слышала о подобных изданиях, но увидела впервые. Такая умная, обаятельная женщина. Я обещала ей звонить и оставлять новые номера толстых журналов.

23 июля.

Что-то я совсем забросила свой дневник. Зачиталась. Завтра приезжают мои мужчины. Готовлюсь к их приезду. Приготовлю плов для мужа, и блинчики с мясом для сына. Соскучилась!

25 июля.

В библиотеке кран течёт, в туалете опять бачок не работает. Никому дела нет. Ждём слесаря из отпуска. Он у нас по совместительству работает. Мужик хороший, когда не пьёт.

27 июля.

Расставляла книги. Открыла Гончарова «Обрыв», и зачиталась. Копылова меня увидела у стеллажа и сказала: «Я думала, что ты заснула здесь. Ты какая-то чудная стала». До всего ей дело есть. Как спокойно было, когда она была в отпуске.

3 августа.

Собираюсь сегодня домой в конце дня, звонит читатель Саенко. Это наш должник, от которого я не могу добиться книг уже более полутора лет. Он очень странный человек, держит учебники по высшей математике и не хочет возвращать. Он постоянно пытается меня убедить в том, что они больше не нужны никому, а ему - необходимы для важного открытия. А тут, вдруг, кричит: «Если вы меня дождётесь, то я приеду минут через сорок и все книги

сдам». Пообещала дожждаться. Приехал почти через час, счастливый такой. Я думала, что он уже открыл что-то новое в высшей математике. А он объяснил мне, что ему сейчас некогда заниматься наукой, он женится! Каких только чудачков не встретишь в библиотеке.

8 августа.

Что-то странные люди к нам зачастили раньше времени. Обычно, они приходят осенью и ранней весной. Сегодня входит с загадочным видом, постоянно оглядываясь по сторонам, невысокий, седой человек с газетным свёртком. Спрашивает директора. Я ему объясняю, что у нас есть заведующая, но она в отпуске. Предлагаю свою помощь. Он восторженно так восклицает: «Что Вы, мне помощь не нужна! Я принёс свой выдающийся научный труд, который спасёт человечество!» Я даже растерялась от такой новости и попыталась ему напомнить, что мы выдаём книги и всё. И спасением людей не занимаемся. Но он развернул свой свёрток и показал мне несколько машинописных листков, скреплённых степлером. Оказывается это и есть его труд, а я должна сделать его достоянием человечества. Господи, сколько сил и терпения понадобилось, чтобы убедить его в том, что подобные открытия публикуют научные журналы! Не хотелось его обижать, но с такими людьми очень тяжело общаться. Он ушёл, но остался мной очень недоволен.

17 августа.

Я стала избегать пустую болтовню с девчонками. Ухожу с книгой в укромное место. Они даже обижаются на меня. Я пыталась говорить с ними о литературе, безнадежно. Целый день только и разговоров, где кто был, и кто что видел. Обсуждают ещё какие-то передачи по телевизору, кто из дикторов во что одет, и кто с кем живёт. Тоска.

2 сентября.

Начался учебный год. Мамы и бабушки идут к нам за учебниками и книгами по внеклассному чтению для своих детей. Вместо того чтобы приучать детей самостоятельно ходить в библиотеку, всё делают за них сами. Потом жалуются, что дети выросли несамостоятельными. Что-то устала я. Считаю дни до отпуска.

3 октября.

Свобода! Я в отпуске. Читаю «Остров Сахалин». Как написано! Душа болит, плачу, а оторваться от книги не могу.

ОСОБЕННАЯ

Жукова жила в Карманицком переулке. По пути от «Смоленской» заскочила в угловой гастроном, купила двести грамм любительской колбаски и французскую булку.

Телефонный звонок прозвучал как-то особенно резко и тревожно, в ночной тишине. Жукова невольно подскочила, выронила книгу, одним прыжком схватила трубку и взглянула на часы. Она не успела ответить, как услышала странный голос:

- Прости, я напугала тебя, - всхлипывая, пробормотала её давняя институтская подруга Алтухова. - Ты спишь?

- Нет, я читала. Что-то случилось? - испуганно спросила Жукова.

Дружба их пришлась на годы учёбы, и первые годы после окончания института до замужества Жуковой.

Маленькая, с близко посаженными круглыми глазами, с коротеньким носом ноздрями вверх Алтухова походила на мартышку. Она болезненно перенесла известие о её свадьбе, и с той поры всячески избегала встреч с Жуковой.

Да и все в институте за глаза называли Алтухову "Мартышкой".

Изредка они созванивались, в основном, поздравляли друг друга с праздниками и днями рождения.

Они учились в одной группе. Подружились в конце первого семестра на первом курсе. Смешно сказать, после задушевного трёпа в женском туалете.

Алтухова отличалась от всех остальных девочек в группе манерой держаться как бы несколько отстранённо, давая понять, что она особенная.

Она не просто курила, она дымила постоянно, закуривая одну сигарету за другой при любой возможности. Сначала она показалась Жуковой несколько грубоватой и надменной. Она частенько подчеркивала в разговоре, что рост у неё - 157 сантиметров. Рассказывая о том, как она споткнулась очередной раз на остановке, Мартышка обязательно добавляла:

- И вот, я растянулась на все свои сто пятьдесят семь сантиметров, представляете? Я такая рассеянная! Никогда не смотрю под ноги, вечно спотыкаюсь. Ужас!

Надо сказать, женский туалет в институте был своего рода женским клубом. Здесь можно было узнать что-то любопытное из мира моды, купить тушь, помаду, колготки, услышать последние институтские новости. Всё самое интересное проходило именно в нём, даже демонстрация новинок женского белья, купленного тоже в туалете, но не в этом, а в знаменитом общественном, расположенном в проезде Художественного Театра.

Вот как раз перед Новым годом завязался в густом голубом дыму откровенный разговор между Жуковой и Алтуховой за «жизнь». Алтухова была москвичка, а Жукова приехала из Омска, поступила в институт и только начинала знакомиться с жизнью в столице.

Жукова была высокой и худой. Рядом они выглядели довольно забавно. Это и понятно. Жукова на две головы была выше Алтуховой, казалась угловатой, жизнь воспринимала всерьёз, да к тому же была левшой.

И Алтухова, глядя снизу вверх в глаза Жуковой, спросила:

- Как это ты так задом наперёд пишешь?! Как будто ты в зеркале сидишь!

Жукова объясняла:

- В детстве не переучивали, чтобы сердцу не навредить.

- Разве сердце от руки зависит?

- Ещё как! Дядя Сеня ударился головой о притолоку, и у него левая сторона отнялась. И рука, и нога. Левые.

- А при чём здесь сердце? - не унималась Алтухова.

- Потому что оно слева...

- А-а... - только и сказала та, протягивая Жуковой сигарету.

- Я же не курю.

- Пора начинать.

- Для чего?

- Отвлекает... - произнесла вяловато, закуривая, Алтухова, и вдруг лягнула: - Между прочим, Жанна д`Арк была левшой, и это так напугало судей, что они отправили её на костёр.

Жукова открыла рот и некоторое время его не закрывала.

В туалете туда-сюда летали мухи.

- Закрой рот, а то муха залетит! - захохотала Мартышка.

Рот плавно закрылся.

- Я этого не знала, - сказала Жукова, потрогав правой рукой свою левую.

- Свет идёт с колосников... - почти прошептала Алтухова.

И глубокомысленно замолчала.

Она любила говорить какими-то загадками, как будто она знает что-то такое, чего другие не знают, намекая, что она не просто обычный человек, как другие, а приобщена к миру искусства.

У неё поклонники есть в театре «Современник».

Потом она доверительным тоном, посмотрев по сторонам и оглянувшись, на ухо поведала Жуковой, что живёт с Олегом Далем в огромной квартире, в центре, и у них большая любовь. Но она боится завистливых его поклонниц, и держит это в тайне. Олег, якобы, влюблён в неё, пылинки сдувает, заботится. К ним приходит домработница, которая убирает и готовит.

- Олежик мне ничего делать по дому не разрешает, бережёт, - хвалилась Мартышка.

Жукова понятия не имела о личной жизни знаменитостей, да и не очень интересовалась этим, поэтому, конечно, поверила ей.

Никаких сомнений у неё не возникло. А почему бы и нет?!

Видимо, её доверчивость вдохновила Алтухову на новые откровения. Но ничего конкретного она не рассказывала, а всё какими-то полунамёками, прищуриваясь от дыма сигареты: «Ну, ты понимаешь?»

На прогоны в театре, куда её, якобы, всегда приглашал Олег, он всегда просил:

- Киска, надень побольше штанов, чтобы у тебя задница появилась.

Он её называл «Киска», с её слов, разумеется.

И только тогда, когда Алтухова сказала про штаны, Жукова невольно обратила внимание на то, что фигура у Алтуховой не совсем женская. Широкие плечи, спина плоская, и бедра уже плеч. Чисто мужская фигура. Никакой задницы нет, точно доской по спине дали. Абсолютно доска доской.

«Да, у Даля уж очень вкус специфический, но ведь мужчин не поймёшь», - подумала Жукова.

В «Современник» попасть было невозможно, и она подумала, что хорошо бы подружиться с Алтуховой. Тем более что кроме тётки и тёткиной подруги, у неё знакомых не было. Надо было готовиться к первой сессии, разговор зашёл о шпаргалках. Мартышка спросила:

- Ты с кем пишешь?

- Ни с кем, я вообще-то не думала их писать, - ответила Жукова.

- С ума сошла!? Одна что ли собираешься все пять лет болтаться? Давай со мной.

У Алтуховой была отдельная от родителей комната, практически, своя в коммуналке. Так они сблизились. Знакомство перешло незаметно в дружбу.

Алтухова жила на Пушкинской улице в старом доме на четвертом этаже с очень высокими пролетами, с толстыми стенами, узкими небольшими окошками и высокими потолками. Окна выходили во двор. Коммуналка состояла из четырех комнат. Три семьи. Дверь в её комнату была первая слева от входа. Очень удобно. Никто из соседей и не видит, что кто-то пришел. Соседи очень ревностно следили за тем, чтобы посторонние не ходили часто в гости к кому-то из них, а уж если замечали, то требовали убирать дополнительно места общего пользования, ещё одну неделю за гостей. Обычно же за каждого жильца полагалось убирать одну неделю. У Алтуховой семья была из четырех человек. Значит, четыре недели убирают они. Родители её жили через комнату. Если им нужно было увидеть дочь, то они даже не входили в комнату, а ждали, когда Алтухова выйдет к ним.

Жукова пришла к ней. Увидела продавленный диван с валиками. В выемку клали старое детское зимнее пальто, дабы выровнять поверхность. Они писали шпаргалки, и Жукова часто оставалась ночевать у Алтуховой.

Вот сидят, пишут бисером гармошки. Вдруг Мартышка, отбросив ручку, выдаёт:

- Настроение хемингуёвое, пойдём ремаркнём!

У Жуковой от этих слов даже мурашки по спине побежали. Краска ударила в лицо.

Но, что вы думаете? Пошли. Соединили Хемингуэя с Ремарком. Жукова даже не поняла, как это ей стало так художественно и литературно после коньяка с шампанским.

Если Мартышку звали к телефону в коридор, что было нечасто, то она всегда возвращалась с таинственным видом и обязательно говорила, что это либо Даль, либо

кто-то из актрис звонил, зовут на премьеру или на спектакль.

- Представляешь, никак не понимают, что у меня первая сессия! - восклицала она, и голос у неё дрожал от раздражения.

Но при этом, выяснив, что Новый год Жукова будет встречать с тётей и её подругой, предложила сходить 31 декабря в кино, в «Иллюзион» на 9 утра. У неё был абонемент. Жукова с удовольствием согласилась. Но никак не выдала своего удивления по поводу того, что Новый год Алтухова встречает не с любимым человеком, и не с подругами-актрисами, а с отцом, матерью, и младшей сестрой.

Одевалась Мартышка как-то сермяжно. Нехорошо так говорить, но одежда у неё была никакая. Одна юбка, не поймешь, то ли тёмно-синяя, то ли тёмно-серая, она и не черная, и не синяя. Прямая юбка. Талии нет. И сзади маленькая, нелепая складочка, куцая, без разреза, какая-то замятая, потому что, когда Алтухова садилась, она не расправляла рукой юбку, не садилась, а плюхалась. И очень уж любила она какие-то кофточки-самовязы, нелепые, всегда короткие и широкие. Дело в том, что она вязала спицами и крючком, и шила сама, но плохо, поэтому такая была бездарная юбка. Жукова, глядя на её изделия, когда она демонстрировала очередное из них, невольно думала: «Лучше бы ты этого не делала, лучше купила бы одну кофточку, достойную, которая тебе идёт, чем вот этот кошмарный самовяз», - но произнести это вслух не решалась, не желая обидеть Мартышку.

Подготовка к экзаменам шла полным ходом. Их никто не беспокоил, изредка Алтухову приглашали к телефону. Возвращаясь после очередного разговора, она с таинственным видом непременно говорила:

- Ой, Олежик опять звонил! Не может без меня, скучает.

- Так в чём же дело? Я поеду домой, не буду тебе мешать,
- отвечала Жукова. - Мы всё успеваем, остальное я доделаю сама.

- Ой, пусть поскучает! Я не в форме сейчас. Да он ещё к съёмкам готовится, нервный такой, лучше его не отвлекать.

- А как ты познакомилась с ним? - спросила Жукова, сгорая от любопытства.

- Ой, на дне рождения у Танечки Лавровой. Она нас посадила рядом. Я восхищалась его игрой, болтала без умолку. Он же молча смотрел мне в глаза. Просто загипнотизировал меня. Я выпила немного, потом у меня закружилась голова. Всё было как во сне. Он не отходил от меня ни на шаг. Мы вместе вышли, и я не помню даже, как оказалась у него дома, - она мечтательно подняла глаза вверх и зажмурилась.

Была в этом какая-то искусственность. Но Жукова воспринимала её такой, какая она есть. Она слушала рассказы Алтуховой из жизни театра «Современник», какие-то подробности внутренней жизни театра, и всё спрашивала о своём:

- Подруга, когда ходим в «Современник»?

- Потом, как-нибудь весной, - отмахивалась Мартышка.

- Достань мне хотя бы один входной билет или пропуск,
- просила Жукова всё настойчивее.

- Подожди. Как ты не понимаешь? Зал там небольшой. У каждого артиста свои знакомые, родственники, нужные люди - все достают их просьбами. А Олежик, он такой популярный, у него столько поклонников! У него целая очередь своих знакомых, которые ждут билеты. Я одна понимаю, как ему тяжело, поэтому стараюсь ни о чём не просить. Он меня за это особенно ценит.

- Пожалуйста, один только раз. Попроси Таню Лаврову, вы же подруги, - умоляла Жукова.

- Хорошо, потом, весной. Сейчас Новый год, Танечка уже обещала своим. Никак не могу.

Разговоры о театре, о необыкновенной любви стихали.

Жукова поняла, что Алтухова их избегает.

В конце января отмечали окончание первой сессии. Экзамены и зачёты, поддерживая друг друга, они лихо сдали. Всего семь зачётов и четыре экзамена.

Собрались капитально у Валентины на Новослободской, каждая принесла с собой какое-нибудь своё блюдо: кто винегрет, кто разделанную атлантическую селёдку пряного посола, кто мясной салат с традиционным зелёным горошком, кто пирожки с грибами... Большая светлая комната была, практически, вся завалена книгами. Они были везде: в шкафу, на полках, которые занимали практически всё пространство стен. На платяном шкафу и на двух подоконниках.

Жукову особенно привлекли альбомы по искусству и архитектуре.

Таких книг интересных и роскошно изданных, да ещё в таком количестве она никогда прежде не видела ни у кого. Настроение у всех было приподнято-легкомысленное. Тосты были один лучше другого, веселье было в самом разгаре. Валентина побежала за чем-то на кухню, а Жукова вышла в туалет. В коридоре они столкнулись с ней, и Валентина, улыбаясь, спросила шёпотом Жукову:

- Тебе Мартышка уже рассказывала о своей неземной любви с Далем?

- Да, а что?

- Ничего, просто она выдаёт желаемое за действительное. Это её фантазии. Мне даже немного жаль её, - небрежно сказала Валентина.

- Так это всё неправда?

- А ты поверила, наивная? Ну, удивила! Все её рассказы - полный бред.

Жуковой, конечно, можно было позабавиться над этим, но смеяться-то было, в сущности, не над чем. Ведь слова Валентины не открыли ей что-то новое, она тоже уже догадывалась, что восторженные рассказы Алтуховой, её намёки на неземную страсть и тайную жизнь, о которой даже родители не подозревают, никак не сходятся со всем её обликом в текущей жизни.

Вскоре Жукова попала в «Современник», самым обычным способом, пришла на Маяковку, купила лишний билет перед началом спектакля. Олег Даль блестяще, с натянутой струной нерва, играл Ваську Пепла в «На дне». Жукова была потрясена. Когда же она поделилась своей удачей с Алтуховой, та небрежно пожала плечами и сказала:

- Я рада, что тебе так повезло, - и тут же куда-то срочно удалилась.

Жукова старалась видеть в людях, прежде всего, хорошее. Алтухова умела слушать, была старше её на три года, а значит опытнее, поэтому Жукова решила, что «маленькие слабости» Алтуховой не должны влиять на их дружбу. Если кто-то в институте пытался иронизировать по поводу загадочности Мартышки, Жукова всегда останавливала любые высказывания в адрес подруги.

- Это личное дело и касается только её. Алтухова порядочный, добрый и отзывчивый человек. Она никому не сделала ничего плохого, а её личная жизнь - это её дело.

Больше при Жуковой никто не подшучивал над Алтуховой.

Что касается отзывчивости, то тут Мартышке не было равных. Только при определённых обстоятельствах.

Если у кого-то в группе случалась неприятность или беда, то Алтухова первая бросалась на помощь, «подставляла плечо», не жалея ни времени, ни душевных сил, она искренне и сердечно сопереживала в горе, помогала его пережить.

Когда у Жуковой на четвёртом курсе неожиданно от сердечного приступа умерла тётка, то она, совершенно потерянная, не соображала, что делать. Алтухова примчалась к ней сразу же и, даже с каким-то упоением взяла на себя организацию похорон, поминки, и решение всех житейских проблем.

Мартышка предусмотрела всё до мелочей.

Берегла каждую копейку, давала четкие указания соседям по квартире, которые помогали Жуковой. Все её распоряжения выполнялись неукоснительно. Ни у кого даже мысли не возникло усомниться в её правоте.

Жукова в сердцах даже пристыдила себя за то, что позволяла себе порой сомневаться в искренности Алтуховой и её дружбе.

Получение диплома они всей группой решили отметить в ресторане «София».

За соседним столиком четверо молодых людей шумно и весело праздновали чей-то день рождения. Один из них, высокий, плотный молодой человек, с обаятельными ямочками на щеках, всё время приглашал на танец только Жукову. Молодой человек отмечал своё тридцатилетие с друзьями детства.

Они познакомились.

Весь вечер он не отходил от Жуковой.

Она даже не заметила, как Мартышка, которую никто ни разу не пригласил на танец, вскоре незаметно ушла.

Молодой человек звонил Жуковой каждый день, приглашал на выставки, в кино, просто побродить по городу.

Жукова настолько была поглощена своими чувствами, что какое-то время даже не звонила Алтуховой.

В октябре, когда золотились листья клёнов, она вспомнила, что у Мартышки день рождения, позвонила ей такая счастливая и в ответ на приветствие услышала язвительный голос подруги:

- Как у тебя дела, куда пропала? Неужели с тем невзрачным парнем встречаешься?

- Да что ты, он замечательный, такой умный, с ним так интересно! - восторженным голосом затарахтела Жукова в ответ.

- Влюбилась уже? Понятно. У вас, что, уже всё серьёзно? - невзрачным голосом продолжила Алтухова.

- Серьёзно. Он живёт у меня. Нам так хорошо вместе, - сказала Жукова, не обращая внимания на интонации подруги.

- Понятно. Ну, ты и дура. Он хоть москвич? - продолжала спрашивать Мартышка.

- Нет. Он из Сыктывкара. Жил в общежитии. Но я предложила ему переехать ко мне. Мы заявление подали. Свадьба в ноябре. Можно я приду с ним к тебе на день рождения? Познакомитесь. А на свадьбу мы потом приглашения специально разошлём, - продолжала Жукова.

- Приводи, конечно. Я надеюсь, ты понимаешь, что он, может быть, за тобой ухаживает из-за комнаты? - язвительно выдавила из себя Алтухова.

- Нет. Он любит меня, - уверенно воскликнула Жукова, и они договорились встретиться в субботу у Мартышки.

День рождения прошёл как-то невесело. Алтухова всё время подкалывала жениха Жуковой, пытаясь выяснить его недостатки, есть ли где-нибудь дети, которых он скрывает от невесты. Молодой человек смущенно отшучивался. По дороге домой он спросил Жукову:

- Что у тебя общего с этой Мартышкой? Как с ней можно дружить! От неё веет стойким запахом старой девы.

- Она очень добрый и отзывчивый человек. Просто сегодня была не в настроении. Так бывает в день рождения, - заступилась Жукова за подругу.

На свадьбу Алтухова не пришла, объясняя это очередным невероятным романом с очень известным и влиятельным человеком, имя которого она не может назвать.

С той поры они перезванивались изредка.

Звонила, в основном, Жукова.

Алтухова же только ограничивалась поздравлением с днём рождения.

И вдруг этот странный ночной звонок.

Мартышка заплетающимся голосом старательно произнесла:

- Поговори со мной. Мне так плохо! Я нажралась! Выпила бутылку коньяка! Да, а что мне делать? У тебя есть муж, сын, а я!? Что я!

- Что ты, что произошло? - с сочувствием спросила Жукова, догадываясь, что у подруги от одиночества произошёл нервный срыв.

Она искренне сочувствовала Алтуховой, которая не жила, а придумывала себе жизнь, вызывая, как ей казалось, зависть.

Пауза.

Тишина.

- Алло, ты где? - позвала Жукова.

- А я, ты не знаешь. Я тебе не говорила. Я могла бы быть очень богатой женщиной в Америке. Он так любил меня! Умолял уехать с ним. А я... - выкрикнула, рыдая, Мартышка.

ОСЧАСТЛИВИЛИ

Москва воистину неисчерпаема.

Я не раз убеждалась в этом. Кого только в ней нет! Зная неплохо Москву, я пришла к выводу, что не каждый человек, родившийся здесь, является москвичом. Я убеждена, что провинция это клеймо на всю жизнь. Да, я говорю резковато, но жизнь регулярно подтверждает это моё суждение.

В молодости у меня была сокурсница, с которой я училась после школы на годичных курсах машинописи и стенографии на Большой Полянке. Звали её Валентина, плотненькая, круглая как наливное яблочко, про таких часто говорят: «Кровь с молоком».

Валентина производила впечатление абсолютно счастливого человека.

Всегда улыбалась.

Есть такие лица, от рождения всё время улыбающиеся. Конечно, они наталкивают на определённые размышления, но речь не об улыбках.

Валя была смуглая, брови вразлёт, глаза блестят. На курсах мы шутили, что Валя олицетворяет собой лозунг «Как хорошо в стране советской жить!»

Родители Вали были родом из большой кубанской станции. В Москву попали по лимиту, обжились. Отец был слесарем на заводе, на хорошем счету. Его заметили в парторганизации, и по разнарядке сначала райкома, а затем горкома направили на работу в Управление делами Совета министров СССР. Присмотревшись на хлебном месте, он вскоре пристроил и жену туда же, уборщицей.

В этот начальный московский период жизни станичников родилась и Валентина. Она училась в московской школе, но каждое лето проводила в родительской станице. Оттуда её говор и привычка одеваться. Мягкое «г» и певучие интонации говорили сами за себя. После окончания курсов она тоже попала в это Управление.

Помню, как-то в семидесятые годы я согласилась встретить Новый год у Валентины. 31 декабря в восемь вечера я была уже на станции метро «Ждановская», где Валентина поджидала меня, и мы поехали на автобусе до Вешняков. Дом был рядом с остановкой, очень удобно. Валентина набрала код запирающего устройства, которые в то время были редкостью - подъезды по всей Москве были открыты, о чём пел Окуджава: «Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта», а я подумала, что дом, видимо, не простой, а на вид обычный серийный. Когда мы вошли в подъезд, то я даже остановилась от неожиданности.

Все лестницы и площадки были застелены разноцветными станичными ковриками, которые Валентина называла редюшками, на площадках стояли старые мягкие стулья, этажерки, в общем, всё то, что не помещалось в квартирах, а в углах площадок возвышались на подставках, сколоченных из ящичков, огромные домашние розы и широколистные фикусы.

В подъезде висел тяжёлый дух солений, маринадов и копчёного сала.

На мой немой вопрос Валя объяснила, что в подъезде живут станичники, и работают в одной «системе», обслуживают «самих». Валечка выразительно подняла глаза в потолок.

- Ой, что ты! У нас тут все свои! Мы в подъезде и пляшем по праздникам, песни наши кубанские поём. Мужики выпивают на пятом этаже. У них там свой клуб. Там все

оборудовано, как положено. Все здесь рукастые: сантехники, столяры, электрики, шофёра. Мы с парнями и девчонками собираемся на втором. Семечек наберём и треплемся часов до двенадцати. Вот и моя хата, - она толкнула дверь.

Мы вошли.

Квартира была трёхкомнатная, в народе такие называли «распашонками». Большая комната - проходная, через неё двери в остальные комнаты и на кухню. Убранство «залы», так Валюшка назвала большую комнату, поразило меня. Все стены увешаны пёстрыми абсолютно несочетающимися коврами. По углам у балконной двери стоят - слева большой холодильник, накрытый гипюровой салфеткой, на которой красуется крупная лошадь из фаянса. В правом углу на полированной тумбе покоился телевизор, экран которого закрыт большой вышитой салфеткой. Рядом с холодильником на этажерке работал небольшой чёрно-белый телевизор, по которому шла предновогодняя программа. Пол был весь застелен важными красными коврами дорожками с широкими зелёными полосами, как будто их только что принесли из Управления делами. В центре комнаты стоял уже раздвинутый стол, который нам обеим предстояло накрыть.

Валентина, простецки улыбаясь, объяснила, понизив голос, что в этой комнате мамка собирает ей приданное.

Показала, отвернув угол ковра, ещё один под ним и не скрывая гордости, сказала, что для неё уже достали пять ковров.

Представляете, люди жили в Москве более двадцати лет, родили здесь ребенка, но сохранили в быту станичный уклад!

На кухне хозяйничала очень полная и маленькая мать Валентины. Поздоровавшись, она торопливо сняла пёстрый фартук, и со словами:

- Ну, теперича хозяйничайте сами, невесты, а я пошла к соседке Зинаиде. Отец уже там, - и ушла, поцеловав обеих в щёку, до утра.

Таким образом, родители освободили квартиру для молодёжи. Вскоре пришла соседка Вали с братом, чтобы помочь накрыть на стол. Соседка работала в буфете Управления, о чём мне с гордостью шепнула Валя, а брат, широкоплечий казак с рыжим кудрявым чубом, - шофёром на чёрной «Чайке». Они принесли фаршированного молочного поросенка на противне, чтобы поставить его в духовку.

Стол накрывали на шесть персон. Пришли ещё подъездные станичники - женихи Вали и соседки. С их приходом я сообразила, что меня пригласили в качестве девушки для брата соседки.

Об этом было догадаться совсем нетрудно, потому что этот уже слегка подвыпивший станичник постоянно пытался ущипнуть меня за мягкие места и при этом удовлетворённо мычал.

Я молча уворачивалась, но это только ещё больше заводило «жениха».

Каждый раз, вспоминая эту историю, я смеюсь до слёз.

Да, это была поистине незабываемая ночь!

Невероятное приключение.

С той поры я зареклась встречать Новый год у кого бы то ни было. Только дома. В ту ночь я думала, что утро не наступит никогда, так достал меня этот «жених».

Напившись, он даже бормотал вроде того, что готов на мне жениться. Спасло меня их всеобщее веселье, которое наступило сразу же после боя курантов. Они высыпали на лестницу. Двери квартир распахнулись как по команде, и дикий праздник вырвался из квартир в подъезд, грубые объятия, пьяные поцелуи, песни, похожие на мычания, и сальные шутки! Хватают друг друга за руки, куда-то всё время тащат, заставляют плясать, суют свои стаканы в рот,

заставляют пить до дна. Впечатление такое, что вся «улица» гуляет и льётся песня рекой сверху вниз широким потоком. Но у Валентины с соседкой были свои планы на эту ночь. Они ждали предложения руки от своих женихов, чтобы объявить эту радостную весть всем станичникам.

Их праздник мне был не мил.

И я вскоре притворилась больной и закрылась в комнате Валентины. Я испортила им праздник, но Валя виновата сама, поскольку не предупредила меня, что я нужна для знакомства с этим станичником, который подыскивает себе «порядочную» невесту. Мне это было совсем не нужно. Ребята напились и просто желали любви.

На следующий день, когда страсти утихли, мы объяснились с Валентиной. Я высказала недоумение, что она меня не предупредила. Валентина возразила, что хотела как лучше. Парень на самом деле очень хороший, завидный жених, ему уже тридцать два года, женат он не был, а создавать семью пора. Поскольку сам он, как они считают, очень застенчив, то его родители просили её познакомить с порядочной девушкой, чтобы он не попался в лапы какой-нибудь хищницы, потому что с их одним станичником, холостым офицером, служившим под Херсоном на погранзащите в Железном порту, был такой случай.

Валентина мне рассказала.

Этих девиц сразу замечено. К своим-то привыкли. Воспитанные, со всеми здороваются. А эти - вечно озабоченные. Они выглядят как победительницы. В принципе, в жизни так и получается. Подобные девицы быстро овладевают ситуацией. Они очень проворные. Цель - выйти замуж, желательно за военного.

Была такая из Средней Азии, но русская, Юля. Приехала сюда к родственникам, чтобы устроить свою жизнь. Что там было с ней прежде, можно только гадать. Мордашка у неё была миленькая, только зубки, мелкие хищные, как у хищника гры-

зуна, придавали ей несколько отталкивающий вид. Наметила выйти именно за военного, так надёжнее, им разводиться не разрешают. Да и получают они побольше, чем инженеры.

Устроилась учеником оператора на машиносчётной станции при заводской бухгалтерии. Сказали в отделе кадров, что это очень перспективная профессия. Коллектив был небольшой - тридцать человек, в основном женщины, мужчин было двое, наладчики, да и то - женатые.

Дело было в августе. Время уборки арбузов и дынь на бахче в области. Чтобы не посылать двух сотрудников на две недели на уборку, заведующая предложила поехать всем коллективом на два дня. Поехали, разбили палатки. Работали весело. Вечером собрали ужин у костра. Развели чистый спирт, приготовили «Кровавую Мэри». На юге темнеет как-то сразу, внезапно. Чёрное бархатное небо всё усыпано звёздами. Буквально в двух километрах шумит Чёрное море. Компания затянула «Из-за острова на стрежень...» Юле же хотелось романтики, поцелуев, вздохов.

«Боже, тоска какая, - стонала она, - такая ночь, спать не хочется совсем, хочу любви!» - «А тут недалеко военный городок», - сказала подруга, работавшая на станции уже больше года, и взяла над Юлей шефство с первого дня. «Что же ты молчала, пошли в клуб, может, познакомимся с офицерами!» - Юля вскочила мгновенно, влетела в палатку, навела марафет, и они помчались на танцы. Там познакомилась с молодыми офицерами. Юля вскоре исчезла со своим офицером до утра.

В общем, провела с ним ночь, а спустя некоторое время стал шантажировать офицера своей беременностью, которой у неё на самом деле не было. Но об этом знала только подруга и предупредила офицера прямо у загса. Он, ошеломленный, сначала закурил, а потом так побежал, что даже рассмотреть его в дали улицы не удалось.

Рассказ Валентины вспоминается мне и сейчас.

Я частенько размышляю на эту тему.

Для меня это совершенно определённый тип женщин, у которых в жизни есть только одна цель - ухватить, присвоить чужое, жить за чужой счет. Они считают себя умнее тех, кто постепенно своими усилиями получает образование, овладевает профессией, добивается всего сам. Как правило, это недалёкие молодые женщины, завистливые и насквозь фальшивые.

Хищницы высматривают себе добычу, наблюдают за ней, а потом впиваются в неё, пытаются любыми способами завладеть ею.

Для достижения своих целей они не гнушаются ничем. Ложь, обман, подлость, шантаж - всё идёт в ход. Достигнув своих целей, подобные дамы, порой, хвалятся своими «достижениями».

В начале восьмидесятых годов, когда прописка в Москве была мечтой многих выпускников московских вузов, к нам устроилась молодая женщина, выпускница педагогического института. На вид вполне привлекательная, она произвела сначала вполне благоприятное впечатление. Ей было двадцать четыре года, она осчастливила Москву своим приездом из-под Волгограда, и, какое совпадение, тоже станичница. Вышла замуж за москвича, родила дочь, и жила с мужем и свекровью на Пятницкой улице в коммунальной квартире. У них была одна комната, но большая.

С первых же дней работы эта молодая станичница проявила волчью хватку. Менее чем через год работы она стала заведующей сектором, получив это место путём интриг. Она не гнушалась ни предательством, ни подлостью, ничем.

Все сотрудники видели и уже понимали, что она из себя представляет, но никто не хотел с ней связываться. Дама эта в открытую предупреждала, что её лучше не трогать, а то она «просто голову отгрызёт и всё». Москвичей она презирала и называла рохлями и простофилями.

Очень хвалилась тем, как обвела вокруг пальца наивных свекровь и мужа. С гордостью рассказывала, как приехала после смерти матери к её двоюродной сестре, своей тётке, в Москву. Попросилась на праздники - Москву посмотреть. Встретили её тётка и её сын радушно.

Она уже на третий день с парнем переспала, уехала в Волгоград, а через пару месяцев написала им, что ждёт ребёнка. Конечно, парень женился на ней, и они её прописали, а она родила только через полтора года.

Муж её не устраивал, он был простой младший научный сотрудник в НИИ, звёзд с неба, по её словам, не хватал.

После рождения дочери она создала свекрови, которая относилась к ней, как к родной, такие условия, что та влезла в долги, но построила себе однокомнатный кооператив. В ожидании квартиры свекровь жила у подруги.

Затем наша хищница развелась с мужем, нашла «толкового» адвоката, выписала мужа из комнаты, в которой он жил с самого детства, и вышла замуж за «настоящего мужика», который развозил продукты по универсамам.

Мужик денежный и со связями. Просто золото, а не мужик - всё может достать. Привёз целый мешок сахара. Поставили в комнате у двери, в углу, а кот, негодяй, пометил прямо на мешок. Вот ужас так ужас! Но они с мужем сахар спасли - помыли! Это же представить невозможно! А она рассказывала, да ещё хвалилась при этом.

Спустя какое-то время она уволилась от нас, и ушла на выгодную работу, связанную с торговлей. По этому поводу мы устроили праздник, на котором объявили её не просто хищницей, а настоящей акулой.

ШУБА

Таня работала на Серпуховке. И вот как-то в обеденный перерыв она зашла в Добрынинский универмаг и увидела шубу. Но шуба будет потом, а пока мать ждала её появления на свет в роддоме...

Сколько разных людей, сколько случайных встреч, сколько всевозможных переплетений судеб мне невольно довелось наблюдать в течение всей моей жизни, много думать об этом, и в результате сделать достаточно простое и понятное каждому человеку заключение, что он является плодом любви и когда-то вышел из роддома, чтобы отметить свой, только ему предначертанный путь.

Порой мне кажется, что я стою в метро на эскалаторе, у которого нет ни начала, ни конца. Вокруг меня множество незнакомых людей, лиц которых я не вижу. Навстречу движется такой же эскалатор, на котором, наоборот, пассажиры напряжённо вглядываются в наш поток. Время от времени меня кто-то окликает, выдёргивает из общего потока. Эти случайные оклики и есть ушедшая жизнь, которая вспыхивает на экране памяти и, без согласования с моим мнением, бесцеремонно вторгается в настоящее.

Припоминаю одну семейку.

На Казанскую 4 ноября Таню крестили в церкви Ризоположения что на Донской улице, в которой крестили и мать её - Валентину, которая родилась в Москве. Дед её был дворником здесь же - на Донской, а отец всю жизнь работал каменщиком. Мать же самой Валентины была из Лianosово, работала кассиром на станции метро «Курская»-радиальная...

День пролетел незаметно. Наступило время посещений, и Валентина, мать будущей Тани, услышала голос мужа за окном. Она накинула халат, торопливо затолкала в рот белый зефир, и выглянула в окно, держа в правой руке надкусанную ватрушку:

- Валь, ну ты как там, это самое, когда родишь-то? - увидев её, прохрипел муж. Когда-то ему вырвали гланды и повредили голосовые связки. Он стоял прямо на газоне в белых парусиновых туфлях. В одной руке у него была сетка с апельсинами, а в другой - румяный батон с хрустящей корочкой, от которого он жадно тут же откусил горбушку.

- А то я знаю! Нет. Я прямо не пойму, когда уже. Доктор сказал, что скоро. Ты, голодный что ли? - прокричала, жуя, она в ответ, и захохотала.

Окно было на третьем этаже.

- Да не обедал! Не успел, это самое, к тебе сорвался. Ну, ты не трусь! Всё нормально. Родишь как все, это самое, ты не бойся, - успокоил муж.

Когда он ушёл, Валентина легла. Прикрыв глаза, чтобы не привлекать внимания дремлющих соседок по палате, она прислушивалась к себе. Ей было так страшно, так одиноко, так жалко себя.

«Господи, помоги! Пресвятая Мария, спаси и сохрани ребёночка и меня», - повторяла она про себя снова и снова. От волнения лицо её было покрыто испариной. Валентина не знала ни одной молитвы, но слова пришли сами собой, как только у неё начались схватки.

Валентина поступила в родильный дом на рассвете, «по скорой». Равнодушие медицинского персонала и длинные, казённые, кафельные полы коридоров со стенами, выкрашенными в холодный синий цвет, напугали её.

Ворчливая дежурная нянечка со словами: «Родют и родют, неугомонные, хоть ночь, хоть день», - выдала Валенти-

не нелепую больничную рубаху, которая была широкой и короткой с чёрными штампами, застиранный фланелевый халат без пояса, цвет которого был безвозвратно утерян, и огромные тапки с обрезанной пяткой.

Облачившись в больничную одежду, Валентина почувствовала себя несчастной, беззащитной маленькой девочкой, и, шаркая, чтобы не потерять «лапти» поплелась за медсестрой на осмотр, где седобородый фельдшер сообщил, что рожать ей ещё время пока не настало, и отправил в палату ждать новых схваток.

Там, в большой комнате с высоким потолком, по обе стороны от трёхстворчатого окна стояли шесть кроватей с тумбочками рядом по три с каждой стороны. Кровать у окна была свободна. Валентина легла, и как будто провалилась в яму. Такие неудобные, железные кровати были только в больницах.

Вскоре зашла медсестра, от которой сильно пахло духами «Ландыш серебристый», включила свет и раздала градусники.

Соседки постоянно болтали и засыпали друг друга вопросами. «А ты где с ним познакомилась?»... Все они что-то жевали. Самой опытной и бойкой оказалась молодуха, уверенная в себе толстая Ольга, которая пришла, как она выразилась, «за дочкой», потому что рожала в третий раз. Сейчас в одной руке у неё была куриная нога, а в другой солёный огурец. Халат не сходился на ней, обнажая огромные груди, свисавшие до живота.

- Солёненького всё время хочется! - воскликнула Ольга, откусывая с хрустом половину огурца. По подбородку потекла струйка рассола.

У неё уже было два сына. Она говорила короткими уверенными фразами, как будто отдавала команды. Три соседки рожали во второй раз. Только тихая, изящная, молчаливая Лена, тоже ждала первого ребёнка.

Ольга вещала на всю палату, с полным ртом, не успевая прожёвывать, как нужно днём и ночью привлекать мужиков к уходу за ребёнком, чтобы у него не оставалось ни сил, ни времени на то, чтобы даже думать о других женщинах:

- Есть такие дурочки, которые ночью встают к ребёнку сами. Видишь ли, мужа жалеют! У таких мужики сначала налево начинают ходить, а потом и вовсе таких «заботливых» бросают. Я знаю, о чём говорю, насмотрелась, наслушалась, не первый раз рожаю, - предостерегала она рожениц, вытирая тыльной стороной ладони огуречный рассол с подбородка, - мужик должен думать только о жене и детях. Ему надо заданий давать побольше. Вот мой придёт, увидите! Ему головы поднять некогда, а то детей наделают, и в кусты. Нет, девки, себя больше жалеите.

Ольга, похоже, вообще не имела привычки молчать, под её несмолкаемый голос у Валентины начались схватки. Поздно вечером она родила хорошенькую девочку...

Настал день выписки.

В полдень у роддома собрались почти все родственники. А шофер автобуса, маленький, толстый, лысый дядя Витя пригнал свой маршрутный автобус, получив на это разрешение в парке по такому важному событию, как появление нового родственника.

- Ой, смотрите, - воскликнула дежурная медсестра, - целая свадьба прибыла! - За кем бы это?

Мамаши с любопытством прильнули к окнам.

- Это за мной, - не без гордости в голосе сказала Валентина, торопливо глядясь в зеркало и поправляя завитки.

Мужнины дядья с жёнами, братья с сёстрами и племянники, прибывшие на автобусе, шумные и нарядные, столпились у крыльца.

- У мужа в семье всегда так. Дед ещё приучил, чтобы все вместе держались, и в радости и в горести, - объяснила Валентина, прощаясь и покидая палату.

В вестибюле роддома, уставленном большими разлапистыми пальмами, Валентину встречал муж и её родители. Родственники с нетерпением ждали их выхода. В руках у многих были букеты флоксов, георгин, золотых шаров, которые в изобилии украшали дачные участки и палисадники родни. Тратить деньги на покупку цветов никому из них и в голову бы не пришло. Семья была крепкая, хозяйственная, деньги на ветер в ней бросать было не принято, каждой копейке счёт вели.

Медсестра деловито, как посылку на почте, вручила молодому отцу розовый свёрток с новорожденной. Тот неловко взял дочь под одобрительные возгласы тещи и тещи. Валентину он чмокнул в щёку, и сунул ей букетик васильков, который передала ему тётя Сима, жена дяди Вити. Тётя Сима знала в их семье лучше других, как и что нужно делать в любых ситуациях, слыла самой знающей. С ней советовались по всем важным делам. Тётя Сима была выше мужа на голову. Он всегда с почтением смотрел на неё, слегка приподняв голову, и хвалился, что жена может за просто управлять хоть его автобусным парком.

Вышли на улицу под громкие одобрительные приветствия встречающих родственников.

- С новорожденной! - крикнул Семён Васильевич, гася папиросу о спичечный коробок.

- Ой, Валюшка, как ты поправилась! - вставила его жена, в три обхвата баба, щеки у которой были видны с задней стороны.

- Как назвали-то?! - спросил водопроводчик Николай, троюродный брат тёти Симы.

По дороге к автобусу каждый норовил взглянуть на ребёнка, но тётя Сима покрикивала, чтобы не глазели, а то ребёнок будет беспокойный. Валентина же, почувствовав, что муж уже выпил, укоризненно покачала головой и шепнула:

- Не утерпел-таки! В такой день.

- Валь, ну а как ещё?! Такое событие. Я волновался, это самое, выпил-то чуть, - извинительным тоном произнёс новоявленный отец.

Все погрузились в автобус. Праздничное настроение нарастало по мере приближения к дому новорожденной. Родственники предвкушали богатое застолье. Время было обеденное, и многие из них перекусывали уже в автобусе. По прибытии на место муж проводил Валентину с дочкой и тётшей домой, и торопливо вернулся в автобус. Вся дружная компания родственников поехала на Автозаводскую, где родители молодого отца уже с утра накрыли стол по случаю рождения внучки.

Дома Валентину с ребёнком встретила очередная тетка мужа:

- Побежал, ишь ты, спешит. Все они только о выпивке и думают, - проворчала маленькая, сухая тётя Галя, - а мы, бабы, рожай, корми, расти. Ну, покажи, дочь-то. Ишь, щёки-то какие уже наела, хороша! Валька, тут видишь тебе как повезло-то, надарили всего: кровать, коляска, стульчик, пелёнки, распашонки - приданое хоть куда! В наше время-то ничего не было. Мы трудно жили. А теперь чего не рожать-то! Чего только не придумают! Ну, давай клади дочку в кроватку, а то чай стынет, который раз уже чайник ставлю.

Тётю Галю в семье побаивались, уж больно не сдержана была она на язык. Мужики подтрунивали над её добродушным, молчаливым мужем, что она от злости высохла вся, а говорит и вовсе всегда за двоих. Глазки как буравчики сверлили насквозь всё и вся. Тётя Галя постоянно была чем-то недовольна. Она вечно что-то мыла, убирала, путалась под ногами, считая себя незаменимой помощницей, и постоянно пила чай с вареньем и сушками. По части варенья, она была специалист...

Уже через какие-то полгода дочку Таню стали возить в разные края Москвы по гостям.

Там всегда было празднично. Веселились, пели и ели.

Вся жизнь родственников состояла из поездок в гости. Сегодня вы у нас, завтра - мы к вам. И что любопытно, телефонов в конце пятидесятих годов ни у кого не было, но никогда не случалось так, чтобы приехав к кому-то в гости, хозяев не оказывалось дома. Всегда и все были на месте. И не просто на месте - столы ломились от выпивки, закусок, среди которых царил холодец из свиных ножек, а из горячих блюд: запечённая в духовке свинина с картошкой и домашние котлеты с чесноком с кулак величиной. Ели много, с толком и не спеша.

Все воспоминания Тани о детстве и отрочестве были связаны с бесконечными поездками на автобусах, трамваях, троллейбусах, метро, электричках в гости к родственникам. Родители постоянно что-то гладили и наряжались, спешили то на Пресню к дяде на день рождения его жены, то на Автозаводскую к родителям отца, чтобы отметить очередное семейное торжество. Они вечно были в приподнятом настроении, подгоняя друг друга. Если Таня начинала капризничать, требуя внимания к себе, то мать торопливо совала ей соску, лет до пяти, и всегда повторяла одну и ту же фразу: «Потерпи, потерпи, дочка, вот приедем, там поешь и попьёшь и уж поиграешь с братишками и сестрёнками».

Один из двоюродных братишек, Ваня, в матроске, любил игрушечный утюжок. Прямо как настоящий. Таня, в розовом платице с оборочками, внимательно наблюдала за ним, накрывая праздничный стол для кукол. Ваня взял плюшевого медвежонка и уложил его спать в игрушечную кровать.

- Пока мишка спит, я быстренько поглажу! - приговаривал Ваня, вода утюжком туда-сюда по юбочке большой куклы.

Обоим было по шесть лет - и Тане и Ване.

Таня тоже решила как-то отличиться перед Ваней. Она взяла его за руку и сказала:

- Потом догладишь, пойдём ко всем. Я выступить буду!

И откуда ей в голову пришло это «выступить»? Она даже сама понять не могла, но в голове её пронесся совершенно отчётливо текст одной из радиопередач.

Войдя в комнату, где за столом, уставленным мясными и рыбными закусками, соленьями, салатами и дымящейся картошкой с мясом, шумно продолжался праздник, в руках у племянника Феди заливалась гармонь, а все гости хором на разные голоса, с женским повизгиванием, пели:

На Волге широкой, на стрелке далекой
Гудками кого-то зовет пароход.
Под городом Горьким, где ясные зорьки,
В рабочем поселке подруга живет...

Ваня командирским голосом, помня, что он в матроске, насупив брови, воскликнул:

- Тихо! Танька сейчас выступить будет!

За столом затихли.

Ваня поставил для артистки табурет. Таня влезла на него, выпрямилась, одернула подол своего с оборочками платья, и проникновенно, каким-то не своим голосом, будто это говорило радио, начала:

- Неужели это я сижу? Мне хочется прыгать, размахивать руками. А вдруг я сплю! Видит бог, я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. Однако же надо пить кофе. Спасибо тебе, Фирс, спасибо, мой старичок. Я так рада, что ты еще жив...

Закончив без запинки отрывок, Таня, даже не поклонившись, спрыгнула с табурета, схватила Ваню за руку, и потащила доглаживать кукольную одежду.

Минутную тишину за столом прервал шофёр автобуса, обращаясь к отцу Тани:

- Это ты, что ль, выдрессировал её так?!

Отец даже вспотел от этого вопроса, поскольку сам впервые услышал такое от дочки. Но взял себя в руки и перевёл огонь на жену, сказав:

- Валь, это ты настропалила? Чего, это самое, она тут плела?

Валентина испуганно сжалась, не зная, что ответить, и промолчала.

А поезд праздника двинулся дальше, и все тут же забыли о выступлении Танечки. Заиграла гармонь, и все грянули:

В рубашке нарядной к своей ненаглядной
Пришел объясниться хороший дружок:
Вчера говорила - навек полюбила,
А нынче не вышла в назначенный срок...

После песни сразу и дружно выпили за именинника, отца шофёра автобуса, которому на вид было лет девяносто, и он тихо сидел, не шевелясь, в углу.

- А? Чего? - пробормотал оглохший десять лет назад именинник, прикладывая домиком высохшую желтую ладонь к волосатому уху.

Тётя Сима оглядывала хозяйским глазом стол, следила, чего подложить - винегрета ли, селёдки ли, а может ещё горячего добавить.

Да, семья у отца Тани была большая. Дед, отец отца, сам приехал на строительство метро в 1936 году из деревни. Был он ростом под два метра, жилистый, брит наголо под бритву, голова, как бильярдный шар. Глаза карие, круглые, но мутные, и смотрят всегда как будто в одну точку. В жёны взял весёлую, говорливую маляршу. Он быстро сообразил, что жизнь в городе легче, сытнее, да и жильё в пер-

спективе можно получить, и выписал из деревни пять своих братьев. На стройке требовались рабочие.

Таня росла самостоятельной девочкой. С восьми лет сама, без провожатых, ходила в школу, разогревала обед. Сама делала уроки. И что удивительно, любила слушать литературные передачи по радио, когда была одна дома. Охотно читала всё, что попадало под руку. В пятом классе она подружилась со своей одноклассницей Олей. Однажды подруга пригласила Таню в гости. Все в доме Оли показалось Тане странным и не привычным. Полки с книгами, и особенная, подчёркнуто вежливая манера общения членов семьи между собой. Отец Оли работал в филармонии аккомпаниатором, часто играл дома на рояле, когда девочки приходили из школы. Таня замирала, слушая его игру, спрашивала у Оли, что он играет, и слышала уже знакомые ей имена композиторов, музыку которых часто передавали по радио - Шопен, Чайковский... После окончания пятого класса Оля с родителями переехали в отдельную квартиру. Больше они не встречались.

Лет с четырнадцати мать часто поручала Тане отвезти какие-то продукты или передать вещи кому-нибудь из бесчисленных родственников. Таня досадливо отмахивалась, злилась, у неё были свои дела. Но мать всегда строго ей объясняла, что родственникам нужно помогать, случись что, только родственники и помогут.

После окончания школы Таня устроилась на фабрику «Красная заря». Все в их семье всегда работали, поэтому ничего другого ей даже в голову не пришло. А тут парфюмерия, свои деньги - это так привлекало её. Очень уж ей хотелось покупать красивые вещи. Как-то раз в обед Таня заскочила в Добрынинский универмаг, просто так, посмотреть. Падал легкий снежок, так хотелось чего-то необыкновенного, такого, что изменит всю её жизнь. Вот в таком приподнятом настроении она оказалась в отделе верхней

женской одежды, где по счастливой случайности именно в этот момент выбросили, именно выбросили, никак не иначе, шубы из натурального меха. Просто какое-то волшебство! Ничего подобного в жизни Таня до сих пор так близко не видела. Эта была не цигейковая шуба и не каракулевая, что-то совершенно изумительное, шуба превзошла все Танины мечты. Мех цвета молочного шоколада, манил, играл, глаз от этой чудо шубы оторвать было невозможно. Таня была в отделе одной из первых, вокруг мгновенно собралась очередь из возбуждённых женщин, каждой хотелось хотя бы примерить такую красоту. Продавец, мельком взглянув на скромно одетую молодую девочку, буркнула:

- Ты мерить будешь? Если нет, то пропусти других, не стой тут.

- Буду! - уверенным голосом ответила Таня. В этот момент она не сомневалась, что это и есть то, о чём она мечтала всегда. Такую красоту она видела только в кино на необыкновенных женщинах.

- Ты хоть представляешь, сколько она стоит? - спросила продавец.

- Если она мне подойдёт, я её беру! - голос Тани прозвучал так уверенно, что она сама поверила в это. Надев лёгкую красавицу шубу, и увидев незнакомое отражение в зеркале, Таня даже не сразу узнала себя. Шуба так преобразила её облик! Таня услышала восхищенные возгласы очереди. Продавец с улыбкой сказала:

- Ой, как тебе идёт, просто принцесса, не узнать! А спинка-то, спинка как легла! У тебя деньги-то есть?

- Выписывайте! - выдохнула Таня. - Только отложите на час, я за деньгами сбегаю.

- Если через час не заплатишь, продадим, смотри! - предупредила продавец.

Тане уже неслась вниз по лестнице, соображая на ходу, где взять такую немыслимую сумму. Ей казалось, что без

такой необыкновенной шубы жизнь вообще не имеет смысла.

«В кассе взаимопомощи, - пронеслось в её голове, - под расписку, только бы председатель была на месте». Таня неслась со всех ног на работу. Ей повезло, председатель кассы взаимопомощи, всё-таки выдала под расписку необходимую сумму. Правда, Таня клятвенно заверила её, что вернёт деньги через четыре дня. Таня написала заявление на отгул и понеслась в универмаг за шубой.

Вот она дома. Таня торопливо разделась на ходу, и влетела в комнату. Мать испуганно поспешила за ней:

- Доча, случилось что? - тревожно спросила она и замерла.

Таня молча развернула драгоценную покупку, слегка встряхнула шубу, любуясь игрой меха, надела её, и завертелась перед зеркалом. Валентина обомлела, даже дар речи потеряла. А Таня торжествующе воскликнула:

- Ну, мам, как тебе моя шуба!?

- Таня, ты шутишь? Откуда такая дорогая вещь? Она, небось, денег стоит немереных! Как это твоя? - Валентина глазам своим не верила.

- Купила! - торжественно воскликнула Таня. - Посмотри, какая красота! Я прямо на себя не похожа. Деньги в кассе взаимопомощи достала, отдам.

- Как отдашь? Где нам такие деньги взять! Не по Сеньке шапка-то, - горестно всплеснув руками, проговорила Валентина.

- Деньги соберу, - уверенно заявила Таня, - родственников у нас сколько? Вот пусть дяди и тётки, братья старшие скинутся раз в жизни, и сделают мне подарок на всю жизнь! Я так мечтала о шубе! Мам, вы с отцом поможете!

- Как соберёшь? Когда? - спросила Валентина растерянно. Всю свою жизнь в трудах и заботах, можно сказать, тяжелую она прожила ради дочери.

- Просто! Надену шубу и поеду к тётям и дядям, объясню, что это мечта всей моей жизни. Что они не сделают подарок племяннице? Не помогут? На всю жизнь мне подарок! - Таня говорила возбуждённо и так уверенно, что мать не нашла слов, чтобы возразить ей.

- Таня, - взмолилась Валентина, - ты шубу-то пожалей, что ж её в транспорте тереть, ведь протрётся, небось!? Да смотри, снимут, не дай Бог!

- Ладно, - сдалась Таня, - я шубу с собой возьму. Надо же им показать, какая это вещь!

Прежде всего Таня отправилась к тётё Сима. Это был очень мудрый шаг. Таня интуитивно понимала, что её одобрение гарантирует доброжелательное отношение к покупке всех остальных родственников, потому что влиянию тётё Симы поддавались все безоговорочно. Она не ошиблась. Тётя Сима долго рассматривала шубу, искала изъяны, брак, встряхивала, и вынесла заключение: «Вещь!» Дала денег, но только после того, как накормила Таню и напоила чаем.

На следующий день была суббота, и Таня продолжила свой поход по сбору средств на свою мечту. В воскресенье вечером Таня собрала нужную сумму. Больше всех её удивил дядя Витя, который отдал ей всю свою записку тайком от жены, несмотря на то, что тётя Сима щедро одарила Таню. Мать просила Таню не ездить с шубой к тётё Гале, опасаясь, что та осудит Танино стремление к роскоши. А Таня поехала, так как чувствовала особое отношение к ней ворчливой тётё. И правильно сделала. Тётя Галя любовалась на Таню, которая вертелась перед ней в шубе и восклицала: «Ну, Танька, ты прямо артистка заграничная! Только куда ты в ней ходить-то будешь?!»

Слова тётё Гали запали в душу Тани. Когда она в шубе своей мечты вертелась перед зеркалом, то видела незнакомую, очень привлекательную девушку. Мелькнула ка-

кая-то очень странная мысль: как ей быть всегда такой же, как это отражение, что делать? Ничего определённого в голову не приходило. Таня даже усмехнулась, что сама себе завидует.

Она прямо в шубе от тёти Гали пошла к метро.

- Девушка, вы не хотели бы сниматься в кино? - прозвучал голос незнакомой женщины.

- Хотела, - вместо Тани ответил голос из радиопередачи.

Всё это у нее, конечно, получилось неожиданно.

Спустя время, два первых ряда в огромном зале кинотеатра на премьерe нового художественного фильма занимали родственники, заплаканные и улыбающиеся, не веря глазам своим, что в главной роли выступает их Таня.

ФОРТУНЭТА

Херсон звучал печально в душе Фортунэты.

В галантерейном магазине в самом центре города на углу проспекта Ушакова и улицы Кирова, что напротив херсонского центрального входа в парк культуры и отдыха им. Горького (не могли придумать для Херсона иное, нежели в Москве, название), справа в отделе пуговиц, ибо слева от входа продавались ткани, за прилавком стояла Фортунэта Владимировна Кюгельген.

А когда-то...

С трудом приоткрыв тяжёлую дверь, Фортунэта вбегает без стука в кабинет с рыжим котенком. Котенок недоволен и на очень высокой ноте, как ребёнок, пищит и старается, во что бы то ни стало вырваться. Фортунэта ещё крепче прижимает котёнка и с порога возбуждённо говорит:

- ПапА, папА! Посмотри скорей, какой чудесный котенок! - и тут же, сбивчиво и громко с мольбой в голосе продолжает: - ПапА, будь добр, разреши оставить его, он такой малюсенький, беззащитненький (в это время «беззащитненький» остренькими зубками кусает её за палец, но Фортунэта даже этого не чувствует), я буду сама ухаживать за ним! Скажи мадам!

Фортунэта выжидательно вглядывается в полумрак кабинета. Но в сумраке видит только клубы дыма, который потом был связан с памятью об отце. Отец был очень постоянен в своих привычках и набивал трубку английским табаком «Вирджиния».

Пытаясь уловить реакцию отца, который сидел в кресле за письменным столом, на зелёном сукне которого побле-

скивал в свете бронзовой настольной лампы малахитовый письменный прибор и подставка с курительными трубками, она торопливо гладила котёнка.

Это было одно из самых трогательных воспоминаний Фортунэты - день, когда она вбежала к отцу с котёнком. Кабинет запомнился ей как внушительная комната с высокими окнами, тяжёлые шторы на которых редко раздвигали, поэтому там всегда был полумрак, придававший некую таинственность. Высокие книжные шкафы с резными дверцами, заполненные солидными фолиантами с позолоченным тиснением на корешках, бюро с многочисленными ящичками, отец с трубкой в руке. Стоило Фортунэте подумать об отце, как перед ней отчетливо возникала эта сцена. И аромат любимого табака в течение всей жизни приятно щекотал ноздри.

Отец молча дописал что-то, держа вишнёвую трубку, поднял голову и негромко сказал:

- Котенок - это хорошо, но тебе ведь давно известно, деточка, что без стука врываться в кабинет, когда я работаю, нельзя. Говорить следует спокойно, ни при каких обстоятельствах не повышая голоса.

Отец прибавил света в лампе, и вытянутая тень от Фортунэты упала через открытую дверь в коридор.

- Да, папа, я знаю, но котёнок замёрз, промок, его нужно накормить. Он такой беззащитный и совсем ещё маленький, - виноватым голосом почти прошептала Фортунэта.

- Подойди ко мне и прикрой, пожалуйста, дверь за собой, - ласково сказал отец.

Фортунэта подошла к креслу, в котором сидел отец. Трогательная парочка - дочери, с выбившимися из-под шляпки рыжими мокрыми от дождя волосами, и взъерошенного котёнка с расширенными от ужаса зрачками, вызвала невольную улыбку отца. Он ласково погладил дочь и произнёс:

- Хорошо, ты можешь оставить котёнка, только попроси горничную искупать его, и обсуди с мамА, как его устроить. Только заботиться о нём будешь сама. А теперь ступай, разденься, приведи в порядок себя и своего друга.

Отец глубоко затянулся трубкой, красный огонёк от неё отразился на потолке, выпустил клуб дыма и склонился к бумагам...

Кто не знает Васильевский остров? Не буду упоминать поэта, который собирался туда прийти умирать. Моя героиня, Фортунэта, уже четырнадцатилетняя, сошла на пристань в Санкт-Петербурге с теплохода, доставившего её вместе с родителями из Лондона, и поселилась именно на этом достославном острове. То было в 1913 году.

Отец называл её - «солнечная девочка». Фортунэта единственная в семье была огненно рыжеволоса. Почему единственная? Да потому что её брат и сестра выглядели настоящими испанцами, черноволосыми, бронзовыми. А кожа у Фортунэты светилась белизной, но была вся усыпана весёлыми конопушками, которые придавали ей какое-то необычное очарование.

Фортунэта родилась в Лондоне 9 мая 1899 года. Отец её, Владимир Иванович, состоял на дипломатической службе в посольстве Российской империи.

Всесторонне образованный молодой человек только начинал карьеру дипломата. Не прошло и года его службы там, как он страстно влюбился в дочь секретаря Испанского посольства Рамону.

Юной красавице едва исполнилось шестнадцать, а ему было двадцать пять лет.

Красота её была столь совершенна, что молодой дипломат был покорён окончательно.

В течение трёх лет развивался их роман.

Они встречались сначала только на приёмах, затем он пригласил её в театр... Они никак не могли наговориться,

насмотреться друг на друга. Рамона вся была пронизана музыкой - в её голосе, походке, движениях, взгляде чарующих бархатных глаз звучала музыка.

Владимир потерял голову.

Образ пленительной Рамоны преследовал Владимира. Постепенно испанский отец Рамоны поддался мольбам дочери принять предложение руки и сердца русского дипломата.

Через три года в 1892 году они обвенчались в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Лондоне. В семье говорили на испанском, русском и английском языках, и дети считали это естественным. Отец вернулся на службу в Министерство иностранных дел, в ожидании нового назначения.

В первое же петербургское Рождество папа установил в зале настоящую лесную ель, и в Новый год Фортунэта устроила карнавал, пригласив своих гимназисточек. Глаза её светились. Она знала что-то такое, чего подружки не знали.

Да, вздыхала Фортунэта поздним вечером при свете ночника с книжкой Роберта Браунинга, как прекрасно он передаёт свет луны в морском просторе, как будто я плыву с любимым. Как же утончённо Браунинг говорит о предчувствии любви:

The grey sea and the long black land;
And the yellow half-moon large and low;
And the startled little waves that leap
In fiery ringlets from their sleep,
As I gain the cove with pushing prow,
And quench its speed i' the slushy sand...

Чтение для Фортунэты - это ритуал, путешествие во времени и пространстве, с языка на язык. Она сама тут же схватила лист бумаги и записала другим размером свою версию перевода этой строфы любимого поэта:

фортунэта

Серое море и влагу земли
Месяц представил полоской вдали.
Волны морские, играя, текли,
Будто бы локоны сна на мели.
Так приближаются все корабли
В бухту любви, о чём знать не могли...

В жаркой комнате от натопленных печей и камина гимназистки поняли причину тайны Фортунэты и с восторгом поднимали бокалы шампанского за здоровье гимназиста Ныркова, которому исполнилось 16 лет.

Фортунэта побоялась идти к нему одна, поэтому пригласила подружек из своей Константиновской гимназии.

Нырков жил неподалеку от Фортунэты на Васильевском острове, и несколько раз, прежде чем познакомиться, тихо ходил за ней по пятам. Фортунэта в испуге оглядывалась.

Что ему нужно?!

И однажды поскользнулась, упала, пока оглядывалась, портфель отлетел в одну сторону, меховая шапочка в другую. Шел легкий снежок. Нырков бросился поднимать Фортунэту. Она увидела его синие большие глаза и сразу влюбилась.

На другой день Нырков сбежал с уроков из своей гимназии, чтобы встретить Фортунэту в Певческом переулке. Только увидел её, вспыхнул, зажмурился и поцеловал в румяную щечку.

Веселье разгорелось ярче, когда пришли друзья Ныркова, гимназисты. Начались танцы, и конечно в полумраке поцелуи. Нырков увлек Фортунэту в другую комнату, и она даже не заметила, как Нырков стал целовать её обнажённые груди, крепкие, как два лимона...

Вскоре началась война.

В конце 1916 года отец Фортунэты был назначен консулом в Шанхай. После встречи Нового, 1917-го, года семья Фортунэты выехала к месту службы отца.

Нырков провожал её...

Он стоял вдалеке у фонаря на перроне, чтобы родители Фортунэты не заметили его, и посылал воздушные поцелуи. Она украдкой оглядывалась и тонкими пальчиками смахивала слёзы, словно снежинки.

По прибытии во Владивосток они узнали о том, что в Петрограде произошла революция.

Отец Фортунэты принял решение покинуть Россию, и они отправились в Шанхай, но уже как эмигранты. Владимир Иванович никак не мог смириться с мыслью крушения привычной жизни.

Потрясения и повороты судьбы пугают и завораживают человека, часто он не понимает, что нужно делать в подобных ситуациях. Предвидеть их невозможно. Нужно, наверное, учиться держать её удары, постараться жить в гармонии с собой, а это требует определённых усилий.

В Шанхае Фортунэта прожила без малого сорок лет, похоронила там родителей и мужа.

В 1918 году отец выдал Фортунэту замуж за своего друга швейцарца Кюгельгена. Сама эта необычная фамилия как бы говорила о том, что этот господин очень оригинален. Да, при феноменальной худобе он превосходил все самые смелые представления о человеческом росте, ибо Фортунэта была ему по пояс. К тому же из-за близорукости он ходил, сильно наклонившись вперёд и выставив руки, как будто боялся упасть, и напоминал то ли жирафа, то ли покосившийся фонарный столб. Сколько помнила его Фортунэта, он был абсолютно лысым, она даже не могла сказать, какого цвета у него были волосы. Кюгельген и Владимир Иванович частенько с азартом склонялись над столом, и по очереди восклицали:

- Ага, сейчас я своим слоником пробью вашего коника!

- Ну, что вы, братец, я вот эту пешечку выдвину, - отвечал Владимир Иванович.

И выдвигал, поскольку эту пешечку подкрепляла оставшаяся сзади другая пешка.

В общем, всё свободное время друзья проводили за игрой.

Кюгельген был старше Фортунэты на двадцать лет. Она уважала его и ценила заботу. Это был как бы союз друзей, попавших в беду. Они часто посещали театры, рестораны, путешествовали. И через некоторое время она встретила настоящую любовь - Разумовского, бывшего советника русского консульства, с которым должен был вместе работать её отец. Ростом Разумовский был под стать Фортунэте. Он носил изящную бородку в виде буквы «т», которая называлась «Бальбо».

Они тайно встречались.

Фортунэта заботилась о том, чтобы её муж не догадался об этом. То же приходилось делать и Разумовскому - скрывать эту связь от своей жены.

В Шанхае большинство женщин из русской эмиграции шили одежду себе сами, кто не умел шить - отдавали ткань модистке или обращались в ателье. Каждая стремилась придумать что-то оригинальное, поэтому фурнитура для одежды, принадлежности для шитья и рукоделия пользовались огромным спросом. Всё это можно было приобрести довольно недорого в многочисленных частных лавочках.

Порой одна пуговица, например, витая металлическая, переливающаяся холодным синим, фиолетовым и зелёным цветами могла стать предметом зависти подруг, преобразить платье строгого классического фасона.

Чтобы осуществить свою мечту, женщина тратила на поиск всего необходимого для создания нового наряда дни, а иногда недели, а то и месяцы, чтобы приступить к созданию платья. Фортунэта была приглашена на дипломатический приём. Она научилась великолепно шить. Из любой

ткани могла создать потрясающий наряд. И вот на этот приём, где должен был петь Вертинский, она сшила себе маленькое чёрное платье из простенькой ткани. На этом приёме присутствовали в качестве почётных гостей известные люди Шанхая.

Фортуэта имела сногшибательный успех.

А Вертинский, подойдя к ней, с особым произношением звука «р», характерным для французов, програссировал:

- Пйелестно! Золото в чейной опйаве!

«Прелестно! Золото в чёрной оправе!» - поняла Фортуэта и это лишний раз убедило её в том, что цена ничего не значит, главное - умение исполнить и подать вещь.

Да ещё при этом просиять раскалённым солнцем рыжих волос.

А Вертинский, вернувшись к роялю, кивнул концертмейстеру, и запел:

В бананово-лимонном Сингапуйе, в буйи,
Когда поет и плачет океан
И гонит в ослепительной лазуии
Птиц дальний кайаван...

Фортуэта отчетливо помнила белую маску Пьеро Александра Вертинского, который прожил в Шанхае почти десять лет.

До смерти мужа в 1945 году Фортуэта себя чувствовала надёжно защищённой от всех житейских невзгод. А теперь ей пришлось искать работу. После недолгих мытарств она устроилась секретарем-машинисткой в контору крупного американского предпринимателя, поскольку в совершенстве владела английским языком. К тому же она прекрасно знала испанский, французский, и русский, само собой, языки. До 1956 года она там проработала, и всё ей нравилось.

После смерти Кюгельгена, тайна их многолетней связи с Разумовским стала известна. Но жена Разумовского оказалась очень мудрой женщиной и подружилась с Фортунэтой.

И они стали жить одной семьёй.

После XX съезда многие русские стали возвращаться на родину. И Фортунэта с Разумовскими поддались общему настроению и приняли решение вернуться.

И вернулись. В лагерь для репатриантов под Иркутском. Там Фортунэта, пока проверяли их документы, работала в конторе машинисткой.

После того как её признали не опасной, а простым трудовым элементом, предложили выбрать место жительства, за исключением столиц (имелись в виду и столицы союзных республик) и крупных городов. Так как Фортунэта не имела понятия ни об одном из разрешённых городов, она выбрала тот же город, куда поехали Разумовские, - Херсон. Их привлёк именно Херсон, потому что Разумовский провёл всё своё детство в имении Аскания-Нова, в гостях у тетки, родственницы хозяина.

Ещё в Иркутске Разумовские и Фортунэта выправили документы как родственники. Сначала они снимали две комнаты в частной мазанке. Дом был из кизяка и глины. Фортунэта не представляла, что так можно жить, в таких ужасных условиях, без всяких удобств.

Фортунэту спасал старый патефон и шипящая грампластинка Баха. Она испытывала чувство святой благодарности композитору, который создал мир чувств, красок, мыслей, как будто для неё. Слушая «Иоганна Себастьяновича», она так его называла, как будто он был ей родным дедушкой - того звали Иваном Севастьяновичем - Фортунэта наслаждалась каждой нотой, божественным звучанием органа, и душа её пела, перед ней проходила вся её жизнь, и она в который раз гуляла по набережной Темзы с гувернанткой.

А полноводный Днепр во всей красе Фортунэта наблюдала с палубы белого огромного теплохода «Тарас Шевченко», на котором с Разумовскими совершила путешествие в Киев.

Родина в 1961-м году назначила Разумовским и Фортунэте пенсию в 16 рублей. Их поставили в очередь на жильё. И где-то во второй половине 60-х годов они получили маленькую двухкомнатную квартиру на втором этаже на Жилмассиве, недалеко от вокзала, направо от проспекта Ушакова. Прожив несколько лет без воды и туалета в доме (всё находилось на улице), все трое были по-детски счастливы в новой квартире с удобствами, и восприняли её как дворец. В полной мере оценить такие удобства способен человек, поживший в мазанке из кизняка.

Небольшого роста, очень худенькая, с едва заметной сединой в рыжих волосах, лицо и руки в веснушках, Фортунэта стояла за прилавком, как маленькая балерина, с очень прямой спиной. Захочешь выпрямить так свою спину, и не получится. В ней была аристократическая осанка. Речь Фортунэты настолько отличалась от херсонского говора, что рядом с ней все становились какими-то вежливыми, и невольно подтянутыми.

Фортунэта была необыкновенно предупредительна с покупателями и приветлива, и всегда предлагала свою помощь в подборе пуговиц в зависимости от ткани, цвета, фасона.

БУБЕНЧИК

Ну, дружной, звончей, бубенчики,
Заливные голоса,
Эх, ты, удаль молодецкая,
Эх, ты, девичья краса...

Песня на слова
Александра Рославлева
(1883-1920)

Архитектор Крылова прилетела в Симферополь из Внуково. Как только взлетел самолёт, она задремала, а когда открыла глаза, он уже шел на посадку. На автобусе подъехала к зданию аэропорта. Прилетевших встречали толпы людей. Крылову тоже должна была встречать некая тётя Маня, но она видела её только на фотографии десятилетней давности. Так получилось, что в отпуск Крылова смогла пойти только в конце августа. Год выдался для неё непростой, и она мечтала только об одном - побыть у моря, чтобы насладиться покоем. Но ехать в незнакомое место дикарём она опасалась. Поэтому стала расспрашивать в своей проектной мастерской, нет ли у кого знакомых в Крыму. Одна из её коллег предложила поехать в Судак к двоюродной сестре её матери, тёте Мане.

- Она с тебя и денег-то не возьмёт, - сказала она, отрываясь от кульмана, - мать недавно разговаривала с ней по телефону, тётя Маня настойчиво приглашала нас или наших друзей. Обещала принять как родных.

- Нет. Бесплатно я жить не буду, что ты, с какой стати. Я в состоянии заплатить, - возразила Крылова, - просто мне спокойнее ехать туда, где меня уже ждут, а лучше, если ещё и встретят.

- Слушай, - воскликнула приятельница, - у неё дочка, ей лет сорок уже, просила отправить им с проводником косметику и духи «Быть может» из магазина «Ванда», розовое масло и духи «Сигнатор» из «Софии» и антистатика штуки три. У них подобные вещи в ходу. Купи побольше ей этого добра, они за тобой на машине в Симферополь приедут. Лидка счастлива будет. Она за это не только денег с тебя не возьмёт, но ещё и кормить будет. А если ещё конфеты наши привезёшь, да кофе растворимый, они на руках тебя будут носить.

Так Крылова оказалась с «подарками» в аэропорту Симферополя. Она намеренно приотстала, чтобы толпы прибывших и встречающих рассеялись. Вскоре её окликнули. Это была тетя Маня. Она видела Крылову только на любительской фотографии со своей племянницей, но сразу узнала. Крылова помахала ей рукой и увидела за ней, в стороне, стоящую одиноко совершенно невообразимую женщину, одетую более чем странно. Никто не носил уже в это время фильдеперсовых чулок на круглых резинках. Где она их только нашла?! Пёстрая юбка в мелкую красно-сине-черную клетку, от которой рябило в глазах, задралась, и свернулась комом на резинках чулок. На розовую с крупными цветами яркую кофту с длинными рукавами был напялен какой-то грубый зелёный жилет, как будто его не связали, а сваяляли, как войлок. Голова была повязана легкой зелёной косынкой, свернутой обручем, с блестящими розочками. Сзади торчали клочья волос плохо покрашенных хной, так что тусклая рыжина их отдавала зеленыю. В мочках ушей болтались несуразные серёжки, слишком большие для такой маленькой худой фигуры. Позвякивали цепочки и бусы на шее, браслеты и кольца на руках. Не хватало только кольца в носу. Крылову это даже повеселило - кольцо в носу смотрелось бы очень органично. Увидев, что Крылова машет приветливо тётке, эта экзотичес-

кая красавица заулыбалась, обнажив впереди два золотых зуба. А когда тоже стала махать рукой, то браслеты и цепочки зазвенели на ней как колокольчики. У Крыловой в голове мелькнула мысль, что эта живописная дама тоже кого-то встречает, и посочувствовала этому неизвестному человеку. Когда же Крылова подошла к тётё Мане, и поздоровалась, та обняла её, и, обернувшись, произнесла:

- Это Лида, дочка моя, и Коля муж её, они меня на машине привезли тебя встретить.

Вместо правой ноги у Коли был протез, поэтому «запорожец» его был с ручным управлением. Коля сдержанно поприветствовал Крылову, взял квитанцию и пошёл получать багаж. И в этот момент на шею Крыловой запрыгнула эта чудная Лида, причитая:

- Ой, господи боже ж ты мой, да что ж ты такая бледненькая, страшненькая, несчастная, замученная москвичка! Ничего, ничего у нас отдохнёшь, загорись, поправишься, станешь на человека похожей.

В машине всю дорогу Лида, захлёбываясь и перебивая саму себя, без умолку тарыхтела:

- Ты знаешь, дочка-то наша с мужем в Симферополе живёт, в квартире, в хорошем месте, со всеми удобствами. У них все стены в коврах, а хрусталя-то, хрусталя! Муж-то её, зятьёк мой, сын подполковника! - Она подняла глаза вверх, и зажмурилась от восторга. - Мы тоже ничего себе живём! Увидишь! Дочка-то с мужем ходят слушать симфоническую музыку! - При этом она затрясла головой и замахала руками от чего браслеты и цепи её снова зазвенели. - А симфоническая-то музыка это же прелесть-то какая! Это ж надо понимать!

Высокий голос Лидии, перезвон её украшений не затихали ни на минуту.

Это просто бубенчик, железная погремушка какая-то взбалмошная, подумала Крылова, мечтая поскорее до-

браться до места и прийти в себя от гула самолёта, непрерывного звона Лиды, которую она мысленно назвала Бубенчиком. Чтобы как-то отстраниться от назойливых звуков её малоприятного голоса, Крылова стала всматриваться в дорожные пейзажи. Звон как бы отдалился, и она мысленно перенеслась в степь, которая словно море плавно покачивалась от ветра. Прежде она не была в восточном Крыму. Всё было для неё ново. Необыкновенно глубокое небо с плавнодвигающимися облаками, которые играли в прятки с солнцем, здесь было совсем иное, нежели в Москве. Казалось, что это землю накрыли голубой сферой. Крылова вглядывалась в старые невысокие горы, покрытые сиреневатой дымкой, смотрела на рыжую, выжженную полосу травы перед ними, и постепенно успокаивалась. Она открыла окно, надеясь услышать стрекотанье каких-нибудь кузнечиков и сверчков, но тараканье мотора «запорожца» перекрывало всё, кроме голоса Бубенчика. В какой-то момент ей захотелось выскочить из машины на волю, где над поблекшей травой, запах которой щекочет ноздри, носятся вольные птицы, почувствовать себя тоже вольной и счастливой, забыть все свои горести и не слышать звона Бубенчика. Ничего, говорила она сама себе, ведь я же к морю еду, а не к этому звенящему чуду. Тётя Маня и Коля всю дорогу ехали молча, никак не реагируя на болтовню Бубенчика, которая перескакивала с одной темы на другую. Молчать она просто не умела, и не заботилась о том, думает ли её кто-нибудь.

- Ладно, как-нибудь всё устроится, - думала Крылова, прикладывая тонкий указательный палец к подбородку, - я же все дни буду проводить у моря, какое мне дело до хозяев.

Высоко в небе парил ястреб, почти не взмахивая широкими крыльями. Крылова наблюдала за ним. Вдруг ястреб замер, возможно, присматривая добычу, сложил крылья и

стремительно понесся вниз. У Крыловой даже дыхание перехватило от этого молниеносного падения, как будто это она рванула с такой скоростью вниз. Через какое-то время ровное шоссе, казавшееся от ясного неба синим, запетляло, машина въехала в посёлок, и остановилась у дома из белого кирпича с ядовито розовыми оконными рамами и ставнями.

- Видишь, какой у меня дом нарядный, второго такого нет. Нас все знают! - важно начала Бубенчик. - Ни у кого таких домов нет, а всё Коля. Он и силикатный кирпич достал, и каменщика нашёл. У нас всё сделано, как положено, не то, что у других! Живут, господи ж ты боже мой, в каких-то шалашах, сараях, бараках, ой люди, люди...

Далее её голос превратился в сплошные динь-динь-динь...

Под непрекращающийся звон Бубенчика Крылова, тётя Маня и Коля через увитую виноградом беседку вошли в прихожую и поставили вещи. Крылова уже предвкушала, как она останется одна в тишине в своей комнате, переодеется и пойдет к морю. Тётя Маня ушла к себе в комнату. Но тут Коля подмигнул Крыловой и позвал на кухню.

- Махнём-ка с дороги вина нашего, домашнего.

Тут он выдвинул из-под стола плетеную бутылку и налил в кружки молодого вина.

- С дороги-то полезно! Ты не обращай на жену внимания, - сказал он и покрутил ладонью у виска. - Она хорошая, только вот это самое - говорит всю дорогу. Она вообще-то добрая, а болтовня её, - он махнул безнадежно рукой и продолжил, - болтовня и есть. Я уже привык, говорит себе и говорит. Ну, давай ещё маленечко, - он ещё налил в кружки мутноватого вина, - за отдых, чтобы он удался!

Крылова выпила прохладного вина и через минуту стала улыбаться. Коля тоже махнул полкружки, и тыльной стороной широкой ладони утёр подбородок. А из открытой

двери со двора продолжал литься звон Бубенчика. Стоит одна и рассказывает что-то кому-то, размахивая руками. Крылова осторожно выглянула и увидела уморительную картину. Бубенчик громко с выражением что-то рассказывала и постоянно меняла выражение лица - от строгого до насмешливого. Возле неё остановился упитанный гусь, повернул голову, замер и одним глазом слушал речь - динь-динь-динь...

Еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, Крылова вернулась в прихожую. Тут появилась тётя Маня, которая провела её в уютную комнату, окно которой было увито виноградом. Диван, этажерка, маленький столик, два стула, оранжевый абжур. «Завтра встану рано и к морю, каждый день рано утром к морю», - подумала Крылова. Тут появилась Бубенчик, которой не терпелось посмотреть, что привезла московская гостья. Крылова распаковала большую сумку с «сувенирами», и выложила их прямо на пол. Бубенчик была в восторге от всего, что ей привезли, стала обнимать гостью, хлопать по плечу, и нахваливать:

- Сразу видно, что ты женщина понимающая! Я прямо сразу почувствовала, что ты мне прямо как родная! - захлёбываясь словами, она одновременно рассматривала косметику, считала флакончики с духами и поглаживала баночки растворимого кофе. - Господи боже ж ты мой, да тут целое богатство! - восклицала Бубенчик.

В общем, опять динь-динь-динь...

Тётя Маня позвала всех к столу, накрытому на террасе. Гроздь синего, розового и зелёного винограда живописно висели над головами. Стол пестрел салатами и фруктами. Домашнее вино в кувшинах, зелень, золотистая картошечка и обязательная курица, зажаренная до румяной корочки и, конечно, пироги!

Солнце уже зашло, взошла луна и рассыпала по синему бархату неба золотые огоньки. Вечер был волшебный. Ве-

терок принёс морскую прохладу и запах моря. Воздух был вкусным. Крыловой казалось, что она попала на другую планету, суета и напряжение столичной жизни отдалялись всё дальше.

Коля оживился и постоянно предлагал попробовать на вкус очередной шедевр домашнего вина:

- Попробуй, попробуй, это - розовое вино из «Лидии». Чувствуешь, какой букет?! - восклицал он, - а это из «Изабеллы». Смотри, цвет какой! Не бойся, пробуй, вино-то слабенькое, столовое.

Звон Бубенчика не прекращался, он звенел просто как шумовое сопровождение застолья:

- Что у вас там, в Москве, про тарелки и инопланетян слышно? - с полным ртом задала вопрос Бубенчик, и тут же начала сама отвечать. - Они ведь людей забирают к себе! Ужас! А сами маленькие такие все, господи ты боже ж мой, страшненькие, вместо носа - две дырочки, волос нет совсем. Ой, они совсем зелёные, но на двух ногах, а одеты прямо в сверкающие одежды, от них прямо глаза слепнут... динь-динь-динь...

Застолье постепенно стихло, Крылова ушла к себе и легла.

Она даже не заметила, как взлетела над синеватым лугом, укутанным лёгкой дымкой, и жадно хватала ртом воздух, пропитанный ароматом цветов и трав. У неё даже дух перехватило от скорости полёта. Линия горизонта была неестественно синей, и притягивала, манила к себе. «Там - море!», - с надеждой думала она, и ей захотелось поскорей увидеть море. В ушах раздавался свист ветра, который постепенно нарастал и перешёл в навязчивое жужжание. Вздвогнув, Крылова открыла глаза, и увидела зелёную с фиолетовым отливом муху, которая уверенно ходила по её лицу, словно по стеклу. Крылова поморщилась и смахнула муху. Ей хотелось вернуться в полёт и узнать, что там за горизонтом. Но муха не отставала, она кружилась и возму-

щённо жужжала ещё громче прежнего. Вот она вертится у потолка, потом совершает большой вираж и нацеливается на Крылову. Причем в этот момент голова её превратилась в голову Бубенчика, повязанную зеленой свернутой косынкой. Муха, возмущённо жужжа, закружилась над лицом Крыловой. Вот интересно, что её так тревожит, подумала Крылова, внимательно наблюдая за мухой. Та, как будто прочитав её мысли, села рядом на большую подушку и стала умываться. Крылова внимательно рассматривала её. Прозрачные с кружевным узором крылышки, такие лёгкие, воздушные, очаровали Крылову, и она подумала, как только они такую большую муху носят?! Больше всего поражали глаза мухи, которые расположились как бы на висках, были непропорционально большими, переливались одновременно синим, зелёным, желтым и белым цветами с чёрным зрачком. Глаза мухи непрерывно вращались, давая возможность полностью контролировать обстановку. Крылова показалось, что муха переливается вся и жужжит как Бубенчик. А лапки оказывается у неё с бахромой, на реснички похожи. Вдруг Крылова догадалась, что это Бубенчик превратилась в муху, и прилетела к ней в комнату. Летает и рассказывает одну историю за другой: динь-динь-динь... Летает себе Бубенчик с крылышками, волнуется о чём-то о своём, ну прямо мушиный ангел!

Через какое-то время муха приняла свой прежний вид и переключила внимание на столик. Она стала суетиться там, тщательно его исследуя. Из прихожей стал отчётливо слышен звон Бубенчика. Она, захлёбываясь словами, словно за ней кто-то гонится, заглянула в комнату Крыловой. Та накрылась с головой и претворилась спящей. Бубенчик, увидев, что гостя ещё спит, прикрыла дверь, не замолкая ни на минуту. В доме наступила тишина. Крылова крадучись пошла умываться во двор, и столкнулась с тётёй Маней.

- Пойдем, я тебе сад покажу, - предложила тётя Маня.

- А где ваша дочка? - осторожно поинтересовалась Крылова.

- Ушла с косметикой твоей к девчонкам в магазин хвалиться, придёт теперь не скоро, - успокоила тётя Маня.

Они разговорились. Тётя Маня рассказала Крыловой, что дочку они с мужем ждали почти двадцать лет, поэтому её рождение было для них равносильно чуду. Бубенчик с младенчества изумляла своим упрямством и неспособностью слышать и слушать кого бы то ни было. Родители же любили её слепой родительской любовью и выполняли все капризы и желания. Первыми словами Бубенчика были - «дай!» и «хочу». От счастья, что ребёнок заговорил, они даже прослезились, потому что дочка долго молчала, почти до двух лет. Это случилось на Новый год, при виде наряженной, светящейся огнями ёлки. Бубенчик протянула ручки к сверкающим игрушкам и чётко сказала: «Дай!». А когда отец попытался объяснить ей, что гирлянду трогать опасно, она капризным голосом заявила: «Хочу!» Эти первые слова на протяжении всей жизни Бубенчика остались самыми любимыми. Школу Бубенчик воспринимала как необходимость, которую никак не обойти, следует закончить. Но о продолжении учебы она и слышать не желала. Кроме непрерывной болтовни, Бубенчик с безудержной страстью приобретала всё, что попадало на глаза. Дом был забит всевозможными вещами и предметами, которые бросались в глаза из всех углов. Тётя Маня вздохнула и сказала:

- Но дочка-то она хорошая, заботливая. Ты не переживай, что она всё время говорит. Поворачивайся молча, и иди по своим делам. Она не заметит, - посоветовала она Крыловой.

Карповичи, так по фамилии их называли соседи и отдыхающие, принимали Крылову, действительно, как дорогого гостя. Голос Бубенчика, звон её украшений, любимое её

причитание «господи боже ж ты мой», которое она произносила в одно слово, вызывали у Крыловой смиренную улыбку. Она единственная из постояльцев Карповичей жила в доме, а не сараях и клетушках во дворе, могла брать ключ в любое время, и ходить в душ во дворе. С водой у Карповичей было хорошо, что в то время для Судака было редкостью. Каждую пятницу все мылись в бане. Баней называли дощатый сарай с предбанником. Внутри сарая стояли: большая бочка с холодной водой, две лавки, два таза, на стене висел душ. На крыше сарая был огромный бак, в который наливали воду из крана. Нагревало воду в баке солнце. В холодную погоду в бочку опускали большой кипятильник. Вот и вся баня. Первыми мылись хозяева - Лидя и Коля, за ними - тётя Маня, следом за ней Крылова как почётный гость, а потом уже мылись отдыхающие, в порядке, установленном хозяйкой.

Большую комнату Бубенчик называла залой. Это было что-то вроде музея. Дверь в залу была всегда закрыта. Крыловой позволили заглянуть туда, чтобы полюбоваться богатством только с порога. Шторы, скатерть на столе в ней были из бордового плюша, а стены и пол украшены коврами. Перед входом в залу Бубенчик разувалась, надевала носки, которые специально для этого лежали в комнате за дверью. Без особой надобности в залу не входили. Очень уж бережно в этом доме хозяева относились к «добрю».

Хозяева каждый день радушно приглашали Крылову к столу, но она, стараясь уединиться, убегала как можно раньше к морю, пока Бубенчик не проснулась. Бродила по берегу, любовалась камешками, искрящимся и переливающимся в лучах восходящего солнца, всегда неожиданным и прекрасным. Лучи солнца скользили по волнам, и, преломляясь, освещая их всеми цветами радуги. Шум морского прибоя действовал на Крылову успокаивающе.

Завтракала она в кафе на берегу, а обедать ходила в ресторан «Волна», там были комплексные обеды. Заканчивался август, отдыхающих было гораздо меньше.

Бубенчик всячески пыталась опекать гостью. Она на следующий же день после приезда повела Крылову в Генуэзскую крепость, несмотря на все её попытки не злоупотреблять временем и вниманием хозяйки. Бубенчик всю дорогу тарыхтела и звенела, её рассказам не было конца. Крылова была как в тумане.

Отдыхающие в поселке жили в глиняных клетках в виде пещер высотой меньше двух метров, в которых помещались два топчана, тумбочка между ними и один стул. Вход в них завешивался занавеской.

Как-то утром, дня через четыре Крылова проснулась от громких, восторженных причитаний и звона Бубенчика:

- Господи боже ж ты мой, счастье-то какое, Коля, тётя Маня, скорей идите сюда! Встречайте! Зятев же ж брат приехал! Та где ж вы ходите!?

Она прямо захлёбывалась от восторга. Когда Крылова попыталась проскользнуть к умывальнику во дворе, Бубенчик, увидев её, радостно повторила чудесную новость о приезде зятева брата:

- Радость-то, радость какая, господи ж ты боже мой. Ты посмотри, какой видный мужчина, загляденье! Сейчас стол накроем. Посидим по-людски.

Позвали к столу, накрытому по случаю такого важного события в виноградной беседке перед домом. Надо сказать, что принимали дорого гостя радушно. Стол изобиловал богатством домашней снеди. По случаю такого важного гостя зарезали петуха, чтобы приготовить настоящий украинский борщ. Зятев брат, коренастый, с чёрными, как смоль волосами, оказался жизнерадостным, общительным молодым человеком. Тосты сыпались направо и налево. Раскрасневшийся полноватый Коля только успевал напол-

нять стаканы благоуханным солнечным домашним вином. Не обращая никакого внимания на Бубенчика, которая, по своему обыкновению, говорила без остановки, зятев брат громко от души запел:

Над полями, да над чистыми
Месяц птицею летит,
И серебряными искрами
Поле ровное блестит.

Ну, дружной, звончей, бубенчики,
Заливные голоса,
Эх, ты, удаль молодецкая,
Эх, ты, девичья краса...

Коля подхватил тут же. Песня звенела и расширялась под аккомпанемент Бубенчика - динь-динь-динь...

Крылова тоже невольно стала подпевать, уж очень заводно пели мужчины.

Вскоре к хору присоединились и петух с курами, и гуси, а Шарик вышел из будки, в которой он прятался от солнца и стал подвывать. Надо сказать, у него это получалось очень музыкально.

- Хороша народная песня! - воскликнул Коля.

- У каждой народной песни есть свой автор, - сказала тихо Крылова и добавила: - Эти стихи написал давным-давно Александр Рославлев.

- Не может быть! - воскликнул Коля. - А музыку-то всё равно народ придумал! - с видом победителя добавил он.

Крылова добродушно сказала:

- И у музыки этой песни "народной", - она проакцентировала это расхожее словечко, - есть автор - Елизавета Фёдоровна Горина...

На другой день всё своё внимание и энергию Бубенчик переключила на зятева брата, который собирался погостить три дня.

За это время Крылова ходила уже одна в Генуэзскую крепость. Насладилась её средневековой строгостью. Временами Крылова чувствовала себя Офелией.

Бубенчик с каждым днём не переставала поражать воображение окружающих невыносимой яркостью своих нарядов. Фантазия её не знала границ. Всё что у неё было звенящего, сверкающего, переливающегося она напяливала на себя. О её приближении не только дома, но и во всём посёлке издали было слышно по звону.

Бубенчик пыталась советовать Крыловой, как нужно правильно одеваться, чтобы привлечь внимание мужчин:

- Что ты так скучно одеваешься, господи боже ж ты мой! Кто ж на тебя обратит внимание?! Ты посмотри на меня. Нужно быть яркой, нарядной, праздничной всегда, тогда тебя заметят. Когда я иду по улице меня всем и видно и слышно. Учись! Бери пример! Будешь меня слушать, одна не останешься! - наставляла она, без тени иронии, которая ей была неведома.

А Крылова одна несла своё горе: два месяца назад у неё погиб муж в автокатастрофе.

Звон Бубенчика ещё долго эхом звучал в её голове в Москве. Со временем Крылова стала вспоминать её с улыбкой.

МЕСТЬ

Свадебный белый лимузин с золотыми кольцами на крыше бесшумно проехал по Большому Каменному мосту, повернул налево к дому Пашкова, затем направо на Моховую. Взгляд Марины рассеяно скользил по салону автомобиля, на заднем сиденье которого они с Фаридом полуобнажённые пили шампанское из одного бокала, медленно по глотку и целовались. Желание, страстное желание любви разрывало её изнутри. Она застонала призывно, но неожиданно почувствовала, что задыхается.

Дышать стало трудно, она судорожно попыталась сделать вдох и открыла глаза. Бультерьер Яша, который весил около восьмидесяти килограмм, поставил переднюю лапу ей прямо на грудь, и своим шершавым языком старательно вылизывал её лицо.

Марина послушно встала, взглянула на часы. Делать ничего, нужно одеваться и идти на прогулку. Яша своё время чует, его не проведёшь. В квартире было тихо. Старший сын предупредил, что ночует у приятеля. Марина знала, что приятеля зовут Элла, она работает маникюршей в салоне у метро. Она ничего не говорила сыну, а только однажды спросила у него: «Ты презервативами пользоваться не забываешь?» Син захохотал в ответ. С той поры она клала в карманы его брюк презервативы.

Марина выросла в благополучной семье: мать её была известным врачом, заведовала кардиологическим отделением Четвёртой городской клинической больницы, отец, доктор биологических наук возглавлял лабораторию в научно-исследовательском институте содержания и методов

обучения Академии педагогических наук СССР. Заниматься воспитанием детей им было некогда, они считали, что их пример преданности науке и семье является самым лучшим воспитанием.

Конечно, родители любили своих детей, поддерживали все их увлечения, предоставляли возможность самим решать свою судьбу. Так старший брат Марины стал хирургом. Младшая сестра продолжила дело матери и работала кардиологом в клинической больнице, полностью отдаваясь работе.

Ей было уже двадцать восемь лет, а семьи и даже любовника у неё до сих пор не было.

Марина же после долгих размышлений поступила в ГИТИС на театроведческий факультет, вышла замуж в восемнадцать лет, сразу же родила сына, работала на телевидении в отделе по связям с филиалами в национальных республиках, скучала на работе ужасно. Её раздражали охи и вздохи сотрудников над каждой бумажкой, коих исписано были горы. Она мечтала быть свободной от всякой службы, или, как прежде это называлось, быть домашней хозяйкой, потому что очень любила с большой выдумкой готовить, почти профессионально шить, и любую самую обычную домашнюю работу с завидной лёгкостью превращала в настоящее творчество.

Случайное знакомство с Фаридом, газовым бизнесменом, страсть, вспыхнувшая с первого взгляда, закончилась удачным, как ей казалось, новым замужеством, - всё это и дало возможность осуществить мечту.

Родители Марины были неприятно удивлены, когда она сообщила им о разводе с Аликом, сотрудником спортивной редакции, бывшим ватерполистом, и о желании создать семью с Фаридом. Они вообще считали, что семью разрушать не следует ни при каких обстоятельствах, тем более, когда есть ребёнок.

Заботы о Яше всецело лежали на Марине. Пёс был очень сообразительный, прошёл школу дрессировки, но слушался только старшего сына и Марину.

Иногда Марине казалось, что это не пёс, а крокодил, такой же зубастый и стелящийся по земле.

Младшего сына Яша опекал, играл с ним, а когда тот пытался отдавать команды, Яша просто деликатно отворачивался.

Весь ужас заключался в том, что Яша абсолютно игнорировал Фариду.

Марину же Яша просто обожал.

Если кто-то повышал на неё голос, он решительно подходил и издавал негромкий предупреждающий звук.

Внешне гладкокожий, светлый Яша, напоминавший помимо крокодила ещё и упитанного поросёнка, был не очень, как можно догадаться, привлекательным, но он довольно тонко чувствовал настроение и отношение к нему людей, и вёл себя соответственно.

Марине порой казалось, что он лучше всех чувствует и понимает её.

С появление в доме собаки обстановка в семье накалилась.

Хозяин дома, второй муж Марины, Фарид, узколиций, смуглый, с чёрными и поблескивающими, как нефть, волосами, счесанными от затылка ко лбу и ровно подрезанными чуть выше бровей, отнесся к появлению собаки враждебно.

Фарид был немногословен, как многие уверенные в себе бизнесмены, но взгляд его чёрных, чуть навывкате глаз пронизывал Марину насквозь.

Фарид не понимал, как можно в доме держать животных. Более того, он считал, что отец его пасынка грубо и бестактно вмешался в личную жизнь его семьи.

Марина же вынуждена была искусно балансировать между мужем и сыном.

В душе она понимала, что в этом есть и её вина.

Когда она развелась с Аликом, розовощеким и коренастым первым мужем, сын тяжело переживал разлуку с отцом. Ей пришлось мучительно трудно налаживать отношения Фарида и сына, на это ушло два года.

Сын уже тогда просил собаку, а Фарид всегда был категорически против этого. Он дарил мальчику всевозможные самые новые и дорогие игрушки, но о щенке и слышать не хотел.

Марине, видимо, нужно было уступить сыну, самой купить щенка, например английского кокер спаниеля, когда она ждала ребенка.

Не хватило женской мудрости в период беременности, а ведь в то время, особенно, когда УЗИ показало, что у них с Фаридом будет сын, она могла добиться согласия мужа на покупку щенка. Следовало бы тогда порадовать старшего сына, и не было бы этой невыносимо тяжёлой ситуации в семье.

Она в тот период вся растворилась в своей любви, ждала ребёнка от любимого мужчины, и даже представить себе не могла, какую пакость преподнесет ей через несколько лет бывший муж.

Алик так и не простил её за то, что она полюбила другого человека и разрушила семью. Сам не женился.

Он жил со своей мамой, которая жалела своего ненаглядного сыночку, которого обидела эта неблагодарная женщина, Марина.

Вот Алик с мамой, наверное, вместе придумали, как испортить ей жизнь.

А теперь, когда сын при встречах с папой рассказывает, что мать и отчим постоянно ссорятся из-за собаки, бывший муж потирает от удовольствия руки, а свекровь приговаривает: «Так ей и надо! Будет знать, как разрушать семью».

«Конечно, Алик сделал это из мести, а иначе, зачем бы он подарил сыну на четырнадцать лет щенка именно буль-терьера. Мальчик ведь просил просто щенка. Вот папочка и выполнил просьбу единственного сыночка. Да, щенок действительно дорогой, породистый, клубный, но надо же додуматься купить щенка бойцовской породы! При этом бывший муж и его мать постоянно упрекают меня, что это я балую сына. Как же тяжело крутиться между бывшим мужем, с которым меня навсегда связывает любимый сын, и любимым мужем, - с такими мыслями Марина шла, не разбирая дороги, держась за поводок. - Что он хочет от меня? Неужели трудно оставить меня в покое. Пора бы уже успокоиться», - думала Марина, крепко держась за поводок.

Утренняя прогулка с четырехлетним приземистым с широко поставленными короткими лапами Яшей проходила как обычно - он тащил Марину от дерева к дереву, читая послания, оставленные ему соседскими кобелями, внимательно обнюхивал их и, задрвав заднюю лапу, старательно оставлял свою метку - безусловно, главного кобеля округа.

Наблюдая за тем, как уверенно Яша управляет хозяйкой, соседи шутили: «Яша повёл Марину на прогулку».

Эти мысли не покидали Марину с первого момента появления в их доме Яши. Полное имя его занимало в паспорте две строчки, его никто даже не пытался запомнить, а называли просто «Яша». С ним жизнь Марины превратилась в ад. Щенок сразу же показал, кто в доме хозяин.

И был непререкаемым авторитетом в районе.

Как только Яша выходил на улицу, все остальные собаки исчезали, как будто у них тут же возникали неотложные дела. Яшу всегда выводили на поводке в строгом ошейнике и в наморднике, но даже это несколько не умаляло того ужаса, который испытывали другие собачники по отношению к нему.

Как-то раз Марина принесла связку бананов, выложила их на стол, взяла один банан и надкусила его. Яша мускулистыми передними лапами чуть не сбил её с ног, она выронила банан, и он тут же его съел, отбросив кожуру.

И стал просить ещё.

Марина никак поверить не могла, что собака ест бананы, и, чтобы убедиться в этом, почистила и дала другой банан. Он съел и попросил ещё, но она строго прикрикнула на него, и убрала бананы. Яша недовольно посмотрел на неё, затем пошёл в прихожую, и окропил её роскошные новые дорогушие сапоги.

Больше Яше в бананах отказа не было.

Довольно длительное время Яша спал в комнате старшего сына. Однажды, когда Яше было уже два года, Фарид уехал в командировку в Кувейт почти на шесть месяцев. Сына не было дома целую неделю, он гостил на каникулах у отца и бабушки. В первую же ночь Яша отказался оставаться в комнате один, начал выть, и Марина вынуждена была открыть дверь комнаты.

Утром она обнаружила Яшу на месте мужа в своей спальне.

Он сладко хрюкал и поскуливал во сне. Марина согнала его с постели, отругала, и пошла собираться в магазин. Когда же она вернулась в спальню чтобы убрать постель, то обнаружила, что любимый пёс обмочил чудесное шёлковое постельное бельё вместе с одеялом и матрас, с её стороны.

С той поры Марина перестала повышать голос на Яшу, разговаривала с ним исключительно нежно.

Так Яша поселился в спальне на супружеской кровати.

Марина смирилась и даже привыкла, что Яша всегда рядом и охраняет её.

Ей нравилось ему всё рассказывать, потому что других собеседников у неё как бы не было. Старший сын вырос и ин-

тересовался только компьютерными играми и девочками, а младший занимался в двух спортивных секциях или смотрел спортивные передачи в своей комнате. Верный друг, слушая хозяйку, преданно смотрел ей в глаза, и при этом тёрся нежно боком о её ноги или клал голову на колени. Марина с улыбкой гладила, приговаривая: «Крокодильчик ты мой родной, только ты один меня понимаешь и утешаешь».

Возвращение Фариды из командировки Яша встретил настороженно.

Вечером, войдя в спальню, Марина с мужем обнаружили в постели Яшу, который недовольно заворчал при виде Фариды, тот раздражённо выскочил из спальни в гостиную и хлопнул дверью.

Назревал грандиозный скандал.

Марина испугалась не на шутку. Выручил старший сын. Он зашёл в спальню, и убедил Яшу, что не может без него заснуть. Яша гордо удалился в комнату сына.

Марине после длительных объяснений и уговоров удалось успокоить мужа.

С той поры она жила как в клетке хищника.

Озлобленный Фарид, сжав зубы, цедил ей, что больше так жить невозможно, от этой жуткой собаки нужно немедленно избавляться.

Он даже нашел для Яши нового хозяина среди своих приятелей, у которого был свой загородный дом.

Яша всё это прочитал на его лице и затаил нешуточную обиду на Фариду.

Сын наотрез отказывался даже обсуждать вопрос о том, чтобы расстаться с Яшей и пригрозил, что уйдёт из дому вместе с собакой, и мать его больше никогда не увидит.

Младший сын принял сторону старшего брата.

Яша интенсивно пометил спальное место Фариды.

Марина стала предусмотрительно убирать обувь и одежду мужа так, чтобы они не достались Яше.

Душа её разрывалась между мужем и собакой.

После долгих споров и уговоров удалось убедить Фарида оставить Яшу как полноправного члена семьи.

Яша, почувствовав, что обстановка немного разрядилась, тоже несколько успокоился и даже попытался наладить с Фаридом добрососедские отношения.

Перемирие длилось до окончания очередной длительной командировки Фарида.

Фарид приехал поздно вечером.

Марина превзошла саму себя в ожидании мужа. Она приготовила все его любимые блюда и замариновала шашлык. Дом сверкал от чистоты и уюта. В этом её, идеальной хозяйке, обожающей свой дом и своих мальчишек, равных не было.

Её длинные, густые волосы, которые так любит гладить Фарид, блестели, как и глаза, истосковавшиеся по ласке и любви.

Сногсшибательное нижнее бельё было таинственно прикрыто полупрозрачной туникой.

Старшего сына дома не было, у него появилась новая подруга. Младший же чем-то увлеченно занимался в своей комнате.

С Яшей Марина провела ласковую и довольно продолжительную разъяснительную беседу, умоляя его отнестись к Фариду насколько возможно снисходительно.

Яша сидел на паркете в позе рыночной глиняной копилки и, не отводя глаз, любовался Мариной. Причём, вид у него был абсолютно понимающий. По всему можно было заключить, что он чувствовал себя ответственным за всю семью в отсутствии хозяина.

Но как Яше быть, когда Фарид вернётся? Неужели ему предстоит опять покинуть спальню, в которой он охраняет хозяйку? Почему, за что его вынуждают забыть мягкую постель?! Как же хорошо дома им вчетвером без этого вечно

недовольного человека, который то появляется, то исчезает, да ещё постоянно придирается к умному, ответственно-му Яше!

Ну как можно Фарида полюбить?!

Яша ведь сам такой нежный и заботливый друг.

Сколько раз Яша просто поражал Марину своим интеллектом.

Да вот хотя бы сегодня на прогулке. Марина залюбовалась изящным пурпурным тюльпаном на клумбе во дворе, наклонилась и долго разглядывала его, а потом отошла задумчиво. Через какое-то время Яша с этим цветком в зубах подбежал к ней, виляя своим хвостом.

Фарида больше в доме не видели.

ПРИНЦЕССА С КАЗАНСКОГО ВОКЗАЛА

Прошёл летний дождь, превратив асфальт в зеркало, в котором подсвеченная солнцем отразилась острошпильная башня.

- Надо же! Прямо в Кремль привезли! - с чувством восхищения произносит изумленный пассажир с тюками, сошедший первый раз в столице из какого-нибудь Камня-на-Оби.

А в здании вокзала, в билетной кассе сидит Алина Серебрякова, в белой кофточке с черным бантиком.

- В мягкое купе мне бы билетик...

С улыбочкой Серебрякова отвечает:

- Давно кончились...

- А если постараться, - со встречной улыбочкой говорит человек в шляпе, извлекая из бумажника несколько купюр.

- Ой, мне кажется... Сейчас уточню. - И в переговорное устройство спрашивает: «Зина, мне бы мягкий на Чебоксары».

Пассажир слышит: «Есть».

И так каждый день.

Серебрякова любит веселье.

Альберт всё сильнее привлекает Серебрякову к себе, пристально смотрит ей в глаза, и взволнованно шепчет:

- Алечка, как же ты хорошо танцуешь.

В это время он пытается поцеловать её. Она отстраняется и говорит:

- Я этого не люблю...

Альберт сильно сжимает её запястье.

Его влажные ладони, волнение и пристальный взгляд напрягают её, а шёпот неприятно щекочет ухо, и она, выскользнув из объятий Альберта, говорит капризным голосом:

- Ой, я устала и ужасно хочу курить, и вообще, почему мы одни танцуем? Куда все исчезли?

Серебрякова рассеянным взглядом окидывает комнату, томно поводит плечиками и, капризно надувая губки, спрашивает:

- Где же гости мои дорогие?

Альберт, следуя за ней тенью, отвечает:

- Покурить пошли, наверное.

- Замечательный день рождения! Чудесные гости, которым дела нет до меня! Мне сегодня, между прочим восемнадцать лет, я теперь могу жить и поступать так, как хочу! Я хочу веселиться, слушать комплименты.. и-и-и... - смеясь, Серебрякова обвела комнату взглядом и обиженно добавила: - Курить?! Зови всех сюда. Что ты стоишь?

Альберт со словами: «Ау, все сюда, именинница требует продолжения праздника!» - отправился исполнять желание Серебряковой, распахивая все двери квартиры.

В квартире Серебряковых на Первой Брестской улице легко можно было найти место для уединения. Она располагалась в доходном доме начала XX века, и состояла из четырех комнат, большой прихожей, внушительного коридора, ванной, туалета и просторной кухни с балконом, выходящим во двор. Высокие потолки увеличивали пространство.

Гости вновь собрались за столом, и веселье возобновилось. Молодые люди состязались в оригинальности тостов, пили на брудершафт с новорожденной. Только Альберт сказал банальный тост:

- Я предлагаю выпить за то, чтобы Алиночка непременно узнала свою настоящую любовь!

- Тебя, Альберт, да? - весело воскликнула одна из подружек.

Потом затеяли игру в бутылочку... Через какое-то время Серебрякова очнулась на кухне, Альберт жадно целовал её. Она в недоумении тряхнула головой, отстранила его рукой и спросила:

- Сколько времени?

- Какое это имеет значение, - ответил Альберт, - главное, что ты рядом, любимая, и мы одни, - прошептал он и попытался снова обнять её.

- Я же сказала, что не люблю твои нежности, отстань! Дай сигарету лучше.

Он протянул ей сигарету и щелкнул зажигалкой, давая прикурить. Затем отошёл к окну, распахнул его. Холодный декабрьский воздух мгновенно заполнил пространство, и отрезвляюще подействовал на обоих. Молодой месяц и несколько любопытных звёзд из белого золота заглянули в окно. В полумраке окна Альберт на распев начал читать стихи:

На этой тихой улочке,
где бродит столько пар,
когда-то с кремом булочки
тебе я покупал...

Серебрякова глубоко вздохнула.

- А мне эти стихи не нравятся, - сказала она. - Это ты, что ли, написал?

Альберт казался Серебряковой таким напыщенным, что её даже подташнивало. Его постоянное желание выделиться, манера одеваться, яркие жилеты, курительная трубка, страсть расчесывать волосы с бриолином - всё

раздражало её, вызывало непреодолимое желание возражать.

Отец Серебряковой был старым таксистом, знал каждые переулочек и тупик, тем более улицу. Когда в парк приходили с завода новые машины, то одна из них сразу доставалась ему. Он ходил, посверкивая золотым зубом, в каракулевой шапке. Ему не составляло никакого труда завоевать доверие пассажира, а то и подружиться с ним.

Мать работала в бухгалтерии треста столовых и ресторанов и, считалась очень опытным специалистом.

Квартиру эту отец сумел поменять в результате цепочки невероятных обменов, доплат, а главное, благодаря своему умению договариваться с людьми.

В доме не было ни одной случайной вещи, всё было тщательно подобрано. Каждая из них сообщала, что здесь живут благополучные, обеспеченные люди, любящие свой дом. Добротная из настоящего дерева мебель под стать размерам комнат была приобретена в комиссионных магазинах после продолжительных поисков. В гостиной обращали на себя внимание картины в тяжёлых позолоченных рамах на библейские сюжеты. Мать полагала, что это свидетельствует о наличии вкуса у хозяев. Зеркала, люстры и светильники - всё было солидно, добротно. Резной дубовый буфет был переполнен хрусталём, фарфором и серебром. Ковры в доме были только ручной работы в нежных пастельных тонах. Это была квартира успешных людей, в которой незримо витал дух старомосковского купеческого быта.

Хозяева жили в достатке, но тихо. Случайных людей сюда не приводили, да и больших праздников в доме не устраивали. Совершеннолетие дочери было исключением. Родители предлагали Алине заказать стол в ресторане, например в «Минске», он был недалеко от дома, но она настояла на том, чтобы отпраздновать это важное событие,

которого она так долго ждала, именно дома, чтобы повеселиться без посторонних глаз. Мать Серебряковой предусмотрительно позаботилась о деликатесах, а еду заказала в «Праге», так как не любила заниматься домашними делами. Она старалась не готовить, предпочитала пользоваться кулинарией, а в домашних делах и воспитании Алины уже много лет помогала Домна Ильинична, пожилая женщина, одинокая дальняя родственница. Домна Ильинична пироги пекла отменные.

Бабуля, так Алина называла Домну Ильиничну, всегда была рядом, в отличие от родителей, которые вечно были заняты, постоянно спешили по своим делам. Возвращаясь домой, отец часто доставал из своей большой, как ей казалось, бездонной сумки то прелестное платьице, то шапочку или чудесные туфельки, а то и забавные оригинальные игрушки, приговаривая: «А вот, что я привез для своей любимой принцессы». Он всегда называл её «моя принцесса», и никогда не наказывал. Когда в пятом классе Серебрякова получила двойку во второй четверти по алгебре, отец, единственный раз за время её учёбы, пришёл в школу после настойчивых звонков учительницы, которая жаловалась на лень и избалованность его дочери, он не только не ругал её, а наоборот, просто поцеловал Алину и сказал:

- Принцесса, школу никак нельзя обойти, её необходимо закончить. Ты уж постарайся, будь вежлива со всеми, а по алгебре учительница тебе поможет. Я договорился.

Мать тоже не докучала девочке нравоучениями. Больше всего на свете она любила делать покупки, ходить в парикмахерскую и встречаться с бесконечными приятельницами, чтобы обсудить новости или очередную телевизионную передачу. В те редкие дни, когда семья была в сборе, сколько Серебрякова себя помнила, мама разговаривала по телефону, а папа лежал с газетой на диване и слушал

радио. Если же дочка просила сводить её куда-нибудь, он неизменно ссылался на дела. Она всё спрашивала:

- Папочка, а что такое эти «дела» расскажи, какие они дела эти?

И получала всегда один и тот же ответ:

- Принцесса, папочка делает дела и много работает, чтобы у тебя всегда всё было. Что ты хочешь, чтобы папа тебе купил?

- Я хочу пойти с тобой в зоопарк или на аттракционы, - отвечала она.

- Обязательно ходим с тобой, принцесса, когда у папы будет свободное время.

Однажды отец сдержал слово. Серебрякова всю жизнь вспоминала яркий солнечный июньский день, который отец провёл с ней в Парке культуры. Они катались на аттракционах, плавали на лодке и кормили лебедей и уток, ели мороженое. Потом, когда она так устала, что не могла идти, отец посадил её на плечи и нёс до троллейбусной остановки.

Серебрякова выросла настоящей красавицей, высокой и изящной. Тоненькая талия, которую подчеркивали пышные юбки, всегда высокий каблук, гибкая лёгкая походка, неизменно привлекали внимание мужчин. Она с довольной улыбкой рассматривала в зеркале свои небесные с зеленоватым оттенком глаза, пушистые ресницы, тёмные дуги бровей, длинные светлые волосы в сочетании шелковистой кожей, и понимала, что она может подарить свою любовь только особенному мужчине, который сделает её жизнь сказкой.

В кафе «Хрустальном» на Кутузовском проспекте Серебрякова сидит за столиком с Журавским, очередным поклонником. Журавский приехал в Москву из Иркутска специально, чтобы попасть в театр на Таганке и увидеть живого Высоцкого, которым он восхищается. Преподаёт мате-

матику в местном университете. Он фанатичный поклонник Высоцкого, знает его песни наизусть и сам поёт их под гитару. Журавский привлёк внимание Серебряковой своим солидным видом. Он был в замшевом пиджаке, лет примерно тридцати. Серебрякова уже больше пяти лет работала кассиром на Казанском вокзале. Работа позволяла ей чувствовать себя значительной персоной, властительницей пассажиров.

Отбоя от желающих срочно попасть в то или иное место Казанской железной дороги не было.

Серебрякова кому помогала, а кому и нет. Мужчины, особенно командированные, осыпают комплиментами, приглашают в ресторан, кафе. За счастье достать необходимый билет, порой, готовы заплатить любые деньги. Серебрякова обросла полезными связями, стоило только позвонить нужному человеку, и любая дефицитная вещь появлялась, в том числе и билеты в театр. Но Серебрякова не любила ходить в театры, она предпочитала фильмы - комедии или про любовь. Гораздо больше ей нравилось ходить в гости, кафе, рестораны или общаться по телефону с приятельницами. Регулярно ходила в парикмахерскую и стремилась модно одеваться.

Серебрякова едва сдерживает раздражение, которое всё сильнее накапливается в ней оттого, что вместо ожидаемого романтического вечера, она вынуждена слушать неиссякаемый поток восторгов Журавского от Высоцкого.

- Да как можно этим блатным восхищаться! - возмущённо перебила она своего поклонника. - Между прочим, у меня сегодня день рождения, и я хочу танцевать!

Журавский на секунду застыл в растерянности, а затем позвал официанта и дал ему задние достать цветы и подать шампанское. А себе попросил приготовить бифштекс с кровью, от которого Алина отказалась. Через несколько минут появилась девушка с гвоздиками, Журавский га-

лантно вручил Серебряковой цветы, поцеловал руку, подошел к музыкантам и заказал поздравление с днём рождения для очаровательной Алины.

Внимание всех посетителей переключилось на неё.

Мужчины оживленно заулыбались, стали приглашать танцевать, осыпать комплиментами, просить номер телефона, передавать через официанта шампанское и коробки конфет. Настроение у Серебряковой мгновенно улучшилось, глаза засияли, она почувствовала себя в привычной для неё атмосфере властительницы мужских сердец.

Вечер закончился исполнением танца «летка-енка» всеми посетителями кафе.

Журавский поймал такси, но Серебрякова поехала домой одна.

Жила она теперь на Планетной улице у метро «Аэропорт». С помощью отца год назад купила двухкомнатную квартиру, чтобы устроить свою личную жизнь.

Дома непрерывно звонил телефон. Едва открыв дверь, Серебрякова сняла трубку. Она не сомневалась, что это звонит преданный её поклонник Альберт.

- Алиночка, куда ты пропала! - взволнованным голосом воскликнул Альберт. - У тебя сегодня такой день, двадцать пять лет, такая дата! Я весь вечер тебе звоню. Хочу лично поздравить, увидеть тебя! Можно я сейчас приеду?

- Приезжай, - неожиданно для самой себя ответила она.

Серебрякова вымыла голову, высушила феном волосы, надела лёгкое вечернее платье бирюзового цвета, которое подарила ей мать на юбилей. Поменяла на кровати постельное бельё. Слегка поправила макияж, придирчиво посмотрела на своё отражение в зеркале, и подумала: «Семь лет прошло, а выгляжу я ещё лучше и моложе».

Она улыбнулась и послала поцелуй своему отражению.

Прошла на кухню, насыпала кофейные зёрна в кофемолку, помолочила кофе, положила его в узкий медный ковшик,

купленный в магазине «Армения», залила кипятком и сварила кофе, с наслаждением вдыхая его аромат. Достала изящные японские кофейные чашки и сервировала журнальный столик в большой комнате. В ожидании Альберта она вспомнила о конверте, который он вручил ей в сентябре, провожая на отдых в Гагры. Она так и не притронулась тогда к нему, бросила небрежно в кучу бумаг на полке, и забыла. Серебрякова взяла конверт, открыла его и вынула листок. Это было очередное стихотворение Альберта, посвященное ей:

На юг от осени плаксивой,
За грань алмазного хребта,
Где вечно май, где море сине,
Моя уносится мечта.

Я жду в столичном заточеньи
Природы южной щедрый дар -
Восторги свежих впечатлений
И плеч волнующий загар.

«Альберт как всегда, в своём репертуаре. Сколь раз я говорила ему, что не люблю стихи, а он всё пишет, чудак! Сколько можно ему повторять, что я вижу в нём только временного партнёра. Мы такие разные, и вообще он меня раздражает», - подумала она, поправляя свои густые волосы перед зеркалом. Затем подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы, и замерла от удивления. Ночь была лунная.

В это время раздался звонок, приехал Альберт с охапкой пурпурных роз и очередным стихотворением.

В суете и круговороти жизни вихрем пронесли ещё десять лет.

Все подруги вышли замуж, некоторые уже по второму разу, растили детей. Серебряковой же нравилась независимость - праздники, свадьбы, поклонники, поездки на юг,

в Прибалтику. Она любила свой дом и возможность делать только то, что ей нравится. У неё были увлечения, любовники, но ни кого из них она не хотела бы видеть своим мужем. Ей было очень приятно, когда за ней ухаживали, баловали её. Как только очередной возлюбленный начинал предъявлять свои права или делать замечания, она тут же легко расставалась с ним и ни о ком не жалела.

Она шла под дождём без зонта. Но капало не очень сильно, так что волосы едва намокли, когда она вошла в метро. Людей было много, и все спешили. И Серебрякова в торопливом потоке выглядела спешащей. Глядя вокруг себя в вагоне, переполненном в утренние часы, она вдруг усмехнулась, и почти вслух произнесла: «Подождите, вот я выйду замуж!»

Кто должен был ждать, Серебрякову не интересовало.

Когда Серебрякова сидела в своей вокзальной кассе, то к ней выстраивалась приличная очередь, причём сплошь из мужчин, так она привлекала их улыбчивыми большими глазами, какой-то искристой женственностью, всегда новой и по-детски чистой.

В вокзальном зале билетных касс сновали люди, множество людей, толпы. Серебрякова почти не замечала их. Лишь изредка выхватывала взглядом чьи-то случайные лица, как бы задавая себе вопрос: «Счастливы ли они?» И не могла этого понять.

Поезда отправлялись и прибывали, шли часы, дни, годы.

Серебрякову разбудил звонок в дверь. Была суббота, 19 декабря, ей исполнилось тридцать пять лет. Приехала мать, чтобы поздравить. Привезла в подарок прелестный полушубок из красной канадской лисицы. Приятельница продала его совсем недорого, он стал ей маловат, а деньги были срочно нужны на новую шубу. Серебрякова накинула его прямо на прозрачную ночную рубашку и крутилась перед зеркалом.

- Мамочка, спасибо! Он чудный! Мне так идёт, правда? - щебетала она.

- Да, Алька, ты у нас настоящая красавица, жаль, что отец тебя не видит. Как же он любил тебя! В последние дни всё причитал, как же принцесса моя без меня останется. Он так мечтал выдать тебя замуж за хорошего человека, справить свадьбу, - сказала мать, смахивая невольно набежавшие слёзы.

- Мамочка, не надо сегодня об этом, а то я расстроюсь. Давай посидим, попьём кофе. Я на шесть часов столик заказала в «Софии» на четверых. Решила с приятельницами отметить, все-таки тридцать пять, - остановила Серебрякова всхлипывания матери.

- Всё. Не буду больше, - ответила мать и, покачав головой, спросила: - Что ещё за день рождения с приятельницами? Ерунда какая-то... О своей личной жизни пора серьёзно подумать, - сколько можно жить без семьи?

- Нет заметных кандидатур! - с досадой сказала Серебрякова.

- Да за тобой такие солидные мужчины ухаживают, неужели нет среди них ни одного достойного? - удивленно продолжила мать разговор на болезную тему.

- Мама, хорошие по хорошим разошлись, а из тех, что остались, мне никто не нравится, - ответила Серебрякова.

- А Костя Борзенко? Такой способный, приличный... работает на лимонадном заводе...

Серебрякова невольно поморщилась.

- На безалкогольных напитков, - уточнила она.

- Вот. Старшим инженером! - всплеснув руками, подчёркнула мать, и села в кресло. - Что тебе ещё нужно!

Ей на колени в этот момент запрыгнул пушистый кот, с громким «мяу».

- А тебе что? - спросила мать у кота. - Ты только что ел рыбу...

Тут мать принюхалась.

- Что-то горит у тебя...

И действительно, в комнату уже пополз дымок с кухни.

Серебрякова бросилась туда. И крик её оттуда:

- Котлеты сгорели!

- Господи ты, боже мой, безрукая, - прошептала мать.

Серебрякова вернулась.

- Колбасу будем есть, - сказала она.

Мать минуту помолчала, затем вспомнила про Борзенко:

- Смотри, Алька, пробросаешься...

- Мне с ним скучно. Он зануда. Водил в прошлое воскресенье наВДНХ по армянским, грузинским, узбекским павильонам... Я устала от него. Вчера опять куда-то гулять приглашал. Я сказала, что у меня сегодня день рождения, так он предложил отметить его вдвоём на даче, представляешь?

- Ну и что такого, - сказала мать.

- Это зимой-то! Я сказала ему, что мёрзнуть и мучиться без удобств не собираюсь, так он обиделся. Нет, за Костю я замуж точно не выйду. И, пожалуйста, давай прекратим этот неприятный разговор.

Мать встала, подошла к двери и, прислонившись спиной к косяку, глубоко вздохнула.

Серебрякова пожала плечами.

К своему пятидесятилетию Серебрякова готовилась тщательно.

За два месяца до юбилея она регулярно ходила на массаж, каждую неделю посещала своего косметолога, Ию Романовну, которая жила в знаменитом доме Нирзее в Большом Гнездниковский переулке. Волшебные кремы, изготовленные Ией Романовной, помогали её клиенткам сохранять кожу «как у младенца» на протяжении всей жизни.

Серебрякова полностью изменила свой внешний вид: цвет волос, причёску...

Заранее позвонила близким знакомым и пригласила их на день рождения в ресторан «Прага» 19 декабря в 19.00.

Все они заверили её в том, что придут непременно, и она заказала праздничный ужин на двадцать пять человек.

За полчаса до назначенного времени Серебрякова уже была на месте в ожидании гостей. Сейчас у неё была модная короткая стрижка. Она стала брюнеткой, и выглядела, как ей казалось, на двадцать пять лет.

Ей хотелось поразить всех в этот день.

Через сорок минут пришли подруги-кассирши с вокзала, с которыми она проработала вместе много лет. Серебрякова же с волнением ждала своих старых знакомых, с которыми век не виделась.

Сначала она весело шутила, потом нервно стала смотреть на часы.

Через полтора часа её гости, которые уже не один раз выходили поудрить носик, стали проявлять нетерпение.

- Сколько можно ждать? - произнесла одна из них. - Давайте начнём, есть примета такая, стоит только налить вино в бокалы и сказать первый тост, как опаздывающие сразу появятся.

- Давайте, девчонки, гулять и веселиться! А завистники мои и недоброжелатели пусть сидят по своим норам. Им же хуже, сами лишили себя возможности погулять, - нарочито веселым голосом сказала Серебрякова, и подозвала официанта.

На другой день в белой кофточке с черным бантиком Серебрякова сидела в окошке своей кассы. И вряд ли кто из пассажиров мог дать ей её годы, так молодо она выглядела.

Женщина без возраста.

СЕКС, ДЕТОРОЖДЕНИЕ И КЛУБНИКА

По мере удаления от душной Москвы через открытые окна воздух в машине все больше насыщался свежестью и запахом трав. У Лидии Ивановны, в сарафане с белыми оборочками, невыносимо защекотало в носу, и она громко чихнула, едва успев достать носовой платок и прикрыться.

Начиналось лето 1988 года. 62-летняя Лидия Ивановна, она появилась на свет в 1926 году, шестой год уже была на пенсии. Вся её вполне благополучная жизнь неспешно прошла на заводе сельхозмашин, там она познакомилась со своим мужем, инженером. От завода им дали квартиру и участок, на который они сейчас ехали, и который стал любимым местом её отдыха и всевозможных огородных увлечений.

Стоит на карачках с тяпкой у грядки клубники, окучивает, радуется созреванию ягод.

- Я тебе на рынке куплю! - говорит муж.

- Нет уж, там она водянистая, а у меня один сахар, сироп! И ягодка к ягодке!

Лидия Ивановна поднесла к носу платок.

- Вот каждый раз, как только выезжаем за город, сразу начинаю чихать, - сказала она и тут же чихнула ещё два раза, - вот как на нас, несчастных, действует воздух природы.

Старый «москвич», навьюченный, как верблюд, не спеша двигался в сторону Каширы.

- Будь здорова, - сочувственно ответил муж, Олег Викторович, и улыбнулся ей, - скоро привыкнешь, ничего, человек быстро привыкает.

64-летний крупный широкоплечий Олег Викторович, он был с 1924-го года рождения, но на пенсию не торопился и не предлагали, ценили его безотказный характер и доскональное знание сеялок-косилок, которые они производили, работал на своём заводе, всегда шёл навстречу жене, старался не спорить, и частенько отмалчивался. Он был одет в клетчатую синюю ковбойку и в потёртые чёрные вельветовые брюки.

Рядом с ним сидела она, Лидия Ивановна. На заднем сиденье - дочь Римма Олеговна, 1949-го года рождения, и на этот момент ей было 39 лет, в узких белых брючках, и внучка Жанна Игоревна в просторном ситцевом с широкими белыми и чёрными полосами платье. Внучке сейчас было восемнадцать лет. Римма Олеговна родила её в 1970 году. И вот теперь, в 1988-м году, в свои восемнадцать лет, Жанна уже была беременна.

Пятнадцать лет назад они так же ехали в этой машине в этом же составе, правда, с ветерком. За рулем этого же «москвича» так же сидел отец. А внучке Жанне в 1973-м году было три годика. Лидии Ивановне казалось, что она перескочила из настоящего в прошлое за минуту. Те же разговоры, то же настроение. Тогда Римма говорила:

- Вот доченька, понимаешь, читать тебя научу скоро. Пойдешь, как приличный ребёнок, в немецкую спецшколу. Будешь отличницей, как я. Выучишь как следует немецкий, выйдешь замуж за западного немца, богатого. Будет у нас большой дом, дорогая машина, и будем мы путешествовать по всему миру. Только мы с тобой не разлучимся, будем всегда вместе. Мама всё сделает, доченька, чтобы ты правильно вышла замуж, ты только делай всё так, как я скажу.

Римма умолкла, поправила пальцами сделанную накануне в парикмахерской причёску, и уставилась в окно.

Маленькая, щуплая, невзрачная, с водянистыми колющими глазками Римма окончила школу с золотой медалью, с первого класса до выпуска была круглой отличницей. Она никогда ни с кем не дружила, в классе её не любили, считали воображалкой, слишком правильной. Она все десять лет просидела на первой парте перед учителями. Складывалось такое впечатление, что Римма учится не для себя, а для учителей. Дальше школьной программы её интеллект не распространялся. Она была абсолютно уверена в том, что её отличная учёба обеспечит ей счастливую, гладкую, успешную жизнь. Этим заблуждением переполнены головы почти всех учащихся на «отлично». Отвлечённых тем, не содержащихся в программе, они опасаются, поскольку лишены свободы ума и воображения. Им кажется, что они рождены только для того, чтобы получить диплом и вместе с ним полное жизненное благополучие. Когда Римма сталкивалась с необычными людьми, она терялась, или говорила, как в подобных случаях говорят сходные с ней люди: «Нам этого не нужно!» или «Мы этого не проходили!». Когда Витька Сомов на факультете пытался навязать ей отпечатанный на машинке «Котлован» Андрея Платонова, Римма, не моргнув глазом, отрезала: «Запрещённую литературу не читаю! И вообще, кто этот Платонов, чтобы его читать! В учебнике его не было и нет!».

Отец тогда ехал достаточно быстро, в левом ряду, обгоняя почти всех. Машина тянула хорошо, была новая.

А трехлетняя Жанна, сжавшись от непонимания, прибегая властным голосом матери, сидела с маленькой куколкой, и пыталась переодеть её в другое платье. Вдруг девочка заметила на лужайке между сельскими домами огромную белую в чёрных пятнах, с крупными рогами корову.

- Мама, смотЛи, коЛова!

Глаза девочки вспыхнули радостью и удивлением.

- При чём тут корова! Куда ты смотришь! Меня надо слушать... И ну-ка, повтори слово «корова». В нём нет буквы «л», там твёрдая буква «р».

Жанна сосредоточилась и испуганно повторила:

- КоЛова!

- КоРова!

- КоЛова!

- Отстань от неё! - вмешалась Лидия Ивановна.

Переносясь из одного времени в другое, Лидия Ивановна оглянулась на восемнадцатилетнюю беременную внучку Жанну.

И к мужу:

- Что ты прилип к автобусу! Ты что, обогнать его не можешь!

Олег Викторович с добродушной улыбкой почесал затылок.

- Да ты что! Куда мне его обгонять, у меня к чертям собачьим сцепление полетело, диски проскальзывают, как по льду. Была б новая машина, тогда б! - мечтательно воскликнул он. - И зять - западный немец на «мерседесе»! Во! Тогда бы я по осевой обошел бы весь поток.

В это время тяжело нагруженный пассажирами автобус, выбросив из выхлопной трубы чёрно-лиловую густую, не полностью перегоревшую солярку, принял вправо к остановке, как бы давая возможность дряхлому «москвичу» обойти его.

Из пятнадцатилетнего далёка послышался раздражённый голос дочери Риммы. Сначала был просто резкий звук её голоса, потому что автобус перед ними так урчал, что разобрать ничего было невозможно.

- ...мама, никогда не вмешивайся в мой разговор с ребёнком! - буквально огрызнулась она. - Хватит, я вас двад-

цать пять лет слушалась. И что в итоге? Познакомили с идиотом, поселили в коммуналку! И для чего я училась на «отлично»?! И для чего мне золотая медаль, красный диплом мединститута, чтобы сидеть с вами и слушать ваши перебранки?! «Учись, доченька, старайся, и всё у тебя будет», - передразнила она мать, - училась и что? Вы-то, что для меня сделали? Всю жизнь я чувствовала себя хуже всех. Всех девчонок в классе родители одевали как следует, возили отдыхать на юг, в Прибалтику, а я вечно в одежде из «Детского мира». Ты всё хвалилась приятельницам, что у тебя дочка такая миниатюрная, ей вещи так выгодно покупать в детском магазине, дешевле в несколько раз. А ты, папа, твердишь мне одно и то же: «Не в деньгах счастье, дочка, учись!» Выучилась, и что? Детский врач в районной больнице. Таскаюсь по вызовам, выслушиваю мамаш и бабок, у которых необыкновенные дети. Не жизнь, а каторга. В подъездах вечно то лифт сломан, то застрял, звонишь в дверь, открывают и возмущаются, что устали ждать. А зарплата? Что это за деньги, которых хватает на пять дней? Мои одноклассницы, которые учились кое-как, устроились в этой жизни намного лучше меня. Вышли замуж удачно и живут в достатке в отдельных квартирах. Одной мне не везёт, потому что вы меня не тому учили. Замуж выдали за маменькиного сынка, которому никак не угодишь. И не хозяйка я, и готовить я не умею, и не ласковая я... Ужас какой-то. Хоть тут я вас не послушалась, развелась! Теперь буду жить своим умом.

- Как будто он у тебя есть, - съязвила Лидия Ивановна.

Олег Викторович молчал. Он всё это слышал уже много раз. Как-то странно ставится Римкой вопрос, как будто мы должны жить за неё её же жизнью. Я-то из Мурома приехал, после армии, всего добился сам. Выучился, жил в общеаге, Лидочку мою там встретил. Поженились. Жили трудно, шесть лет в крохотной комнате в общежитии,

Римка там и родилась. Когда получили комнату в коммуналке, радовались как дети. Отдельную квартиру получил на заводе сельхозмашин за рацпредложение к новому комбайну. А радовались как отдельной квартире! Дочке же всё не так, с детства. Эх, скорее бы доехать до участка, да махнуть грамм сто пятьдесят под килечку пряного посола. Да посмотреть движок, клапана, что-то стучат. А уж сцепление! Даже и не знаю, что с ним делать. Хорошо пару деньков подышать воздухом. А завтра, в субботу, посмотреть по телевизору футбол. Наши играют. Кого там выставит Тарханов? Поставит ли он сзади справа Минько? Да ну этих баб! Лучше не вмешиваться. Промолчишь, и, глядишь, сами за четвертинкой в магазин сходят. Это я сегодня выпью. Потом, надо парничок поправить. Там столбик подгнил. И новую пленку натяну. Огурчики должны уже пойти. Интересно, Максим Степаныч приехал уже? Хороший мужик. Кстати говоря, он сечёт в сцеплении. Вот с ним и починим. Потом возьмем удочки и подалее от женского общества. Посидим на пруду. Кстати, какой-то чудак выпустил туда бычков, а они переели мальков плотвы.

- Оставь Жанну в покое, Римма, - голос жены прервал размышления Олега Викторовича, - сколько можно её пилить?! Что ты, как эта, дёргаешь ребёнка всю жизнь! Она уже сама скоро матерью будет. Вот, чего ты, типа, добилась своими постоянными упрёками. Ребёнок-то даже школу не кончил, убежал в медучилище после восьмого класса, чтобы скорее стать самостоятельным, - Лидия Ивановна выпалила это на одном дыхании.

Лицо её вспотело и покрылось красными пятнами. Она всегда в выяснениях отношений Риммы и Жанны принимала сторону внучки.

Олег Викторович старался ничего не слышать, и чтобы усилить это неслышание стал про себя что-то напевать.

- Да, ну тебя мама, ты всю жизнь ей потакаешь! - раздражённо сказала Римма. - Это вы с отцом, понимаешь, во всём виноваты, мне всю мою жизнь, прямо не знаю даже как и сказать, сейчас заплачу, испортили и Жанку избаловали. Вот, теперь вы и будете её ребёнку воспитывать! Я не хочу становиться бабушкой. Мне свою жизнь устраивать нужно, понимаете или нет! Я, только подумать, ведь ещё ничего хорошего в ней не видела. А вы...

И слеза скатилась по её щеке.

- И кто в этом виноват! - воскликнула Лидия Ивановна. - Сколько можно обвинять всех в своих неудачах. Когда же ты поймёшь, наконец, что во всех твоих провалах никто, кроме тебя не виноват. Ты вбила себе в голову, что у тебя всё должно быть самое лучшее всё, типа, и сразу...

- Да, - перебила Римма мать, - а как иначе! Я с первого класса, вы что не помните, училась лучше всех?! Да меня же всегда в пример ставили! Я сама поступила в медицинский без всяких репетиторов и знакомств. - Римма на минуту умолкла, как бы набираясь новым зарядом энергии, посмотрела в окно на открывшуюся перспективу с небольшой речкой и лесом у горизонта, потом продолжила. - Мне никто никогда не помогал учиться, а я получала все годы повышенную стипендию, и что!?! Это, понимаешь, ты меня познакомила с сыном своей приятельницы, твердила, что он из очень порядочной семьи, я и вышла за него замуж, да ещё родила сразу. Вы с его родителями даже квартиру нам не купили, впахнули в коммуналку!

Обвинительный процесс всех над всеми и каждым достиг своей кульминации.

Вступила мать, Лидия Ивановна:

- Это и есть жизнь - муж, ребёнок, семья, а как ты думала! Совести у тебя нет! Всю жизнь ты нас с отцом попрекаешь, во всём мы перед тобой виноваты! Я тебя с Игорем познакомила потому, что ты никуда не ходила и ни с кем

не встречалась, а он такой же домосед. Застенчивый был. Вот мы с его матерью и решили вас, типа, познакомить. А пожениться вы сами решили, никто вас не принуждал. Мы обрадовались. Свадьбу вам весёлую организовали, в свадебное путешествие на Рижское взморье отправили, квартиру сняли. Чего ещё ты ждала? А то, что вы не смогли жить вместе, это уже ваша беда. Ты ведь даже не пыталась готовить, он у тебя вечно голодный ходил, а ты всё время была чем-то недовольна. Какой мужчина это выдержит?

- Я не для того училась, чтобы у плиты стоять и пелёнки стирать! Он знал, на ком женился, - раздражённо перебила Римма мать.

- Пожалуйста, замолчите! - подала голос, Жанна. - Сколько можно говорить об одном и том же. Хватит о прошлом, нужно жить в настоящем.

Разумеется, в немецкую школу Жанну не определили, немца с «мерседесом» не нашли. А пошла она, как и все советские дети, в обычную общеобразовательную школу рядом с домом, правда, в отличие от матери-отличницы, училась кое-как, после восьмого класса, когда школа опротивела, поступила в медучилище на акушерское отделение. И тут её заинтересовали мальчики, сладкая любовь, которую они уже открыто, не стесняясь, называли сексом. Очень уж ей понравилось этим заниматься. Результат - на заднем сиденье! На седьмом месяце! Какое занятное дело производить на свет людей. Но приближения родов она втайне опасалась, хотя внешне старалась этого не показывать. Едет дышать кислородом с бабушкой на дачу. Мать и дед уедут вечером в воскресенье в Москву. А Жанна с бабушкой будут ждать свою клубнику.

Жанна отвела руки от ушей, повертела головой, как бы просыпаясь.

- Ох, жизнь! - вздохнула Лидия Ивановна, и высморкалась в носовой платок.

- Что жизнь?! - усмехнулась Римма.

На что Жанна тут же выпалила:

- А что такое жизнь? Секс, деторождение и клубника!

- Отпад! - вымолвил Олег Викторович и продолжил что-то напевать.

- Вот, вот результат твоего, Римма Олеговна, воспитания! - назидательно сказала Лидия Ивановна.

- Да ладно, мама, - сказала Римма.

- А чего тут такого? - сказала Жанна. - Все люди занимаются сексом, только стесняются говорить об этом.

- Что-о-о! - вспыхнула Римма.

- Да ничего! - ответила Жанна.

- Что «ничего»? - передразнила дочку Римма.

- Ничего и всё! И так всё понятно...

- Что понятно-то? - не успокаивалась Римма.

- То что ты, занималась сексом, когда зачинала меня! - с усмешкой объяснила Жанна.

- «Сексом», - передразнила Римма. - Я тебе такой секс покажу, что шёлковой у меня будешь. Ишь ты, мать учить начала. Ты вот роди, тогда посмотрим, какой матерью сама будешь. А то учат тут цеплята кур... Я тебе покажу, как учить!

- Римма, ну ты тоже хороша! - сказала, повернув голову назад, Лидия Ивановна. - Что ты к ребенку прицепилась?! Чего Жанка такого сказала-то? Секс... Ну что такого тут?

- Мамочка, помягче нужно быть, - сказала Жанна.

- Ты ещё меня учить будешь! - повысила голос Римма. - Помолчи лучше. Ты уже натворила глупостей. Восемнадцать лет, а уже забеременела от женатого мужчины, который не собирается на тебе жениться! - особенно взъярилась Римма. - Вместо того чтобы матери помогать, ты всё

наоборот делаешь, тебя, наверное, твой папаша настраивает против меня!

- Мама! - воскликнула Жанна.

- Что мама?

- Да ничего!

- Как ты с матерью разговариваешь?!

- Ладно. Сколько можно тебе повторять, что мой папа, Игорь Константинович, никогда о тебе ничего не говорит! Он меня понял и обещает помогать, денег дал, чтобы я купила для ребёнка всё необходимое.

- Хватит попрекать Жанну, смирись, успокойся, Римма! Раз уж так получилось, значит, судьба такая. Ребёнок всегда радость! - вмешалась Лидия Ивановна.

- Всю дорогу ты вмешиваешься, мама, в мою жизнь, в воспитание Жанны, - сказала Римма Олеговна, - вместо того, чтобы помочь устроить мне личную жизнь. Это вы с отцом настояли, чтобы я каждую неделю Жанну отдавала на субботу к отцу, который ей во всём потакает. Вот вам результат, любуйтесь. Жанна, без пяти минут фельдшер-акушер, забеременела, у неё даже ума не хватило предохраняться!

- Как ты не понимаешь, мама, что я люблю этого человека и хочу от него ребёнка! Он тоже ждёт нашего сына и собирается признать его и помогать мне всячески, - перебила Римму Олеговну Жанна Игоревна, - я уже объясняла вам, что он не может развестись с женой сейчас.

- Да он и не собирается этого делать никогда! Запомни это, наивная дурёха! - раздражённо парировала Римма. - А что касается твоего отца, запомни, чтобы он тебе там не говорил про свою любовь к тебе, он нас бросил и предал, женился на этой дряни, которая родила ему двух сыновей подряд, чтобы к себе прочнее привязать. Все денежки, которые он зарабатывает, тратит на своих сыновей, а тебе только крохи достаются.

Олег Викторович что-то сосредоточенно и тихо мурлыкал себе под нос.

От быстро промчавшегося встречного самосвала в приоткрытые окна ворвалась волна воздуха.

- Я не хочу это слышать! - взвизгнула Жанна и демонстративно закрыла уши ладонями.

- Римма, сколько можно обвинять всех в том, что твоя жизнь не удалась, - прервала дочку Лидия Ивановна, - всё дело в тебе. Ты постоянно всех обвиняешь в своих неудачах, а сама ничего не предприняла, ничего, чтобы изменить свою жизнь. Ты нас с отцом после развода пилила, что не можешь выйти замуж потому, что у тебя нос длинный, и это - наша вина. Мы дали тебе деньги на операцию, исправили тебе нос и что? Ты уволилась из больницы, пошла продавать пищевые добавки в какой-то киоск при клинике. Хотела заработать большие деньги, но у тебя ничего не вышло. Ты потеряла квалификацию врача, нашла себе какого-то проходимца, который прожил с тобой меньше года и исчез бесследно, не принеся в дом ни копейки.

- Он любил меня, мама! - вскричала Римма обиженно. - Если бы ты, папа, не напугал его, что сбросишь с лестницы, он бы остался со мной, и нашёл бы себе работу. Он один понимал меня и жалел.

Жанна, открыла уши и опустила руки на колени.

- Жалел, как же, - сказала Лидия Ивановна, - он использовал тебя. Ты все алименты, которые Игорь платил тебе на ребёнка, тратила на него. Совести у тебя нет! Игорь, в то время, звонил мне несколько раз и предупреждал, что в суд обратится на тебя за то, что ты тратишь деньги не на ребёнка, а на какого-то любовника. Нам с отцом пришлось вмешаться и выгнать этого негодяя. А я была вынуждена, согласится с Игорем и его родителями, что кроме как учиться на пятёрки, ты ничего больше не умеешь.

- Ты всегда была на стороне Игоря, - взвилась Римма, - а ещё мать называешься! Ты даже встала на его сторону, когда он перестал давать мне деньги сразу, как только Жанне

исполнилось восемнадцать лет. Он даже на День рождения к ней не приходил ни разу с подарками.

- Он не приходил к нам, чтобы с тобой не встречаться, мама, - нарочито спокойно произнесла Жанна. - Ты же обязательно устраиваешь скандал, каждый раз при виде папы. Он тебя избегает. А подарки и деньги на них он всегда бабушке давал, чтобы она мне их покупала.

- Что-о-о!? - Римма перешла на крик. - Вы все сговорились против меня, и все эти годы плели интриги за моей спиной?! - она даже задохнулась от ярости.

- Никакого заговора не было, - спокойно возразила Лидия Ивановна. - Просто Игорь хотел, чтобы те деньги, которые он дополнительно давал для дочери, тратились исключительно на неё.

- Да, бабушка, на меня, - сказала Жанна.

- Так, понятно, как все вы меня ненавидите! - истерично выпалила Римма.

- Да кто тебя ненавидит? Ты сама себя ненавидишь, - сказала Лидия Ивановна.

- Всё, всё мне понятно! - уже рыдала Римма.

- Мама, успокойся, - сказала Жанна и положила руку на плечо матери.

- Отстань! - Римма дернулась, отстраняясь.

В этот момент, перекрывая все женские голоса, Олег Викторович грянул:

На Муромской дорожке
Стояли три сосны,
Прощался со мной милый
До будущей весны...

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО

Несметное пиршество роз всех тонов и оттенков превратило квартиру счастливых супругов в цветущий сад. Розы были повсюду. А приносили именно розы, пурпурные, алые, розовые, золотые. Их охапки, больше похожие на кусты, чем на букеты, самых экзотических сортов, стояли повсюду в больших изысканных вазах.

Отмечалась золотая свадьба.

Но, тем не менее, тесноты не ощущалось. Молодежь крутилась в ритмах вновь модного рок-н-ролла в библиотеке. За огромным круглым столом в зале, а иначе эту комнату в их квартире не назовешь, на старинных резных стульях с высоченными царскими спинками, как король с королевой, сидели виновники торжества Цветков Игорь Мстиславович, президент международного концерна, и его супруга, доктор филологических наук Цветкова Наталья Вадимовна.

Наталья Вадимовна высокая, худощавая, статная женщина, преисполнена достоинства, спину держит подчёркнуто прямо, выглядит значительно моложе своих лет. Строгое узкое лицо с высоким чистым лбом, и прямым тонким носом. Черты лица малоподвижные, но очень выразительные. Серые глаза постоянно меняют оттенок в зависимости от света и настроения, изогнутые дугой тёмные брови и ресницы подчёркивают их. Маленький ротик с тонкими губами. Длинные прямые густые волосы каштанового цвета стянуты на затылке тяжёлым узлом.

Несмотря на то, что она была женщина эмоциональная и впечатлительная, но умела в любых ситуациях владеть собой и чувства свои никогда не показывала. Говорила она низким голосом, медленно, тщательно выговаривая слова, как бы, втолковывая их собеседнику.

Справа от Игоря Мстиславовича сидел 40-летний их сын Всеволод, киновед, специалист по итальянскому кино. Рядом с ним - его жена Мариночка, актриса театра и кино, возле неё - внучка Игоря Мстиславовича и Натальи Вадимовны, Ксюша, ученица центральной музыкальной школы. Слева от Натальи Вадимовны располагалась их старшая дочь, Вера Игоревна, завуч французской спецшколы, с ней бок о бок поднимал бокалы её муж Георгий, владелец крупной фирмы. Около него сидел внук Натальи Вадимовны (и, конечно, Игоря Мстиславовича), Артём, студент мехмата МГУ, и многочисленные нарядные гости.

Как это часто бывает, за столом все оживленно что-то говорили.

Например, сын Всеволод для поднятия тематической планки, обращаясь как бы ко всем, спрашивает:

- Никак не могу понять, почему массовая публика не принимает Феллини, ведь он так ясен?!

Протерев салфеткой губы после сёмги, сидящий напротив Хромов, из управления делами, благодушно отвечает:

- Вы сами, Сева, это прекрасно понимаете. Это ж как дважды два. Феллини - художник, поэтому он и не привлекает массы... По части зрелищ он не проходит...

Георгий, муж Веры Игоревны, басом перекрывает общий гул:

- С Капеллой в Бразилии нам ничего не светит!

- Правильно! - откликается Игорь Мстиславович. - Сначала нужно научиться обыгрывать бочки.

- Как это? - вопрошают женщины.

- А так, - поясняет Игорь Мстиславович своим мягким, с небольшой хрипотцой, переливающимся волнами баритоном, - играли с бочками, и бочки выиграли, потому что наши всё время попадали мячом в неподвижные бочки, расставленные по полю, и от них мяч залетал в наши ворота.

Тяжёлые бутылки, терпкий аромат, стопочки с ледяной слезой, янтарный коньяк, неторопливо стекающий по стенкам сосудов, красное вино в богемском на высоких ножках стекле, отражающем лучи люстр, светилося и переливалось рубиновыми искрами, шампанское искрилось, играя всеми цветами радуги.

А дочь Вера Игоревна делится впечатлениями со всеми от недавней поездки в Лондон.

- Верочка, может, уже пора принять Лондон в состав России?! - доносится чей-то вопрос.

- Да уж, и не говорите. Лондон набит русскими...

Игорь Мстиславович, сухощавый, с седым ежиком волос, поднял бокал и произнёс:

- Полвека назад были белые ночи, - он вздохнул и обвел взглядом гостей. - И вот я к сегодняшнему торжественному событию сочинил такое четверостишие для Натальи Вадимовны...

В этот момент от неожиданности Наталья Вадимовна вздрогнула, порозовела, и дернула украдкой мужа за рукав пиджака, но Игорь Мстиславович всё равно продекламировал громко:

Мы стали одною рекою
Когда-то, ты помнишь, с тобою?
К щеке прикасались щекою -
С тех пор мы не знаем покою!

- Браво-о-о! - раздались голоса.

- Го-о-орько! - подхватили все присутствующие.

А ведь начиналось-то всё с пустяка. В своё время оказались, как говорится, в нужном месте в одно время: в поезде «Москва-Ленинград». Когда Наташа утром проснулась, Игорь уже сидел напротив, одетый.

- У вас стынет чай, - сказал он, и, заметив её растерянность, добавил: - Я для вас заказал.

- Ой... Спасибо! Вот уж не ожидала... Я сейчас, - и побежала умываться.

Было в ней что-то неизъяснимо трогательное.

Во время чаепития Игорь спросил:

- Вы живёте в Питере?

- Нет. Я живу на улице Марии Ульяновой. А вы?

- Я тоже оттуда. В смысле не с Марии Ульяновой, а с «Речного вокзала».

- Хорошее место, - поднимая свои большие серые глаза на утреннее небо в окне, сказала мечтательно она. - Пароходы, яхты с белыми парусами, чайки...

- Вы были уже в Питере? - спросил Игорь.

- Нет. Я еду в Пушкинский дом...

- О, чудесно! - воскликнул Игорь, отпивая чай из тонкого стакана в подстаканнике. - Ну, я Питер знаю, как свои пять пальцев. Я вам покажу и Литейный, и Невский, и Фонтанку...

- Как интересно... Я очень люблю Владимира Одоевского... У него, кстати, молодые годы тесно с этим городом связаны... А вы часто бываете в Ленинграде?

- Раз в месяц, у нас там филиалы...

- Понятно, почему вы хорошо знаете Ленинград... - сказала Наташа.

- Одоевский... Это интересно, - сказал Игорь.

- Очень интересно.

- И всё-то их ночи тогда увлекали. Пушкин с «Египетскими ночами»...

- Да. Ночи ведь располагают к размышлениям, далёким от будничности, - сказала, серьёзно сдвинув брови, Наташа.

- У Достоевского тоже есть что-то о ночах, - сказал Игорь, пытаясь вспомнить, что именно.

- Да, у него «Белые ночи»...

Наташа достала из сумки Одоевского, сплошь проложенного закладками.

- Можно кусочек? - спросила она.

- С удовольствием послушаю, - сказал Игорь, ставя локоть на столик и обхватывая рукой подбородок.

Наташа прочитала:

«Не вините художника, если под одним покровом он находит еще другой покров, по той же причине, почему вы не обвините химика, зачем он с первого раза не открыл самых простых, но и самых отдаленных стихий вещества, им исследуемого. Древняя надпись на статуе Изиды: "никто еще не видал лица моего" - доньше не потеряла своего значения во всех отраслях человеческой деятельности...»

- Наполеон разбит, но Европа победила, - усмехнулся Игорь и добавил: - Дикость в войнах побеждает, но победа эта кратка. Культура же медленно, но верно торжествует над мраком...

- Я с головой погрузилась в «Русские ночи»! Это одновременно и роман, и философский трактат, и притча, и драма, - с жаром сказала Наташа.

- И кто же там герой? - спросил Игорь.

- Как такового нет героя... Главный герой - сама философская мысль: жизнь мысли и драма мысли. «Русские ночи» - это мысли, раздумья, русские идеи, навеянные автору немецким философским романтизмом.

- Я, к стыду своему, не читал, - сказал Игорь.

- А я вам расскажу, - оживилась Наташа. - Он состоит из новелл. Они между собой связаны мыслью. Одоев-

ский осознанно пишет как бы обрывочные записи, «отрывки» - это слово не случайно часто повторяется в романе.

- Как Монтень? - спросил Игорь.

- Не совсем, но по форме близко. Отрывочность удивительным образом сочетается с музыкальностью, которая объединяет роман в цельное произведение.

- Рассуждения и мысли, - сказал Игорь.

- Да, они сменяют друг друга, исчезают, а потом возвращаются в других вариациях, как тема в музыке. Я участвую в беседе Фауста с его приятелями. Вместе с ними как бы со стороны наблюдаю жизнь, рассуждаю о том, что большинство человеческих душ покидают эту землю, исчезая бесследно, как дым. А ведь каждому, являющемуся на свет, предназначено принести пользу.

- Оставить след? - спросил Игорь.

- Конечно! - оживилась Наташа. - Подкупают меня рассуждения о пользе, о счастье, о необходимости записывать все открытия, события, мысли, чтобы следующим поколениям не пришлось узнавать и открывать всё заново.

Небо прозрачной лазурью сияло. Случай. Что это такое? Ни она, ни он не могли ответить на этот простейший вопрос в тот чудесный ленинградский день. Да разве они, погружённые в своё единственное время, могли задумываться об этом? И почему они сами явились из небытия в бытие в намеченное им время? В середину, примерно, 60-х годов. В Москве все как сумасшедшие бросились в чтение. А читатель наверняка знает, что тогда читали. Жизнь каждого человека состоит из подобных случайностей. Лишь оглядываясь на пройденный путь, просматривается некая логически связанная цепочка. А вперед люди ничего не видят, хотя бы лет на пять. Игорь с Наташей даже и во сне не могли бы предположить, что будут отмечать золотую свадьбу. Будущее рисуется в на-

ших глазах на основе прошлого. Что было, то и будет. Не с точностью до ситуации, но примерно так же. Он должен найти её, она - его. Простая формула. Но как редко она воплощается в действительности. Наташа и Игорь вышли из поезда, и это пронзительно-нежное сияние неизведанного, но, как казалось им обоим, счастливого дня отразилось на их лицах. Бывают минуты, когда почти детская радость охватывает человека, и он весь светится изнутри. Казалось, что они удивились другому миру, в котором оказались. Свои объятия им распахнул несравненный Невский проспект.

День пролетел одним мгновеньем. Игорь со смущенной влюблённостью поглядывал на тоненькую беззащитную и такую женственную девочку, которая была теперь с ним в номере, глаза которой сияли, потом подхватил её на руки, а она прижалась к нему, и он услышал, как бьётся её сердце.

Он убрал руку с её обнажённой груди и сказал:

- Я женат.

Наташа онемела. Минута длилась вечность. После чего она лишь отрешённо всхлипнула.

- Я разведусь, - сказал Игорь.

И немедленно развёлся. Он был женат на дочери генерального конструктора, который умер от этого события. Так вот сплетается жизнь. И разве мог знать Игорь в тот миг, что сам в будущем сначала станет генеральным конструктором, а затем президентом международного концерна.

Звон бокалов. Ослепительно белая скатерть с искусно декорированными тканевыми накрахмаленными салфетками, приталенными с помощью специальных золочёных колец, фарфор с изумрудным узором, серебряные приборы с инкрустацией, бокалы - всё искрилось и сверкало, соответствуя значимости события.

Словно Абрахам ван Бейерен вдохновенно прошёлся щедрой кистью по изобильному столу. Пышущие сочностью фрукты, непревзойдённые овощные салаты, утопающие в красном перце смачные куски телятины, усатые лангусты, алые клешни крабов, шевелящиеся под дольками лимонов, крупные рубиновые креветки в сочетании с оранжевой пористой кожурой грейпфрутов, тяжёлые ломти янтарной дыни, с воткнутыми в них тяжёлыми серебряными вилками, и нежно-зеленые авокадо. Тающие при одном взгляде мраморные дольки осетрины, огромная в зелени полосатая севрюга, как будто только что выпрыгнувший из озера Байкал серебристый омуль, розовые дольки прозрачной форели, тучный во всех своих панцирных доспехах пунцовый лобстер. Цыплята в манговом соусе, жульен из белых грибов в кокотницах, солёные грузди и маринованные маслята - всё это неумолимо манило тут же отведать. А ещё шашлык из осетрины, овощи на гриле, далма, сациви по-грузински, бастурма, плов, шашлык. Любое пожелание исполнялось мгновенно, были учтены предпочтения каждого гостя. Две аккуратные помощницы по хозяйству в накрахмаленных белых фартуках и кружевных наколках бесшумно кружили вокруг гостей, подавая то или иное блюдо.

Прилетевший специально из Бишкека Абдухалыков, с лицом сияющим и круглым, как подсолнух, с шумом отодвинул стул, подошел к Цветкову, обнял его и воскликнул:

- Мен сэни суйу, дорогой! Я тебя люблю! - И надел ему киргизскую шляпу, которую он назвал колпаком, белую, с низом черным полей, с черными же тонкими полосками крест-накрест по куполу, расшитую узорами. Затем поклонился супруге, и вручил ей с почтением тяжёлую инкрустированную шкатулку.

Игорь Мстиславович в этой экзотичной шляпе стал походить теперь на хана, стремящегося постигнуть причину

причин. Он величественно, но с некоторой иронией, как бы посмеиваясь над самим собой, оглядывал публику, мол, хорош ли я в этой шляпе, и слегка улыбаясь, напевал:

В парке Чаир распускаются розы
В парке Чаир расцветает миндаль
Снятся твои золотистые косы
Снится весёлая звонкая даль...

Наталья Вадимовна с волнением и смущением слушая восторженные поздравления и пожелания гостей, невольно думала о том, как важно в жизни прислушиваться к своей интуиции. Если бы она тогда в Ленинграде испугалась признания Игоря в том, что он женат, и не поверила бы ему, то ничего бы этого не было. Неизвестно, как бы сложилась её жизнь. Но она сразу доверилась ему всем сердцем, полюбила и не ошиблась. Можно сказать, что счастьем своим она обязана Владимиру Одоевскому, именно благодаря её увлечению его творчеством состоялась эта встреча. Все эти годы она страстно любила Игоря, безоглядно ему доверяла, безгранично верила, восторженно поддерживала всегда и во всём, с удовольствием делала всё для того, чтобы он любил её ещё крепче.

Среди обилия яств выглядели небольшие изящные икебаны, составленные из искусно подобранных лепестков роз, в специальных вазах из цветного хрусталя. А между блюдами - нежнейшая нуга с удивительными вкусами лимона, апельсина, фисташек, ванили, мёда; цукаты в тёмном бельгийском шоколаде; искристый мармелад с утонченным ароматом манго и клубники, и, конечно, самые лучшие на свете конфеты из горького шоколада ручной работы, трёхъярусный торт «Жемчужный белый романс»...

Пышущий полнотой жизни Баданян счёл нужным помимо жены, привести ещё и свою внучку, Роксану, дабы как-то ненавязчиво сосватать её за красавца внука Цветкова, Артёма.

Поздравления и тосты сменяли друг друга. Баданян из внешторга впервые наблюдал всю семью Цветковых в полном составе. Он смотрел на сияющие лица виновников торжества, их детей и внуков, и думал о том, что хорошо бы породниться с этой счастливой семьёй. Именно поэтому, он настоял, чтобы его внучка, Роксана, непременно пошла с ними к Цветковым. Он повернулся к внучке и спросил:

- Тебе понравился Артём?

- Да, дедушка, очень!

Баданян улыбнулся довольный. А жена его шепнула на ушко Роксане:

- Деточка, а ты не стесняйся, будь посмелее, что ты сидишь с нами за столом!? Пойди к ребятам, поговори с Артёмом.

Роксана улыбнулась и пошла в библиотеку, из которой доносилась музыка и смех молодёжи. Не успела она войти, как Артём взял её за руку и повёл её к компьютеру показать свою страничку в фейсбуке. И сама Роксана от Артёма направляет себе запрос на подключение в друзья.

Она с первого взгляда понравилась Артёму. Восточная, изящная красавица с бархатными глазами и роскошными волосами, такая гибкая и нежная, так и притягивала взгляды молодых людей.

Через какое-то время жена Баданяна заметила внучку с Артёмом страстно целующихся на балконе.

Наблюдая за весельем, Игорь Мстиславович думал о том, что в далёкие годы развёлся он совершенно правильно. До чего же важно верить своему сердцу, быть решительным и последовательным. Как же он решился

тогда на развод?! Это казалось в то время безрассудством. А если честно, то он просто об этом не думал. Чего не занимать было ему, так это решительности, твёрдому следованию по избранному пути. Наташа зажглась в его глазах, и он ослеп. Этот сигнал он не мог пропустить. И теперь он повторял избитую истину: любовь с первого взгляда не только бывает, но и творит чудеса. Ведь первый брак состоялся почти по расчёту. Дочь генерального конструктора. Не плохая, и не хорошая. Привыкнуть можно было. Но в ней отсутствовала страсть, или как ныне говорит молодёжь, она была сексуально индифферентна, и напоминала только что выловленную из-под льда рыбу. Разве мог он предположить в то время, что произойдут такие перемены, он станет генеральным конструктором, а потом президентом международного концерна?! Его одержимость в работе и любовь сделали своё дело. На ловца и зверь бежит. Всё идёт в руки само.

Шумное веселье и танцы перенеслись в холл, и вскоре вся квартира танцевала на сияющем в отблесках люстр, бра и торшеров паркете, можно было наблюдать невероятно захватывающее скрещенье, переплетенье мужских и женских ног, вдохновенно выделяющих самые невероятные движения от классических па, до веселых, затейливых и даже смешных.

Солнечный Абдухалыков, пробирается к Мариночке, которая присела передохнуть после быстрого танца с приятелем мужа продюсером Олегом, целует ей руку и восклицает:

- Ой, Мариночка я видел вас в «Весенней грусти», вы неотразимы, восхитительны, впрочем, как всегда!

- Спасибо! Но разве я похожа на звезду?! - говорит Мариночка, показывая ослепительные американские зубы в улыбке.

- Несравненная!

Казалось, что танцующие туфли движутся независимо от тел, одни ноги, и в вызывающих красных на высоченной платформе, и с умопомрачительной шпилькой, и классические замшевые чёрные лодочки на среднем каблучке, и изящные бежевые на тоненьком невысоком каблучке, и женские тифельки из кожи крокодила, и скользящие легко и непринуждённо мягкие мужские сапожки киргиза. А Игорь Мстиславович, сбросив пиджак, но оставаясь в белом колпаке, пошел вприсядку.

- С макроэкономикой у нас перекосы, - сказал кто-то из танцующих.

- Дело не в макроэкономике, а в госплановском наследии. Если я сам буду принимать решения, то и с макроэкономикой всё будет в большом порядке, - тут же отреагировал Игорь Мстиславович.

Затем последовало то самое танго "В парке Чаир", которое напевал Игорь Мстиславович. Это Артём подхватил настроение деда и включил старую запись. Игорь Мстиславович пригласил Наталью Вадимовну.

- А помнишь, Наташа, как ты мне открыла Достоевского? - спросил Игорь Мстиславович.

Наталья Вадимовна улыбнулась, прижалась к щеке мужа и прошептала на ухо:

- Бесконечные ночи раздумий, тревог, страхов, тоски рисует Достоевский в своих романах.

Игорь Мстиславович тоже ей на ухо в ответ шепнул:

- Такими мне представляются ночи самого писателя.

- Да, - в ответ сказала жена, - непростая судьба выпала на его долю.

- Ужас пережитой публичной казни, каторга, болезнь и бесконечное безденежье, - сказал муж.

- Его героев мучает бессонница, внутренняя борьба, - сказала Наталья Вадимовна.

- А я вижу Фёдора Михайловича белыми ночами. Он говорит себе о том, что как только выиграет, непременно завяжет с игрой в рулетку, - сказал Игорь Мстиславович, крепче прижимая Наталью Вадимовну.

- Играет ночами напролёт, выигрывает, остановиться никак не может, удача сегодня на его стороне, и вновь крах! - усилила шепот жена.

- Мгновение и он проиграл разом всё, - сказал муж.

- Ночью заснуть никак невозможно, мысли о реванше не покидают его, - сказала она.

- Достоевский страдал в рождении образов, рыдал с ними, - сказал он.

- Они становятся для него родными, как будто действительно существующими, - сказала Наталья Вадимовна.

- Он поспешно, в постоянной экзальтации пишет, а потом опять то ли он, то ли герой его является вечером к игре, просиживает за ней далеко за полночь, - сказал Игорь Мстиславович.

- Возвращается, обдумывает очередную сцену, молится, впадает в тоску, - сказала Наталья Вадимовна.

- Кошмары погружают его в болезненное состояние, - сказал муж.

- И опять идёт играть с утра до ночи, а потом с ночи до рассвета, - сказала Наташа.

- В какой-то момент он смотрит на светлое небо и не может понять, день ли на дворе, или белая ночь, - сказал Игорь.

В парке Чаир распускаются розы
В парке Чаир расцветает миндаль
Снятся твои золотистые косы
Снится весёлая звонкая даль...

Белые, нежно-жёлтые и лимонные, ярко-жёлтые, жёлто-оранжевые, оранжевые, лососёвые и розово-абрикосовые,

идентификация положительного

нежно-розовые, насыщенно-розовые, фуксиевые, малиновые, пурпурные, пурпурно-фиолетовые, сиреневые, красные, красно-оранжевые розы - так прекрасны, что трудно отдать предпочтение какому-то одному цветку. Были здесь и розы кофейного, медного, чёрного, серого цвета, а ещё и полосатые! Кроме тонов и оттенков розы отличались и формой цветка, особенно выделялись махровые в старинном стиле. Чайные розы классической формы изливали тончайший аромат.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Яковлева, до замужества «Пичугина», накануне суда идёт с безотрадными мыслями, мучительно обдумывая свои бесконечные обиды. Что семью Яковлев не обеспечивает, вечно где-то с друзьями после работы пропадает. Для него родная дочка абсолютно ничего не значит, что уж о ней говорить! Дома же всё на ней. Где денег достать, что поесть, ребёнок заболел, или его надо сводить куда-то, поиграть? Мужу доверять нельзя ничего. Беспечный. Если девочку с ним куда-то отпускает, то приходит она какая-то грязная, растрепанная. Выходит, как ангелочек, с бантиками, а возвращается, как чёрт из печки. Неизвестно что она ест на улице. Яковлев ведь машинально покупает всё, что она ни попросит, а ребёнку это нельзя.

Идёт Яковлева на заседание суда, языком слизывая слёзы, и безудержно накручивая себя, чтобы не дрогнуть под угрозы судьи. Мама вчера звонила, сказала, что выходит через несколько месяцев на пенсию, приедет, и будет во всём помогать. А этого «негодяя» чтобы к её приезду не было!

Внезапно её вывел из забытья грозный оклик:

- Куда тебя несёт?!

Резкий звук тормозов и яростный крик, заставили её вздрогнуть и остановиться. Не глядя на светофор, вышла на дорогу на красный. Яковлева растеряно оглянулась, и поняла, что прошла мимо нужного поворота к зданию суда. Она молча направилась обратно.

Четырёхэтажное, как перевернутый спичечный коробок, здание суда находилось во дворе, среди жилых домов в зарослях гигантских тополей, разбрасывавших повсюду свой

пух, который при малейшем дуновении ветра попадал в глаза, ноздри, вызывая раздражение.

Серое ничем не примечательное здание, только по красной вывеске которого у двери можно было понять, что это «Народный суд».

Вместо ручки на входной двери торчали только два кольца крепления. Яковлева с усилием потянула за одно из них на себя крашеную казённую дверь, захлопнувшуюся с грохотом, как только она вошла.

Вахтер, который читал газету «Труд» у двери, поднял голову, мельком взглянул на неё, и безразлично продолжил чтение.

Заседание было назначено на десять часов утра.

Стрелки на настенных круглых часах указывали на половину седьмого. Кроме нескольких связок бывалых деревянных кресел в коридоре ничего и никого не было. Каблуки Яковлевой гулко застучали по унылому коридору, стены которого были выкрашены снизу до половины серой лоснящейся краской, а выше пожелтевшей от времени, местами облупившейся побелкой.

Яковлева внимательно прочитала записку, прикреплённую канцелярскими кнопками на одной из дверей, и, обнаружив своей фамилии, поднялась по стоптанным ступенькам на второй этаж в поисках нужного зала заседания.

Здесь у двух дверей толпились взволнованные посетители. У зала номер пять под цифрой один она прочла, что слушается гражданское дело о разводе Яковлевых.

Она остановилась, посмотрела на часы, до начала заседания было больше двадцати минут. Мужа, естественно, не было. Накануне он заявил ей по телефону, что ему развод ни к чему, поэтому он не намерен являться в суд.

«Как всегда, во всем я виновата. Видишь ли, не даю ему слова сказать! Рот ему затыкаю. Последнее слово всегда за мной», - вспомнила она упрёки мужа.

К горлу подкатил комок, как только Яковлева воспроизвела в памяти их последний разговор.

Открыв сумку, она достала сигарету, долго искала зажигалку, а когда нашла, сразу же сообразила, что курить здесь в суде, конечно, запрещено.

Неожиданный визгливый голос у двери соседнего зала заседания привлёк её внимание. Пышногрудая, ярко накрашенная, с вытравленными пергидролом волосами дама, которая пришла, вероятно, после Яковлевой, не терпящим возражений тоном заявляла, что не позволит раздеть себя догола, очень пожилому человеку с венчиком седых волос, выразительно жестикулируя при этом.

Было понятно, что речь идёт о разделе имущества.

Яковлева поспешила в туалет, чтобы избавиться себя от этой неприятной сцены. Там она никак не могла прикурить, пальцы её дрожали. Затем она огляделась в поисках зеркала над умывальником, но не обнаружив которого, достала пудреницу с зеркальцем, посмотрелась, причесалась, подкрасила губы, одернула короткую джинсовую юбку, сделала глубокий вдох, и решительно направилась к своему залу.

Но дверь оказалась по-прежнему запертой, а из соседних помещений доносились голоса, там уже начались слушания.

Яковлева подошла к окну, облокотилась о подоконник и стала внимательно исследовать свою объемную сумку. Синяя потрёпанная сумка давно кричала, что ей пора на заслуженный отдых, впрочем, как и сабо на танкетке, которые утратили от времени свой первоначальный белый цвет. Яковлева попыталась вспомнить, когда покупала что-нибудь лично для себя, и от этой мысли к горлу подступил комок, сердце болезненно сжалось от обиды. Она вспомнила, как Яковлев безразличным тоном ответил на её упрек, что она отказывает себе во всем, не купила себе ни

одной новой вещи, что она сама виновата, её экономия дошла уже до абсурда.

Последние недели из глаз её то и дело самопроизвольно катились слёзы. Разве об этом мечтала она после успешного окончания лучшей средней школы города Оренбурга!? Тоненькая, гибкая, русоволосая девочка с пышным хвостом вьющихся волос поехала в Москву, уверенная, что непременно будет счастлива только в этом городе мечты.

«Не раскисать!» - одёрнула себя Яковлева и спустилась на первый этаж к вахтёру, чтобы узнать пришла ли судья Полупанова.

Вахтёр курил на улице. На вопрос Яковлевой он неопределённо пожал плечами, и ответил, что не ничего не знает, а справки даёт секретарь, которая находится на третьем этаже. Яковлева направилась туда так поспешно, что дважды оступилась и чуть не подвернула ногу.

«Бардак, а не суд! - возмущённо воскликнула она про себя, обнаружив, что все двери на третьем этаже закрыты. - Ничего себе, работнички! Даже повестку отметить негде, чтобы предъявить начальнице на работе!? Что мне теперь делать!?!»

- Где все?! - вырвалось у неё вслух.

- Что вы кричите?! Это вам не рынок, а здание суда! - стальным тоном произнесла невысокая толстушка с мелкой химической завивкой, неожиданно возникшая в конце коридора. В обеих руках разгневанная дама несла яркие сшитые из непромокаемой ткани мешки, набитые продуктами.

- Я не кричу, а пытаюсь узнать, где судья Полупанова, которая ведёт моё дело о разводе, - Яковлева еле сдерживала себя. - И почему в 10.30 все двери закрыты?

- Потому что сотрудники в отпусках, судья Полупанова заболела сегодня, а я одна за всех тут работаю.

Неприязнь к этой даме сразу вызвала в душе Яковлевой негодование, которое она хотела сдержать, но всё же почти бесконтрольно выпалила:

- Я вижу, как вы работаете!

Толстушка чуть не оцепенела от резкого замечания, потому что считала суд последней инстанцией, в которой дозволено говорить лишь им.

- А это не вам судить! Давайте вашу повестку, я отмечу!
- металлическим голосом сказала она.

Яковлева приубавила прыть, но всё же, оставляя за собой по привычке последнее слово, нейтрально спросила:

- Когда меня разведут?

Толстушка, тоже помягчав, ответила:

- Придётся потерпеть. Звоните в пятницу, а лучше в понедельник, часов в одиннадцать.

Вошли в кабинет. Толстушка поставила жирную печать и протянула повестку.

Яковлева сунула её в сумку, и расстроенная вышла на улицу.

Перед самым носом пролетела ворона с куском вафли от брикета мороженого в клюве.

Яковлева вздрогнула, проводив взглядом местную хищницу, затем достала сигареты, попробовала закурить, но попытка удалась только с третьего раза.

По щекам покатались слёзы бессилия. Тыльной стороной ладони она смахнула их, достала скомканный носовой платок и сердито сказала:

- Не дождётесь!

Как это так, ей, Яковлевой, кто-то будет строить преграды?! Кто такие?! Она со всеми разберётся. Ей глотку не заткнёшь! Не на ту напали!

Разъярённо посмотрела по сторонам: «Кого тут ещё отчитать?!».

Никого.

Синий дымок от сигареты немного успокоил. Бессилие мгновенно сменилось безудержным подъёмом, в голове сама собой мелькнула неожиданная мысль позвонить на работу, предупредить, что у неё возникли очередные проблемы, и ей очень нужен свободный день, а на самом деле устроить праздник.

От такого экспромтного смелого решения у неё даже голова закружилась. Ведь с момента рождения дочери она постоянно мечется как угорелая, времени катастрофически не хватает, а помощи ждать неоткуда. А ведь дома, в Оренбурге, мечтала она о неземной любви, которая ждёт её в Москве, счастливой семье. Сколько раз рисовала она радужную картинку счастливой семейной жизни: вот она с мужем и детьми (мальчик и девочка) сидит в кафе парка Горького у реки и едят мороженное. На ней лёгкое голубое платье из марлёвки, телесного цвета сабо на пробке и изящная соломенная шляпа с широкими полями. Муж брюнет со светлыми глазами на фоне бронзовой от загара кожи, в белых брюках и белой рубашке без рукавов, весёлый и остроумный кандидат наук, работающий над докторской диссертацией. Она ведь до встречи со своим будущим мужем ни с кем не встречалась.

У телефонной будки Яковлева остановилась, и стала искать монетку в сумке. В какой-то момент её охватило отчаяние. Она загадала, что в том случае, если не сумеет дозвониться из этого автомата, то поедет на работу. В ту же секунду монетка нашлась. Начальница взяла трубку сама и без лишних вопросов отпустила Яковлеву на целый день.

От булочной до неё донесся аромат свежего хлеба. Ноги сами повели туда. Бублики с золотистой корочкой, щедро посыпанные маком, пахли так аппетитно, что у Яковлевой закружилась голова. Она не удержалась и купила два, вместо одного, и тут же откусила большой кусок. В соседнем магазине взяла пакетик молока, нашла скамейку во

дворе и позавтракала с огромным удовольствием. Запах бублика и особенный на улице вкус молока, напомнил ей памятный июньский день, в который они с будущим мужем после того, как подали заявление в загс, также купили себе молока и свежих бубликов, зашли в скверик и, откусывая от них по очереди, запивали молоком. Жизнь тогда казалась безмятежно прекрасной, они целовались, беспричинно то и дело смеялись и были бесконечно счастливы.

Куда всё это исчезло и когда?!

«Теперь можно спокойно перекурить, и обдумать, как лучше провести этот день, - подумала она, затягиваясь сигаретой под тенью клёна. - Поеду в «Ванду», куплю себе косметику. Потом в парикмахерскую, - она достала кошелек, заглянула в него и удовлетворённо убрала в сумку. - Сегодня я могу истратить всё. Я начинаю новую жизнь. Буду следить за собой, учиться улыбаться даже неприятностям. Я буду счастливой! Как хорошо, что дочка сегодня у свекрови»..

Невероятно, но с этого момента удача повернулась к ней лицом. Она даже посмотрела в кинотеатре «Октябрь» новый фильм «Карнавал», судьба героини растрогала её до слёз. Яковлева подумала, что ей-то повезло гораздо больше, чем героине фильма. Она поступила в институт, ей дали общежитие.

Она решила устроить себе праздничный вечер, зашла в магазин купила себе сигарет и бутылку вина «Монастырская изба», ничего другого в магазине не было. Она открыла бутылку, поставила два бокала, плеснула в них вина, потом достала всё же из холодильника банку шпрот, которую берегла к приезду матери, и открыла её. Вспомнила, что в сумке с утра лежит бублик, принесла его и положила на блюдце с серебристым орнаментом.

Ноги гудели от усталости. «Сначала в душ, а потом - праздник!» - приказала она себе. Прохладный душ вернул хо-

рошее настроение. Она включила торшер и устроилась в кресле с ногами.

Воспоминания нахлынули на Яковлеву.

Вот она, счастливая студентка первого курса, смотрит «Весёлую вдову» в Театре оперетты. Через проход сидит молодой человек и, не отрываясь, смотрит на её обнажённые коленки. Она чувствует его пристальный взгляд, но не поворачивает голову. В антракте он подходит к ней и говорит без тени стеснения, что никогда не видел таких длинных красивых ног.

Так она познакомилась со своим будущим мужем.

Он оказался москвичом, студентом пятого курса строительного института. Этого было достаточно, чтобы влюбиться. Яковлева стала вспоминать, как он показывал ей Москву своего детства, школу, двор. Были июньские тёплые звёздные летние ночи. Они гуляли до рассвета, а потом залезали в общежитие через окно первого этажа, но в комнате были девчонки. Как им хотелось побыть наедине!

Однажды он придумал план: взять палатку, вино и еду, поехать на выставку, дожждаться её закрытия, затем поставить палатку за рестораном «Колос» в укромном месте, и провести там ночь любви. Это была совершенно безумная ночь! Они преодолели скованность и никак не могли насытиться друг другом. Утром, когда они после открытия выставки пили кофе в летнем кафе рядом с фонтаном «Каменный цветок», он сказал, что не представляет теперь своей жизни без неё и предложил выйти за него замуж.

Он познакомил её со своими родителями. Отец его встретил её доброжелательно, а мать внимательно посмотрела на неё через толстые стёкла своих очков, и спросила: «Зачем торопиться? Какая необходимость спешить? Вы так молоды ещё».

Яковлева с первых дней семейной жизни отделилась от родителей. Она никогда ничего не брала и не просила у свекрови, и мужу запретила делать это.

Отношения со свекровью не сложились с первых дней.

Яковлева никогда не слышала от неё ни одного слова упрёка, ни одного замечания, но она по взгляду свекрови чувствовала, что не нравится той.

Жили они с родителями в двухкомнатной квартире. Яковлева всегда всё делала так, как учила её мать с детства. Отец мужа был настолько поглощён рыбалкой, что в доме его было почти не видно и не слышно.

Свекровь вела себя предельно вежливо, но это раздражало Яковлеву больше всего.

Как-то раз Яковлева пришла домой позже всех и застала на кухне идиллическую картину - её муж и его родители, задумчиво беседуя, мирно ужинают. Никто из них не слышал, как она вошла в квартиру.

Яковлева невольно затаилась в прихожей, чтобы понять, о чём это они так увлечённо разговаривают. «Сынок, пожалуйста, объясни ей, что мы - одна семья и не стоит...»

Яковлева не стерпела и воинственно пошла к ним. Свекровь изумлённо замерла, не успев закончить фразу, когда в дверях кухни возникла разъярённая невестка с криком:

- Что, объединились против меня?! Вам не стыдно настраивать сына против его жены?! Что я вам сделала?! Никак не можете смириться, что он уже не ваш сыночек, а взрослый мужчина, и мой муж?!

Тот поднялся, задев тарелку, которая упала со стола и с грохотом разбилась об пол.

- Замолчи! - взмолился муж.

Родители вскочили и молча исчезли в своей комнате.

Муж постарался успокоить Яковлеву, объяснить ей, что она виновата сама, что подслушивать недопустимо, и родители к ней относятся хорошо, но тщетно.

Яковлева стояла на своём, и твердила, что она никому не позволит разрушить их счастье.

С этого дня обстановка в доме накалилась.

Свекровь попыталась извиниться, но невестка стояла на том, что родители пытаются вбить клин в молодую семью.

Яковлева стала упрекать мужа в том, что раньше ей нравилось - походы за город с холостыми друзьями, бесконечные встречи с ними. Она считала, что всё своё свободное время муж должен проводить с ней, помогать во всём, зарабатывать деньги, чтобы обеспечить благополучие и достаток их семье.

Мать её по телефону постоянно учила проявлять характер.

Показать мужу кто в доме хозяин.

«От мужика ничего хорошего не жди. Бери сразу всё в свои руки. Последнее слово всегда должно быть за тобой! Смотри, спуску не давай, а то, как наш отец, блудный будет».

Во время беременности Яковлева постоянно делала замечания мужу, а потом, и его родителям. Они старались не попадаться ей на глаза. Яковлева же всё чаще плаксивым голосом повторяла, что её и ребёнка никто в этом доме не любит. Она была твёрдо убеждена в том, что всё, что она делала и говорила, было справедливо, они просто не хотели прислушаться и понять это.

Яковлева вообще считала необходимым всегда настаивать на своём, чтобы последнее слово было за ней.

После рождения дочки в доме постоянно возникали скандалы. Яковлевой казалось, что муж и его родители балуют ребёнка, носят на руках, когда им хочется, и их не волнует, каково ей после этого оставаться с ребёнком одной. Когда же свекровь предложила молодым родителям поехать в Суздаль на однодневную экскурсию, а ребёнка оставить с бабушкой и дедушкой, Яковлева ответила, что

она, в отличие от некоторых, любит ребёнка и ей не нужно отдыхать от него, как некоторым.

Стараясь избегать скандалов, муж стал всё реже бывать дома.

Вскоре умерла его бабушка, которая жила в коммунальной квартире на улице Чехова. В её комнате муж был заблаговременно, дабы не пропала жилплощадь, прописан, и они, наконец, стали жить отдельно.

Яковлева надеялась, что теперь-то всё у них наладится. Она определила мужу круг его домашних обязанностей: выносить мусор, ходить на молочную кухню, гулять с ребёнком после работы перед сном. В выходные дни выполнять бесчисленные домашние поручения. Но Яковлев после рождения ребёнка, всё делал неловко, не так! Он баловал дочку, всё ей разрешал.

На Новый год Яковлева достала розовое воздушное платье, которое было велико семимесячной дочке. «На год будет в самый раз», - подумала она, но всё же нарядила в него ребёнка к приходу гостей. Так муж дал девочке чашку с соком в руки, и она пролила его на платье. Яковлеву даже затрясло от ярости, конечно, она не сдержалась и высказала ему всё. На другой день он хотел, чтобы они втроём поехали к родителям. Яковлева ехать к ним отказалась, тогда он решил поехать вдвоём с дочкой, но она заявила, что не доверит ребёнка трём растяпам. Каково же было её удивление, когда муж, обидевшись, ей нагрубил и ушёл, хлопнув дверью.

Как-то она поручила ему купить в кулинарии четыре котлеты по шесть копеек, так он принёс по семь. Яковлева в ярости швырнула ему эти котлеты в лицо, а он обозвал её крохоборкой, хлопнул дверью и не показывался дома больше недели.

Яковлева позвонила матери в Оренбург, пожаловалась, как она экономит каждую копейку, чтобы обеспечить до-

статок в семье, а он ещё и характер свой вздумал показывать. Мать её поддержала, и посоветовала не уступать мужу ни в чём, иначе он обнаглеет.

- Запомни, что последнее слово всегда должно быть за тобой! - в который раз кричала она в трубку. - Иначе он тебе на голову сядет!

Последние три года превратились в сплошное выяснение отношений, муж всё чаще не ночевал дома. Яковлева звонила свекрови, обвиняла её во всех грехах. Свекровь же пыталась убедить её в том, что она сама слишком резка и нетерпима.

Яковлева чувствовала себя такой несчастной, одинокой, брошенной на произвол судьбы с ребёнком.

От обиды на весь мир она часто отвечала отказом на просьбы свекрови взять внучку к себе в гости. Ей даже в голову не приходило, что наказывая их, она наказывает не только любимую дочку, но и прежде всего себя. Яковлева регулярно названивала матери в Оренбург, рыдала в трубку. Мать всё чаще стала настаивать на том, чтобы она разводилась, потому что она приедет к ним в Москву. Они будут жить втроём, без мужиков, от которых один толк - алименты.

Яковлева очнулась в кресле с бокалом вина в руке.

Жизнь её промелькнула как одно мгновение, будто кто-то перемотал киноленту в ускоренном темпе, как бы со стороны. Она вдруг подумала о том, что останется после развода одна с дочкой. Потом представила свою властную маму, от которой она уже давно отвыкла, и поняла, что меньше всего на свете ей хочется жить с ней. Вдруг Яковлева сообразила, что она ведет себя точно так же, как мать, и ужаснулась. Она вспомнила советы опытных сотрудниц, которые предостерегали её о том, что развестись легко, а создать семью, ох как нелегко! В ушах настойчиво звучали отчаянные слова мужа, которые он повторял бесчисленное

количество раз в течение их совместной жизни: «Ты можешь, хоть раз промолчать и выслушать меня! Почему ты так уверена в своей правоте?!»

Яковлева посмотрела на часы, было около полуночи. Она вышла в коридор, набрала номер телефона родителей мужа. Она надеялась, что он там, потому что родители с внучкой уехали на дачу. Он взял трубку.

- Ты знаешь, - тихо сказала она, - нам нужно серьёзно поговорить с тобой. Я во многом виновата сама.

От удивления с той стороны возникло молчание. Затем он торопливо, чтобы она его не перебила, стал нервно говорить всё, что накопело у него.

По привычке она уже хотела пуститься в немедленную всепобеждающую контратаку, но неожиданно для себя промолчала.

И очень удивилась, что в ней нашлись силы промолчать.

НАД ГОРОХОВЫМ ПОЛЕМ

Лилиана так плотно сомкнула веки от ослепительного света, что увидела себя высоко на колокольне церкви Вознесения Господня на Гороховом поле. Маленькая такая девочка с двумя косичками, из которых выбивались короткие волосы, в светло-зелёном ситцевом с рисунком из книги «Незнайка в солнечном городе» платьице, которое ей сшила ко дню рождения мама, художник-модельер, умевшая шить лучше магазинных, где властвовал стандарт, а она всегда придумывала оригинальный крой и отделку. Лилиана любила это милое платье на высокой кокетке с оборочками вверху и внизу по подолу. И вот она стоит на колокольне, а отец крепко держит её за плечи и шепчет на ушко, чтобы она не боялась высоты. Порывистый ветер, казалось, сейчас подхватит её и понесет, как пушинку над Гороховым полем.

Лилиана, которой через неделю исполнится 39 лет, наблюдает через открытую дверь за тем, как мать и сестра, накрывают на стол. Сегодня её горячо любимому папе исполняется 65 лет.

Лилиана истощена болезнью.

Её некогда привлекательное личико с ямочкой на левой щеке осунулось. Брови, ресницы и волосы выпали после сеансов химиотерапии. На голове отрос мягкий ёжик чуть больше сантиметра. От этого она похожа на озорного подростка. Тонкий нос и чёткая линия губ, горизонтальные, чуть закругленные брови только обозначены точечками коротких волос. Глаза выразительные, тёмные, искрящиеся любовью и добротой, стали еще больше.

Каждое слово отца было для неё законом. В университете изучала восточные языки. До болезни работала на иновещании диктором и переводчиком, и мечтала о любви, иными словами, у неё не было никакой личной жизни.

Праздники и отпуска проводила с родителями. Без одобрения отца не пыталась даже встречаться с молодыми людьми, потому что ни один из них не был им одобрен, и она даже ни разу за свою жизнь, можно сказать, не целовалась.

Девственница.

Одиночество она понимала как необходимое условие для воспитания себя, чтобы соответствовать отцу. Когда отца нет рядом, наступает время беседы с самыми преданными друзьями - любимыми книгами. Когда в руки попадает книга, которая всецело захватывает Лилиану, например «Степь» Чехова, то ей не хочется ни пить, ни есть, ни отвлекаться на какие бы то ни было другие дела, она радуется ей как новому другу. «Мы с тобой не расстанемся», - мысленно говорит она ей. Понимая, что будет обращаться к своему другу не раз. Перечитывая любимые книги Булгакова, Сэлинджера, Достоевского, Лилиана каждый раз поражается глубине текста, объёмности неповторимых, ярких образов, и всем сердцем восхищается мастерством писателей. Любовь к художественному произведению для неё - мостик к автору. Ей хочется узнать о его творчестве как можно больше. Писатель становится её другом, независимо от времени, в которое он жил. Мысленно Лилиана общается с ним. Это происходит в её душе абсолютно бесконтрольно. Но когда она вот так размышляет, то одиночество ей просто необходимо, потому что она ловит еще не разгаданные ею звуки души, и опасается, чтобы ей кто-нибудь в эти сладостные минуты не помешал.

Вот, в чём была любовь этой девственницы.

И этого Лилиана очень стеснялась, скрывала, поэтому, когда впервые обратила внимание на какие-то странные изменения в груди, в страхе никому не сказала об этом, но в смятении предположила, что это произошло из-за отсутствия полноценной женской жизни.

Ночами с леденящим сердце ужасом ощупывала грудь, понимая, что происходит что-то страшное, но гнала эти мысли, надеясь, что всё как-то само собой пройдёт. Наступил день, когда она в панике поделилась с подругой, и та буквально силой повела её на следующий же день в больницу к знакомому врачу. Врач после осмотра в ярости закричал на Лилиану:

- Что вы делаете?! Убиваете сами себя! Вы, что, как эта... - врач на секунду задумался, подбирая слова, затем бросил: - Из таёжной деревни староверов?! Когда заметили изменения впервые?

- Полгода назад... - промолвила Лилиана, покрываясь холодной испариной.

Услышав ответ, он с подчёркнутой холодностью спросил, почему она не обратилась к врачу сразу?

- Думала, рассосётся, - со слезами пролепетала она, утыкаясь в носовой платок.

- А теперь - поздно, - ответил он, - лечить уже нечего! Свищ уже открылся! У вас - рак молочной железы четвёртой степени, а виноваты в этом вы!

Его слова оглушили Лилиану.

Она беззвучно зашептала молитву, повторяя одни и те же слова:

«Господи, дай мне силы, чтобы не омрачить день рождения моего горячо любимого папочки. Спаси и сохрани моих родителей и сестру. Помоги мне достойно покинуть этот свет. Помоги мне, Господи, не столько искать утешения, сколько утешать моих родных. Дай силы родителям

моим пережить мою смерть, сохрани им здоровье, Господи, молю тебя, помоги им!»

И даже после вердикта врача Лилиана старалась не говорить о болезни и не ныть, а учиться справляться со своими проблемами самостоятельно, как учили её с детства. Плохо себя чувствуешь? Она знала, что есть определённый тип людей, которые считают «дурным тоном» быть здоровыми. Они сразу же после приветствия при встрече или по телефону начинают рассказывать о совершенно особенных своих болезнях. Причём у них всё всегда так необыкновенно, что ни один профессор в своей богатой практике ещё ни разу не сталкивался с подобным уникальным случаем. Ещё существует порода нытиков, которые ни о чём кроме своего здоровья не говорят. Вот уж кого Лилиана терпеть не могла! Такое впечатление, что они постоянно прислушиваются к себе, и постоянно чувствуют, как где-то кольнуло, заныло, схватило... Как правило, они большую часть жизни проводят в поликлиниках и больницах. Им ничего не помогает, потому что у них организм не простой. По глубокому убеждению Лилианы, если человеку нравится болеть, то он непременно заболеет. Она же молча учится справляться со своим заболеванием, никогда не жалуется. У неё всё хорошо, даже когда очень плохо.

Пройдёт время, в памяти всплывут картинки прошлого, и Лилиана вспомнит о них так, как видит сегодня. Это уже получится взгляд на прошлое из настоящего, то есть современное прошлое.

Вот так времена плавно переходят друг в друга и существуют одновременно.

Лилиана понимает, что очень изменилась в настоящем времени, и себя в прошлом помнит, но не знает. Сегодня она живёт с пьянящим чувством свободы, а в прошлом жила под гнётом слов «надо» и «должна». Хорошо ей сегодня

в настоящем. Чем больше думает она о прошлом, настоящем, будущем времени, тем отчётливей понимает, что её время находится внутри неё. Одновременно может свободно находиться во всех временах.

В их семье все привыкли к особенно трепетным отношениям Лилианы и отца. Лилиана дышала и жила любовью к нему, а он гордился ею и с гордостью рассказывал об успехах дочери. Она ухаживала за его любимыми гортензиями, чтобы услышать от него похвалу, учила стихи Верлена, Вийона, вагантов, которые часто цитировал он, чтобы продолжить отца с любой строки, училась Лилиана только на одни пятёрки, читала сестре книжки, старательно собирала ею разбросанные игрушки, заплетала косички, вытирала пыль в детской, подметала, бегала в магазин за покупками, чтобы мать каждый день говорила отцу какая она помощница, ждала с нетерпением папиного возвращения с кафедры, чтобы он погладил её по голове, поцеловал в щеку и сказал: «Лилианочка, какая ты у меня умница! Я тобой горжусь».

В её голове постоянно крутилась мысль о том, что бы такое придумать ещё, чтобы порадовать отца.

Она стала размышлять над этим. Читая книги, Лилиана задавала себе вопрос: «Зачем люди пишут?» Потом как-то незаметно до неё дошло - они сохранили для других поколений свою душу, своё искусство. Значит, и душа Лилианы не умрет. Она стала более вдумчиво постигать написанное. Желание узнать, как появилась музыка, с чего начинается художественная литература, как художник создаёт свой отличный от внешнего мир, - жажда узнать и понять истоки творчества постоянно мучила её. Так Лилиана открывала для себя многообразный, яркий, неисчерпаемый мир искусства. Постепенно, у неё появились предпочтения в музыке, литературе и живописи. Это конец XIX начало XX веков. Импрессионисты поразили во-

ображение Лилианы сочностью и буйством красок, оригинальностью, раскрепощённостью. Мане, Дега, Ренуар, Сезанн... - их картины заворожили её. Природу она стала видеть иначе, через их воздушные, размытые, поэтические полотна.

И она была такая маленькая, такая худенькая, такая одинокая, что было очень странно видеть рядом отца. Он-то как оказался на колокольне? Лилиана этого понять не могла, но отчётливо видела рядом с собой огромную фигуру отца, а она рядом с ним - с ноготок. В воображении меняются формы и размеры этих двух фигурок на колокольне. Лилиана в некотором страхе поднимает свою крохотную головку, как птичка, смотрит от самого пола колокольни в небо, где находятся глаза отца, такие любящие и добрые, и успокаивается.

- Смотри, Лилианочка, на эти старые чудесные переулки, похожие на речки, крышами переливающиеся на солнце, - с нежностью говорит он, как бы наслаждаясь каждой буквой имени дочери.

Храм Вознесения на Гороховом поле много повидал на веку своём, есть ему, о чём поведать нам, да молчит он, хранит тайны свои. Стоит он на углу улицы Радио и Гороховского переулка, возвышаясь над крышами домов, красуется. Строений в стиле раннего московского классицизма осталось совсем немного. Редкой красоты с высоченной колокольней храм, украшенный колоннами на голубом фоне, парит над крышами стареньких домов, обращая взгляд ввысь. Сохранился в этих местах дух московский, да и полюбоваться есть чем при неспешной прогулке: усадьба Демидовых, бывший Елизаветинский институт, одноэтажные и двухэтажные дома, в каждом переулке есть не одна изюминка.

- Да, папочка, вижу, вижу, - отвечает она, приложив радостно ладошки к щекам.

«Как же мне тогда было страшно, голова кружилась от невероятной высоты, я даже боялась смотреть вниз, но храбрилась, чтобы папа не понял, что я пугаюсь и мне страшно», - вспоминает Лилиана, но мелодичный нежный звон, который как бы приближается к ней, отвлекает внимание и картинка исчезает.

Она прислушивается.

История здешних мест сохранилась в названиях: Мальный Демидовский, Токмаков, Елизаветинский переулки, Доброслободская и Старая Басманная улицы, Лефортовская набережная. Когда оказываешься здесь, идешь по улочкам и переулочкам, то восхищаешься тем, как разумно строилась Москва. Желтобокие особняки - и те плотно прилегают друг к другу, образуя уютные дворы, которым не страшна непогода. В этих дворах за закрытыми воротами чувствуешь себя защищенной. Когда-то в далёкие допетровские и петровские времена здесь работали кустари-ремесленники на мелких фабричках, шла довольно оживлённая торговля на рынках, старообрядческие храмы мирно соседствовали с немецкими кирхами. Старинные палаты и купеческие особнячки, мощные мостовые, живописное старинное место московское - немецкая слобода.

Отец очень любил Москву.

Из другой комнаты доносятся голоса матери и младшей сестры:

- Аккуратнее, смотри, Лилиану разбудишь!

Это голос матери.

Лилиана как бы воздушной птичкой слетает с колокольни в привычную квартиру, и открывает глаза. Дверь в гостиную плотно закрыта. Лилиана звонит в серебристый маленький колокольчик, который лежит на столике рядом с кроватью, чтобы она могла в любое время позвать на помощь.

Сестра с тревожной улыбкой, даже можно сказать - дежурной, чтобы поддержать Лилиану, порывисто, как медсестра спешит к больному, входит, стуча каблуками, в комнату. Она всё время ходила на высоком каблуке, пренебрегая домашней мягкой обувью, дабы не потерять изящество походки и подчеркнуть стройность своей фигуры. А была она очень изящна и привлекательна. Её передвижения по квартире можно было узнавать на слух.

Пьянящее ощущение полёта Лилиана физически ощущала не один раз. Это одно из самых радостно-тревожных, но и восхитительных чувств, которые хранятся в копилке её памяти. Достает она их в самые сложные минуты жизни. И вновь, и вновь испытывая безудержное ликование полёта над землёй, легко справляется с житейскими трудностями. Теперь она летает чуть ли не через каждый час, днём и ночью. Летая над особняками, переулками, церквями, она чувствует ласкающие потоки воздуха, прохладу облаков над нею, любясь немецкой слободой. Причём все картины она видит в лучах восходящего солнца. Переулки всегда пустынные. Была тёмная летняя, знойная ночь. Дурманящее чувство полноты и радости жизни переполняло Лилиану.

Ей захотелось стучать в окна спящих людей, разбудить, чтобы поделиться переполнявшим её открытием: она умеет летать!

- Зачем закрываете дверь? Я хочу, чтобы она была всегда открыта. Мне приятно наблюдать за вами, за вашей бегом, слышать стук твоих каблуков...

- А что, этот мой стук тебе не мешает? - спрашивает сестра.

- Я без твоих каблуков жизнь свою не представляю! - иронизирует слабым голосом Лилиана.

- Ладно тебе, - отвечает сестра, - если хочешь, я туфли сброшу, и буду ходить босиком.

над гороховым полем

- Я пошутила... Мне приятен стук твоих каблучков. Да и потом, я как бы тоже участвую в подготовке к празднику, - говорит Лилиана. - Ты же знаешь, как я люблю папин день рождения!

- Мы думали, ты хочешь отдохнуть до вечера, набраться сил, - говорит сестра, и оставляет дверь распахнутой.

“Наша улица” №174 (5) май 2014

ПРОВОДНИЦА

Я ехала в поезде.

Мне досталась верхняя полка.

В купе было невыносимо душно, и я, оставив вещи, вышла на платформу подышать. Когда я вернулась, в купе уже сидели трое попутчиков. До отправления поезда было ещё несколько минут, а они уже разложили закуски и шумно выпивали за знакомство.

Густой запах самогона, солений и сала сшибал с ног.

Весёлая компания пригласила меня разделить праздник жизни с ними. Простые такие, круглолицые, вспотевшие, как будто они у себя дома, а я зашла без приглашения.

Я попросила проводницу перевести меня в другое купе. Ей не удалось помочь мне, так как люди ехали парами или вчетвером. Устроившись на откидном сиденье в коридоре вагона у открытого окна, я смирилась мысленно с тем, что мне предстоит ехать так всю дорогу.

По всему вагону говорило радио. Передавали речь Брежнева на очередном пленуме (идиоматическое выражение «речь Брежнева» означало полнейшее пустозвонство, да еще с южным говором, особенно в случае с фрикативным «г»).

День клонился к вечеру. Оживлённые разговоры и хождение по вагону постепенно стихли. Но Брежнев продолжал держать речь.

Через какое-то время до меня дошёл запах жареной картошки с луком, такой аппетитный и домашний, что голова у меня закружилась, и засосало под ложечкой. Из своего закутка выглянула проводница и позвала поужи-

нать с ней. Лариса, так звали проводницу, как бы шутя, сказала:

- Закуска знатная, а выпить, цо-цо, нечего.

Она смешно прицокивала кончиком языка, которым тут же облизывала пухленькие губы. Лицо у неё было кругленькое, простоватое, но приятное. У висков едва выбивалась седина из-под каштановых кудряшек.

- Как нечего, - возразила я, - сейчас принесу.

Моё купе было рядом, приоткрыв дверь, не обращая внимания на выпивающих, да они меня и не заметили, я схватила свои вещи, вернулась к столу и достала бутылку коньяка. Лицо Ларисы расплылось в улыбке, она тут же нашла стопки и воскликнула:

- Вот это по-нашему, по-людски.

Тут Брежнев кончил речь. Заиграла танцевальная музыка. Лариса приглушила радио. Мы выпили и разговорились. Я даже не заметила, как она овладела ситуацией и стала рассказывать всю свою жизнь.

- Эх, девка!

- Да, я слушаю внимательно, - сказала я.

- Я-то сама с Ельца. Понимаешь, с детства я ни ласки ни любви толком не знала. Мне хотелось другой жизни. Чего-то такого, понимаешь, эдакого, чего сама... В общем, взбрело в голову, ты представляешь, увидеть море! Свихнулась, прямо, цо-цо... Замечталась о воде солёной. После восьми классов я окончила медучилище и, когда скопила деньги, махнула на море. И как на роду у меня было написано, сошлась там с местным парнем, Сергеем. У его матери снимала койку. Полюбили мы друг друга до беспамятства! Так там, понимаешь, и осталась. Расписались.

Голос Ларисы укачивал меня. Я видела картины.

Синева, насыщенная, глубокая синева моря показалась Ларисе настолько ослепительной, что у неё перехватило дыхание. Она замерла и судорожно сделала несколько

глотков воздуха, как рыба на берегу. Влажный, прохладный воздух с ароматом утренней росы привёл её в чувство. Она зажмурилась, сладко потянулась, воскликнув: «Господи, хорошо как, спасибо!» Раскинула руки, как бы желая обнять утро, небо, аромат трав. В эту минуту ей казалось, что она может сделать невозможное. Она не могла даже себе объяснить, откуда это ощущение полноты жизни? Голова закружилась от свежести летнего утра. Синева была ослепительна. Такими же синими, как море, были ставни на окнах в доме Сергея. Луч солнца отражался в них и, казалось, что это частички моря. Это она попросила свёкра, она искренне считала родителей Сергея папой и мамой, покрасить ставни в синий цвет, а дом покрасили почти в белый цвет. Добавив в него чуть-чуть краски лимонного цвета. Дом преобразился до неузнаваемости, особенно тогда, когда Лариса посадила три сорта садовых ромашек в палисаднике перед домом. Ромашки выросли и красовались на высоких сочных стеблях, которые смотрятся особенно выразительно на синем фоне. У ромашек крупных белые лепестки в два ряда плотным кольцом опоясывают золотую серединку, и стебли более устойчивые, они держат гордо свои самостоятельные головки. Ромашки помельче изящно поворачивали свои трогательные головки, неукоснительно следуя за солнцем. Самые мелкие ромашки своими ажурными лепестками напоминали искусные изделия вологодских кружевниц. Они придавали ромашковому полотну особое изящество. Ромашковое облако ранним утром искрилось на солнце капельками росы. На фоне неба - дом с палисадником как бы слегка парил над землёй. А дальше начиналось море...

Я как бы очнулась от этой картины, когда Лариса сказала:
- Эх, девка! И его забрали, цо-цо, в армию. Ты понимаешь?! Не успели пожениться как следует... Эх, девка, давай ещё по одной!

Лариса обхватила бутылку своей почти мужской рукой. Выпили.

Речь её полилась ещё свободнее.

Был март. Смеркалось рано. Включив свет, Лариса обвела комнату изучающим взглядом и сказала негромко: «Как же я хорошо всё здесь устроила! Серёжа, тебе обязательно понравится». Тоска по мужу росла с каждым днём. И она всё чаще стала разговаривать с ним в их комнате вслух. Каждую вещь Лариса купила сама, и поставила так, как ей хотелось. Свёкор со свекровью помогали достать и привезти то, что Ларисе хотелось, во всём поддерживали её и хвалили. Вот комод, например, она, как только увидела его в универмаге, так и сразу представила, как он украсит комнату, если поставить его между двух окон. Сколько в нем ящиков, для каждой вещи нашлось место. Поставила на него тройное зеркало, постелила салфетку, на которой сама вышила гладью васильки, и разложила свои женские штучки: тушь, карандаши, губную помаду, такую же яркую, как и лак, духи. Серьги, бусы и колечки, сложила в железную коробку из-под печенья. Как же она любила примерять своё «богатство»! Её украшения казались ей неотразимыми.

Перед зеркалом как раз нашлось место для семи фигурок слоников с поднятыми хоботками, символизирующих счастье. Подарок подруги, свидетельницы на свадьбе. Круглый раздвижной стол и стулья в центре комнаты, и оранжевый абажур над ним создают атмосферу уюта и покоя. А удобно как, можно и гостей принимать, и гладить, и швейную машинку поставить! Лариса подошла к столу провела рукой по ажурной скатерти, которую тщательно вывязывала, стараясь успеть к Новому году. Открыла свадебный альбом и, в который уже раз, стала рассматривать каждую фотографию, то улыбаясь, а то и смахивая слезу. Свадьбу ведь сыграли всего за

пять дней до призыва Сергея. Она толком и не успела почувствовать, что значит быть женой. Новый раскладной диван с зелёной, как весенняя трава обивкой, стоял справа от двери. Над ним висела цветная свадебная фотография в деревянной, покрытой бесцветным лаком, раме.

Прежде у неё никогда не было своей комнаты. Она росла в семье скромного достатка в небольшом доме. Отец умер, когда ей было восемь. Все заботы легли на мать. Она работала в две смены на другом конце Ельца. Мать была женщина суровая и требовательная. Когда Лариса пыталась сделать что-нибудь по-своему, мать всегда говорила ей: «Вот будет у тебя свой дом, семья, тогда будешь делать по-своему, а здесь хозяйка - я».

Гогочущие гуси, надвигающиеся на Ларису, страх и плач, - таким было её первое детское воспоминание. Спас её смешной мальчик, который тогда показался ей большим. Он был в грязных растянутых рейтузах и в майке. Появился неожиданно из-за её спины, но так уверенно и грозно кричал, что гуси развернулись, и пошли прочь. С той поры Коля, так звали смелого мальчика, всегда был рядом. Он был на год старше Ларисы. Жил на соседней улице с родителями и бабушкой.

Так вышло, что любовь и ласку Лариса больше всего получала именно от бабушки Коли. После смерти своего отца Лариса помогала матери, стирала, готовила, убиралась, как могла. Коля ходил с ней в магазин. Ребята кричали им в след: «Жених и невеста тили-тили тесто. Невеста сдохла, тесто засохло...», но Коля брал её за руку, и они молча шли, не оглядываясь. Но со временем все привыкли к тому, что они всегда вместе и перестали дразнить их.

Потом Лариса рассказывала о том, как они переписывались с мужем, изъяснялись в любви, как Сергей рассказы-

вал ей о службе. Под перестук колес и под её голос, немного хрипловатый, я увидела казарму, хотя представление о службе у меня было весьма относительное.

Когда в казарме погасили свет после команды «отбой», Сергей, поскрипывая половицами, а в казарме все время скрипел пол, пошел в бытовую комнату, чтобы прибить новые подковки на сапогах.

Армия для меня всё время ассоциировалась с тяжелыми кирзовыми сапогами, пахнущими дёгтем.

Сергей спрашивает гвозди у дневального. Тот парень деревенский, запасливый, идёт к своей тумбочке, достает баночку из-под майонеза, в которой хранит маленькие гвоздики.

Сергей учуял винный запах от дневального.

- Ты, чего, поддал, что ли?

- Да со старшиной махнули поллитровку.

- То-то я заметил, что старшина ушел раньше, и покачиваясь...

- Да, говорит, шурин приехал с Тамбова, продолжу с ним.

- Это хорошо, - сказал Сергей. - Не люблю, когда хомут на шее висит.

Всем солдатам было известно это выражение «хомут». Так повсеместно называли старшин. Сергей взял гвоздики, сел в бытовой комнате, где по стенам были развешаны зеркала, под ними стояли маленькие столики, а возле зеркал были электрические розетки, в которые солдаты включали свои электрические бритвы, а один солдат, бывший парикмахер, стриг всех подряд под «ноль» или под «полубокс».

- Эх, девка!

Возглас Ларисы вернул меня в её служебное узкое купе.

Лариса говорила, а я видела, как Сергей прибывает подковки металлические.

Между тем, Лариса продолжала:

- Отец Сергея с первых дней относился ко мне, понимаешь, как к родной. Мать сначала, цо-цо, не приняла меня.

Но постепенно я своим трудолюбием, аккуратностью растопила, как говорится, лёд отношений. Я очень аккуратная! Устроилась в медпункт фельдшером.

Она на минуту замолчала. Вагон покачивался. В пустом стакане в подстаканнике позвякивала ложечка.

- Повторим?

- Непременно, - откликнулась я, придвигая стопку.

Я представила Ларису в белом халате. Затем увидела её дома.

Лариса готовилась ложиться спать. Заскочила в баньку, полила на главные женские места из ковшика. В бане всегда стоит бочка с водой, свёкор за этим следит. Лариса, вернувшись после дежурства из больнички (так в посёлке все говорят), шла в баню, к которой от дома вела дорожка, выложенная плиткой (её Сергей сам делал), наливала ковшиком ведро воды, согревала кипятильником воду, и мылась. Лариса торопливо промокнула большие груди и округлые бёдра махровым полосатым полотенцем, наделала фланелевый, синий в желтых цветочках халатик и побежала в дом. Все спали. Лариса осторожно прикрыла дверь, включила торшер, и залюбовалась нежным розовым светом, который преобразил все вещи в комнате. «Как в сказке живу», - подумала она. Полила цветы на подоконнике. Села на диван и сняла шлёпанцы, и стала их внимательно рассматривать. Старые, с дырками, шлёпанцы давно пора было выбросить, но она всё тянула, копила деньги на серьёзные вещи. Вот недавно торшер купила, как удобно и красиво!

Я отвлекалась от своих видений. Стучали колёса поезда. Лариса сказала:

- Я родила, понимаешь, сына, а Сергей служил...

Сергей лег на свою койку, но не успел сомкнуть глаз, как дневальный врубил весь свет и не своим голосом заорал: «Трево-о-о-га!»

Наступило внезапное молчание, оборвала которое Лариса громким рыданием, да таким сильным, что струйки слёз, смывая косметику, становились чёрными.

- Что ты, Лариса?! - воскликнула я, положив ей руку на плечо, чтобы успокоить.

- Эх, девка! Да убили его, понимаешь, на Даманском. Китайцы... По «тревоге» их на Даманский погнали... - не договорила она, захлебываясь слезами.

Пришёл гроб с телом Сергея.

Отец Сергея был механиком. Вообще, золотые руки. Проводку делал, строгал, пилил, печи умел класть. После гибели сына он сильно запил, и буквально за полгода сгорел и умер.

Лариса пошмыгала носом, посмотрелась в зеркало, платочком утерла слёзы.

- А свекровь, цо-цо, всю свою боль и обиду за потерю сына перенесла на меня. Ты понимаешь, девка! И не так я, дурёха, сына воспитываю, и негодная мать, и неизвестно, где задерживаюсь, где гуляю. И денег мало приношу, сижу у неё на шее. Чего говорить! Платили-то мне за фельдшерство копейки. И тут одна соседка предложила пойти в их бригаду проводников на железной дороге. Место освободилось. И там закон такой, кто привел кандидата, тот и отвечает за него. Сначала мне всё понравилось, с людьми общаться, левые деньги появились, вроде как бы коллектив хороший. Ну, ты понимаешь это дело! А потом узнала, цо-цо, и изнанку. На одной узловой станции всегда в поезд к нам подсаживается бригада мужиков-контролёров. А у нас левых пассажиров полно. Подсаживаем мы всегда. За одну поездку зарабатываю столько, что иным на месяц хватит... Так вот, девка, бригадир у них, понимаешь, был очень охоч до баб. Если положит на кого глаз, то ему надо дать обязательно. А вот не дашь, так напишет телегу такую, что горя не оберёшься. И вот положил он на меня, цо-цо, глаз,

на новенькую. Ты только представь себе! Как увидит меня, так глаза масляными делаются. Полез сразу, мать твою за ногу, ко мне под юбку, а я его и отшила. И представляешь, подбегает ко мне соседка, которая меня устроила, и кричит дурным голосом: «Ты что, с ума сошла, ты всех нас сгноишь! Тебе, что, п... своей жалко?! Как хочешь, но чтобы он был доволен!» Я обалдела! Вот и пришлось мне, понимаешь, девка, усмирить свой характер, и уступить ему. Как к узловой станции подъезжаем, молюсь, чтобы не его смена была.

“Наша улица” №175 (6) июнь 2014

Сокращенный вариант ранее был опубликован в “Независимой газете” 27 июня 2013 года

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ГУБЫ

Как-то я шла мимо мебельного магазина, и моё внимание привлек за сияющими стеклами витрины ярко-красный диван, напомнивший один из ярчайших объектов Сальвадора Дали - диван в форме губ. Нить ассоциаций потянула меня в прошлое.

Огромные припухшие губы Зябликовой сразу бросались в глаза, как будто их накачал пластический хирург, верхняя губа походила на большую букву "М", боковые палочки уходили в стороны, а уголки были приподняты. На нижнюю губу можно было сесть, а на верхнюю откинуться как на спинку. Губы эти притягивали взгляды мужчин, отчего она ещё больше выпячивала их.

Зябликова жила в утопиях. Любила разговаривать сама с собой.

- Никита, я ведь порядок тебя просила навести, ты же обещал! - произнесла она, как будто сын мог её услышать. Но она видела отчётливо его перед дверью. Он терпеливо наблюдал, как мать копается в сумке в поисках ключей.

Мальчик вырос, поступил в пищевой институт, и говорил ей, что до позднего вечера занимается в институтской библиотеке. Сегодня же она его ждала не позднее девяти часов.

Она взглянула на него, но он тут же растворился в воздухе.

Зябликова продолжила судорожно копаться одной рукой в своей увесистой сумке, пытаясь найти ключи, в другой руке были тяжёлые пакеты с продуктами. Воскликнув отчаянно: "Да, куда ж они провалились!", - она, наконец,

нащупала их, открыла дверь, и буквально бросила пакеты на пол.

Кот зашипел от испуга, подпрыгнул чуть ли не до потолка, выгнув дугой взъерошенную спину, и с диким визгом кинулся на кухню.

Апельсины с гудением бильярдных шаров покатались по прихожей.

Зябликова остановилась около большого зеркала, и некоторое время любовалась своими губами.

Но это было уже неважно.

Главное, она дома, и успеет для сына, которому сегодня в 22.47 (время выхода из неё плода в роддоме) исполнится 18 лет, подготовить сюрприз. Ей было важно именно в эти минуты видеть его рядом, чтобы ещё и ещё раз сказать, что он для неё значит.

Дверь в комнату сына была открыта. Заглянув в неё, Зябликова даже растерялась. В комнате царил не просто беспорядок, там был разгром.

За две недели до такого важного события они с сыном договорились, что отмечать своё совершеннолетие он будет с друзьями в ближайшую субботу, Зябликова обещала всё приготовить и уйти, чтобы не смущать молодёжь. В воскресенье же он обещал провести с ней и её одинокими подругами, которые на протяжении всей его жизни помогали ей растить сына, став родными. А вот сегодняшний вечер был задуман ею как сюрприз. Сын придёт, а накрыт праздничный стол на двоих, горят свечи, звучат с пластинки приглушённые звуки органа Домского собора.

Комнату она украсит фотографиями сына, начиная с первой, сделанной в роддоме у отца на руках в далёком 1982 году. Весь вечер они будут вдвоём, она и её сын, её смысл жизни, её всё. Это будет незабываемый вечер.

Зябликова всё до мелочей продумала заранее, прежде всего, в доме должно быть тепло. День сегодня ветреный и

дождливый, необходимо включить обогреватель. Она повесила мокрое пальто на плечики, сунула ноги в меховые туфли, и, переступив через пакеты, прошла в свою комнату, там ей показалось, что за время её отсутствия что-то неуловимо изменилось. Растерянно оглянувшись по сторонам, она не сразу сообразила, что в комнате - тепло.

- Затопили! - воскликнула она и пощупала батарею. - Вот это подарок нам с сыночком, 6 октября в день его совершеннолетия. Всё удачно складывается...

Любовь начиналась как солнечное майское утро. Почти двадцать лет назад. Тогда все мечтали съездить за границу, в братские страны социалистического лагеря. Дальше даже фантазии не хватало.

И Зябликовой очень повезло. Ей досталась путёвка в ГДР. Группа подобралась чудесная. И особенно привлék её внимание руководитель группы Бородин.

Зябликова даже сознаться себе в те первые минуты не могла, что сразу влюбилась в него. Какая-то нервная дрожь охватила всё её маленькое тельце. Бородин был упитанный, но очень обаятельный человек с постоянной приветливой улыбкой, и поставленным дикторским голосом.

- Девочки, меньше чем втроем от группы не отходите, возможны любые провокации. Если вам что-то нужно, обязательно согласуйте со мной. Я человек простой, дойду до каждого, опыта не занимать...

Вот Зябликова по поводу и без повода всё согласовывала.

Розовые щёки Бородина, с ямочками, добродушный взгляд Ванечки-дурачка, выражающий готовность прийти на помощь в любую минуту, всегда находили отклик в женских сердцах.

Бородин был очень обходительный. Каким-то невероятным образом умел обволакивать женщин. Из всей группы он сразу выделил Зябликову.

Губы сделали своё дело.

Он сказал, что женат, но она, тем не менее, откликнулась на его приглашения в кафе, на ВДНХ (на показательной ферме Бородин очень обстоятельно объяснял ей воспроизводство крупного рогатого скота - родом он был из деревни). Он ей понравился. И однажды она распахнула себя для его страстной любви. Ей это очень понравилось.

Она не стала прерывать беременность.

И Бородин обрадовался, поддержал её, заверив, что всячески будет помогать ребёнку, но свою семью не оставит.

Зябликова автора будущего ребёнка ни одной из подружек не назвала. Хотя они, любопытные, как, практически, все женщины, а сущность женщины - вскрывать секреты, всячески старались это выведать.

Зябликова была непреклонна.

Маленькая, худенькая, с особо выделявшимся огромным животом, так футболисты празднуют гол, радостно закладывая мяч под футболку, она шла, отклонившись немного назад, чтобы не упасть губами в землю под тяжестью проклеывающегося нового человека.

Она несла свои губы.

Эти губы были как будто сняты с другого лица, крупного, и приклеены на кулачок лица Зябликовой. Губы эти притягивали взгляды мужчин как магнит, призывая в омут страсти, и они откликались на их призыв, но чаще всего дальше взглядов дело не шло.

Она и напоминала зяблика, только не с клювиком, а с этими невероятными губами, как будто зяблик нес красный болгарский перец.

Мечтала Зябликова о любви, семье, достатке, но те мужчины, которые нравились ей, были уже женаты. Те же, которым нравилась она, не вызвали у неё никаких положительных эмоций.

Бородин и влюбился сначала в эти губы, рисуя в своём воображении сладострастные картины. И когда она шла ему навстречу, он видел только эти губы, живущие самостоятельной жизнью.

Итак, она родила.

Бородин в первое время появлялся достаточно регулярно, но всегда внезапно. Выяснив, одна ли она, он являлся, занимался с ней поспешным сексом, и убегал, оставив деньги для сына.

Больше всего Зябликову раздражало то, что при виде отца, малыш всегда с улыбкой тянул свои пухлые ручонки ему навстречу. Бородин поиграет с ним, и уходит, сын плачет, а она остаётся одна со своими проблемами.

Постепенно Зябликовой такое положение вещей стало надоедать. Нет, не секс. Она-то его очень любила. Раздражало её полное отсутствие прав на отца сына. В её иллюзиях центральной сценой была идеальная семья за круглым столом. Все рады друг другу, держатся за руки, говорят ласковые слова, вместе ходят в магазин. И так - всю жизнь.

Она хотела упорядочить отношения, но Бородин даже намёка на эти разговоры избегал. А подружки ей пели в два уха, чтобы она потребовала официального признания сына.

В конце концов, Зябликова могла бы тогда подать на алименты, а не ждать от него подачек.

И в Зябликовой разыгралась гордыня. Ей никто не нужен. Она сама вырастит настоящего мужчину. И после этих продолжительных размышлений она назначила ему встречу в кафе, где она заявила ему, что сегодня сказала сыну, что папы больше нет, он умер. Бородин даже в лице изменился, но Зябликова не дала ему вставить ни одного слова. Подготовленную речь свою она произнесла без запинки, слегка истерическим голосом:

- Если ты посмеешь появиться, или позвонить, я сообщу о твоей двойной жизни на работу, в райком и твоей жене! Тебе придётся распрощаться с карьерой и поездками за границу в качестве руководителя. У тебя нет больше сына. Он только мой. Я для него всё сама сделаю. Нам не нужны твои подачки!

Зябликова демонстративно положила деньги за кофе, который она заказала себе, и змейкой выскользнула из кафе, обливаясь слезами.

Эта сцена часто возникала у неё перед глазами в минуты отчаяния, и, как это ни странно, помогала собраться и придавала сил.

Зябликова посмотрела на часы и пошла в комнату сына, чтобы навести хоть какой-то порядок. Сложила и убрала в тумбочку постель, собрала диван, подошла к письменному столу, который купила ему, когда отправляла в первый класс, и совершенно отчетливо услышала голос сына:

- Ну, что ты всё лезешь! Неужели я сам не смогу убрать постель? Мне так удобно, не надо в моей комнате ничего трогать!

Зябликова мечтала об этом вечере только с Никитой уже два года. Идея эта родилась в голове её как утверждение своих прав на сына. Она продумывала сюрприз для сына буквально до мелочей, мечтая о том, как при свечах нажарит сыну любимых домашних котлет, купит апельсинов, торт "Марика", бутылочку "Кагора", и впервые сама нальёт ему немного вина - она была уверена, что её мальчик такой воспитанный, послушный ещё никогда его не пробовал. Она предостережёт его от коварства и двуличности женщин, от случайных связей. Они будут смотреть детские фотографии, и строить планы на дальнейшую его взрослую жизнь.

Губы - излюбленная метафора сексуальности, скрытности и влечения Дали, и словно следуя этому символу, Зяб-

ликова всю свою сексуальную энергию переносила на сына.

Зябликой даже в голову не приходило, что он уже давно стал взрослым.

Она воспитывала из своего мальчика "идеального мужчину", пребывая в полной уверенности, что она знает, какой он. Это был её, и только её ребёнок, ради счастья которого она была в любую секунду отдать на отсечение свою руку голову, жизнь. Она с младенчества повторяла клятвы в своей беспредельной любви к нему, зацеловывая и тиская от избытка чувств, и причитая уменьшительно-ласкательные слова "пупсик мой", "солнышко моё", "зайчик ненаглядный"...

Мальчик, повзрослев, замирал от смущения, пытаясь молча вырваться из её объятий, а Зябликова, удерживая его, твердила: "Деточка моя, я ведь для тебя всё отдам, ты держись за мамочку, я всё сделаю, чтобы ты только был счастлив!" Одинокие подруги Зябликовой, иногда не выдерживали, наблюдая иступлённую любовь подруги, пытались объяснить, что сын стесняется подобных сцен при посторонних, и вообще, он уже вырос, поэтому ей следует быть более сдержанной в проявлении своих материнских чувств, но Зябликова даже слушать ничего не хотела. Она пребывала в счастливом неведении, что сын полностью разделяет эти материнские чувства, и только она является его единственным настоящим другом. Она ревновала его к друзьям, особенно к девочкам, объясняя ему, что их следует остерегаться, потому что они думают об одном, как бы увлечь его и женить на себе. "Таких самоотверженных, как я, не осталось, наступило время хищниц, держись от них подальше".

Был в душе её один большой вопрос, о котором она себе даже думать запрещала. Отец. Конечно, сын не раз спрашивал её об отце, но она упорно твердила, что они с его от-

цом очень любили друг друга, собирались пожениться, но он погиб в какой-то аварии, это известие вызвало преждевременные роды, она долго не могла прийти в себя, а потом он, сынок, занимал всё её время, поэтому больше она ничего не знает.

Маленький Никита, ещё до школы, спрашивал:

- А как папа умер?

Зябликова хладнокровно отвечала:

- Лежал с закрытыми глазами, скрестив руки на груди, в гробике.

Почему-то гроб она преподносила несмышленому сыночку в уменьшительной форме.

Никита с детской непосредственностью повторял:

- Папа в гробике лежит...

Зябликова так уверенно всегда рассказывала свою легенду, что сама в неё поверила, и даже плакала, каждый раз повторяя её.

И она пошла в комнату сына, села на стул и стала собирать разбросанные конспекты, журналы "Пищевая промышленность" и наткнулась на большой конверт из крафта, в котором лежали фотографии незнакомой обнаженной девушки в изысканных эротических видах. Зябликова от ужаса даже выронила фотографии. Потом механически сложила, убрала в конверт и сунула в стопку журналов.

Не контролируя себя, тут же бросилась к телефону, названивать подругам. Первой попалась Старикова.

- Нинка, ты даже представить себе не можешь, что я нашла у Никиты?

С той стороны Нинка выпалила:

- Наркотики?!

Зябликова задрожала:

- Хуже!

- Чего?!

Зябликова изложила.

Следующей была Капитонова. Она среагировала на сообщение Зябликовой неожиданно:

- Уж лучше пусть он бабами интересуется, чем водку пить! Значит, он у тебя мужиком растёт!

- С ума сошла? Он же ещё ребёнок совсем! Его легко может увлечь опытная развратная женщина, а потом ещё и женить на себе...

"Кто, какой негодяй пытается развратить моего сыночка? Кто дал ему эти фотографии? А если он уже спит с кем-нибудь? Он ведь ребёнок ещё, ничего не понимает, его легко обмануть, воспользоваться его наивностью, - выкрикивала Зябликова, сжимая руку в кулачок, и яростно, грозя кому-то, металась по квартире, - я не позволю! Не для того я всю жизнь ему отдала, чтобы какая-то бесстыжая девка испортила жизнь моему сыну!"

Увидев своё отражение в зеркале, Зябликова не сразу узнала себя в этой маленькой, похожей на ошетилившего ёжика с увядшим цветком в зубах женщине. Она остановилась в недоумении. Растерянный взгляд, сморщенные, как будто сдутые губы и взъерошенные короткие волосы, торчащие в разные стороны:

"Кто это?! Неужели я! Господи, на кого я стала похожа, - растерянно пробормотала она и упала ничком на свой диван, захлёбываясь слезами. Ей стало так жалко себя и Никиту, - никому мы с тобой, сыночек, не нужны. Нам необходимо держаться друг за друга, как ты не понимаешь?"

От кошмарных видений, в которых алчные, подлые хищницы развращают и уводят её Никиту, Зябликову вывел он сам.

Ей казалось, что Никита сидел с ней рядом, кивал и гладил её по голове, утешая.

С мужем она рассталась, когда Никите исполнилось 2 года. Вскоре ребенок заболел, звал постоянно папу. Вот это Зябликову привело в ярость. Она же не может вызвать от-

ца! Связь была односторонняя, только он звонил и появлялся. Он не давал ей своего номера телефона. Он был очень осторожный - как бы чего не случилось.

И у Зябликовой как будто щелкнуло что-то в голове: она вдруг подумала о том, вбила себе в голову, что все мужчины в её жизни только пользовались ею для своего удовольствия, а что происходит с ней - никого не беспокоило, никакой заботы от них не видела.

А то, что появился сын, только её заслуга, и родила она его для себя. "Я больше никому не позволю собою пользоваться, а жизнь свою посвящу сыну. Выращу его таким, каким должен быть настоящий мужчина, но никому его не отдам, сама найду ему достойную жену, ничего не пожалею, но у него всё будет самое лучшее, пусть я вывернусь наизнанку".

Когда Зябликова ушла на работу в день восемнадцатилетия сына, а он собирался в институт, раздался телефонный звонок.

- Добрый день. Я хотел бы поговорить с Никитой.

- Я вас слушаю.

- Не удивляйся, что я говорю с тобой на "ты". Сегодня ты стал совершеннолетним. Я ждал этого дня шестнадцать лет. Я твой отец.

Никита не на шутку растерялся, не найдя сразу что ответить. После продолжительной паузы спросил:

- Как, ты жив?!

- Не просто жив, а все эти годы постоянно думал о тебе, и ждал, когда ты повзрослеешь, чтобы встретиться и поговорить. Нам есть, о чем поговорить.

У сына вырвалось невольно:

- Когда?

- Да хоть сейчас. Ты свободен, у тебя есть такая возможность?

Как будто кто-то за сына, помимо его воли ответил:

- Конечно. Где? А как мы узнаем друг друга?

- Через полчаса я подъеду к твоему подъезду.

И вот они встретились.

Отец рассказал свою версию, почему он не искал встреч с сыном. Считал, что невозможно разрывать ребенка вопреки воле матери. Она отказалась от всякой материальной помощи, но он открыл в сбербанке счет на его имя до его совершеннолетия, и ежемесячно клал определенную сумму, надеясь, что это поможет ему в будущем. И вручил ему книжку.

Сын не заметил, как проникся симпатией к отцу. Отец говорил спокойно, негромко, в отличие от дерганой матери, которая чаще всего истерически выкрикивала угрозы окружающему миру, который, как ей казалось, хотел отобрать у нее сына.

Никита не заметил, как проскочил целый день.

Когда Никита вернулся домой, мать накинулась на него с криком:

- Где ты был, с кем, куда ты пропал?! Я чуть с ума не сошла!

Кот от греха подальше поджал хвост и побежал на кухню.

Никита некоторое время молча взирал на губы матери, затем довольно резко сказал:

- Я не хочу с тобой разговаривать! Ты всю жизнь мне лгала, что мой отец умер. А он жив, и любит меня.

И пошел в свою комнату, хлопнув дверью...

Всё это я вспомнила, увидев в мебельном магазине саатиново-алый диван, своими формами напоминавший губы из того периода творчества Сальвадора Дали, который биографы называли параноидальным.

ИВАНОВА

В тамбуре пахло укропом. Из вагонного радио звучала песня:

Травы, травы, травы не успели
от зари серебряной согнуться.
И такие нежные напевы
почему-то прямо в сердце льются...

Лунною тропою
на свиданье еду
Тихо сам с собою
тихо сам с собою
Я веду беседу...

Иванова стояла уже больше часа, «вела сама с собою беседу», и, проводив взглядом уплывшую назад Троице-Сергиеву лавру, с напряженным волнением вглядывалась в мелькающие за окном бетонные заборы, заводские трубы, пятиэтажки, пристанционные строения. В руках у неё был томик Шекспира. Она всю ночь читала «Гамлета». Картинка никак не совпадала с её открыточным представлением о столице, а ведь полнощёкая женщина, вошедшая в Александрове с двумя вёдрами малосольных огурцов, заверила её, что поезд уже идёт по Москве. И когда Иванова увидела башни Ярославского вокзала, воскликнула:

- Это же Шехтель! - отчего женщина с вёдрами чуть не упала.

Девочка из посёлка Архангельской области, но уже начальник участка местного Рыбоконсервного завода, что

было невероятной, головокружительной карьерой для вчерашней школьницы по местным понятиям, в Москве была проездом.

Ей предстоял отпуск в Геленджике, дали путевку от завода, но она непременно хотела задержаться в столице, чтобы побывать в Третьяковской галерее.

Иванова впервые оказалась здесь одна, но в мечтах своих она столько раз представляла себе этот день.

Отец и мать её работали тоже на Рыбконсервном заводе и считали удачей, что дочь не только попала туда на работу после школы, но и в короткий срок стала начальником участка.

А то, что дочь у них - прирождённая рисовальщица, им говорили постоянно, но разве это можно считать серьёзным делом?

Светит солнышко в окошко. На столе - цветные карандаши.

Родители, желая любимой дочке счастья и «надёжного куска хлеба», убедили её, что следует жить там, где родилась, а не витать в облаках.

Иванова без видимых усилий двумя-тремя штрихами передавала сходство людей и предметов.

В школе называли её художницей.

Она предпочитала спокойный сине-зелёный колорит, делала наброски северного неба, озёр, которые даже в солнечный день казались ей слегка подёрнутыми лёгкой прозрачной пепельной вуалью.

Каждая веточка, ёлочка, камешек вызывали у неё вязь живописных ассоциаций.

Ивановой нравилось бродить по бездорожью, осенью в резиновых сапогах, а летом - босиком, чувствуя дыхание земли, открывая в с детства знакомых окрестностях всегда что-то новое, глаз у неё был устроен так, что замечал то, на что другие не обращали внимания, наблюдала за облака-

ми, похожими на забавные силуэты людей, которые расплывались, исчезая в бледной паутине неба.

Со стороны она сама себе казалась парящей в этих облаках грациозной белой птицей, летящей к бескрайнему морю.

Иванова заметно выделялась среди своих сверстников тем, что ей хотелось всё и сразу узнать и понять. Она часто проводила время в поселковой библиотеке, подружилась с обаятельной очень пожилой заведующей, которую судьба занесла в эти места вместе с родителями в жестокие тридцатые годы. Заведующая поила её чаем, рассказывала о художниках, поэтах, о которых прежде Иванова и слыхом не слыхивала, вместе они слушали музыку.

Постепенно, у неё появились предпочтения в музыке, литературе и живописи. Это конец XIX начало XX веков. Импрессионисты поразили её воображение прозрачностью и щедростью палитры, своеобразием, раскрепощённостью. Мане, Дега, Ренуар, Сезанн... - репродукции их картин заворожили Иванову. Природу она стала видеть иначе, через их воздушные, размытые, поэтические полотна. В то же время она влюбилась в стихи Бодлера, Верлена... Их образы созвучны краскам импрессионистов.

Зимними долгими вечерами Иванова любила под музыку Дебюсси рисовать.

Мать беспокоили её неуёмные фантазии, она назидательно приговаривала, что пора замуж выходить за надёжного человека, и рожать детей, а чем витать в облаках, лучше помогать по дому. Иванова убегала от этих скучных наставлений в лес.

В лесу обычно темно даже в прозрачный день. Солнце изо всех сил пытается проникнуть в тайны леса, но они надёжно укрыты зарослями кустарника и молодой порослью деревьев. Просветы же, на которых играет солнечный свет,

напоминали ей окошки в старых заброшенных избушках. Сладкий аромат трав и цветов приятно щекотал ноздри.

Её акварели наполнялись светом, воздухом, движением. Она рисовала свои грёзы, мир её был полуреальным, как убегающий сон.

Скользящие солнечные лучи по зелени чередуются с тёмными пятнами тени.

В её эскизах присутствует ритмичность, а цветовое решение их строится на градациях темно-зеленых, сине-зеленых, изумрудных, оливковых, желто-зеленых цветов и оттенков.

Бывает так, что жизнь полностью меняется под сильным впечатлением от слова, изображения, звука, взгляда...

Иванова вышла на площадь и зажмурилась.

Высотный дом на фоне неба увлёл её в другую жизнь.

Цвет, игра света и тени завораживали её, сколько она себя помнила.

Родные, соседи удивлялись её восторженному взгляду на простые бытовые предметы, а ей казалось странным, что они совершенно не замечают, как преобразуется всё вокруг от изменения освещения.

«Здесь всё выглядит по-другому», - подумала она, шевеля беззвучно губами.

Наконец, она оказалась в Третьяковке.

Иванова ходила по залам как будто во сне, но попав в зал Врубеля, замерла у панно «Принцесса-Грёза», в голове у неё прояснилось, и она присела на скамейку перед ним.

Зал Врубеля поразил её простором. Живопись художника заиграла в новом свете и цвете.

Оказывается, можно писать крупными мазками, почти квадратами, кубиками, а не так как она пыталась мельчить, чтобы, как ей казалось, точно передать красками березку или избушку.

Ай да Врубель! Вблизи - квадратики, а издали - живая сирень с пышными и густыми гроздьями, цветущими в полную силу. Иванова напряжённо вглядывалась в заросли цветов, ей казалось, что стоит только вдохнуть поглубже, и можно ощутить их благоухание.

- Как же он сумел её так передать живо, она прямо дышит, - сказала она, и услышала за спиной голос:

- Модерн преобразил природу.

Иванова обернулась и увидела благородного седого человека. Волнистые волосы ниспадали до плеч, серые глаза с улыбкой, как ей показалось, смотрели на неё из-под густых зарослей бровей через очки в тонкой золотистой оправе. Весь облик этого статного пожилого человека излучал доброту и лёгкую иронию.

- Обратите внимание на главную особенность картины - женский силуэт, несущий создание или рождение чего-то нового. Между фоном и фигурой нет чётких граней. Образ довольно условный, очень простой, её фигура скрыта художником за распущенными длинными густыми волосами тёмного цвета. Возможно, художник специально выбрал время сумерек, приближение к ночи, дабы сохранить таинство девичьего образа.

- Вы, наверное, художник? - робко спросила Иванова.

- Можно и так сказать, - ответил незнакомец, и продолжил: - Я преподаю живопись, а вы, я вижу, тоже не равнодушны к живописи?

- Да, очень люблю, всю жизнь мечтала побывать в Третьяковке.

Она сказала это с таким восторгом, что вызвала у профессора Савельева невольную симпатию своей бесхитростной искренностью.

Он внимательно посмотрел на неё. Была в ней какая-то детскость, несмотря на серьёзный взгляд. Лицо напоминало иконописный лик: худощавое, веснушчатое. Льянные

волосы были перехвачены чёрной лентой, которая подчёркивала маленькие ушки.

Они присели в первом ряду напротив панно.

Иванова оглядела зал ещё раз и обратила внимание на рояль.

- Здесь проводят музыкальные вечера, - сказал профессор. - Когда здесь звучит музыка, я испытываю такое чувство, как будто бы нахожусь вне времени и пространства, парю в загадочном мире цвета, света и небесных звуков. Именно таким залом, как зал Врубеля, должен быть представлен великий художник. Не всем художникам повезло так, как ему, многие наши художники достойны отдельного зала.

Рисунки Ивановой заинтересовали Савельева. Стремление представить мир окружающим так, как она его видит, выразилось в её любви к характерному сине-зеленому колориту. В проникнутых элегическим чувством этюдах, она передавала мимолётные впечатления, как бы выдохнутые полушёпотом.

- Вам непременно следует учиться, у вас есть талант, а его необходимо развивать, - сказал Савельев.

Слова его вызвали невероятную бурю эмоций в душе Ивановой. Савельев посоветовал ей срочно собирать документы и поступать в институт.

Выяснив, что она хочет посмотреть Москву, он предложил ей прогуляться до Арбата.

Они шли навстречу солнцу, оно слепило глаза, силуэты домов казались расплывчатыми. Глаза Ивановой улавливали размытые пятна причудливого сказочного красно-коричневого терема, украшенного изразцами по рисункам Васнецова, а в конце переулка за резным чугунным кружевом красовалась усадьба соломенного цвета с белыми скульптурными барельефами на фоне бирюзового неба.

- Старые переулки дышат классицизмом и модернизмом!
- произнес Савельев.

Они свернули в Большой Толмачёвский переулок, и пошли в сторону Старомонетного, любуясь двумя очаровательными городскими домами позапрошлого века, тёплого жёлтого тона. И тут же буквально в нескольких шагах Иванова остановилась перед солидным доходным дымчатым домом, который, казалось, упирается прямо в небо. Обогнув его, они вышли на Полянку.

- Сейчас мы пересечём две улицы и пойдём по Большой Якиманке в сторону набережной, там ещё сохранились особняки купеческого Замоскворечья, - сказал Савельев.

Затем он стал рассказывать о запасниках Третьяковки, в которых томятся полотна замечательных, непревзойденных наших художников, с томительным нетерпением ожидающих своего часа.

- В Москве необходимо несколько подобных Третьяковке художественных галерей, - сказал он.

Иванова внимала каждому его слову и даже не заметила, как они поднялись на мост, но вид, открывшийся перед ними, поразил её. Она замерла на месте, а потом стала, затаив дыхание, смотреть по сторонам.

- Это Патриарший пешеходный мост, он ведёт к Храму Христа Спасителя, который восстановили уже в наши дни, - пояснил Савельев.

Иванова не могла оторвать глаз от переплетения стилей эпох, разнообразия цветочных пятен, над которыми главенствовал золотой купол, казавшийся ей сияющим солнцем.

Потом она перевела взгляд на лёгкий элегантный, парящий как парусник Крымский мост.

Переливы серебра и золота куполов Храма Зачатьевского монастыря, возвышающиеся над крышами домов, ослепили её.

Она любовалась чугунным литьём и белокаменной резьбой, строгими корпусами из красного кирпича фабричных зданий, величественным Кремлём, опоясанным красным кушаком стен, как бы хвастающимся своими многочисленными куполами. А на Пречистенской набережной внимание Ивановой привлекло здание темно-красного кирпича с необычными наличниками окон, майоликовыми панно красивого темно-бирюзового цвета под карнизом и между этажами, ярким мозаичным панно с растительным орнаментом над аркой входа.

Напротив Кремля, вдоль набережной стояли особняки, окрашенные в светлые тона бирюзового, сиреневого, жёлтого цветов. У каждого своё неповторимое украшение в виде лепнины.

И всё это на фоне лазурного неба с парящими лёгкими облаками.

- В прежние времена дома строили так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, защищали прохожих от ветра, а улицы и переулки для того, чтобы по ним было удобно перемещаться в непогоду, непременно делали с изгибом, или дугой, чтобы избежать эффекта «трубы». Этим-то и привлекательна старая Москва, - сказал Савельев. - Видите, за Храмом, впереди слева белые палаты семнадцатого века, они разделяют две улицы? - спросил он.

- Вижу!

- Мы с вами держим путь туда, в переулки Старого Арбата.

- Ой, у меня голова кружится от впечатлений. Как же вы много знаете, до чего же мне повезло, что я вас встретила.

- Милая девушка, вы должны понимать, что любая случайность не случайна.

- Как это?

- Наша встреча в музее была необходима, чтобы вы поняли своё предназначение, развивали свой талант, учились, посвятили себя творчеству, а не губили его, - повто-

рил свою мысль Савельев. - Вы меня поняли? Вам следует не к морю ехать, а срочно готовить документы для поступления в институт.

- Да, я вам обещаю.

- Вот и прекрасно!

Они уже давно миновали палаты и шли по переулкам. Иванова головой не успевала вертеть, чтобы рассмотреть дома вокруг.

«Я приду сюда ещё не один раз. Я буду жить в Москве. У меня всё получится!» - стучало у неё в голове.

На углу Плотникова и Малого Могильцевского переулков Савельев показал ей старое здание XIX века. Оно было украшено горельефным фризом с изображениями обнимающихся и целующихся писателей. Иванова стала внимательно рассматривать каждую деталь горельефа. Поразительно, Пушкин практически лобызает Толстого, а Гоголь уткнулся носом в водосточную трубу, а ему дышит в затылок ещё кто-то. Классики облачены в древнегреческие хитоны, некоторые из них - в весьма фривольных позах с обнажёнными девицами.

Иванова вглядывалась в каждую деталь фриза, который тянется на уровне второго этажа. Над входом на неё пристально смотрела женщина с суровым лицом. Савельев рассказал ей, что этот доходный дом был построен в 1907 году архитектором Николаем Жериховым.

До революции здесь был публичный дом.

Иванова покраснела.

Архитектор же сей любил украшать фасады скульптурой, подчас весьма экстравагантными барельефами. Он построил в Москве более сорока доходных домов.

Иванова всё вглядывалась в окна домов, воображая, что там, внутри, её ждёт за круглым столом, над которым светится лампочка в оранжевом абажуре с бахромой, пожилая библиотечарша. Ей так захотелось горбушку мягкого

хлеба с маслом и вареньем и горячего ароматного чая с мятой. Она сглотнула слюну и вспомнила, что весь день у неё во рту не было ни крошки хлеба, ни глотка воды.

- Да что же это я стою тут?! - Она подняла глаза к небу.

Всё, что происходило потом, она вспоминала, как сон. В этот бесконечный день родилась другая Иванова - целеустремлённая, энергичная, которая действовала решительно и чётко.

Колеса поезда энергично застучали на север.

Иванова вернулась домой. Мать разговаривала с соседкой около магазина после смены. При виде дочери она от неожиданности выронила сумку.

- Ты-ы-ы... как здесь? - едва выговорила она. - Что случилось?

Когда же Иванова сообщила родителям о своём решении, они настолько растерялись, что какое-то время не могли выговорить ни слова, а потом началось... Слёзы, уговоры, угрозы, мольбы.

Соседки крутили пальцем у виска.

Иванова действовала уверенно и настойчиво. Мать же шептала, что дочку как будто подменили.

Прошли годы.

Было всякое: успехи, отчаяние, любовь, разочарование, надежды, праздники, слёзы. Но стоило ей побродить по Москве, как всё неприятности расплывались, мельчали.

Любимые переулки давали ей силы.

У Ивановой появилась своя Москва, которая отвечала ей взаимностью.

И Савельев сопровождал её.

- Паутинкой тонкой переплетаются переулки между Пречистенкой и Арбатом, - сказал он.

Так же путано бродили они, останавливаясь у немногочисленных, чудом сохранившихся особнячков, представляя себя за чайным столом с пирогами, чаем и крыжовель-

ным вареньем, каждая ягодка которого переливается словно бусинка.

Попив мысленно чаю, Иванова переносилась в эпоху строительства доходных домов в любимом её архитектурном стиле - модерн. В своё время эти здания сильно изменили облик усадебной Москвы, но, видно, доля у матушки столицы такая, каждый норовит в ней след свой оставить, у кого деньги есть во все времена.

Арбатские переулки тоже от участи этой не спаслись, но, несмотря на разность стилей, сохранили они неуловимый дух московский.

Особенно Иванова любила бродить здесь с Савельевым, как с тенью отца Гамлета, в жаркие летние выходные дни, когда стоит тишина.

Они раскланивалась с прежними жителями этих мест.

Вот они идут проходными дворами из переулка в переулок. Солнечные лучи, постепенно рассеиваются, небо темнеет, как бы надевая вечерний синий плащ с лёгкой белой прозрачной накидкой из спешащих куда-то облаков.

Месяц внимательно наблюдает за Ивановой с тенью, выглядывая в каждом дворе из-за разно этажных домов.

Москва безлюдна, только редкие прохожие спешат по своим делам, да влюблённые ищут уединения.

Сумерки. Центр. Выходной.

Они наслаждаются своей Москвой.

Дома прижимаются друг к другу, как Савельев к Ивановой.

Как разнообразны и хороши фасады старых домов! Каждый украшен по-своему - аркатурным поясом или ангелами, наружными полуарками, мансардами...

Они бродит по переулочкам и улочкам уверенно, здесь всё исхожено ею не один раз.

Любуется архитектурным декором окон. Вот вечер переходит в ночь. Иванова вглядывается в небо, на котором появляются звёзды, смотрит очень внимательно, а

они подмигивают ей. Фонари делают город похожим на декорацию.

Входит Тень.

Спаси меня, закрой меня крылами,
Сонм небожителей святых!
Чего ты хочешь, образ благородный?

Королева

О горе мне! Что с ним? Он обезумел!

Гамлет

Ты не с укором ли явился к сыну,
За то, что он не внял минуте страсти
И грозного веленья не свершил?
Скажи!

Тень

Не позабудь! Мое явленье
Угасший замысел должно воспламенить.
Взгляни: над матерью витает ужас.
Стань между ней и тяжкою борьбою
Её души; воображенье в слабых
Всего сильнее. Заговори с ней, Гамлет!

Савельев

Есть сила духа в том,
Что отчий дом покинув,
Ты краскам посвятила жизнь свою...

Она никак не могла поверить в то, что идёт с тенью отца Гамлета по Большому Козихинскому переулку в сторону Большой Бронной, любуясь особняками.

Так ходила Офелия под звуки дудочки.

- Искусство - это другая жизнь, - сказал Савельев.

Вот дом с окнами в стиле модерн, а вот огромная лужа. Как её обойти?! Нужно перейти на другую сторону, а иначе никак.

Иванова соединила тончайшее чувство природного световоздушного окружения с настоящей поэтической фантазией, преображающей это окружение в поле миражей и ностальгических грез...

Ждали много гостей, сухое белое и красное вино разлили в 100 тонких высоких бокалов, но пришло человек пятнадцать. Иванова расстроилась, ведь она обзвонила всю телефонную книжку, обещали прийти на её первую персональную выставку почти все. Лишь Березкина сразу сказала, что не придёт, потому что ложится в больницу.

Накануне ночью Иванова бродила по бесконечным лабиринтам туннелей и коридоров с Врубелем.

Она вглядывалась в его «Сирень», и поражалась удивительному эффекту - вблизи отчётливо видно, что картина как бы составлена из мозаики геометрических фигур, а на расстоянии можно любоваться каждым живым цветком.

Иванова подходит к картине, рассматривает квадраты, треугольники, кружки, которые напоминают цветы сирени, это скорее похоже на абстрактные символы, возникшие в воображении автора, а когда отдаляется, то видит роскошную сирень.

Врубель один из первых русских художников отделился от реализма в поисках новых форм. Модернизм Серебряного века оказал на него сильнейшее воздействие. Он увлёкся мозаикой, кубизмом. Живопись Врубеля посылает прощальные приветы фотографическому реализму.

Но как только Иванова собралась поведать Врубелю то, что он перевернул всю её жизнь, автор «Сирени» исчез, а вместо него появилась артистка Жанна Самари с картины Ренуара, она очень оживленно успокаивала Иванову, предрекая успех её первой персональной выставке. Жанна была в лёгком прозрачном бирюзовом платье. Её роскошные рыжие пушистые волосы парили над головой, как золотой ареол.

Первая персональная выставка художницы Ивановой открылась недалеко от Могильцевского переулка, в котором она когда-то решила изменить свою жизнь. То, что их два - Малый и Большой, Иванова узнала уже потом, когда поступила в институт.

- А кто есть здесь сама Иванова? - спросил кто-то восторженным голосом. По всей видимости, авангардная беспредметность художницы его поразила.

- Я не Иванова, - поправила спросившего художница. - Я ИвАнова...

Травы, травы, травы не успели
от зари серебряной согнуться.
И такие нежные напевы
почему-то прямо в сердце льются...

Лунную тропую
на свиданье еду
Тихо сам с собою
тихо сам с собою
Я веду беседу...

ЛЮБОВНЫЙ НАПИТОК

Город в овраге разрезан рекой. Многим жителям приходится делать большой крюк, чтобы добраться до единственного покосившегося довоенного моста без перил (того и гляди, свалишься в воду), чтобы попасть на работу. В городе один завод, на котором только и работают горожане. Но завод имеет большое оборонное значение для государства.

В боковых проулках пасутся козы.

Жизнь от рождения представлялась Тоне восхождением с препятствиями, восхождением к себе, но преодолевать эти препятствия ей было нелегко.

Трудно жить «белой вороной».

Она старалась обойти эти препятствия, искала выход, но в поисках себя не раз сбивалась с пути, много времени было бездарно потрачено на напрасные ожидания, пустые хлопоты, выяснение отношений, ненужные споры.

Постепенно по крохам она создавала свой мир, который давал ей возможность жить так, как она хочет.

Ведь множество зол возникает именно из-за несоответствия её понимания жизни с необходимостью подчиняться общественным условиям.

Почему же окружающие не видят этого?

Для Тони вспышки такого рода чувствительности, в сущности, обычны, хотя она и была вроде человеком уравновешенным.

На ночь она читает «Будденброков» Томаса Манна.

Окружающие слепы, хотя им кажется, что они видят жильцов дома насквозь, как тётя Броня. Чёрные малень-

кие глаза, острый нос и морщинистый подбородок с черными волосиками придавали ей вид прорицательницы и властной правительницы.

Тётя Броня говорила, когда Тоня училась в институте при заводе:

- Что ты всё учишься-то?! Нормальные девки все уже замужем, да детей нарожали. Некоторые уж по второму разу пошли. А ты всё учишься! Посмотри на себя, высохла вся уж от учёбы! Кто на тебя позарится на такую худую!

Тоня вся сжималась, и, бросив: «Здрасьте», прошмыгнула мимо.

Эти женщины, думалось ей, абсолютно не разбираются в тех вещах, которые находятся в другом измерении, о котором они даже не догадываются, даже вообразить себе не могут, что всё, до чего мы можем дотронуться, наделено нервами, способностью мучиться, плакать, стонать, и Тоня поняла, что скрывается за её беззащитностью и безмолвием - безмолвием ужаса перед миром этих женщин, - и эта догадка часто сводила Тоню с ума.

Трёхэтажный дом был построен в начале пятидесятых годов на пересечении улиц Ленина и Комсомольской, на месте снесённых невысоких частных домиков. Квартиры были со всеми удобствами: ванная с титаном и туалет - роскошь. Ордера получили только передовики производства и профсоюзные активисты. Тонин отец был изобретателем на заводе, о нём даже в районной газете писали дважды.

Мать лежала в родильном доме, когда отец ошеломил её известием о том, что ему, в связи с рождением дочери, выделили отдельную квартиру.

Сюда её принесли из родильного дома, здесь во дворе она делала куличики в песочнице со своими сверстниками, здесь прошли её школьные годы.

Вся жизнь Тони протекала на глазах соседей.

Копна пушистых, распущенных русых волос Тони и ротик маленький, как алая точка, прежде всего, привлекали внимание.

Глаза же были очень строгие.

Она производила впечатление девушки очень серьёзной, даже неприступной. Ходила, опустив глаза, при встрече со знакомыми или соседями вежливо здоровалась и ускоряла шаг. Избегала взглядов незнакомых мужчин.

Сегодня Тоне исполнилось тридцать лет.

Мать рано утром поставила в высокую вазу астры в её комнате.

Наступила осень.

Тоня любила запах осени, паутину, переливающуюся на солнце.

Осенние краски особенно соответствовали её характеру.

Её любимыми цветами были астры и хризантемы.

Она взяла отгул на заводе по такому поводу, и они с матерью, по сложившейся традиции навестили могилу отца, убрали первые осенние листья, поставили букет астр, постояли в обнимку молча у ограды.

Мысли унесли Тоню в прошлое.

Она закрыла на мгновение глаза, а когда открыла, то увидела, как к кресту подлетели две белые бабочки. Они стали исполнять какой-то загадочный танец. Как много нежности было в их лёгких касаниях! Это был танец воздушной любви. Они поцеловались и исчезли.

- Это, должно быть отец поздравил меня, - подумала Тоня.

Когда они подходили к дому, Тоня впервые обратила внимание на то, каким неухоженным выглядит их дом. Штукатурка во многих местах потрескалась, а краска на ней шелушилась. Оконные рамы потемнели от сырости, да и стекла на некоторых окнах были заклеены полосками пожелтевшей бумаги.

- Дом мой любимый, ты увядаешь вместе со мной, - подумала Тоня, а вслух произнесла: - Может, купим бутылочку «Кагора», мама?

- Конечно, доченька, такой день! - обрадовалась мать. - Такая дата!

- Да уж, что в ней хорошего, мама! Четвёртый десяток уже пошёл, а чего я добилась?!

- Перестань, не торопи время, какой такой ещё десяток, только ещё тридцать лет. Успеешь ещё детей родить, если не будешь такой привередливой с молодыми людьми.

- Господи! Где ты увидела молодых людей? Я не могу ложиться в постель с мужчиной, к которому не испытываю никаких чувств, только для того, чтобы быть как все, замужем. Что здесь не понятно?

- А ты знаешь, что у многих женщин любовь приходит потом, после свадьбы?

Мать поджала губы и смотрела в землю.

- А если не приходит, как быть? - откликнулась Тоня, следя за взглядом матери и понимая, что тема эта её смущает.

В область взгляда вошел сиреневый голубь и стал что-то тщательно выклёвывать в пыли.

- Ну, это уж кто как может, зато детишки остаются, - после паузы и вздоха, произнесла мать, наблюдая за голубем.

- Мама, ты хоть слышишь, что ты говоришь?! - вспыхнула Тона, отчего голубь испуганно захлопал крыльями, но тут же опять присел.

- А как ты хотела? Это только в книжках, да в сказках добрые молодцы на голову сваливаются прямо с неба. А в жизни нужно счастье своё заслужить, а то и выстрадать, - с некоторой нравоучительностью сказала мать.

- Конечно, у нас таких страдалиц в доме достаточно! Терпят пьянство, измену, хамство, но зато на меня свысока поглядывают. Как будто я убогая какая-то.

- Я-то в чем перед тобой виновата, Тоня?

- А я тебя и не обвиняю ни в чём, я просто хочу, чтобы ты меня понимала и не знакомила меня с сыновьями своих приятельниц. Я уже на улицу стараюсь лишней раз не выходить, боюсь встретить очередную твою знакомую, которая со сладкой улыбочкой мне сообщит о том, что они присмотрели мне «очень положительного молодого человека лет 50-ти».

Тоня жила в угловом подъезде на втором этаже. На первом находился продовольственный магазин, вход в который был с улицы. Подъезд же был излюбленным местом любителей сообразить «на троих». Они располагались на подоконнике как раз второго этажа, поэтому Тоня всегда делала глубокий вдох, входя в подъезд как на бой. Как только дверь квартиры за ней захлопывалась, она делала выдох. Края ступеней в подъезде были стертые, перила шатались, а Тоня помнила ещё времена, когда она с мальчишками из их дома лихо скатывалась по перилам с третьего этажа до первого и они при этом не шатались.

Давно это было, более двадцати лет назад.

В то время жизнь казалась ей совершенно безоблачной.

Игры во дворе с утра до вечера, пока не стемнеет, с ребятами из их дома. Во дворе рядом с общественным туалетом был старый развесистый ясень. Как-то раз, когда Тоне и её приятелям было лет пять, они обсуждали «запретную тему» с мальчишками - как и почему рождаются дети. Сашка важно заявил, что девочки писают сидя, а мальчишки - стоя, то есть у них по-разному всё устроено, поэтому отец и мать его трутся животами ночью для того, чтобы родить ему сестричку.

- Как же ты писаешь сидя? - спросил Сашка Тоню. - Покажи.

- Потому что все девочки и женщины так писают, - сказала Тоня, - чего это я буду вам показывать, это стыдно.

- А мы тебе покажем, как мы писаем. Давайте вместе спрячемся за деревом и снимем штаны, - предложил Сашка.

Мальчишки его дружно поддержали. Они огляделись, и, убедившись, что во дворе никого нет, осуществили задуманное. Как только они дружно спустили штаны, во дворе, как чёрт из табакерки, появилась вездесущая тётя Броня.

- Чем это вы, бесстыдники, занимаетесь там? Тоня я твоим родителям скажу, чтобы они запретили тебе с мальчишками водиться! Это до добра не доведёт.

Тоня была очень худой, несмотря на отменный аппетит, за это её дразнили мальчишки из соседнего двора: «Баба Яга - костяная нога», а она показывала им язык. Девочек её возраста во дворе не было, и она привыкла лазать на чердак и крышу дома, играть в казаки-разбойники, носиться с мячом и играть в пинг-понг.

В десять лет умер отец.

Тоня никак не могла понять, что он никогда больше не войдет во двор, широко улыбаясь ей навстречу, не достанет из кармана конфету из кармана брюк со словами:

- Доченька, я скучал по тебе. Как твои дела?

И она при всех положит в рот конфету, прижмёт её кончиком языка к нёбу, зажмурится и пойдёт в обнимку с отцом в дом, где мать уже ждёт их к ужину.

Двор у них был дружный. Беду и радость делили на всех. Сосед дядя Слава устроил мать в жилищную контору комендантом. Саша и Игорь, друзья, одноклассники и соседи опекали её. Они втроем делали вместе уроки, играли, ходили в кино. Чаще всего ребята стали собираться у Тони, потому что она была целый день теперь дома одна.

Мать её была очень запасливой хозяйкой: в кладовке на полках стояли трёхлитровые банки абрикосового, вишнёвого, сливового, крыжовенного, черносмородинного, малинового варенья и маринадов.

Тоня всегда заваривала чай, нарезала ломтями мягкий серый хлеб, подавала сливочное масло. Это было так вкусно - ломоть хлеба с маслом и вареньем с горячим чаем! Варенье скатывалось с хлеба, нужно было успеть поймать его языком, чтобы не испачкаться. Лучше всех это получалось у Тони, мальчишки же перемазанные вареньем хохотали, глядя друг на друга. Летом они вместе ходили на речку.

Когда им было по двенадцать лет, тётя Броня, встретив Тонину мать, вместо приветствия громогласно сказала ей при всех:

- Слушай, а ты не боишься, что она тебе в подоле принесёт? Чем это дочка твоя с двумя мальчишками дома занимается? У них уже женилка-то выросла. Они ведь и так уже там, - она выразительно показала в сторону ясеня около общественного туалета, - бесстыдством занимались, помнишь, я тебе говорила?

Мать растерялась, промолчала, а дома, прижав к себе Тоню, тихо сказала:

- Тоня, ты, пожалуй, и правда, заканчивай эти посиделки дома, а то люди, знаешь, всякие бывают, такое придумают, что век не отмоешься.

Тоне стало так неприятно, стыдно, что от обиды комком сжало горло. С трудом сглотнув, она прошептала:

- Хорошо, больше не буду.

Тоня замкнулась, всё больше сидела дома, читала, слушала радио и пластинки, которые остались от отца. Особенно часто она ставила арию Неморино «Una Furtiva Lagrìma» («Одна слезинка украдкой») из оперы Гаэтано Доницетти «Любовный напиток», которую часто ставил отец, она разговаривала с ним, спрашивала, почему он оставил их с мамой без защиты, её детское сердечко сжималось от боли, и никак не желало смириться с тем, что больше никогда отец не обнимет её своими большими ласковыми ладонями, и не поцелует в макушку.

Тона напевала эту арию по-итальянски и по русски:

Una furtiva lagrima
Negli occhi suoi spunto:
Quelle festose giovani
Invidiar sembro.
Che piu cercando io vo?
Che piu cercando io vo?
M'ama! Si, m'ama, lo vedo, lo vedo.
Un solo instante i palpiti
Del suo bel cor sentir!
I miei sospir, confondere
Per poco a' suoi sospir!
I palpiti, i palpiti sentir,
Confondere i miei coi suoi sospir
Cielo, si puo morir!

Di piu non chiedo, non chiedo.
Ah! Cielo, si puo, si puo morir,
Di piu non chiedo, non chiedo.
Si puo morir, si puo morir d'amor.

Одна слезинка украдкой,
блеснула в её сладких глазах:
Так что все юноши,
кажется, завидуют сейчас.
Чего еще я хочу?
Чего еще я хочу?
Я любим! Да, она любит меня, я вижу, вижу.
Слышу лишь частые биения
Ее прекрасного сердечка слышу
И мое спутанное дыхание
чтоб слышать, слышать биения!
Биения, биения слышать,
Смешать с моим дыханием
О небо, можно умирать!

Ничего больше я и не прошу, не прошу.
О! Небо, можно, можно умирать,

Ничего больше я и не прошу, не прошу.
Теперь можно умирать, можно умирать от любви.

Постепенно Тоня стала избегать мальчишек, стесняться их, чего раньше никогда не было, а потом и вовсе отдалась от них.

Её друзьями и собеседниками стали книги.

Да, вздохнула Тоня, чем больше читаешь, тем печальнее осознаёшь, что так мало знаешь. Марина Цветаева написала о книгах стихотворение, которое точно передаёт детское ощущение счастья от чтения:

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Не изменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
- Уж поздно! - Мама, десять строк!..-
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!

Какое наслаждение путешествовать во времени и пространстве, читая книгу далеко за полночь. Она всё больше погружалась в литературу и философию.

Прежде ей их читал отец, в шесть лет она уже бойко читала сама, тогда они стали читать по очереди. Тоня во время чтения часто как бы слышала голос отца. Судьбы героинь Гончарова, Достоевского, Набокова волновали её. Вечерами при свете настольной лампы она придумывала себе любовь и счастливую жизнь, пытаясь понять, почему она никак не может встретить свою половинку.

Тоня пыталась жить в гармонии с собой, а это требовало от неё определённых усилий, но куда было скрыться от бестактных каждодневных вопросов:

- Тонечка, а что же ты замуж не выходишь?..

Конечно, у неё были романтические приключения, во время редких поездок на отдых, но они никогда не имели продолжения, потому что её избранники были женаты, имели детей...

Два года назад она по горящей путёвке отдыхала в Адлере. Поехала туда поездом. В одном вагоне с ней ехал мужчина лет сорока. Она была в первом купе, он - в последнем, и увидели они друг друга только на перроне Сочи. Она спиной почувствовала его обжигающий взгляд, оглянувшись, молодой человек с нескрываемым интересом смотрел на неё. Поезд прибыл в Сочи. Было начало октября, справа - море, слева - горы. Солнце светило прямо в глаза, небо было чистым, ни облачка, и - голубое, даже слегка изумрудное, как будто в нём отражалось небо. Первый день отпуска, ура! Она улыбнулась, восхищённые взгляды мужчин приятны каждой женщине. На следующий день они встретились на рынке. Молодой человек азартно с продавщицей, торговавшей мясистыми розовыми помидорами «Бычье сердце», которую он чем-то рассмешил и она, вытирая слёзы от смеха, воскликнула:

- Вот жук! Да, ты меня разоришь! Бери уже на почин, уговорил!

Тут взгляды молодого человека и Тони встретились. Он подошёл к ней и сказал, так просто, как будто они были знакомы:

- Доброе утро, соседка! А я вас ищу.

- Мы с вами не знакомы, и почему вы решили, что я соседка? - растерянно ответила Тоня.

- Мы с вами ехали в одном вагоне, неужели вы меня не помните?

- Помню, - тихо ответила, она. Щёки её предательски вспыхнули.

Они не заметили, как оказались на набережной. Молодого человека звали Алексей.

Вспыхнула любовь, но с окончанием курортного сезона, исчезла.

Провинция - это не место жительства, это состояние души. Есть люди, родившиеся в столице, в Париже, в любых других городах, но корнями, уходящие в провинцию, глубоко провинциальны в душе. Они наглухо закрыты от всего нового, зашорены, панически боятся воспринимать новую жизнь, быть открытыми для мира.

Они не говорят, а вечно от своей глупости всё осуждают, ругают всё, что в их рамки не укладывается.

Именно такой была тётя Броня, которая жила в соседнем подъезде с мужем. Возраст свой тётя Броня тщательно скрывала, но можно было догадаться, что ей уже за семьдесят.

Тоню удивило, что в заводском клубе, в котором она бывала лишь с отцом в детстве на торжественных заседаниях с концертами, шёл фильм «Из жизни Аристотеля». Она решила пойти. Из античного философа она кое-что читала, например, «Риторику». Свет в зале погас, и на чёрном экране вспыхнули крупные белые буквы: «Из жизни Аристотеля».

Сам Аристотель выглядит чистой воды директором завода. Он почему-то одет в обычный темный костюм, в галстук, и стоит на мосту без перил с видом на трубы завода. На дальнем плане на скамейке сидит тётя Броня в окружении сплетниц, и тычет презрительно пальцем в Аристотеля, приговаривая:

- Ишь, чего удумал! На мосту по-непонятному говорит! Умным всё себя изображает!

К Аристотелю подходит Пифиада - жена Аристотеля. На этом месте Тоня мгновенно стыдливо опускает голову в пол, чтобы не видеть себя на экране, ибо в роли Пифиады выступает она сама!

Аристотель говорит:

- Соперничают люди с себе равными, заботятся же о мнении людей мудрых, как обладающих истиной, таковы люди старые и образованные.

Над рекой пролетала утка.

- Люди больше всего стыдятся того, что делают на глазах других и явно, откуда и поговорка "стыд находится в глазах", - говорит Тоня.

- Да, - соглашается Аристотель. - Поэтому мы больше стыдимся тех, кто постоянно будет с нами и кто на нас обращает внимание, потому что в том и другом случае мы находимся на глазах этих людей.

- Стыдимся мы также тех, кто не подвержен одинаковым с нами недостаткам, потому что такие люди, очевидно, не могут быть согласны с нами, - поддерживает беседу Тоня.

Стайка воробьёв села у ног Аристотеля.

- Вы правы, Тоня, - говорит Аристотель, извлекая из кармана бутерброд, о котором забыл на работе, и крошит его птицам. - Стыдимся мы также тех, кто не относится снисходительно к людям, по-видимому, заблуждающимся, ибо что человек сам делает, за то, как говорится, он не взыщет с ближних, из чего следует, что чего он сам не делает, за то он, очевидно, взыщет.

- Стыдимся мы и тех, кто имеет привычку разглашать многим то, что видит, потому что не быть замеченным в чем-нибудь и не служить объектом разглашения - одно и то же.

- Именно так, говорит Тоня. - Потому что разглашать склонны люди обиженные, вследствие того что они поджидают удобного случая для мести, и клеветники, поскольку они затрагивают и людей, ни в чем невиновных.

Камера переходит на тётю Броню, которая бросает:

- Ты мне зубы не заговаривай. Виновата во всём ты. Так патриоты не поступают! Ты не создаешь советскую семью, значит, ты есть враг Родины!

После окончания института Тоню распределили на завод, где прежде работал её отец. И что удивительно, директор как-то сразу обратил на неё внимание. А Тоня, увидев его впервые, вздрогнула от цвета его глаз. Один глаз был карий, а другой чуть-чуть зеленоватый. Причем глаза были посажены близко к переносице, в точности как у её отца.

Довольно-таки властный голос директора сразу становился мягким, как только появлялась Тоня. Его можно было понять, поскольку несколько лет назад у него умерла жена, и он невольно присматривался к женщинам. И влюбился в Тоню. А она поняла, что это тот самый случай, который сразит всех её недоброжелателей, и, главным образом, тётю Броню.

Поначалу Тоня рассуждала так: «Он старше меня на двадцать лет. Что мне делать?» Затем: «Но он так нравится мне», - пронеслось в её голове, когда директор как бы невзначай обнял её в кабинете и поцеловал. А потом через недельку сама совершила встречное движение. Пришла к нему в кабинет с искрящимися любовью глазами, и, раскинув руки, воскликнула:

- Какой сегодня чудесный день! Я люблю вас!

Директор сразу подхватил:

- Милая!

И они уехали тут же с работы в его машине.

Покачиваясь на рытвинах и колдобинах улиц, Тона декламировала ему из Жака Превера:

Чудеса из чудес,
Приливы, отливы.
Море вдаль откатилось лениво,
А ты,
Как растение морское под ласкою ветра,
На прибрежном песке погрузилась в мечты.
Чудеса из чудес,

Приливы, отливы.
Море синее вдаль откатилось лениво,
Но остались в глазах приоткрытых твоих
Две волны. Их море тебе подарило.
Чудеса из чудес,
Приливы, отливы.
Две волны остались в глазах твоих,
Чтобы я утонул, погружаясь в них.

«Нужно быть смелее, соблазнительнее», - подумала она, оголяя своё нежное колено и чуть выше.

Директор положил руку на бедро и сжал.

«Именно так и нужно действовать, чтобы всем заткнуть рты!» - пронеслось в голове Тони, немного захмелевшей от счастья близости, когда директор задремал рядом с нею на широкой кровати после взрыва совершенно юношеской любви. Тоня и не предполагала, что пятидесятилетний мужчина столь же готов к соединению с женщиной, как двадцатилетний. По её наивным представлениям даже в сорок лет люди уже не способны к любви.

Впервые Тоня ощутила, что счастлива или, как ей виделось, испытывала блаженство от этой любви, к которой её привела замкнутая жизнь.

Значит, не напрасно она все эти годы страдала и терпела! Но за это же время она стала равнодушна к поискам счастья, зато прекрасно овладела навыками водить саму себя на собственном поводе.

Она рассталась со своей природной открытостью, добротой, мягкостью (но это же все было как бы во сне!), все эти чувства пересилили дисциплинированность, погружение в себя и до некоторой степени безразличие.

Все эти качества, которые если для чего-нибудь и нужны, так только для того, чтобы перечеркнуть планы тети Брони, вооруженной презрением, самоуверенностью и животной недоброжелательностью, которые удесятреляла ее

чудовищная, яростная жажда диктата, к несчастью, совершенно не свойственная Тоне.

А Тоня желала лишь единственного - не поддаваться.

Но как?

Когда и так ясно, что силы были не равны: обидно сознавать неподготовленность и иллюзорность добрых сил, а к помощи злых Тоня обращаться и не думала.

Ко всему прочему, эта война не могла проходить на равных, в силу того, что Тоня не щадила себя и постоянно ранила своё сердце своим же оружием смирения.

Как только Тоня смыкала веки, так снова видела перед собой директора завода - он говорил с ней, как всегда слегка наклонив голову. Она видела, как он смеется, открывая свои великолепные зубы, о красоте которых он и не подозревал, - и на душе у нее становилось покойно и весело. Она вспоминала всё, что слышала от него, все, что узнала во время их долгих и частых разговоров, и, давая себе клятву сохранить все это в памяти, как нечто священное и неприкосновенное, испытывала чувство глубокого удовлетворения. Всё это навеки останется для нее прекрасными, утешительными истинами, тайным сокровищем, которым она сможет наслаждаться в любой день и час...

Стоило ей, спустя неделю, только намекнуть директору на то, чтобы он на ней женился, как он повёл её в загс.

По свадебным обычаям заезжают сначала в дом невесты.

Когда к подъезду подкатила директорская машина, а такая в городе была одна, тётя Броня, сидевшая как обычно с женщинами на скамейке у подъезда, не на шутку насто-рожилась.

Из машины вышла сияющая Тоня в белом подвенечном платье. А за нею - директор.

Они медленным шагом под ручку направились к подъезду.

С Броней сделалось плохо: она сильно с каким-то глухим свистом закашлялась, дыхание перехватило, но, всё же, едва шевеля посиневшими губами, выговорила:

- Да он же в отцы ей годится! Это что ж такое? Тонька-то теперь - директорша?!

ЛЮБУШКА

Любушка, черны косы обвивают стан, сидит у церкви, где венчался, кажется, когда-то один известный поэт, имя которого она никак не может вспомнить, имя-то у всех на слуху, а вот из памяти вывалилось, в общем, сидит у Никитских ворот, пытаюсь странноватым взглядом отыскать эти ворота, но никаких ворот вокруг себя не находит, и беседует с Корженевской, стриженной под мальчика, выкрашенной в броский, ибо она не такая, как все, зелёный цвет, с множеством цепочек на шее, которыми любит тереть и позванивать.

Любушка не отстает от модницы Корженевской. Её прекрасную черную косу видно за километр. А макияж?! Он требует от Любушки внимания и времени, а если нет ни того ни другого? Всё приходилось делать на ходу. Сколько раз она вынуждена была возвращаться от входной двери, заметив своё отражение с одним только подведённым глазом! Губная помада - это вообще отдельная песня. В объёмных сумках Любушки среди бесчисленных необходимых мелочей и косметики найти тюбик определённого тона - подвиг! При этом она стремится быть обязательной. Наконец, она практически готова к выходу. Осталось обуться. Выбрать среди разноцветных туфель, ботильонов и босоножек именно ту пару, которая удачно подчеркнёт с таким трудом созданный образ, требовало огромных усилий и времени.

Корженевская знает о нынешней жизни Любушки больше, чем она сама.

- Я должна тебе, между прочим, заметить, что случайно слышала, Любушка, что у тебя сейчас такой необыкновен-

ный мужчина, который даже купил тебе роскошную квартиру вот в этом престижном доме.

Очень Любушка холила и баловала себя, окружённая восторженным вниманием поклонников. Сколько она себя помнила, мужчины кружились и жужжали вокруг неё, как шмели вокруг блюдца с мёдом. Воспевали её стан, губки, а о прочем и говорить нечего. Compliments, свидания были неотъемлемой частью жизни Любушки.

Но из окружающих её поклонников, предпочтение всегда невольно отдавала она мужчинам из актёрско-режиссёрской среды. На заре её творческой карьеры ухаживал за ней знаменитый кинорежиссёр, с благородной седой гривой волос.

Он так восхищался её наивностью и свежестью, а главное тонким вкусом и красотой, что, естественно между ними вспыхнуло страстное чувство. Любушка не заметила, как оказалась в объятиях искушённого сердцеда. Ах, как он умел любить. Сколько бесценных уроков любви преподавал он, научил разбираться в винах и приобщил к состоянию вечного праздника жизни. А дальше - занавес! Они остались добрыми друзьями.

В это время за храмом возникает дом в стиле доходных домов начала прошлого века с эркерами, украшенными изразцами.

Как кораллы, розовые губы открываются, и Любушка произносит:

- Да, представь себе, милая, он всегда что-нибудь мне дарит!

Корженевская подносит указательный палец с синим маникюром к губам, переваривая сказанное, потом произносит:

- Но меня охватывает неподдельный страх за тебя, мне кажется, что здесь не всё ладно, поэтому мой совет - ты туда не торопись ходить, там опасно. Это квартира подозри-

тельная. Знаешь, что-то там всегда какие-то непонятные люди бывают, может, тебе её продать?

Любушка задумывается и говорит как бы о другом:

- Загадки и прихоти судьбы завораживают и волнуют меня в течение всей жизни. Пытаешься их понять, но это невозможно. Нужно, наверное, пытаться жить в гармонии с собой, а это требует определённых усилий.

Когда Любушке дали самостоятельно снимать свой первый фильм, она вспылила:

- Я эту белиберду снимать не буду! - И топнула ножкой.

В сторонку её отвел тот убелённый сединой режиссёр, и доверительно посоветовал:

- Любушка, надо сразу соглашаться на то, что дают, иначе никогда не получите хороший сценарий.

Любушка согласилась.

На худсовете особо отметили ярко снятую сцену гибели коммуниста во вражеском застенке, где этот коммунист, вываленный гримёрами в грязи, небритый, с синяками и рваными шрамами, из которых сочилась клюква, вскидывал руку и кричал прямо в камеру: «Я погибаю, но коммунизм убить нельзя!»

Ещё до этого её стали называть «Любушкой», потому что на первом же застолье в проявочной лаборатории, а выпивать на студии любили именно там, чтобы никто не беспокоил, включалась над дверью красная лампа с надписью «Вход воспрещён, идёт проявка», она, подделываясь под манеру пения Вадима Козина, исполнила:

Нет на свете краше нашей Любы.
Черны косы обвивают стан,
Как кораллы, розовеют губы,
А в очах бездонный океан...

Впрочем, её, действительно, звали Любовь. Любовь Всеволодовна. Молодой режиссёр.

Внешность женщины - это её боевые доспехи, таким был её лозунг, поэтому подготовка к выходу из дома на студию, а точнее по делам была очень длительной и непростой. Одежду она предпочитала яркую из струящихся тканей, которые выгодно подчёркивали её фигуру, обувь же непременно на высоком каблуке или платформе, любимый цвет был телесный, он удлинял ноги. Следовало продумать малейшие нюансы деталей и при этом добиться лёгкой небрежности в одежде.

Навязчивое жужжание закладывает Любушке уши. Она обхватывает голову руками, стараясь избавиться от этого звука, затем просто отмахивается, как от осы, но тщетно. Тогда она открывает глаза, видит телефонный аппарат, не удивляется ему, слышит, что он звонит, равнодушно берёт трубку, из которой доносится взволнованный голос соседки матери:

- Любушка, срочно приезжай! У мамы твоей дверь настежь, там что-то случилось!

- Хорошо, - говорит Любушка. - Сейчас приеду.

И передает трубку Корженевской.

Лицо Корженевской почернело, покрылось шерстью, на лбу выступило белое пятно, и появились козлиные рога. Корженевская оскалила зубы, потопталась перед Любушкой, но та этой метаморфозе не удивилась, восприняв её как незначительное, даже обычное явление. Мало ли женщины ходит по улицам с шерстяными лицами и с рогами.

Корженевская сказала:

- Я тебе повторяю, чтобы ты не ходила в эту квартиру.

Любушка с ухмылкой взглянула на рогатую Корженевскую, и с некоторой усталостью произнесла:

- Оставь меня, дорогая! Ты мне уже начинаешь надоедать! Ты мне загораживаешь вид!

По слабо освещенному пустынному переулку Любушка стремительно идёт домой. Голова слегка кружится от шам-

панского, после которого она в очередной раз не удержалась и перешла на коньячок. Походка несколько неуверенная.

- Куда это я бегу? - спросила она себя и остановилась перевести дух.

В голове прояснилось. Она скользнула взглядом по окнам дома напротив. На первом этаже в трёхстворчатом окне стояла цветущая герань, при свете фонаря листья её отсвечивали каким-то загадочным фиолетовым цветом. Горело только одно окно на втором этаже, створка которого была приоткрыта, и оттуда выглядывал бородатый старик со зловещим, как показалось Любушке, взглядом. Лунный свет делал его бороду ярко-рыжей. У Любушки даже тело мурашками покрылось от его взгляда. Она бросилась бежать. В тишине был слышен гулкий перестук её каблучков. Вдруг ей показалось или это действительно было так, но к звуку её шагов присоединились другие шаги. Кто-то явно преследовал её. Она обернулась, чёрная тень в чёрных сапогах метнулась в сторону. Тело Любушки в панике юркнуло в первую же подворотню. А душа летела следом, чуть-чуть запаздывая. Во дворе Любушка, часто дыша, захлёбываясь воздухом, в страхе огляделась, увидела узкий проход между старыми жёлтыми домиками позапрошлого века. Ужас следовал за ней. Там нашёлся выход в другой переулок. Любушка поспешила туда. В глаза ударил свет прожектора. Она в ужасе вскрикнула. Вокруг не было видно ни души. Убьют, и никто не поможет. Но через минуту Любушка немного успокоилась, потому что поняла, что это был не прожектор, а ослепительный диск полной луны, выглянувшей из-за чёрных туч. Луна пристально уставилась на Любушку. Простояв в оцепенении несколько минут, Любушка вновь услышала шаги за спиной. Вздрогнула, дернулась, ускорила шаг, метнулась за угол. В голове неотвязчиво стучал молоток её каблучков. Он стучал даже тогда, когда она стояла.

Снова чья-то тень мелькнула в подворотне напротив. И опять в тех же сапогах, да ещё с подковками. Они как бы аккомпанировали стуку её туфелек. В голове пронеслось: «Мне на плечи кидается век-волкодав!». Она уже ничего не понимала - где она, кто говорил в её голове, кто бежал в сапогах, что за старик наблюдал за нею, и почему она здесь оказалась? Главное, немедленно собраться и как можно скорее выбраться из этих дворов и переулков. В эту секунду ей показалось, что чья-то холодная рука коснулась её спины. «А-а-а-а-а-а!» - завопила она, но голоса не было слышно. Звук у телевизора отключили. На противоположной стороне в окне она заметила, что кто-то сидит перед этим телевизором, на экране которого была сама Любушка, беззвучно кричавшая, затем снявшая туфли и побежавшая босиком, стараясь скрыться от стука сапог.

Тут Корженевская миролюбиво протягивает переднюю ногу к её коленке. Любушка, машинально прикрывая колено рукой, говорит:

- С ума сошла! Убери копыто своё.

Она пытается подняться, но тело как будто приковано к скамье. Копыто неведомо как превратилось в мягкую лапу, которая полезла ей под юбку. Любушка подняла глаза и с изумлением увидела перед собой человека, которого она мысленно определила как «Бледная моль», настолько он был невыразительным. Потёртый костюм его напоминал мышиную шкурку. Водянистые глаза цепко впились в неё, а узкие губы с ехидной усмешкой спросили:

- Где ж ты отхватила такую картину?!

- Это всё он - «необыкновенный мужчина», как ты говоришь, - ответила Любушка.

- А что люди подумают - откуда у тебя эти хоромы?! - говорит Корженевская, проходя за Любушкой в комнату.

Стены покрыты паутиной трещин. Персидский ковёр бледно-изумрудного цвета украшен приглушённым крас-

ным узором. В глубине видны - резной старинный стол, бронзовая лампа с орнаментом под прозрачным синим абажуром, подсвечник, письменные приборы.

Потёмки обволакивают Любушкину душу. В эту минуту ей захотелось, чтобы вся жизнь проходила в потёмках. Никто ничего не видит. И ты счастлива. Ибо неведение - есть детское состояние души, к которому всегда и всюду призывал Христос: «Будьте как дети!» Мы и ходим как дети, вывесок прочитывать не можем. Бросаемся за поездом метро, как будто он последний, как будто поездов больше не будет, с остолбенелым, ничего не видящим взглядом, сшибая всех, кто попадает на пути, влетаем в тут же за спиной закрывающиеся двери, едем, как это всегда и случается со спешащими, не в ту сторону. Мы ведь как дети, какой с нас спрос?!

Свет из окна в зеленоватых и коричневых тонах едва освещает центральную часть комнаты, падает на стол, на часть стены над ним и на кресло цвета зеленой травы, охваченной первыми признаками увядания, и на фигуру человека, сидящего в напряженной позе. Одет он в тёмный шёлковый халат, широкие красные панталоны, восточные остроносые жёлтые туфли и расшитую золотой ниткой шапочку.

Каждый раз, собираясь из дому, Любушка переживала настоящий стресс. Все нужные вещи имели особенность исчезать именно в тот момент, когда они были ей необходимы. Она металась между ванной, спальней и гардеробной, отчаянно пытаюсь найти то, что ей было необходимо. Стоило ей подобрать бельё, а это, как известно, - наиважнейшая часть женской привлекательности, как тут же исчезали украшения, которые видела на туалетном столике в ванной. Любушка в отчаянии открывала все шкапулки, переворачивала их, но находила только одну нужную сережку или брошь. Из-за этого приходилось полностью менять

задуманный образ. А гардеробная! Ужас! Случалось, что любимое платье или новые брюки она не могла обнаружить неделями. Всё было забито одеждой, а подходящую вещь к конкретному случаю найти было крайне сложно.

В дальнем углу едва виднеются в сумраке этажерка, шкаф, ширма, на полочке - бюстик Ференца Листа. Разбросанные театральные афиши красноречиво говорят об увлечениях хозяина комнаты искусством. Молодой человек (вот она - «Бледная моль» - пронеслось в голове Любушки), по-видимому, завтракает, однако весьма скудно - хлеб и сыр, непривлекательного вида, никак не соответствуют обстановке. Человек, застигнутый врасплох появлением Любушки и Корженевской, пытается прикрыть листком бумаги бедную еду. Сумрачный свет передает атмосферу несоответствия возвышенного искусства и бедственного материального положения «Бледной моль». Улыбку вызывает белый пудель с модной стрижкой, который не ведает о жизни напоказ, и искренне радуется гостям.

- Лю-у-у-бушка! - растягивает человек, поднимаясь из кресла.

В потёмках Любушка узнаёт артиста Потёмкина, игравшего неслгибаемого коммуниста в её первом фильме.

- Вот так встреча! Как ты попал в мою квартиру?

- Да ты же сама мне предложила пожить у тебя, после того, как я развёлся, и мне жить было негде.

Корженевская в смущении вставила:

- А я-то думала, что вы квартирный аферист.

- Я - артист, а не аферист! - с вымученным весельем парировал Потёмкин.

Голова у него сильно после вчерашнего болела. Тем не менее, он старался казаться непосредственным и даже радостным.

- Чайку?! - предложил он.

- Не меньше, чем три звёздочки! - без паузы подхватила Любушка.

- Рад бы, да вчера так посидели, что шаром покати!

- Да вон у тебя стоит за занавеской в шкафу, - говорит Любушка, идёт туда, открывает с лёгким скрипом створку и достаёт полную бутылку трёхзвёздочного коньяку.

Потёмкин плюхается в своё кресло в полнейшем недоумении.

Хрустальных рюмок звон, искрящиеся взоры.

Однажды Любушка влюбилась сама в очень талантливого режиссёра с усиками. Он снял траву в реке так, что нельзя было оторвать глаз, несмотря на то, что трава переливающаяся была в кадре минут 20. Потеряла голову, можно сказать с первой встречи. Его особенный взгляд и загадочная усмешка околдовали её на одном из фуршетов, и утром они проснулись в одной постели. Но какая это была ночь. Ничего подобного искушённая Любушка прежде не испытывала. Она хотела его постоянно. В отношениях между мужчиной и женщиной имеют значение только секс. Нет секса - нет любви. Разница в возрасте ничего не значит. Любушка летала, не чувствуя почвы под ногами, она стала для возлюбленного феей, исполняющей любое его желание. Сказка продлилась меньше двух лет. Любушка поняла, что лучше позволять любить себя, чем переживать трагедию преданной женщины. В это время она встретила необыкновенного мужчину, который боготворил её.

С восторгом чокнулись, выпили. Душа запросила песен. И она немедленно явилась в исполнении белого пуделя с модной стрижкой. Он встал на задние лапы, налил передней лапой себе коньяку, выпил, не поморщившись, и запел:

Если Люба песенкой зальётся,
На душе и ярко, и светло.

любушка

Если Люба звонко рассмеется,
Словно красно солнышко взошло.

И все хором дружно подтянули пуделю припев:

- Люба, Любушка, Любушка-голубушка,
Я тебя не в силах позабыть.
Люба, Любушка, Любушка-голубушка,
Сердцу любо Любушку любить...

- Какой великолепный голос у пуделя, как у Козина! - сказала Корженевская.

- Репетируем каждый день, - сказал «Бледная моль».

Неспешно выпили по другой. На столе появились абрикосы и виноград без косточек.

С некоторой возвышенностью в голосе, Любушка говорит:

- У меня рождается нечто вроде «Восьми с половиной»...

И умолкла.

Помолчали все.

Стало слышно под потолком жужжание назойливой мухи.

Любушка, как бы размышляя вслух, сказала:

- Смотреть этот фильм Феллини я могу всегда, и каждый раз всё больше наслаждаюсь тем, как тонко он показывает процесс рождения фильма. Поражает всё: оттенки белого и чёрного, монтаж, диалоги, карнавальность. Невозможно представить этот фильм без музыки Нино Рота, она придаёт удивительное настроение. Трудно художнику подняться над толпой празднующихся.

«Бледная моль», неспешно, как бы размышляя вслух, говорит:

- Нет! Какой-то чувствуется во всём снобизм. Все эти символы надуманы. Вообще, без сюжета кино не существу-

ет. Два часа такой тягомотины выдержать невозможно. А герой в исполнении Мастрояни? Полный идиот, который созвал всех для съёмки, не зная, что он будет снимать... И какой дурак ему только дал деньги на фильм. Другое дело, «Ночи Кабирии» - и сюжет, и падшая женщина, и аферисты, как у нас везде и всюду. Нет, я люблю твёрдое сюжетное кино, как в последнем моём фильме, где я играю полковника убойного отдела.

Корженевская поморщилась, и добавила в беседу несколько своих мыслей:

- Любушка, по-моему, ты слишком превозносишь этот фильм. Надо делать сам фильм, а не показывать надуманные муки режиссёра. Причем, перемешивание не связанных друг с другом сцен, создает кашу в головах зрителей.

Любушка перебила, не обращая на них внимания:

- Только я бы не хотела сравнивать этот фильм с кашей! Это не каша, а вся предшествующая, настоящая и, реальнее реальной будущая жизнь, выраженная симфонически поэтично... По законам авангардного искусства, без всякого обращения внимания на устоявшиеся вкусы, на так называемый, как ныне говорят, формат.

«Бледная моль», рассматривая Корженевскую через стекло рюмки, а она там была маленькой, рюмка уменьшала изображение, вставил:

- У этого фильма нет зрителей. Даже при первых показах многие, а среди них были маститые режиссёры, с недоумением чесали затылки и покидали зал. Кино стоит на массовом, многомиллионном зрителе, и чем понятнее фильм, тем больше он собирает денег в прокате. У Голливуда нужно учиться.

Любушка продолжила своё:

- С дураков собирать деньги проще всего. Экономика стоит на больших числах. А с элиты что соберешь? Феллини - враг всему сложившемуся, всем этим рваным, бездар-

ным, перебиваемым такой же бездарной рекламой поделкам! Надо держать кадр художнику так долго, чтобы все швондеры «от скуки», им же скучно заниматься серьезным искусством, переключили телевизоры на свои клипы и ляпы, тогда с "8 1/2" Федерико Феллини останутся единицы ценителей поэзии, живописи...

Корженевская возразила:

- А мне показалось, ты же знаешь, что у меня безупречный вкус, что Феллини просто издевается над зрителем. Пожалуй, я могу отметить лишь великолепную музыку Нино Рота...Прости, Любушка, но я не разделяю твоих восторгов и твоего увлечения этим режиссёром.

Любушка довольно резковато оборвала её:

- Понимаю, что ты не разделяешь глубины мысли и абсолютной свободы...

Корженевская прикусила губу.

Готические своды, взлетающие к небу из красного кирпича стены со стрельчатыми окнами, острые шпили, дождливый осенний переулок. Высоченная тяжёлая дверь с большим трудом поддается Любушке. Она входит с замиранием сердца в пустынный величественный собор. Видит алтарь, где хранятся Святые Дары, боковые приделы, многочисленные ряды деревянных скамеек для верующих. Они снабжены удобными подставками для ног и крючками для сумок, зонтов. Во всём строгом убранстве незримо присутствует уважительное отношение к человеку, созданному по образу и подобию. Любушка осторожно смачивает пальцы в сосуде со святой водой, проходит вперёд, слыша, как под сводами отражаются стуки о мраморные плиты пола её каблучков, и с волнением склоняет голову перед образом чудесной дарохранительницы. Робко осматривает зал - высокие своды, лепнину, причудливые светильники, красочные витражи, создающие особенное загадочное освещение. Зал полон воздуха! Дух захватывает от высоты

и простора. Всё здесь вызывает в Любушке чувства собственного достоинства и восхищения перед мировой культурой. Любушка садится под магические вздохи органа. Она поднимает голову к серебристым трубам. Она одна в соборе, но явственно улавливает космические ноты, в некотором страхе поворачивает голову в сторону алтаря, и отчетливо видит, как навстречу ей идёт Иисус Христос в белом венчике из роз.

Любушка любила короткие влюблённости, в сущности, она безоглядно отдавала предпочтение свободным отношениям. Она побывала замужем раз восемь, вкусила семейных уз с лихвой, и поняла, что рождена для искусства, а не для скучной размеренной жизни. Мужья слишком уж стремились предупредить каждое её желание, думали и решали всё за неё. Любушка так уставала от этого, что всякий раз упархивала навсегда к новой любви, и непременно к такому любовнику, внимания которого добивались толпы женщин. В Любушке же была особенная сексуальность. Как новенький страстно ласкал её, жадно зацеловывая каждую клеточку тела. Их любовь делала много шума, но проносилась и исчезала, как ураган.

С такой же скоростью, Любушке показалось, она вошла в квартиру матери.

- Мама, ты оказывается дома?! Мне звонили и сказали, что у тебя открыта дверь.

В просторной белой комнате на венском стуле сидела сухонькая старушка в чёрной вуальке. В руке она сжимала носовой платок, изредка вытирая им под вуалькой слёзы.

- Любушка, я хотела, чтобы у тебя была семья, дети. Чтобы та прожила жизнь с одним мужем. А все твои мечты о фильмах - это пустое. Нужно жить не в мечтах, а в жизни...

Да, Любушка сняла лишь один фильм. Тот, дебютный. О несгибаемом коммунисте. Все последующие годы работала вторым режиссёром на фильмах: «Сын Кубани», «Клят-

Любушка

ва ворошиловского стрелка», «Сердце сталевара», «Золотые колоски», «Юный партизан», «Семья парторга», «Поэма о комсомоле», «Знамя шахтёра», «Я вышел из народа», «Богатая деревня», «На границе спокойно», «По зову партии», «Торжество большинства» и других.

- Ну, Мама! - взмолилась Любушка, падая перед ней на колени.

- У меня даже нет внуков! - простила мать, и горько зарыдала.

В это самое мгновение раздались сигналы машин и визг тормозов со стороны Тверского бульвара. Человек, которого она мысленно обозначила как «Бледная моль», судорожно дернулся, захлопал мучнистыми крылышками, взлетел и скрылся в зелени бульвара, а в голове Любушки с сильным утверждением пронеслась мысль: «Я обязательно сниму этот фильм».

ДВОЕ ПОД ДОЖДЁМ

В метро Лиле вспомнился первый роман Достоевского «Бедные люди», в котором он так нежно передаёт чувства двух незащищённых существ, которые пытаются вопреки обстоятельствам выжить, поддерживают друг друга, отказывая себе в самом необходимом. Ангельчик Варенька приболела, и Макар ДеТочкин передаёт ей вместе с письмом веточку винограда. Ради Маточки ДеТочкин бредёт в дождь в худых сапогах, теряя по дороге подошву, к дому ростовщика, чтобы достать денег, он готов на всё, но сам совершенно беспомощен и незащищён, помощи нет и ждать её неоткуда.

Был воскресный день, Лиля побывала в новой Третьяковке на Крымском валу, чтобы ещё раз полюбоваться любимым Фальком. «Красная мебель» восхищает Лилу тревожной глубиной, и наполняет душу светом при каждом воспоминании. Тысяча девятьсот двадцатый год, разруха, голод, земля уходит из-под ног. Роберт Фальк пишет как бы просто мебель. Какая тайна скрыта в этой мебели? Трагедийность страсти, которая для Лили символизирует кровавый террор. Чувствует она в этом вызывающем красном цвете нашествие мрака, сквозь который проглядывают чёрные физиономии палачей. Чёрный стол на тонкой ножке, как кинжал, проткнувший уничтоженный мир, как бы символизирует гроб или крышку гроба. На столе стоит бутылка, который ассоциируется с «пиром во время чумы». «Красная мебель» - бессмертный холст, созданный Фальком вопреки законам своего времени.

Выйдя из галереи взволнованной, Лиля решила заглянуть в Зачатьевский монастырь. Пока стояла на остановке напротив величественной арки Парка культуры, любовалась Крымским мостом.

Вы видели когда-нибудь это подвесное ажурное чудо?! Нет, вы не видели!

Это не мост, а праздничная гирлянда! Лилия любила смотреть на него из просторных окон Дома художников. Как можно не любоваться таким воздушным мостом?! Речной пролёт крепко подвешен мощными цепями на стальных клепаных колоннах. Он ещё и один из наиболее крупных цепных мостов Европы. Лилия не переставала восхищаться этим художественным чудом.

«Букашка» переползла Крымский мост. По небу бродили дождевые тучи, и солнце только изредка выглядывало из-за них, поэтому Москва-река то темнела, то просветлялась, плавно изгибаясь, не уставала отражать в своём зеркале эту поэзию в металле.

Лилия вышла из «букашки» - троллейбуса «Б» - и, едва обогнула старые, недавно подновлённые до белизны стены Провиантских складов, вошла на Остоженку, как пошёл дождь.

Хорошо, что она прихватила зонт. Лилия открыла его и с досадой увидела, что одна спица вылетела. «Какие непрочные зонты! Четвёртый за год уже меняю!» - подумала она с досадой.

Дождь надвигался, на душе становилось неприветливо и грустно.

Чёрная туча шла от Кремля, как будто все несчастья шли от него.

После начавшегося дождя, а ведь слова «пошел дождь» означают лишь небольшие ритмичные капли с неба, так вот после этого дождя само чёрное небо упало на землю, и никакой зонт не мог спасти. Тем более Лилия была в ка-

ких-то совершенно открытых босоножках, и ноги сразу замерзли.

«Куда спрятаться?» - подумала она, отыскивая взглядом навес или козырек у подъездов, которых почти не было в начале Остоженки. Наконец, добежав в водоворотах воды до Померанцева переулка и заглянув в него, увидела нишу подъезда и небольшой, но спасительный козырёк над ним.

Стоять здесь было, в общем-то, можно, но на ноги отскакивали от асфальта холодный крупный брызги.

Ливень то усиливался, то несколько ослабевал.

Лиля выглянула из ниши и увидела дальше по переулку арку ворот. Под зонтом перебежала в подворотню. Тут можно было переждать грозу, но дуло так сильно, что казалось, сердитым ветром выдует всю душу, и саму унесёт в небо.

Она заглянула во двор, и справа увидела место почти сухое под большим козырьком наглухо закрытой двери. Лиля тут и остановилась, поглядывая на черное небо, и жмурясь от сверкания молний и грохота грома.

Казалось, что с неба низвергалась не вода, а в виде круглых капель серебро. Потоки дождевых струй всё больше усиливались, переходя в настоящий ливень. Грохот жуткого ливня, как тревожный марш безнадёжного одиночества, сотрясал её душу.

Она была одинока, и всё время мечтала о любви. Она себя видела то страстной любовницей, то заботливой матерью, то верной женой. Ей снились то жаркие объятия, то целые эротические сцены, то совершенно запретные оргии. Но в жизни на неё никто из мужчин не обращал внимания. Нельзя сказать, что она была непривлекательна. Нет. Она была незаметна. Мужчины не замечали её, как не замечают воздуха.

Лиля обвела печальным взглядом мрачноватый старый двор.

Освещение здесь было приглушённое, тона казались серыми, даже сталистыми, что ещё сильнее охладило её душу. Струи воды, подхваченные ветром, уносило то вправо, то влево. Они как будто исполняли свой грустный танец дождя.

Но через какое-то время настроение изменилось. Музыка летнего дождя зазвучала в душе её приятными нотами, предвещая нечто таинственное.

В голове Лили возникали картины светлой семейной жизни с любимым, но как только она пыталась рассмотреть их внимательно, они таяли, исчезая в тумане.

Дождь то притихал, то набирал новую силу.

Лиля наблюдала, как возникали в лужах бесчисленные большие прозрачные пузыри, и поспешно разбегались в разные стороны, ловко избегая столкновения.

Лиля незаметно для себя стала вслушиваться в музыку дождя, в её разнообразие, не просто дождя, а дождя московского.

Его чаще всего называют унылым, грустным, печальным - это очень уж однобоко и несправедливо. Дождь знает много мелодий, ритмов и красок. Унылый дождь похож на плач от наших минорных мыслей и чувств, которые чаще посещают в мрачноватые минуты разочарований в себе. Чёрные тучи, тяжёлые и хмурые, собираются над нами под тяжестью зависти, нетерпимости, непримиримости друг к другу, поэтому, когда на землю обрушивается проливной затяжной дождь, Лиля воспринимает его как очищение. Дружелюбный дождик освежает и украшает всё вокруг и пробуждает в её душе уверенность, что всё будет хорошо.

- Забавно, эти пузыри, как людской поток в центре города, - произнесла она с улыбкой.

В это мгновение из-под арки влетел во двор молодой человек в промокшей насквозь светлой рубашке, которая

прилипла к телу, покрутил головой, и, увидев сухое место под навесом возле Лили, встал с ней рядом. Он смахнул ладонью капли дождя с головы и спросил:

- Я не понял, вы мне что-то сказали?

- Нет, это я сама с собой разговаривала, - смущённо ответила Лиля.

- Бывает, - ответил молодой человек.

Он достал пачку сигарет, зажигалку и попытался закурить. Но его попытки оказались тщетными. Сигарета не раскуривалась.

- Намокла что ли, - сказал он, сунув машинально зажигалку в карман, и спросил Лилю: - Простите, у вас не будет закурить?

- Я не курю, - ответила она.

- И правильно делаете, - сказал он, а про себя подумал: «Какая неприметная, домашняя девушка, конечно же, таких родители обычно выдают замуж за положительного друга семьи».

Молодой человек увидел курящих в стороне под навесом магазина «Фермер» грузчиков, и торопливо выскочил к ним стрелнуть сигарету, по пути выбросив свою мокрую пачку в урну.

Проследив, чтобы дым не попадал на девушку, он с удовольствием затянулся.

Наблюдая за потоками дождя, Лиля чувствовала необъяснимое тепло с той стороны, где стоял незнакомец.

Она пыталась произнести какую-нибудь легкую, ни к чему не обязывающую фразу, чтобы зацепиться за знакомство с ним, но слова не находились.

А сердце стучало так громко, что она невольно прикрыла грудь рукой, чтобы молодой человек не услышал его стук.

Струны сердца, казалось, сейчас лопнут от напряжения. Возникло неловкое замешательство.

«Он сейчас уйдёт. Надо что-то немедленно придумать, а у меня волосы резинкой стянуты на затылке кое-как, босоножки нелепые. Вот ведь мудрая бабушка всегда мне говорила, что даже собираясь вынести мусор, следует одеваться как на свидание, ведь судьба - мастерица на сюрпризы. Слушала бы бабушку, давно бы уже любовь свою встретила», - думала Лиля.

Она вспомнила утомительный сон, который приснился ей накануне.

Светлые столы, которые обычно стоят в аудиториях, нагромождены друг на друга. Им нет конца. Ей же необходимо как можно скорее вырваться на свободу, преодолев их. Там в глубине, за столами у неё важная встреча. Она мечется, нервничает, пытается сдвинуть их, пролезть, извивается, проявляя чудеса эквилибристики. Отчаяние охватывает её, но желание попасть на встречу, главное - неизвестно с кем или с чем, сильнее его. Она должна успеть до темноты. Это она знает точно. Одежда на ней трещит, туфли она уже давно потеряла. Столы же, чем дальше, тем хуже, сломанные и ободранные. Она рвётся, не обращая внимания на занозы. Отчаяние сменяется силой доселе для неё невиданной, она хватается и разбрасывает по сторонам один стол за другим. Просто медведь в чаще. Внезапно столы закончились, и перед Лилей открылась дивной красоты аллея.

Сновидения отделяли Лилю от реальности.

Лилия мечтала о большой любви.

Какая девочка, девушка не мечтает о ней?

Любовь!

Что это за слово такое, которое произносят с придыханием, мечтательно прикрыв глаза и сладко потягиваясь, жившие до нас миллионы людей и живущие ныне. Великая мировая литература посвящена ей, но каждый новый человек мечтает о своей неземной любви. Осознавая себя, познавая, Лилия ждала каких-то особенных событий, прозре-

ний, которые должны произойти как бы сами собой, по судьбе...

Она выросла в окружении любящих родителей. Отец был старше матери на двадцать лет, крупный, успешный человек, баловал своих «девчоночек», так он нежно называл жену и дочку, всячески оберегал их. Детский сад и другие общественные места подобного типа Лиля не посещала. Она настолько уютно чувствовала себя в окружении родителей, что ей казалось, новый человек нарушит их семейную гармонию. У неё был друг детства Борис. Они вместе росли и жили в одном подъезде в доме на Прогонном проезде. Учились в одной школе, Борис был на класс старше. Вместе ходили в школу, поздравляли друг друга с днём рождения. Ходили в кино вместе. Бабушка Бориса называла её ласково «невестушка наша», но Борис женился на Лилиной подружке. Лиля нисколько не переживала, потому что испытывала к нему только дружеские чувства. Потом у неё были редкие возможности познакомиться, только познакомиться, но сердце не лежало к тем молодым людям, нашёптывало, что это не её судьба.

Своим воздержанием она довела себя до того, что готова была броситься на любого. Но только во сне или в мечтах.

Она была скована стеснением, как узник кандалами

Лиля украдкой посмотрела на молодого человека, который в этот момент, покуривая, оглядывал двор. «Какой воспитанный, симпатичный, интересно как его зовут?», - подумала она, а вслух неожиданно для себя сказала:

- Как интересно, всё на этом свете круглое, даже пузыри на лужах, отражаясь, они кажутся шариками.

- Очень точное наблюдение, - ответил молодой человек.

- От такого ливня, - попыталась продолжить разговор Лиля, - никакой зонт не спасёт!

- Да, стена. Но я думаю, что он скоро утихнет.

- Должен утихнуть.

- Это всегда так, пройдет и потом опять солнце, - сказал он.

- После дождя солнце воспринимается совершенно иначе, чем до, в жару, - сказала она.

- Жара ужасно надоела, - сказал он.

- Порядком, - сказала Лиля.

- Измучила, - добавил он.

- Дождь и не думает останавливаться, - сказала она.

- Как я только зонт не прихватил?!

- А мне и зонт не помог, - сказала она.

Душа Лили тепла просит. Понимания. Наступает следующий этап - жалость к себе, любимой, такой милой, хорошей, которую просто невозможно понять, потому что она одна такая - единственная и неповторимая. Уныние постепенно рассеивается, душа, истосковалась по теплу человеческому. И, собственно, зачем страдать?! Всё ещё можно исправить. «Всё будет хорошо!» После мысленного произнесения этой магической для неё фразы ураган эмоций уносит Лилю в упоительное состояние поисков любви и счастья.

- В такой ливень лучше всего из дому не выходить, - сказал он.

- Вы не расстраивайтесь, что забыли взять зонт, - сказала она.

- Да уж поздно расстраиваться. Весь промок, - сказал он.

- Понимаю, - сказала она.

- Да.

- Понимаю, - повторила она.- Мужчины редко расстраиваются.

- Наверное. Я не замечал, - сказал он.

- Понимаю, - сказала она.

- Надеюсь, и я когда-нибудь пойму.

Наступила напряжённая тишина.

Про себя Лиля могла говорить бесконечно, но вслух воспроизвести этот поток мыслей, состоящих из слов она не могла.

Как важно чувствовать слова, чтобы при любых обстоятельствах выразить своё суждение ёмко, точно, и уважительно. Слов так много, а подобрать нужные слова, дабы не обидеть собеседника, подчас бывает непросто, если собеседник поставил своей задачей распалить тебя. В этом случае Лиля старалась себя сдерживать, и найти удобный момент, чтобы извиниться и покинуть неуютного собеседника, причём - навсегда.

Сила, возможность, власть слова - безграничны. Слово может изменить всё - судьбу одного человека и человечества, оно может объединить и внести раздор.

Одно слово способно подарить счастье или разбить сердце.

Слово может всё!

Проблема в том, что понимают это очень немногие. Особые отношения с ним у писателей, которые постигают его на протяжении всей своей творческой жизни. Истинные поэты владеют потрясающим чутьём при расстановке слов. Этим они расширяют смысл слова, порой, придавая ему новый смысл.

Слово написанное имеет магическую силу.

Нужные слова в конкретной ситуации подсказывает интуиция, душа, сердце.

Слова бывают востребованные, желаемые, незаменимые, полезные, угодные, вредные, жестокие...

Нужные слова приходят сами, когда их зовёт доброе сердце.

Она думала и молчала.

Оба пытались придумать тему для разговора, и оба не решались.

Молодой человек нервно потирал нос двумя пальцами. Внимательно рассматривал окна в торце дома напротив.

Окон было всего три. Все они были разные - одно круглое на уровне четвёртого этажа, над ним было узкое окно, а ещё выше квадратное.

Дом же, судя по кирпичной кладке, был старый, конца позапрошлого века, а окна, по-видимому, были уже результатом современного евроремонта.

В круглом окне горел свет.

Молодой человек подумал мечтательно о том, как хорошо, когда тебя дома ждёт любящая жена, такая, как стоящая рядом девушка, с горячим ужином.

Молодому человеку весной исполнилось тридцать лет.

Год назад он переехал в квартиру, которую оставила ему бабушка. Мать его, наконец-то, по её словам, получила возможность пожить для себя.

Он через полгода самостоятельной жизни всё чаще вспоминал круглый стол в центре комнаты, застеленный скатертью с кистями. Лампу в оранжевом абажуре, висящую прямо над столом, бабушку со спицами, которая вывязывает пяточку тёплого носка для него. Пахнет пирогами, чай уже остыл.

На столе лежит открытая книга.

Тонкие струны человеческих душ, запечатлённые в знаках, живут в вечности, согревая друг друга.

Какой-то непонятный звук донесся из глубины души.

Как будто хрустально упала сосулька за окном.

И тут же зазвучала мелодия, окутывая молодого человека невероятно нежным перезвоном, как будто кто-то едва касался палочками ксилофона.

В этот момент молодой человек догадалась, что его душа убежала из его тела.

Наверно, так начинается музыка.

Помимо его воли она звучит где-то далеко, не в нём.

Но все-таки молодой человек понимал, что этот нежный, ласковый звук издает именно его душа. В ней сохранилась эта музыкальная тема, которая когда-то произвела на него сильное впечатление, а теперь помимо его воли вдруг в этот миг возникла.

Вот зазвучали струнные, деликатно, едва ощутимо. Удивительная мелодия, лаская слух, звучит уже вне его, но он чувствовал, что это именно его душа незаметно отделилась и улаживает его, создаёт поэтическое настроение.

Молодой человек почти застыл, не шевелился, опасаясь, что прозрачная музыка исчезнет бесследно, и он не сможет высказать это мгновение словами.

Молодому человеку хотелось сказать об этом рядом стоящей девушке, но уста были немые.

Мягкие, таинственные тени в углах комнаты дают простор для воображения. В дальнем углу на изящном резном столике светиться то ли аквариум необычной формы с золотыми рыбками, которые исполняют только им понятный танец, то ли необычная лампа с золотыми пляшущими человечками внутри.

Эту картинку он вспоминал в своей неуютной квартире.

Он был человеком сдержанным, молчаливым, и так получалось, что не он знакомился с девушками, а они - с ним. Девушки же встречались очень бойкие, шумные и бестактные, а он представлял себе тихую, нежную подружку жизни.

Молодой человек молчал, глядя на московский старый двор под дождём, и размышлял. Подобное состояние чаще всего приходит как бы от случайного слова, произнесённого вскользь, от любой мелочи, которая служит толчком к целой цепочке мыслей, самых разных: о прошлом, об отношениях, о настоящем, о будущем.

Размышлять можно о смысле только одного слова, о том, как оно меняет оттенки в разных контекстах.

Самое сладостное размышление - погружение в себя. Ничего увлекательнее для молодого человека не было.

Просто объяснить себе он не мог, каким образом, разматывая одну нить рассуждения о чем-либо, он переключался на совершенно другую мысль, которая как некое озарение уводило его уверено по сложному лабиринту рассуждений, которые приводят к неожиданным заключениям.

Появляется интересный клубок мыслей, распутывая который, полностью переключается ход размышления, уводя мысль на нечто иное.

Размышление - это целый сонм ассоциаций, ведущий к раскрытию неведомого в собственной душе.

Молодой человек всё чаще стал осторожно поглядывать на Лилю, как бы примеряя её на роль будущей жены. Но как только эта «примерка» возникала в его голове, так всё тело сковывал страх. А вдруг да она сразу оборвёт его, не захочет с ним знакомиться. Ожидаемое заранее «нет» окончательно сковывало его, не позволяло даже заикнуться на эту тему.

Лиля вспомнила приметку, что пузыри - к долгому дождю, и приготовилась покинуть своё место, не дожидаясь, когда дождь утихнет.

Уловив удобный момент, они выскочили из своего укрытия.

Дождь застучал по шёлку зонта, а молодой человек, пожелав ей удачи, поспешил в сторону станции «Парк культуры».

Знать хорошо Москву, практически, невозможно, она постоянно меняется. Лиля несколько лет не была в районе Остоженки, не ходила по Зачатьевским переулкам. В её памяти сохранились кривые переулки с облупившимися фасадами домов, полуразрушенный Зачатьевский монастырь, с коммунальными квартирами.

И вот она идёт в Зачатьевский монастырь, и не узнаёт эти места.

Если бы ей завязали глаза и перенесли в переулки между Кремлёвской набережной и улицей Остоженка, а потом сняли повязку, Лиля бы не поняла, где, в каком городе она находится.

Да, постмодернизм - великий стиль. Он способен воспроизвести любое сооружение любых стран и времен. Лиля всегда думала, почему бы Кремль не воспроизвести постмодернистки в Восточной Сибири, и не отправить туда кремлевских несменяемых вождей?!

Зачатьевский монастырь восстановлен, переживает период ренессанса. Весь район преобразился до неузнаваемости, сочетание старых и новых зданий радует глаз гармонией и вкусом.

Ощущение было такое, как будто это часть Парижа или Женева.

И опять Лиля вспомнила Достоевского. Проникновенные письма ДеТочкина к любимой трогают её душу необычайной нежностью и искренностью. ДеТочкин безмерно счастлив уже оттого, что уголок занавески у окна возлюбленной загнут и прицеплен к горшку с бальзамином.

Мысль о любви героев первого романа Достоевского накрыла Лилю именно сегодня, когда она шла грустная под зонтом по переулку.

Внезапно в её голове мелькнуло сомнение, причину которого она не сразу поняла. Затем перед глазами отчётливо всплыло лицо Иннокентия Смоктуновского. Ах да, она вспомнила, что у его героя в фильме «Берегись автомобиля» была очень созвучная фамилия, и стала напряжённо вспоминать её.

Бывает же так, что пытаюсь вспомнить нужное имя или слово, оно крутится рядом, а при попытке произнести его, оно исчезает.

Вот Лиля мучилась какое-то время. Она хотела вспомнить сама. Озарение пришло, когда Лиля увидела девушек, ёжащихся под дождём без зонтов. Конечно, ДеВушкин у Достоевского! А не ДеТочкин-Смоктуновский!

Макар ДеВушкин один из самых трогательных героев, воспоминания о нём всегда вызывают в душе Лили щемящую нежность. Достоевский выткал его образ такими нежными нитями слов: «право, у меня сердце вот так и запрыгало!». А какую гамму чувств вызывает его обращение к любимой: «Маточка»!

Лиля размышляла обо всём этом, а сердце жалобно стучало в расстройстве оттого, что она не смогла сойтись с тем молодым человеком под дождем.

Два одиноких сердца не нашли пути друг к другу.

СКУДЕЛЬНЫЙ СОСУД

Отец, мать, тётушки, дядюшки, сёстры, братья, и еще какие-то далёкие, едва узнаваемые родственники со скорбными лицами стояли у Фаины Фелициановны в ногах. Она тихо лежала в гробу, но не совсем умерла. Ей это показалось столь странным, что она невольно подумала, что это ей снится.

Она слегка ущипнула себя, как-то легко проснулась, но опять совершенно отчётливо поняла, что лежит в самом настоящем гробу. Красный сатин, белые оборочки.

Может быть, ей действительно не стоит продолжаться в жизни и пора на тот свет? Девяносто годов уже отмахала. И все-то годики мелькнули, как один день.

Нет, как ни ухитряйся в спасительных мыслях, того быть не может.

У неё абсолютно ничего не болит, дышит она нормально, сердце уверенно бьётся.

Но почему в гробу?

Это как-то не по правилам. Она оглядела стоящих людей у неё в ногах. Взгляд их наряду со скорбью излучал родственную любовь и вполне понятное сочувствие, потому что в эти минуты, видимо, каждый думал о том, что и им когда-нибудь, конечно, не очень скоро, в далёком будущем, но предстоит полежать в гробу.

Фаина Фелициановна протянула истончённые, словно это были лапки цапли, руки, потянулась к собравшимся людям, понимая, как долго ждала она этой встречи, целую жизнь.

И проснулась.

Ни гроба, ни родни, никого.

Те лица, которые она только что видела, превратились в одуванчики. Они маячили перед глазами Фаины Фелициановны, не желая уступать место другим картинам.

Одуванчики красовались на высоких толстых стеблях. Затем они превратились в пушистые белые шары, с которых полетели во все стороны белые маленькие парашюты семян.

На подоконнике одиноко сидел чёрный с белым пятном на лбу упитанный кот, подвернув под себя пушистый хвост.

«Какое счастье, - подумала она. - Кот мой милый жив-живёхонек. Стало быть, и я жива».

Она с некоторым усилием откинула край одеяла и медленно опустила тощую желтоватую с синими прожилками ногу в поисках тапочек.

Невероятная радость разлилась по всему её старческому телу, уставшему жить.

Она жива!

А тогда на море она даже не поняла, что случилось. То лето, такое безмятежное и счастливое, бесцеремонно перевернуло жизнь Фаины и её сестры.

- Море! Какое оно? - этот вопрос не давал покоя восьмилетней Фаине. - Бабушка, когда же мы приедем уже к большому морю?

- Фаина, успокойся, пожалуйста. Наберись терпения, - строго сказала бабушка, поправляя одеяло, которое свесилось с полки из-за того, что Фаина никак не могла заснуть.

Младшая сестрёнка, свернувшись сдобным калачиком, сладко спала у стенки.

На следующий день паровоз наконец-то дотянул вагоны до Феодосии. После путешествия на телеге, запряжённой осликом, Фаина с бабушкой и сестрёнкой оказались в уютном белом домике, в котором их радушно встретила хозяй-

ка, Серафима Аркадьевна, большая мягкая женщина с ласковыми и добрыми руками. Фаине казалось, что время остановилось, так долго они собирались к морю.

И вот они ступили на узкую полоску пляжа. Вся эта полоска была усеяна гладкими тёплыми камешками, на которые одна за другой набегали волны с белой пеной, которая исчезала при соприкосновении с камнями. Море показалось Фаине непрерывно волнующейся полосой необъятной ширины, которая сливалась с небом. День был пасмурный. Море выглядело не синим и не чёрным, как ожидала Фаина, а беспокойным и сердитым. Она даже невольно попятилась, спрятавшись за бабушку от надвигающейся волны.

Но уже на следующий день Фаина не могла глаз отвести от насыщенной лазурью водной глади, которая сверкала солнечными бликами.

Она с опаской вошла в воду и, взвизгнув от восторга, присела, попробовала осторожно на вкус солёную воду, от которой исходил незнакомый и дивный запах водорослей.

Не прошло и часа, как Фаине почудилось, что она была здесь, на берегу, всегда.

Бабушка соорудила тень, натянув простыню на четыре колышка, и девочки погрузились в строительство крепости из камней, которые назывались галькой.

Вначале пугала девочек эта галька, ступать по ней было даже страшно, но через два-три дня они приспособились и ловко ходили по ней, ступая осторожно.

Море постоянно с невероятным мастерством живописца меняло цвет свой, поражая Фаину редкостными оттенками, которых она прежде нигде не видела: лазурь, синева, голубизна, смешивались, как краски на палитре, в лучах солнца, ослепляя своим неизгладимым изяществом. Утром и днём море встречало Фаину приветливо.

Всё здесь было непривычно: белые низкие домики, увитые лозами винограда с зелёными, маленькими ещё

гроздьями ягод, ветви его, тесно переплетаясь, создавали тенистые беседки, спасающие в знойный полдень. Особый южный аромат воздуха, такой непривычный, дурманил Фаину, но через несколько дней она полюбила его, как и запах моря.

Они ходили на море утром и после обеда ежедневно, а в знойный полдень их спасала прохлада беседки.

А вечером, когда садилось солнце, и начинали свой неугомонный треск цикады, они приходили смотреть закат, море казалось загадочным и чужим. А какое здесь было небо! Его черный высокий свод весь был усыпан яркими большими звёздами, которые внимательно наблюдали за Фаиной.

А полная луна была такой огромной, что Фаина пряталась от неё под простынёй.

Неспешная размеренная жизнь, покой, разлитый в воздухе, игры и чтение так полюбились Фаине, что она всё реже вспоминала Москву, в которой даже она, девочка, чувствовала необъяснимую тревогу.

- Бабушка, как хорошо остаться здесь навсегда! - с чувством восторга говорила она. - Только нужно, чтобы мама с папой сюда приехали к нам.

- Фаина, мы здесь на всё лето, а осенью ты опять пойдёшь в школу, дома. Погоди, через два месяца ты сама попросишься домой, - отвечала бабушка с улыбкой.

Как-то раз в конце июля девочки с бабушкой, как обычно, возвращались с пляжа. У калитки стояла прищурившись, хозяйка, Серафима Аркадьевна, и махала приветливо руками.

- Идите скорее, - услышала Фаина, - к вам гости!

- Мама! - вскрикнула Фаина и бросилась бежать.

- А вот и не угадала! - ответила тётя Муза, сестра отца, выглядывая из-за большой спины Серафимы Аркадьевны.

Бабушка удивлённо подняла брови и спросила:

- Муза, а ты как здесь? Случилось что-то?

- Приехала погреться на солнышке к вам, а то у нас лето выдалось холодное, дождливое, - ответила тётя.

Они сели обедать.

Фаина чувствовала, что что-то изменилось.

Бабушка вопросительно поглядывала на тётю Музу, а та старалась казаться веселой и всё расспрашивала девочек об их занятиях и играх.

На море они в этот день больше не пошли.

Бабушка с тётей удалились в конец сада, а девочки играли в беседке.

Потом Серафима Аркадьевна отвела девочек к соседке, у которой недавно появился щенок, они с восторгом играли с ним до вечера...

Так случилось, что на следующий день после приезда тётю Музы бабушку увезли в больницу с сердечным приступом, где она через несколько дней скончалась, не пережив известия о том, что сын и его жена, родители девочек, расстреляны.

Повзрослев, Фаина с горечью думала о том, что пришлось пережить тётю Музе в то лето.

Помимо страшной вести о гибели любимого брата и его жены, смерти матери на юге, на руках две девочки-сироты, которых необходимо спасти от детского дома для детей врагов народа. Только, когда они приехали к тётю Музе в Тарусу, она объяснила им, что теперь они будут жить здесь.

Тётя Муза очень просила девочек не разговаривать с незнакомыми людьми, стараться как можно больше времени проводить дома и вести себя тихо. В школу Фаина осенью не пошла. Они с сестрой заболели ветрянкой.

В ноябре того рокового года тётю Музе тарусские доброжелатели неоднократно нащёптывали, чтобы она была осторожнее, осмотрительнее, потому что о её свободомыслии в школе распускали слухи, и что за ней могут прийти в любой момент.

Мало того, что тётя Муза работала учителем истории в школе, так она ещё, к несчастью, происходила из дворян. Частенько на уроках она со вздохом говорила, что мало что могут привнести в нормальную жизнь необразованные люди, при этом как-то непосредственно напоминала о том, что государством руководят «выходцы из народа с двумя-тремя классами церковно-приходской школы», всё время призывающие к борьбе, то есть к войне.

И у Фаины Фелициановны, сколько она себя помнила, слово «борьба» вызывало протест. Она не могла разобраться, почему так? Пыталась. Думала. Как-то, уже в поздние годы, в «Записной книжке» Чехова наткнулась на такую мысль: "Человечество понимало историю как ряд битв, потому что до сих пор борьбу считало оно главным в жизни". Эти слова Чехова поразили её: «Возможно, в этом и есть причина моего предвзятого отношения к слову «борьба». Как может быть борьба главной в жизни?! В школе нас призывали к разной борьбе, например: «Борься, искать, найти и не сдаваться». Фаину Фелициановну от этих слов переворачивало. Борьба - это животное чувство, близкое малообразованному большинству. Недаром большевизм есть опора централизованной власти, опора империи. Интеллектуальное меньшинство всегда двигало историю. Мы делали танки, а Запад создал компьютер. Фаина Фелициановна считала в жизни главным: любовь, веру, надежду, мудрость, образованность. Борьба же пусть будет словесная, для любителей спорить, и борьба - как вид спорта. Писать историю как череду битв, возвеличивать борьбу, насилие и все, что следует за этим? Невозможно, чтобы подобные мысли были главными. История, по мнению Фаины Фелициановны, как никакая другая наука, выполняет заказ власти во все времена. Например, Карамзин писал историю по царям. Фаина Фелициановна считала, что это во многом заказное издание того време-

ни. Для неё главная история - это Героическая история, то есть Божественная, художественная литература с Христом, Моисеем, Чеховым, Набоковым...

Это пришло потом.

А тогда тётя Муза объяснила Фаине, чтобы при появлении в комнате посторонних она с сестрёнкой выскользнула из комнаты под любым предлогом и бежала через проходной двор за сараем к тётиной приятельнице, а сюда больше не возвращалась.

В самом начале ноября выпал снег.

Поздним вечером 7 ноября за тётей Музой пришли.

Фаина с сестрёнкой выскочила на улицу, в чём была, и побежала к тётиной приятельнице в тапочках по снегу. У неё девочки прожили больше недели, а потом за ними приехала Вероника Николаевна, племянница бабушки, двоюродная сестра отца Фаины, и увезла с собой в Москву.

В этот день Фаина повзрослела.

Только через четверть века она узнала, что испытали её родители, прежде чем их расстреляли.

Вероника Николаевна заменила им и мать и отца. Она была врачом. Всю свою жизнь она посвятила гинекологии. О Веронике Николаевне рассказывали легенды. Она никогда не отказывала в помощи женщинам, потерявшим надежду родить ребёнка. Многие обретали счастье материнства благодаря ей. Благовоспитанная, добросердечная она внушала одним только своим присутствием надежду.

Связи Вероники Николаевны были безграничны. Но она прибегала к ним только в самых крайних случаях. Именно благодаря помощи жён власть имущих, она сумела оформить удочерение девочек.

Всю свою любовь и нежность отдала она им. Фаина так никогда и не узнала, была ли у неё любовь, почему она не вышла замуж. У них в семье было не принято задавать по-

добные вопросы. Воспитывала атмосфера в семье - доверие, любовь, нежность, сдержанность.

В доме свободно говорили на французском и английском языках, постоянно читали и обменивались впечатлениями, ходили в театры и, конечно, в консерваторию.

В последующие годы Фаина Фелициановна не упускала возможности побывать на интересных концертах. Как будто сейчас она видит, как оркестранты рассаживаются, настраиваются. Взвизгивает скрипка. Шум в зале на мгновение стихает. На сцене появляется дирижёр. Музыканты встают, приветствуя его. Но тут же проносится какой-то изумлённый ропот, сменяемый шквалом аплодисментов с одобрительными возгласами. На дирижёре вместо традиционного смокинга - красная водолазка и синий бархатный костюм. Это и вызывает бурную реакцию. Стоя лицом к публике, дирижёр взмахивает палочкой, и вспыхивает невероятная музыка, которую эти стены в таком исполнении ещё не слышали: «Американец в Париже» Джорджа Гершвина. Дирижёр в ударе. Он то поворачивается лицом к оркестру, то лихо пританцовывая, как бы привлекает слушателей к участию в этом празднике свободного искусства. Такого озорного концерта ни прежде, ни потом Фаина Фелициановна не видела. А тут ещё жару поддает «Голубая рапсодия». Публика, оркестр, авангардная музыка под экспрессивными взмахами дирижёрской палочки превращаются в единый организм и не желают расставаться. Восхищённый зал неистовствует!

Времена переплетаются, соединяя произвольно старость с детством.

Тогда девочки общались с узким кругом верных друзей, с остальными же держались приветливо и доброжелательно. Всё это было так же обычно, как необходимость дышать.

Девочки учились с удовольствием без всяких видимых усилий, помогали по дому и беззаветно любили приёмную маму, Веронику Николаевну.

Фаина после окончания школы поступила на филологический факультет Московского университета на отделение славянских языков.

Языки давались Фаине легко. Ещё студенткой её привлекали к работе переводчиком с сербохорватского языка, а через четыре года после окончания университета она попала на работу в советское посольство в Белграде.

Там за ней стал настойчиво ухаживать сотрудник посольства Захарченко, который работал в разведке под прикрытием посольства. У него была семья, поэтому ухаживал он украдкой. Фаина же понимала, что с подобными людьми следует быть предельно осторожной, чувствовала себя канатоходцем.

В посольстве постоянно устраивались встречи с учеными, деятелями искусств, отмечались советские праздники, на которые приглашались известные в Югославии люди. Среди них Фаина обратила внимание на загорелого синеглазого статного красавца по имени Горан (горный человек). Молодой человек был уже очень авторитетным физиком, его часто приглашали в Союз, у него были друзья среди наших учёных, в числе которых был Крючков, тоже молодой физик, которой по случайному совпадению жил в соседнем с Фаиной доме в Москве.

Горан не упускал случая поговорить с Фаиной. Их взаимная симпатия быстро переросла в страстную любовь, которую они тщательно скрывали. Оба понимали, что у них нет будущего, но чувства были сильнее рассудка.

Фаина забеременела и сообщила Горану, что оставит ребёнка, вырастит его достойным человеком.

Она отдавала себе отчёт в том, что это грозит ей страшными последствиями, но решила оставить сына. Она почему-то была уверена, что родит именно сына.

Ухаживания же Захарченко были всё настойчивее, она не знала о том, догадывается ли он о её связи с Гораном.

Во время отпуска в Москве Захарченко пришёл к ней в гости, был очень настойчив в выражении своих чувств, и она уступила ему, с тайной мыслью замести следы о своей связи с Гораном.

Захарченко считал, что ребёнок этот его, и обещал Фаине всяческую поддержку.

А она заверила его, что никому и никогда не станет говорить об этом, и не будет беспокоить его, понимая всю сложность гзбешной карьеры Захарченко и его семейного положения.

В Белград, конечно, она не вернулась.

Захарченко позаботился о ней, устроил в Ленинку - в отдел зарубежной библиографии.

В чём у неё была прелесть в работе? Ведь Фаина Фелициановна в годы, когда за самиздат давали срок, имела возможность читать то, что было под запретом. Она жадно проглатывала зарубежную периодику, которая поступала только для служебного пользования. И готовила квалифицированные обзоры для узкого круга специалистов по разным направлениям гуманитарных знаний.

Целыми днями она была занята. Потому что помимо интереснейшей работы, она делала переводы книг и статей с сербохорватского, французского, испанского... Упивалась Набоковым, особенно ей нравился роман «Приглашение на казнь». Это было что-то доселе неведомое по замыслу и гениальному исполнению. Хотя бы вот:

«Цинциннат встал тоже.

- "Узник! В этот торжественный час, когда все взоры направлены на тебя, и судьи твои ликуют, и ты готовишься к тем произвольным телодвижениям, которые непосредственно следуют за отсечением головы, я обращаюсь к тебе с напутственным словом. Мне выпало на долю, - и этого я не забуду никогда, - обставить твоё житье в темнице всеми теми многочисленными удобствами, которые

дозволяет закон. Посему я счастлив буду уделить всевозможное внимание всякому изъявлению твоей благодарности, но желательно в письменной форме и на одной стороне листа".

- Вот, - сказал директор, складывая очки. - Это все. Я вас больше не удерживаю. Известите, если что понадобится.

Он сел к столу и начал быстро писать, тем показывая, что аудиенция кончена. Цинциннат вышел».

Фаина Фелициановна увидела на блюде вишенки-черешенки. Когда это было?

Ну, кто может пригласить на казнь? Конечно Набоков. Кто так мастерски, играючи жонглирует словами? Он - Владимир Владимирович! «Итак - подбираемся к концу. Правая, еще непочатая часть развернутого романа, которую мы, посреди лакомого чтенья, легонько ощупывали, машинально проверяя, много ли еще (и все радовала пальцы спокойная, верная толщина), вдруг, ни с того ни с сего, оказалась совсем тощей». Предвкушая удовольствие от чтения и наслаждения стилем, Фаина Фелициановна мыла ягоды. Вот они вишенки-черешенки, лежат на блюде, капельки воды на них - то ли слезинки, то ли коровки божии. Лежат они дожидаются, когда же Фаина Фелициановна, преданная читательница, нырнёт в увлекательную игру слов и мыслей, погружаясь в желанную толщину романа, поглощая незаметно сладкие, сочные ягоды. Фаина Фелициановна шевелит губами: «Пригласаю черешенку по фамилии Цинциннат на казнь! Будьте любезны».

У Фаины родился сын.

Фаина с Захарченко никогда в жизни больше не виделись.

Она назвала сына Константином. Сестра её уже давно жила своей семьёй в Ленинграде, а Фаина с Вероникой Николаевной души не чаяли в Косте.

Мальчик рос очень самостоятельным, проявляя мужской характер с первых месяцев.

Через пять лет Фаина прочла в зарубежных газетах о том, что Горан, выдающийся физик из Югославии, находясь на научной конференции в США, попросил политического убежища. В Югославских же о нём писали, как о предателе родины.

Фаина поняла, что они с Гораном никогда не смогут увидеться, но в её сердце по-прежнему жила любовь. Об успехах Горана она узнавала из зарубежной прессы.

Иногда она встречала Крючкова, приятеля Горана, они здоровались. Однажды, в середине семидесятых Крючков подошёл к ней и передал привет от Горана, с которым он встретился в Женеве на симпозиуме.

- Он просил передать, что никогда тебя не забудет, - сказал Крючков.

Эти слова всколыхнули в душе Фаины прежние чувства с новой силой. Никого и никогда она так больше и не любила. Удивительным образом она ощущала постоянную поддержку любимого человека.

Часто Фаина Фелициановна ловила себя на мысли, что её прошлая жизнь видится как призрачный сон, причём сон этот трансформируется вместе с ней. Меняются не сами воспоминания, а ракурс, в котором она видит их. Он каждый раз меняется. Обычно Фаина Фелициановна погружалась в мир воспоминаний во время бессонницы. Она приходит к ней всегда неожиданно. Фаина Фелициановна подружилась с ней. Ведь, в сущности, значительная часть жизни уходит у неё на познание себя самой, и, именно, во время бессонницы. Анализ своих поступков, откровенный разговор с собой, - для этого больше всего подходит ночная тишина. Размышления. Что такое её жизнь?! Как легкомысленно и беспечно Фаина Фелициановна обращалась со временем. А теперь, когда жизнь

уже за спиной, хочется воскликнуть словами Есенина: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» Что такое есть моя жизнь? Ответ Фаина Фелициановна нашла у Тютчева в стихотворении «Бессонница»:

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

Именно «бледнеет», удаляется и исчезает. Да, жизнь похожа на сон, призрачный сон. Сегодня Фаина Фелициановна поняла, что больше всего времени прошедшей жизни было потрачено на ожидание. Не само счастье, а его ожидание, предвкушение, пожалуй, вызывает самые острые ощущения. «Отчего всё так призрачно в прошлом и таинственно в будущем?» - задавала она себе вопрос, и сама же отвечала, что происходит это оттого, что его, прошлого, как будто бы не было.

Отдельные картины, отдельные фрагменты.

Сын Костя не раз спрашивал её об отце, но Фаина неизменно отвечала, что отец его - выдающийся человек, а больше она ему пока сказать ничего не может.

- Он очень любит тебя, сынок, - неизменно повторяла она, - а пока тебе лучше не знать правды. Всему своё время.

Перестройка вселила в сердца многих жителей страны надежды на цивилизованный путь развития и прекращение противостояния.

Константин блистательно окончил физико-технический институт, и его оставили в аспирантуре.

- Настало время, Костя, тебе узнать всю правду об отце и о нашей семье, - сказала Фаина, как-то за обедом в субботу, - разговор будет долгим, сын.

Далеко за полночь продолжалась их беседа. Константин был потрясён тем, что выпало на долю их семьи. История любви его родителей вызвала у него бурю эмоций.

- Мама, да как же ты всё это пережила? Отец мой известный учёный-физик! Фантастика! А он знает обо мне?

- Да, знает и любит тебя, - сказала Фаина.

Сын долгим взглядом посмотрел на мать.

- Но теперь ведь совсем другие времена, возможно, я смогу встретится с ним? Как ты думаешь? - спросил он.

- Я очень на это надеюсь, - ответила Фаина.

- А в вашей библиотеке есть его статьи, книги?

Мать улыбнулась.

- Конечно, есть, - сказала она.

- Я хочу познакомиться с его работами.

- Я постараюсь принести, Костя, что смогу.

Не прошло и пяти лет, как Горан приехал в Москву в составе делегации видных американских учёных в институт, в котором все эти годы работал Крючков, дослужившийся до должности заместителя директора.

Накануне приезда Горана в Москву, Крючков подкараулил Фаину у подъезда её дома. Она думала, что он пришёл сообщить эту невероятную новость, поэтому очень удивилась, когда Крючков стал, опустив глаза, сбивчиво ей объяснять, какой опасности он подвергался, общаясь с Гораном за границей.

- Я всё понимаю, спасибо вам, - сказала она с благодарностью.

- Фаина, тут есть один маленький нюанс, как тебе сказать, - мялся Крючков.

- Какой ещё нюанс? - недоумевала Фаина.

- Понимаешь, он давал мне валюту для вас. Но не мог же я заниматься передачей валюты. Представляешь, какой опасности я подвергался? Вот возьми, - пробормотал он и сунул ей конверт.

- Что ты! Ничего я не возьму, - воскликнула растерянная Фаина и оттолкнула Крючкова.

- Но ты же не будешь его втягивать в наши дела? - воскликнул Крючков.

Фаине так захотелось дать ему пощечину, но она сдержалась и, брезгливо отодвинувшись от Крючкова, тихо ответила:

- Конечно, нет. Спи спокойно, если можешь.

Она сильно переживала случившееся, но старалась не показывать виду. Она была уверена, что любое счастливое или трагическое событие надо с терпением пережить. Для этого необходимо не только время. Переживать для Фаины Фелициановны - это внутренне проживать событие до тех пор, пока она не размотает весь клубок своих противоречивых чувств. Переживание, как она понимала, - это медленное взросление, рост души, жизненный опыт. Богатый душой человек различает сиюминутные эмоциональные перепады, которые растворятся сами по себе через непродолжительный период, и основательные, вплетающиеся в судьбу.

Фаина Фелициановна пошевелила рукой, нащупала на тумбочке очки и книгу.

На подоконнике, как и прежде, сидел чёрный кот, что-то разглядывая за окном. Пушистый хвост свисал до самой батареи.

Фаина Фелициановна раскрыла томик Тарковского. Глаза побежали по строчкам:

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

скудельный сосуд

Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя - на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, все без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава.

Она идет по берегу моря, в страхе оглядывается по сторонам, но вокруг нет ни души, только горы на фоне неба, и дуга моря на горизонте.

Она одна.

Она одинока.

Страх переходит в ужас.

Несмотря на это, она входит в воду, как будто её кто-то гонит.

И в этот момент Фаина видит, как перед ней садится на волну ослепительно белая чайка.

Фаине так хочется её потрогать!

Она тянется к ней тонкими руками, но чайка всё время отплывает дальше.

Фаина уже не доставала дна, пришлось плыть, но чайка её манила все дальше и дальше в море. Тут волна накрыла Фаину, но она, собравшись с силами, вынырнула.

И полетела!

Я НЕ СОЛНЫШКО - ВСЕХ НЕ ОБОГРЕЮ

Нельзя сказать, что моя героиня, Горшкова, была манекеном, хотя в просторной витрине ателье, расположенном в неказистой пятиэтажке на отшибе Москвы, где она работала и где шили мужскую и женскую одежду, всё же стояли манекены, облачённые в образцы советской одежды, которую нормальному человеку даже примерить в голову не придёт. Дверь в дверь с ателье был винный отдел, поэтому сюда часто вламывались не совсем трезвые типы. Уже с порога их приводил в чувства резкий голос Горшковой:

- Куда?! Вам в другую дверь!

А ведь когда-то Горшкова была прилежной ученицей, и даже отличницей.

Носик вздёрнут. Светлые глаза, радужная оболочка в крапинку, она при разговоре нарочито их щурит, считая, что это выглядит весьма привлекательно. Выпуклый лоб она любит морщить, считая это эффектным. Худенькая, ниже среднего роста, Горшкова любила постоянно крутиться перед зеркалом, училась строить глазки и кокетничать. Она настолько привыкла жеманничать, что держаться естественно уже не могла. Ножки привыкла перекрещивать. Когда смеётся, неестественно громко, слегка приседает и оглядывается по сторонам. Любила себя больше всего и всех на свете. Ей кажется, что она не живёт, а исполняет весьма значительную роль. Горшкова единственный ребёнок, родители гордятся её успехами и всячески балуют.

Горшковой жизнь представлялась сказкой.

Как невероятно давно это было, как необычайно счастливо! С Горшковой ли это всё было?! Долгожданные дни. Никаких опостылевших уроков. Утро начиналось с пьянящего чувства свободы: хочет - лежит, хочет - смотрит по телевизору фильмы «про любовь». Никакого будильника! День, бесконечно длинный, впереди. Зимой - ёлки, подарки, конфеты, мандарины. На санках с горы летит, жмурится от яркого снега. Игра в снежки до полного изнеможения, а потом, весело захлёбываясь от восторга, лепит с ребятами снеговиков. Во дворе девочки и мальчики лепили отдельно, соревнуясь на скорость и неожиданность. Каждый раз все старались придумать что-нибудь посмешнее. Девочки приносили из дома старинные бабушкины шляпы или сумочки. В прозрачном воздухе кружились легкие снежинки.

Горшкова окончила школу с золотой медалью. Мать мечтала, чтобы дочь поступила в институт иностранных языков на французское отделение, и обязательно побывала в Париже, осуществив её несбывшееся желание.

Но учёба Горшкову не привлекала.

После школы Горшкова жила у бабушки, по отцу, в частном доме в Сокольниках. Днями и ночами она металась по магазинам, чтобы достать дефицитную модную вещь. Держалась независимо и неприступно, соседи считали её вообразимой и кривлякой, а она была уверена, что ей ужасно завидуют.

Любовь и развлечения были только поводом показаться в очередном умопомрачительном наряде. Вскоре ей пришлось пережить два сильных потрясения: внезапную смерть отца, а через два месяца тихо и незаметно ушла из жизни бабушка, которая так заботилась о ней, что Горшкова не имела представления о бытовой стороне жизни.

Дома её оберегала мать, а после школы - бабушка. Обе баловали её с упоением, уверенные в том, что она невероятно талантливая и достойна лучшей жизни. Если бы их попросили ответить на вопрос: «Какой собственно должна быть эта иная жизнь?» - вряд ли они бы смогли ответить конкретно.

Отец Горшковой умер от сердечного приступа внезапно по дороге на работу. Это был страшный удар для жены и дочери. На похоронах они узнали, что у отца была любимая женщина, которая родила ему сына. Всё своё свободное время отец Горшковой проводил у неё, об этом знали все, даже соседи, которые посмеивались над его женой, когда она рассказывала о занятости мужа на работе.

Отец Горшковой работал начальником строительного комбината, строил промышленные предприятия, поэтому семья прежде, чем поселиться в столице переезжала из одного города в другой.

Горшкова училась в шести школах, но всегда только на пятёрки. Девочка была невероятно честолюбива. Мать её окончила медицинский институт, на последнем курсе вышла замуж и родила дочку вскоре после защиты дипломной работы, уехала с мужем в Барнаул, да так с тех пор и не стала работать. У неё даже не было трудовой книжки, о чём она всегда сообщала, поднимая указательный палец, считая этот факт выражением особенной любви со стороны мужа.

Мать Горшковой говорила о муже всегда в третьем лице и звала его на «вы» и по имени отчеству». Она постоянно повторяла как заклинание: «Всю жизнь муж посвящает работе. Он уходит на работу в семь часов утра и приходит не раньше десяти часов вечера. И так всю жизнь каждый день, без отпусков и праздников. А зарплату всю он полностью отдаёт мне, до копейки и никогда не спрашивает,

как и на что я трачу деньги, потому что уверен во мне. Знает, что я только о семье думаю».

Мать Горшковой действительно была хорошей хозяйкой. Она знала, как правильно чистить мягкую и полированную мебель, верхнюю одежду, прекрасно шила и вязала, в любых условиях умела создать уют. Премудрости кулинарного искусства также были ей известны. Дочку свою она всячески баловала, ухаживала за ней, как за ребёнком малым, ей так хотелось, чтобы дочь стала успешной, прожила необычную, романтическую жизнь, о которой она мечтала в юности, насмотревшись телевизора.

После смерти мужа мать Горшковой устроилась работать администратором в приёмное отделение городской больницы. Держалась она замкнуто. Думала только о том, чтобы наилучшим образом устроить судьбу дочери.

Горшкова мечтала стать манекенщицей, но небольшой рост и внешность не соответствовали требованиям, необходимым для этой профессии. А через год произошло событие, которое утвердило Горшкову и её мать в том, что она не такая как все. Она поехала отдыхать на золотые пески в Болгарию. Эта поездка настолько вскружила ей голову, что она просто не могла общаться с окружающими её людьми, они казались ей не интересными. Она же возомнила себя иностранкой.

Одежду Горшкова шила исключительно в ателье и руководствовалась своей фантазией. Выглядела она весьма экстравагантно, порой даже странно, например, она заказала зимнее пальто тёмно-зелёного цвета (бутылочного, как она его назвала) с отделкой из чёрного каракуля: воротник стойка, пуговицы, широкий рукав 3/4, отороченный каракулем. Пальто было расклешённое и выше колен, выглядело эффектно, но в нём было холодно зимой. Когда она в мороз шествовала по улице, едва сдерживая себя, чтобы не стучать зубами, прохожие изумлённо смотрели ей в след.

Ради красоты Горшкова была готова на любые жертвы, лишь бы произвести впечатление на окружающих. Она жадно ловила взгляды оглядывающихся ей вслед людей, в которых видела только зависть.

Для неё самым главным стало произвести впечатление, выделиться.

И это ей удавалось.

Вот шествует Горшкова по улице: на голове - ажурная шляпка, руки в таких же митенках, на согнутом локте висит красный зонтик с кружевной оборочкой, белые носочки и босоножки на высоких каблуках завершают образ. Идет она плавно, взгляд её устремлён ввысь. Странная незнакомка - не заметить такую невозможно.

Подруг у неё не было, а знакомые её не понимали и улыбались, пожимая плечами. На Новый год Горшкова жила несколько дней у матери. Как-то раз перед началом сеанса в кинотеатре к ним подошёл высокий спортивного сложения молодой человек, который выразил своё восхищение её элегантностью. Он был галантен, проводил их до подъезда, поцеловал учтиво каждую руку и попросил разрешения продолжить знакомство.

Он, Седенков, был преподавателем физкультуры.

Летом они поженились.

Первый месяц молодые жили у матери Горшковой, которая прекрасно готовила и баловала зятя кулинарными изысками. Затем молодые переехали к бабушке в Сокольники. Мать снабдила их едой на первое время: пироги, котлеты, копчёная курица, соленья, чего только она не собрала своим «деточкам».

Через неделю выяснилось, что никто из влюблённых не готов жертвовать своим свободным временем для решения бытовых проблем. Обоим нравилось вертеться перед зеркалом.

Вначале это их забавляло.

Однажды Седенков, который любил гонять на мотоцикле, внёс его в комнату, посадил Горшкову, сел сам и они с весёлым хохотом долго любовались собой. Затем Седенков предложил поесть, на что Горшкова кокетливо ответила, что ей достаточно 2-3-х яблок и чашки чая, мамина еда закончилась, а больше ничего в доме нет. Разразился скандал, взаимные обвинения и упрёки закончились слезами Горшковой, а молодой муж, громко хлопнув дверью, ушёл и вернулся на рассвете.

Семейная жизнь их продлилась меньше трёх месяцев.

Седенков упрекал жену в том, что она совершенно не умеет готовить, да и не пытается учиться. Горшкова же не понимала, как он может требовать от неё подобные вещи, ведь она создана исключительно для того, чтобы ею восхищались, и, вообще, он обещал, что будет носить её на руках.

Возить на курорты.

Гордиться ею.

Горшкова никак понять не могла, за что муж так коварно её обманул.

Когда муж пытался её вразумить, он кричала:

- Если будешь со мной так разговаривать, я тебе не дам.

Муж в стыдливом замешательстве выдавливал:

- Как не дашь?!

- А вот так! Бери раскладушку и ложись!

Подругам Горшкова с гордостью сообщала, что «не даёт» мужу. Подруги пожимали плечами. Потом кто-то из них ронял:

- Ну, и дура! Он найдёт себе другую.

Вскоре они развелись.

Горшкова проплакала целых три дня, а потом встретила соседа Донского, который уже более пяти лет безответно был влюблён в неё.

Подумала, и приняла его ухаживания и заботу.

Донской был старше Горшковой на шесть лет, работал электриком на заводе. Вернувшись из армии, он всегда приходил к ним в дом помочь бабушке. Донской восхищался Горшковой с первых дней знакомства, пытался ухаживать за ней, но она решительно отклоняла его попытки. Бабушке же он очень нравился, она постоянно повторяла:

- Внученька, он рукастый, любит тебя, пылинки с тебя сдувать будет, присмотрись к нему.

- Бабушка, как ты себе это представляешь? Я и - электрик? Куда я с ним пойду, о чём буду разговаривать? А люди что подумают! Он мне не пара.

- Ох, внученька, пробросаешься, он так тебя любит, - вздыхала бабушка.

Горшкова была очень высокого мнения о себе, ведь у неё было золотая медаль, что может быть у неё общего с простым электриком.

Она ничего не читала, ей было некогда, всё время уходило на добывание модных, броских вещей.

Мать Горшковой тоже считала, что Донской слишком прост для её дочери. Донской же, чтобы завоевать сердце Горшковой, поступил на вечернее отделение политехнического института, стал инженером, потом начальником участка.

Когда она развелась с Седенковым, он возобновил свои ухаживания. Стал приглашать её на эстрадные концерты, в кафе, на стадионы. Он болел за «Спартак». Дарил цветы, провожал, заботился. Мать Горшковой после неудачного замужества дочери, изменила своё отношение к Донскому, и стала убеждать дочь, что лучше быть любимой, чем любить самой.

Горшкова и Донской поженились.

Через два года у них родилась дочка, Катя.

Вскоре они переехали в новую квартиру на отшибе Москвы. Квартира была просторная и солнечная со всеми

удобствами. Горшкова постоянно жаловалась мужу, что тратит на дорогу до работы и обратно более трёх часов, что ужасно устаёт по его вине.

Донской чувствовал себя виноватым.

Он боготворил свою дочку, всячески баловал. Старался исполнять все желания любимой жены. Отправлял её каждый год на отдых в Прибалтику или на юг, но и там Горшкова большую часть времени проводила в магазинах.

Больше всего Горшкова любила «торжественные выходы», как она говорила из дома.

Она наряжала Катю, придирчиво оглядывала одежду мужа, надевала всё самое лучшее и торжественно, под руку с мужем шествовала на прогулку, задерживаясь перед каждой витриной, чтобы насладиться своим отражением.

Донской делал всю работу по дому, успевал готовить, оберегал жену от всех житейских забот. Донской пребывал всегда в хорошем настроении, всё делал весело. У них дома всё вертелось вокруг Горшковой, а поинтересоваться делами или здоровьем мужа ей даже в голову не приходило.

Через несколько лет у Горшковой всё чаще стали возникать проблемы на работе.

Горшкову окружали на работе, в основном, одинокие женщины, которые просто завидовали её удачному замужеству, так Горшкова объясняла мужу причину их нелюбви к ней. В результате Донской настоял на том, чтобы она оставила работу ради сохранения здоровья.

Дочка очень любила отца, всё время проводила с ним, и старалась ему во всём помогать, а мама была у них в доме, как украшение, так казалось девочке. Ещё мама с удовольствием бегала по магазинам и ателье в поисках нарядов для себя и для дочки.

Однажды, она увидела у входа в метро молодую девушку в таких необыкновенных туфлях, что у неё даже дыхание перехватило - белые, на высоченной шпильке, с изысканными вырезами: для большого пальца и по бокам, да ещё с изящной пряжкой впереди. Горшкова почувствовала, что она не сможет жить без таких туфель, они ей необходимы немедленно. Она подбежала к незнакомке и с мольбой в голосе воскликнула: «Девушка, где вы купили эти туфли?» Незнакомка остановилась, и, к удивлению самой Горшковой, вежливо ответила, что туфли свои она купила несколько дней назад в Измайлово и сказала адрес магазина. Горшковой нужно было возвращаться домой, чтобы встретить дочку из школы, но она, забыв обо всём на свете, поспешила в Измайлово. К её неопишуемой радости ей досталась последняя пара. Повезло, потому что у неё был маленький размер. Дочка Катя не понимала страстного желания матери выделяться и, взрослея, всё чаще восставала против попыток Горшковой сделать из неё принцессу.

Между ней и мамой всё чаще возникали споры.

Катя была полной противоположностью матери, росла спокойной задумчивой девочкой.

Горшкова позволяла мужу любить себя, но сама была холодна. Материнские же чувства едва теплились в душе её.

Частенько и Донскому приходилось слышать от неё обидное «не дам», но он смиренно переносил эту семейную экзекуцию на узкой кушетке.

Горшкова просыпалась каждое утро с видом победительницы и с единственной мыслью: "нравиться!"

И это было целью и смыслом ее жизни.

Горшкова была настолько занята своей внешностью и бесконечными поисками модных «штучек», так она называла все свои покупки, что совершенно не интересовалась жизнью и интересами дочери.

Как-то Катя, покрасневшись и отдуваясь от тяжестей, шла из овощного магазина с сетками картошки. И она была очень удивлена тому, что ей вызвался, догнав, помочь мальчик.

- Спасибо! - сказала Катя.
- Как тебя зовут? - спросил мальчик.
- Катя, - сказала Катя. - А тебя?
- Генрих, - сказал мальчик.

Катя задумалась. Это имя было необычно, и в её жизни встретилось впервые.

Вежливость Генриха и его предупредительность сразу понравились Кате. С тех пор они подружились. Генрих бал старше Кати на два года. Они жили в соседних домах. Когда Катя впервые пришла к нему в гости, её поразил не только белый рояль, но отношения любви и внимания в этой семье друг к другу. Родители Генриха спрашивали её о том, чем она увлекается, что читает.

Мать Генриха читает Гёте и печёт пирожки, такие вкусные, каких Катя никогда не ела.

Незаметно она стала всё чаще заходить после школы к Генриху. Отец Генриха был музыкантом в симфоническом оркестре, играл на скрипке. Так Катя постепенно полюбила классическую музыку, мать Генриха стала приглашать её на концерты.

Катя всё чаще задумывалась о том, что мать её совершенно не заботится ни о ней, ни об отце, её не интересует, почему дочь стремится, как можно чаще уйти из дома, и проводит так много времени у своего друга. Когда Генрих заходил за Катей, Горшкова равнодушно здоровалась с ним и уходила в другую комнату, ссылаясь на то, что у неё нет времени, а Катя от неловкости за невнимание матери к её другу краснела.

Потеряв работу, Горшкова растерялась, ей нечем было заняться. Некуда ходить, показывать новые платья и при-

чески. Находиться дома одной целыми днями она не привыкла.

Муж предложил ей пойти в библиотеку при заводском доме культуры. Горшкова сморщила носик, надула обиженно губки и обиженно сказала:

- Я сама найду себе работу, серой мышью сидеть в вашей библиотеке я не буду!

Она считала себя слишком яркой фигурой для какой-то заводской библиотеки с книжками, которые нужны были, в чем Горшкова ни капли не сомневалась, только бездельникам.

Она нашла работу по душе в ателье, куда устроилась в ателье приёмщицей.

Как-то раз она вернулась домой расстроенная из-за того, что заведующая ателье отчитала её за грубость. На что оскорблённая Горшкова ей ответила:

- Я не солнышко - всех не обогрею!

- В таком случае вам придётся искать себе другую работу, - ответила заведующая.

Горшкова еле сдержалась, но всё же промолчала.

Она собиралась, как обычно, пожаловаться мужу, который всегда её понимал и утешал, но он не пришел с работы, хотя обычно в это время бывал уже дома.

- А где папа? - спросила она дочку.

- Он в больнице, а ты разве не знаешь? - ответила восьмилетняя дочь.

- Как в больнице? Что случилось? Почему он мне не позвонил?

- Потому что не может. Звонили с его работы, сказали, что его увезла «скорая помощь».

Горшкова сморщила личико в обиженную гримасу и плаксивым голосом воскликнула:

- Как «скорая»?! А как же мы с тобой, Катя? Он ведь никогда не болел!

Дочка некоторое время молча смотрела на мать, как будто видела впервые эту постороннюю женщину, затем с огорчением сказала:

- Мама, главное, узнать скорее в какой папа больнице.

- Но я же без него не могу, как мы будем без него, - всхлипывая, произнесла Горшкова.

Она упала на диван и накрылась пледом.

Катя вышла из комнаты, пошла на кухню, приготовила чай и бутерброды и позвала мать, но Горшкова обиженно сказала:

- Как ты можешь думать о еде, когда у нас такое горе!?

Катя привыкла к подобному поведению матери, но если отца такая манера восхищала, то девочку она раздражала.

Только Катя собралась поесть, как в дверь позвонили. Пришли две сотрудницы отца поговорить с Горшковой о дежурстве в больнице. Катя позвала мать, но та категорически отказалась вставать, сославшись на плохое самочувствие. Сотрудницы были поражены её равнодушием к состоянию здоровья мужа.

Катя предложила им выпить чаю.

«Ещё маленькая, а уже такая разумная девочка. До чего же похожа на нашего начальника, а жена! Это нечто! Как он может с ней жить! Эгоистка, она даже ребёнком не занимается. Ей дела нет ни до кого, кроме себя», - возмущались они на следующий день на работе.

Женщины из цеха, начальником которого был Донской, составили график ухода за ним. По просьбе больного они заботились и о его семье - привозили продукты и деньги. Они никак не могли понять такую заботу больного о жене.

Донской только о ней и говорил, объясняя им, что жена ни в коем случае не должна приходить в больницу, потому что это её расстроит. Горшкова же всё плакала, в результате у неё поднялось давление.

Все мысли Донского были только о жене и дочери. «Не бросайте мою семью без помощи», - были его последние слова.

Смерть мужа не сблизила Горшкову с дочерью.

Горшкова ушла в себя и бесконечно повторяла: «За что мне такая несчастная судьба! Как же муж мог меня оставить, такую беззащитную! Как мы будем жить?» Катя молча готовила еду, убирала, хорошо училась, поддерживала мать. Она уже почти не обращала внимания на стоны матери.

После окончания школы Катя поступила в педагогический институт на вечернее отделение, устроилась на работу, и в восемнадцать лет вышла замуж за Генриха, который учился в Консерватории.

О своём решении жить у мужа она сообщила матери, собирая вещи.

- Катя, а как же я буду без тебя? - растерялась Горшкова. - Как я буду жить, ты об этом подумала?

Катя помялась, переступая с ноги на ногу.

- Мама, пора учиться жить самостоятельно. Тебе ещё нет пятидесяти, ты можешь ещё замуж выйти. Я учусь и работаю, у меня будет ребёнок, он будет мешать тебе. Мы будем приходить к тебе в гости, - сказала Катя как можно вежливее, повернулась и ушла.

Первое время Катя старалась часто навещать мать, но говорить им было не о чем, а слушать жалобы матери на несчастную судьбу было невыносимо, поэтому она стала забегать на несколько минут.

Горшкова буквально за один год превратилась в сморщенную старушку.

Оглядываясь назад, она хотя и смутно, но понимала, что большая часть жизни уже прожита ею, но не могла это принять, потому что до конца не понимала, куда же исчезла её жизнь!?

Горшкова не успела оглянуться, а минуло пять, десять, тридцать, пятьдесят... лет. Бег времени ускорился с каждым годом... Куда оно спешит, зачем!?

Эпатажные наряды постепенно исчезли, им на смену пришли серые и коричневые водолазки, тёмные юбки.

Горшкова окончательно перестала ухаживать за собой.

Сидела в ателье, изредка покрикивая на случайно вошедшую пьянь:

- Куда?! В другую дверь!

После работы часами бесцельно бродила по улице.

Если кто-то из прежних знакомых её окликал, то она начинала жаловаться на свою несчастную судьбу.

В ЗЕРКАЛАХ

- Где моя сумка?! - растерянно бормотала Вознесенская, и яркие красные губы её при этом капризно изгибались. Она кружилась в магазинной толпе, повторяя, как заклинание: - Где моя сумка?!

Конечно, я могу понять свою героиню, которая недоумевала, куда подевалась её любимая вместительная в форме торбы сумка из натуральной кожи, обычно висевшая на левом плече. В сумке этой находились все самые необходимые для настоящей женщины вещи, без которых просто невозможно представить себе жизнь.

Вознесенская в последние дни была настолько поглощена своей недавней покупкой, точнее событием приобретения массивного старинного зеркала, что пребывала в состоянии некой рассеянности. Самое удивительное, что рядом с ней никого не было. В отдалении несколько человек с любопытством смотрели на неё. При её очередном отчаянном возгласе: «Где моя сумка?» - любопытные мгновенно исчезли.

А ведь всё складывалось в этот день необыкновенно удачно.

Настроение у Вознесенской в канун Нового года было каким-то зеркально сияющим.

Пахло снегом и хвоей.

Ёлки отражались в зеркалах.

Оранжевые мандарины возвращали в детство.

В последнее десятилетие возникали из стекла и современных материалов банки, рестораны, клубы, где люди оглушались музыкой, дробились отражением в зеркалах, яв-

ляясь то полубогаженными роскошными женщинами, то бизнесменами в красных пиджаках, ослеплённые светом, опьянённые шампанским. Как из воздуха, возникали всевозможные офисы. Открывались казино.

Карнавальная свобода пьянила до безрассудства.

Вознесенская не ходила, а летала по сверкающим огнями улицам.

Да, сегодня она была счастлива!

Наконец-то, антикварное зеркало в резной с инкрустацией оправе разместилось во всю стену в большой комнате, придав ей театральный вид. Она удачно подхалтурила в антрепризе.

Подобное зеркало она видела в своих снах, именно такое, подёрнутое по углам патиной, которая была свидетельством его возраста.

О, это чудесное зеркало передавало малейшие изменения настроения Вознесенской, отражало её женственность и артистизм.

Как долго она искала его!

Театр зеркал с жёлтыми, даже золотистыми отблесками вскрывал её натуру.

Оно рассеивает свет,
Оно показывает нам вещей нагую суть,
Оно отказывает нам в возможности на миг отвлечься,
Оно - что камень,
Твердый камень
Движения и взгляда,
В его холодном блеске дрожат и тают маски,
И то, что схвачено руками, гнушается принять чужую форму рук,
И то, что было ясным и понятным, исчезает,
Сливается с ветрами птица,
И небо - со своею сутью голубой,
И человек - с судьбой.

Эти строки продекламировала Вознесенская, не отрывая взгляда от своего отражения. Чувство восхищения собой охватило её. Пребывая вся в поэзии, она закурила, поправила небрежно локоны и пошла походкой Офелии на кухню готовить кофе.

Да, представьте себе, она коллекционировала зеркала. Она их не просто любила, она их обожала.

Увидев оригинальное зеркало, она старалась непременно и его получить, в подарок, купить, выменять. Изящные маленькие, в оправе и без зеркала круглые, овальные самых причудливых форм и размеров украшали её квартиру, напоминающую больше антикварный магазин. Старинная резная мебель, комод красного дерева, две изящные парные кушетки, массивные стулья и пуфики, обтянутые золотистой парчой - всё это отражалось в бесчисленных зеркалах, которые были повсюду.

Смотреться в зеркало для женщины так же естественно, как дышать и двигаться. Вознесенская была убеждена в этом.

Отражение иногда радовало её, иногда огорчало. Первое знакомство с образом своим у Вознесенской вызвало любопытство, желание познакомиться с девочкой в зеркале, в дальнейшем же эмоции возникали самые противоречивые. Вознесенская любовалась юной девой с волнистой гривой золотистых волос и томным взглядом серых глаз.

Зеркала для неё, как и люди, были «её» и «не её». Добрые и приветливые показывали достоинства Вознесенской, а завистливые и недоброжелательные - подчёркивали недостатки, как весна очаровывает юной зеленью, а зима вскрывает черноту и пустоты.

Недоброжелательных зеркал в её доме не было.

Вознесенская постоянно разговаривала со своим отражением, изображая несыгранных героинь, о которых она мечтала.

Постоянные разговоры со своими отражениями, привычка позировать определили выбор профессии. Вознесенская стала актрисой. Но актёрская судьба её не удалась. Она мечтала о главных ролях, репетировала перед зеркалами Джульетту, Офелию, Софью, но выходила на сцену в массовках или в эпизодических ролях.

Личная жизнь тоже складывалась не так, как мечтала Вознесенская. Она была довольно привлекательна, но слишком поглощена собой, чтобы заботиться о ком-то ещё.

В первый год работы в театре она приглянулась красавцу, который играл исключительно героев-любовников. Он пылко и страстно ухаживал за ней. Они поженились, но как только «героя» стали приглашать сниматься в кино и телевизионных сериалах, он оставил её. Юноша, красавец! Поклонницы носили его на руках, а Вознесенскую они раздражали. Она ушла в себя, зеркала были её преданными и верными друзьями.

Старинное зеркало, вмонтированное в стену, представлялось сценой, и где-то в глубине её предполагался зрительный зал.

Вознесенская с волнением выходит на сцену.

Видит себя в зеркале. Смотрит в свои глаза и видит в них переполненный зрительный зал. Она - Катерина, страдает от суровой свекрови. Вот она заламывает руки, любуясь своими плавными движениями, сколько тоски, горечи... На самом же деле, в театре, Вознесенская играла в «Грозе» Глашу, девуку в доме Кабановой.

Как она раскрывалась дома перед зеркалом!

Особенно Вознесенская любила себя в роли Офелии. Прежде чем показаться в зеркале, она тщательно гримируется, затем драпирует тело в прозрачную воздушную ткань, выгодно подчёркивая изгибы тела. В ушах старинные серёжки с фиолетовыми камнями. И вот она нараспев декламирует:

Он сжал мне кисть и отступил на шаг,
Руки не разжимая, а другую
Поднес к глазам и стал из-под нее
Рассматривать меня, как рисовальщик.
Он долго изучал меня в упор,
Тряхнул рукою, трижды поклонился
И так вздохнул из глубины души,
Как будто бы он испустил пред смертью
Последний вздох. А несколько спустя
Разжал ладонь, освободил мне руку
И прочь пошел, смотря через плечо.
Он шел, не глядя пред собой, и вышел,
Назад оглядываясь, через дверь,
Глаза все время на меня уставив.

Вознесенская оглядывается, рука её плавно опускается, в глазах отчаяние и растерянность, она в изнеможении отступает назад, покидая свое отражение. Голова слегка кружится от восхитительного созданного ею образа, словно отпечатанного на голубом небе. Никто не знает её настоящей, поэтому в театре она выходит в роли одной из придворных дам а «Гамлете».

Дверь в комнату была приоткрыта.

Луч света отбрасывал изломанную тень на стену, покрытую накатом с растительным узором. В спальне было почти темно от спущенных штор, лишь отсвечивало зеркало шкафа с мамиными платьями.

Вознесенская осторожно приоткрыла половинку двустворчатой высокой белой двери, робко вошла в комнату и замерла перед зеркалом. Нет, не от своего отражения, себя маленькую она даже не заметила.

В зеркале отражались платья, которые принесли от портнихи, на каждом из них играли в лучах заходящего солнца разноцветные искры и огоньки совершенно невероятные. Такую красоту так близко она увидела впервые.

На миг зажмурив глаза, Вознесенская ущипнула себя больно за руку, чтобы убедиться в реальности блеска драгоценных камней, осторожно открыла сначала один глаз потом - другой, и, о чудо, красота не исчезла.

Потом она узнала, что украшения сделаны из чешского стекла, но это объяснение нисколько не умалило её восторга. Вознесенская стала примерять все сразу: бусы, броши, браслеты, клипсы.

Она была абсолютно счастлива и необычайно хороша.

Казалось, что даже зеркало любит её.

Воображение Вознесенской рисует внутреннее убранство средневекового замка. Она - прекрасная принцесса. Любуясь своим отражением, Вознесенская достала мамини туфли на высоких каблуках и замерла. Именно тогда она полюбила обувь на высоком каблуке. Вся остальная обувь для неё не существовала.

Когда Вознесенская лёгкой походкой от бедра спешила по улице или неслась по эскалатору вниз или вверх, то от всеобщего внимания окружающих она невольно подтягивалась и чувствовала себя королевой.

Однажды она попала в «Комнату смеха» с друзьями, как же они хохотали при виде своих искажённых отражений. Порой, Вознесенская невольно отворачивалась от своего отражения, но постепенно научилась принимать себя любую, и стала посылать улыбку в зазеркалье. Просыпаясь, она, сунув ноги в тапки, прежде всего, бежала к зеркалу, посмотреть на Вознесенскую из зазеркалья, улыбнувшись, строила различные гримасы, и только потом бежала умываться. Сама себе Вознесенская представлялась незнакомкой: она часто смотрела на себя в зеркало и перед нею была какая-то новая, чужая женщина, с осунувшимся лицом и большими глазами, в глубине которых была некая тайна.

В каждом зеркале жила своя Вознесенская.

Она вглядывалась в многочисленные зеркала и представляла, что отражения её как бы сливаются с ней, а она растворяется в них, становится как будто вся другая - то легкая и свежая, то мягкая и нежная.

В одном зеркале кожа была тоньше и прозрачнее, в другом - она лица своего не узнавала, а в большом квадратном, матовом зеркале, которое было вделано в дальней стене спальни, замечательно отражались глаза, смотришь в них - голова кружится.

Вознесенская, часто брала в руки любимое зеркало в ажурной серебристой оправе, слегка нагибала голову, чтобы носик не казался слишком вздернутым, и разговаривала со своим отражением.

На губах светилась обаятельная улыбка, глаза глядели из зеркала и прямо и умно, лоб был разглажен, локоны струились ниже плеч.

Вознесенская спешила в парикмахерскую, чтобы «почистить пёрышки по полной программе». Мастера - все были ей хорошо знакомы много лет, она предвкушала косметические процедуры, стрижку, укладку, маникюр и педикюр - полную релаксацию.

Парикмахерская находилась на третьем этаже торгового комплекса. Вознесенская взглянула на часы, у неё было ещё почти полчаса до назначенного времени. Она решила зайти в торговый центр, купить что-нибудь вкусное, чтобы отметить с приятельницами из парикмахерской наступающий Новый год.

Набор шоколадных конфет в синей с золотом коробке, мандарины, сыр «Брю» - всё это поместилось в её любимую безразмерную сумку. «Не хватает бутылочки хорошего коньяка», - подумала Вознесенская и рассеянным взглядом окинула зал, в поисках винного отдела.

В противоположном конце зала сверкали бутылки самых невероятных форм. Вознесенская пробежала глазами

по ряду с коньяками, остановилась на дорогом марочном, попросила показать ей бутылку, а затем решительно направилась к кассе, подойдя к которой вдруг обнаружила, что у неё нет сумки.

Она как будто лишилась дара речи. Захватило дух. Перехватило дыхание.

Как это могло произойти? Может быть, она её оставила на прилавке?

Может, сумка стала невидимой, продолжая висеть на плече. Вознесенская тут же провела рукой по плечу, но сумки не обнаружилось. Это был предел абсурда.

Вознесенская растеряно метнулась к прилавку в надежде, что сумка найдётся, но чуда не произошло. Вдруг она увидела свое испуганное отражение в зеркальной витрине.

Она не снимала сумку с плеча.

Возмущённая Вознесенская, уверенная в том, что произошло какое-то недоразумение, бросилась к продавцу с вопросом, куда он дел её сумку, но тот лишь недоумённо пожал плечами. Она побежала к администратору с требованием вызвать милицию, но та посоветовала ей спастись.

С тяжёлым сердцем Вознесенская решила подняться в парикмахерскую.

На площадке лестницы стояло зеркало, отразившее очаровательную девушку с двумя черешнями вместо глаз и целой шапкой белокурых кудрей. «Это - я, Вознесенская, - мелькнуло молнией в её голове. Может быть, я сошла с ума и мне это только кажется?» Красные губы обиженно задрожали, голубые тени вокруг глаз стали темнеть, превратившись в синие, а по щекам потекли слёзы.

За огромными стеклами парикмахерской виднелись голубоватые очертания домов, уступы плоских крыш, оваль-

ное зеркало пруда. Множество ярких вспышек взлетало над городом навстречу звездам. Все это множилось в зеркальных стенах, и казалось, что здесь, в бесконечных перспективах, сидит все человечество, весь мир.

- Почему этот ужасный случай произошёл именно со мной? - растерянно воскликнула она, входя в зал.

Парикмахерши на неё недоумённо посмотрели.

- Здравствуй дорогая! Что с тобой? На тебе лица нет? - воскликнула черноглазая Ира, её мастер по стрижке.

Вознесенская, повела себя несколько странно - она стала поворачиваться то правым, то левым боком у зеркала, внимательно вглядываясь в своё отражение и поправляя волосы.

- Мне кажется, тебе бы надо бросить вертеться у зеркала, успокоиться и объяснить, что случилось, - сказала другая парикмахерша.

- Но должна же я привести себя в порядок, - ответила уже каким-то озабоченным тоном Вознесенская.

- Для кого? - спросила Ира, поражённая её странным поведением.

- Кто-то новенький? - спросила другая.

- Что вы, в самом деле!.. Для самой себя, - небрежно бросила Вознесенская, стараясь казаться равнодушной.

- Врешь! Что-то случилось?

Вознесенская обвела взглядом ярко освещённый зал и внезапно зарыдала. Да так искренне, что мастера окружили её и стали успокаивать.

Кто-то догадался дать ей воды.

Наконец, она успокоилась и рассказала о том, что произошло с ней внизу, в гастрономе.

Мастера и клиентки собрались вокруг неё, пытаясь успокоить.

- Я не знаю, что мне делать, - рыдала Вознесенская, - у меня нет денег, моя сумка, там у меня всё! Это кошмар ка-

кой-то! Всё! Я даже не смогу себя в порядок привести к Новому году! Ужас!

Парикмахерши застыли в позах непонимания.

Вознесенской, по-видимому, была присуща какая-то психическая особенность, которая ею не контролировалась, а только в минимальной степени управлялась.

Она не в силах была поставить сама себе, как говорят доктора, диагноз. Да и саму свою жизнь она вряд ли могла познать.

Так и здесь она не могла узнать, что же с ней на самом деле случилось.

Её жизнь можно назвать неким опытом, в котором она сама разобраться не может.

Вообще, жизнь каждого человека так мгновенна, так неопределённа, что все события её со всевозможными отклонениями и зигзагами кажутся иногда игрой каких-то неведомых сил, которые не поддаются контролю.

Вознесенская совершила бессознательно действие, а когда «вернулась» в себя, то обнаружила пропажу сумки. Нарушение памяти накрепко связано с распылением внимания, когда одна часть мозга не контролирует другую. Проще говоря, человек прячется в себе как бы за железным занавесом, полагая при этом, что «богатство» его внутреннего мира известно окружающим. Причём частенько такие люди, когда их не узнают и в грош не ставят другие, обидчиво восклицают: «Да вы знаете, с кем говорите?!»

Темна психическая сущность человека!

- О деньгах не беспокойся, - после волнительной паузы сказала Ира, - мы сделаем тебе всё в лучшем виде. Деньги отдашь, когда сможешь. Мы тебя столько лет знаем, ты - своя. Пойдём лучше в подсобку, выпьем кофе. Тебе надо успокоиться.

- Но у меня даже на дорогу домой нет ни копейки, - жалобно сказала Вознесенская.

- Какие проблемы, возьми, сколько тебе нужно, - сказала Ира и протянула ей деньги.

За чашечкой кофе Вознесенская закурила, а Ира стала рассказывать ей новости. Парикмахерская - одно из самых ценных мест для получения светских новостей. Вознесенская узнала, что накануне сюда приходила последняя любовь её бывшего красавца-героя, которая сообщила страшную новость, что он окончательно спился, сошел с ума и умер на Канатчиковой даче. Вознесенская была потрясена и воскликнула:

- Она это так спокойно вам сказала, бессовестная! Ведь это её вина. Ей же только деньги нужны были его, а то, что его давно нужно было лечить, она не знала? Как его жалко, бедняжка! Он был такой пылкий, страстный со мной!

- Самые лучшие наши мужики погибают от пьянства, - сказала Ира. - Пойдём, душа моя, красоту наводить. Сначала массаж и маски, брови и ресницы, а потом ко мне. Договорились?

- Чудесно! Я ещё собиралась педикюр и маникюр сделать у Зои, - произнесла Вознесенская.

- Конечно. Я ей скажу, после меня, она всё тебе сделает, - сказала Ира.

Вознесенская настолько была поглощена воспоминаниями о совместной жизни с героем-любовником, что как-то забыла о своих неприятностях.

Массаж и косметические процедуры успокоили и расслабили Вознесенскую окончательно. Она вновь ловила свои отражения в зеркалах, любовалась своими волосами, руками, ногтями. В это время рядом с ней села очередная клиентка, которая, услышав о том, что у Вознесенской пропала сумка, воскликнула:

- Ой! Со мной тоже был подобный случай! У меня в сумке были ключи и паспорт, так пока я сидела в парикмахер-

ской, меня ещё и обокрали. У вас в сумке документов не было? - спросила она.

- Нет, - ответила Вознесенская, - но ключи были.

- А как же ты домой попадешь, душа моя, - спросила Ира.

- У моей подруги есть запасные ключи. Она живёт в соседнем подъезде.

- Так позвони ей. Слава Богу, что документов нет. Хоть не ограбят, - сказала Ира.

Вознесенская задумалась и вспомнила, что в сумке лежат её визитки и записная книжка, в которой на первой странице написан её почтовый адрес с индексом, потому что она вечно его путает. Как только она сказала об этом, её стали все хором отправлять домой.

Вознесенская вскочила, внимательно посмотрела на своё отражение. В зеркале улыбнулась ей знакомая светловолосая девушка, обеими руками поправила под шляпой волосы. Стала серьезной, взглянула еще раз поближе, глаза в глаза, повернулась боком, одернула голубое платье, простилась с приятельницами из парикмахерской и ушла в рамку зеркала.

На улице Вознесенская поймала такси и, крикнув адрес, увидела в автомобильном зеркальце свое испуганное лицо.

- Скорее, умоляю! - с чувством воскликнула она, глядя на водителя.

Сердце Вознесенской сжимал металлический холод, мучила тоска, мозг отказывался работать, и бесполезно было пытаться выбраться из этого состояния, для этого нужно было время, которое словно остановилось, застыло, и минута казалась вечностью.

- Скорее! - призывала она таксиста.

- Красный же горит!

- Давайте на красный!

- Нет, я ещё хочу работать!

Наконец, дали жёлтый, а за ним нехотя появился зелёный.

В полутемной маленькой прихожей висело её зелёное пальто, перед зеркалом лежали перчатки, косынки, разнообразные шарфы и ажурный пуховый платок. Знакомый, едва заметный запах изумительных духов Турбуленс Ревлон исходил от всех этих милых вещей.

Это своего рода классический образец настоящих женских духов, которые, Вознесенская была в этом убеждена, призваны удивлять и вдохновлять. Данный парфюм отлично дополнял образ её, как современной стильной женщины, которая любит всегда быть в центре внимания и привлекает к себе множество восторженных взглядов.

Вознесенская вдыхала свои любимые духи, которые напоминали ей запах ветра и моря, получая истинное удовольствие. Она считала, что они обладают вместе с тем невероятно чувственным и женственным ароматом и тайной загадкой.

Вознесенская перевела дух.

В прихожей ничего не изменилось.

Она торопливо вошла в комнату, споткнулась, но не упала. Включила свет и обомлела. Вещи беспорядочно валялись на полу: юбки, блузки, платья, бельё. С комода была сброшена косметика, духи, баночки с кремом.

Украшения были рассыпаны на оранжевом покрывале кровати.

Но самым ужасным была зияющая провалом стена, в которой не было зеркала, антикварного зеркала!

Вознесенская зажмурилась в надежде, что ей это только кажется.

В онемении она подошла к окну.

С грохочущим свистом, снопами огненных колосьев, взвились под самое небо бесчисленные ракеты и в темной вышине рассыпались дождем медленно падавших, таяв-

ших красных, голубых, зеленых, фиолетовых звезд. Овальный пруд отразил их и удвоил в своем черном зеркале. Водяные и воздушные шары, лопааясь на пике взлёта, разрывали тишину оглушительным треском.

Комната озарялась фейерверками наступающего праздника.

В многочисленных зеркалах появились уступчатые очертания огромных домов, окна, машущие ветви деревьев, мигающие красными огоньками гирлянды.

Постояв некоторое время с закрытыми глазами, Вознесенская осторожно открыла их - зеркала не было.

Слёзы потекли по щекам.

Зеркала не было!

Она вновь закрыла глаза и зашептала с дрожью в голосе:

Какого обаянья ум погиб!
Соединенье знания, красноречья
И доблести, наш праздник, цвет надежд,
Законодатель вкусов и приличий,
Их зеркало... все вдребезги. Всё, всё...
А я? Кто я, беднейшая из женщин,
С недавним медом клятв его в душе,
Теперь, когда могучий этот разум,
Как колокол надбитый, дребезжит,
А юношеский облик бесподобный
Изборождён безумьем! Боже мой!
Куда все скрылось? Что передо мной?

КЛЯТВА

Бабушка Елена Егоровна с утра в большом волнении хлопочет на кухне.

Накануне поставила тесто на стуле рядом с батареей.

Вставши, как обычно, в семь, с усердием замесила его ещё раз, чтобы было пышнее, и принялась за последовательное приготовление начинки: разложила на большом блюде с красной каймой замоченные с вечера курагу и чернослив, чтобы просушить, прежде чем порезать.

И хотя до прибытия самолёта оставалось ещё три часа, и ждать внучку Сонечку следовало не раньше, чем в два часа дня, а уже к полудню был красиво накрыт праздничный стол накрахмаленной белой, не новой, но еще достаточно нарядной скатертью, вышитой изумительной гладью ещё до развода сына Елены Егоровны с первой женой.

Поставлены тарелки из столового сервиза, разложены приборы. Две чашки, обе завода Попова, и старинный серебряный чайник, на крышке которого немного покривилась от времени веточка из трех золотистых лепестков, украсили стол, как трогательное напоминание любимой внучке о тех ушедших временах, когда они жили вместе. Этим бабушка как бы говорила, что человек рожден жить украшено.

Серебряную фамильную чайную ложку, подаренную внучке «на зубок», бабушка начистила до блеска зубным порошком. И прослезилась, вспомнив, как накануне маленькая девочка, которая хотела быть очень хорошей, но старания её оборачивались очередной невинной проказой, заснуть никак не могла. Ей не давали покоя намёки о

том, что завтрашний воскресный день для неё будет особенным. Она беспокойно ворочалась в кроватке, пока сон не сморил её. Долго бродила девочка по зелёным лугам в поисках синеньких васильков, да так устала, что открыла глаза. «Наша девочка синеглазая проснулась! С Днём рождения, солнышко!» - хором произнесли сияющие счастьем лица родных. Девочка даже растерялась от неожиданности. Волна любви и счастья подхватила её, вознесла до потолка, а потом как будто с небес посыпались подарки. Всё о чём она втайне мечтала, замирая у витрины магазина детских игрушек: чайный сервиз для кукол, игрушечная мебель, пупсик с соской в ползунках и распашонке, книга «Каштанка», такая умная с изумительными иллюстрациями, а главное эта ложечка «на зубок». Девочка даже зажмурилась от обилия подарков. Это был особенный день, она веселилась с друзьями. Что только они не вытворяли, например, когда стали прыгать с высокого шкафа на кровать, им даже замечания никто не сделал. Пирожных и конфет можно было есть сколько угодно, запивая лимонадом. Да! В жизни девочки было много потом дней рождения, но это был особенный день.

Ещё раз осмотрев внимательно комнату, Елена Егоровна осталась вполне довольна. На свете, на всем белом свете - а уж на что он велик! - не было комнаты чище бабушкиной.

Всё, что от природы было блестящим, - блестело; все, что было старо и поизносилось от времени, - сияло ухоженностью и великой чистотой.

И если бы чей-то зоркий глаз отыскал в комнате бабушки одну-единственную соринку, то и эта соринка оказалась бы невинной, ровненькой и чистой.

Родное и скучно-привычное, грустное и светлое сплеталось здесь с незнакомым и волшебным, изумительно праздничным, радующим глаз, непривычно манящим и недосигаемым. На стенах поблескивали старые фотографии в

рамках, из которых выползали, как облака, бороды стариков, круглые лица старух, а из угла, выше, сиял одинокий лик, грустный и радостный одновременно, как далекий, где-то на другом берегу реки жизни, костёр, от которого всё вокруг просветлялось.

Кроме чудом уцелевших поповских чашек с золотой каймой и фигурными ручками, кроме чайника и ложки, были в комнате бабушки Елены Егоровны еще два предмета, которые были старше хозяйки: рабочий столик и каминные часы.

Рабочий столик, пузатый, с перламутром на крышке и резными ножками, стоял не ради красоты. Он был всегда в действии и многих чудес был неизменным свидетелем и заинтересованным участником.

Трудно сказать, чего не могла скроить, сшить, починить и подштопать бабушкина белая и худенькая рука. И были в столике иголки всякого размера и нитки любого цвета, всякие от грубых шерстяных до тончайших шелковых. Было в столике столько цветных лоскутков, сколько существует видимых глазу оттенков в радуге, и пуговицы разные были от самых больших до самых маленьких. Еще находилось в столике особое отделение для писем и поздравительных открыток, полученных в течение всей жизни Елены Егоровны.

Каждый год тридцать первого декабря эти свидетели её жизни перевязывались тонкой тесьмой и прятались в старый комод. Правда, писем было совсем немного, в последние годы приходили, в основном, открытки, и с каждым годом всё меньше. Самая свежая открытка лежала в центре столика, перед старинным чуть позеленевшим по углам зеркалом, получена она была на днях - от внучки, которую бабушка не видела вот уже шесть лет.

В последний раз она видела её в тринадцать лет. Увидать же снова должна была именно сегодня в два часа дня. Поэтому и надела с волнением бабушка с утра то самое

тёмно-серое платье с отложным свежим кружевным воротником, в котором прощалась с внучкой в тот страшный день, когда сноха в каком-то приступе сумасбродства увозила её в неизвестную даль. Платье это Елена Егоровна с той поры никогда не надевала. К приезду внучки она связала крючком новый ажурный воротник.

Весь долгий путь от Южно-Сахалинска до Москвы Соня старательно пыталась убедить себя в том, что её желание увидеть отца и бабушку ничего общего с предательством не имеет. Да, она поклялась матери, что никогда не будет искать встреч с отцом и бабушкой.

Так она их и не искала.

Это отец разыскал её адрес и написал ей письмо. Соня, уже в который раз, нащупала на дне сумки письмо отца, достала его, вынула из конверта и стала так внимательно вчитываться в каждое слово, что от волнения у неё стали чуть слышно постукивать зубки, словно хотела разглядеть в буквах тайный смысл:

«Я решил писать к тебе, милая моя доченька. Не знаю, захочешь ли ты прочитать моё письмо. Думаю также, что тебе и в голову не может прийти мысль о том, что все эти годы я не думал о тебе, не писал письма, не желал встречи с тобой. Что я мог написать тебе о том, почему мы не вместе с тобой и твоей мамой? Я ждал, когда ты повзрослеешь и сможешь понять, что в жизни бывают такие ситуации, когда два любящих друг друга человека не могут простить друг друга, и вынуждены расстаться. Но я никогда не желал твоей маме ничего плохого. Известие о её внезапной смерти поразило меня. Я искренне соболезную тебе. Предполагаю даже, что ты, возможно, насмешливо и даже презрительно улыбаешься, читая моё письмо, или даже рвёшь, не прочитав. То, что я пишу сейчас, означает, что я хочу, чтобы ты знала, что я и бабушка всегда любили и любим тебя по-прежнему, хотим быть рядом с тобой. Ты - не

одна, Сонечка, у тебя есть семья. Мы ждём тебя. Приезжай! Деньги на дорогу я тебе выслал. Где и как жить, ты решишь сама, но встретиться нам необходимо, чтобы узнать друг друга. Я пишу это письмо взрослой Сонечке, которую хочу узнать, но которую не переставал любить никогда».

Соня аккуратно сложила письмо и с грустью посмотрела в иллюминатор, но увидела только бескрайнее небо, да облака внизу, похожие на снежные вершины.

Голос матери раздался сквозь гул двигателя самолёта так отчётливо, что Соня вздрогнула и посмотрела на сидящего рядом пассажира средних лет в очках с тонкой золотистой оправой, но он мирно дремал.

- Все, все нас предали и бросили! - повторяла мать, порывисто прижимая Сою к себе. - Но ничего, они ещё пожалеют об этом! Мы уедем отсюда так далеко, что они больше никогда тебя не увидят, да, Сонечка?

- Да, мама, - отвечала Соня с почти взрослым вздохом сожаления.

- Нет, не так! Ты, видимо, не понимаешь, что такое твой бывший отец!

- Разве папа может быть бывшим? - удивлялась Соня.

- Ещё как! Он не имеет к нам никакого отношения! - с отчаянием в голосе почти кричала мать.

- Но почему? - спрашивала Соня, слегка понижая голос.

- Потому что он искалечил мне жизнь! - ожесточенно заключала мать.

Соня не могла понять этого «искалечил». Мама была вполне ничего себе, только выражение лица всегда было злое. И всегда мать повторяла, чтобы Соня поклялась, что никогда не встретится с этим «негодяем».

- Клянись мне! Клянись, что никогда не будешь искать встречи с ним!

Могла ли знать Соня, что «клятва» всего лишь слово, но такое слово, которое повязывает по рукам и ногам челове-

ка, лишая его свободного выбора, принуждая поступать так, как все, закованные цепью этой клятвы. Не клянись, но живи по совести.

Тринадцатилетняя Соня никак не могла понять, почему родители расстаются. Ей было так больно, она любила их обоих, и бабушку тоже. Но мать было очень жалко, никогда прежде она так не плакала.

Почему отец кричал, а мать, рыдая, просила у него прощение, но он, со словами «прекрати истерику, я не верю тебе больше», ушёл из дома?!

Подобных сцен между родителями никогда не было раньше.

Соня вообще прежде не видела, чтобы родители ссорились.

Проснулась Соня в ту страшную ночь оттого, что мать обнимала её за шею, стоя на коленях перед кроватью, заплаканная. Слезы из детских и взрослых глаз, смешались в солёный поток горечи и обиды. От обиды за такую ласковую и беззащитную мать сердце девочки, казалось, вот-вот не выдержит и разорвётся.

До самой смерти не прощу его!

Конечно, судьба каждой женщине дарит возможность и счастье полюбить на протяжении жизни, нужно просто читать знаки судьбы, но мать не только не умела читать эти знаки, но даже не догадывалась об их существовании.

Мать считала себя, по-видимому, сильной личностью. Разумеется, «сильная личность» всегда независима в своих поступках, если она наделена душевной теплотой и светлым умом. Чаще же всего «сильная личность» в силу своей недалёкости несёт горе окружающим, полагая, что именно она будет определять, кому и как жить, причём постоянно собирая со всех клятвы в том или ином поступке.

Отец больше не вернулся.

Дома всё изменилось, как будто бы поселилась беда. Мать почти совсем перестала ходить на работу. Соне она запретила говорить об отце и бабушке.

Девочка почувствовала, что дома поселилась беда.

У неё поднялась температура. Прежде, в подобных случаях, её окружали вниманием и заботой родители и бабушка. В этот раз, мать просто заварила ей чай с малиной и, торопливо чмокнув дочку в горячий лоб, убежала по важным делам.

Вернулась мать поздно, какая-то раздражённая, и сообщила Соне, что скоро они уедут навсегда из Москвы. На вопрос дочери - «куда», она не ответив, хитро улыбнулась, подошла к письменному столу, нервно открыла школьный географический атлас и, закрыв глаза, опустила указательный палец на карту. Посмотрела, какой город находится рядом с выбранной точкой и сказала с загадочной улыбкой: «Об этом ты узнаешь, когда мы туда доберёмся. Я хочу, чтобы нас никто не мог найти».

Неожиданность в один миг может изменить судьбу, а возможно она и есть судьба, которая нарушает планы людей в тех случаях, когда они отклоняются от линии жизни. Возможен любой вариант, но именно неожиданные происшествия вынуждают людей меняться самим и вносить серьёзные изменения в намеченные планы. Обычно в плавное течение жизни, когда ничто не предвещает каких-либо серьёзных перемен, вдруг принимается решение в корне переменить место жительства. Не простое место, а из одного конца страны переселиться в другой. Как говорят, на край света.

Через месяц Соня с матерью сели в самолет. В аэропорту мать была возбуждена, постоянно озиралась по сторонам, чтобы выяснить, не следит ли за ними отец. Полёт был утомительным и долгим. Соне казалось, что они так будут лететь вечно и больше не коснуться земли. Она так и не

смогла заснуть в отличие от остальных пассажиров. Наконец самолёт приземлился в аэропорту Южно-Сахалинска.

Их никто здесь не ждал.

По небу бродили дождевые тучи, и солнце только изредка выглядывало из-за них.

Получив багаж, они сели в такси, и мать назвала водителю адрес. Всю дорогу до дома Соня, вжавшись в заднее сиденье, хмуро смотрела по сторонам. Пятиэтажный дом с облупившейся штукатуркой уныло встретил их распахнутой настежь дверью. Они поднялись на третий этаж, мать открыла ключом дверь и чужим хриплым голосом произнесла:

- Вот, Сонечка, мы и дома.

Пустые комнаты с поблекшими обоями и оконными рамами производили удручающее впечатление. Соня подошла к окну, недоумевающе пожала плечами, заплакала и сквозь слёзы произнесла дрожащим голосом:

- Мама, зачем, почему?

Соне было это непонятно и немножко даже грустно оттого, что дом этот никак не мог сравниться с красавицей Москвой.

- Здесь мы будем счастливы, я уверена в этом, - пытаюсь говорить бодрым голосом, ответила мать. - Нас никто не найдёт здесь. Пусть твой отец и его мать узнают, кого они потеряли. Хватит реветь. Сначала умойся, приведи себя в порядок, и пойдём в ресторан поедим, а потом будем устраиваться... - помолчав, мать продолжала с грустью: - Мы с тобой совьём здесь уютное гнездышко. Ты пойдёшь в школу, познакомишься с ребятами. Ещё меня благодарить будешь за то, что я тебя привезла сюда. Люди тут очень приветливые, добрые.

Соня молча пошла в ванную.

Внезапно раздался звонок, который эхом отозвался в пустой квартире. Обе женщины вздрогнули, перегляну-

лись, и мать решительно открыла дверь. Это оказалась соседка, которая уже заждалась новых московских соседей. Певучий голос её заполнил всё пространство.

- Здравствуйте соседи! Наконец-то прибыли, а мы вас заждались. Ой, голо-то как у вас! Ничего, можно пока у меня ночевать, а обустроиться мы вам поможем по-соседски.

- Давайте знакомиться, - меняя обычно злое лицо на естественно приветливое, ответила мать. - Это моя доченька, Соня.

- Мария Павловна, - ответила соседка, - а лучше Маша, а тебе, детка, тётя Маша.

Так началась их новая островная жизнь. Мать устроилась в страховую компанию агентом, Соня окончила школу и поступила в университет на биологический факультет.

Она видела мать только вечерами.

Соня изредка поглядывала на неё в те минуты, когда мать как бы замыкалась в себе, сидела в одной неподвижной позе и было в ней тогда какое-то особенное обаяние, которое выражало непонятную, но, видимо, сладкую её мечту и грусть о семейном счастье. Хотя сама мать понять не могла, что перемещение себя в пространстве не даёт никакой возможности убежать от себя. Как и большинство одиноких женщин, она жила манящими сердце неосуществимыми грезами.

Тем не менее, с завидным усердием занималась устройством личной жизни, но всё как-то неудачно. Она чуть ли не совсем утратила свою прежнюю лучезарность, но по-прежнему казалась молоденькой, только начала полнеть.

Соня спрашивала:

- Как ты себя чувствуешь?

Мать с подобием улыбки смотрела на неё, вздыхала и с укоризной отвечала:

- Как видишь, живу...

Было во всём этом что-то безнадежно-грустное.

В любой ситуации лучше всего - определённая ясность. Нет для человека ничего хуже состояния, когда он не может самостоятельно принимать решения, а вынужден зависеть от внешних обстоятельств. Ожидание, трепет, растерянность, переживания в подобных случаях выводят из состояния равновесия. Сомнения неизбежны. В делах же важна ясность и определённая ясность, которые позволяют завершать проблемы. Хотя, если бы человеку сразу при рождении выдали твёрдый план всей его жизни, с указанием сроков и вытекающих результатов, то жить «пятилётками» было бы невыносимо.

Жизнь в провинциальном городе была однообразна и скучна, всё чаще мать тяжело вздыхала. На все тревожные вопросы дочери о её самочувствии, она с видимой бодростью отвечала, что всё нормально, просто она очень устала.

Перемещение свойственно людям, бегущим, как правило, от самих себя. Там, за горизонтом, жизнь лучше, чем у нас. Что у нас? Тоска и серость с урчащим телевизором. На худой конец восклицают: давай переставим мебель, нет, погоди, сначала нужно переклеить обои. Потом доходит очередь до потолка, а пол? Выясняется, что линолеум необходимо заменить паркетом, а новый диван уже привезли. Перемещениям нет конца. Ссорятся и разводятся. Разъезжаются, делят имущество. Меняют один район на другой, один город на новый город, старую страну на новую. И нигде не находят покоя. Суета, спешка. Бегут, толкая друг друга. Чтобы успеть на поезд в метро, как будто он - последний. Впрыгивают в трамвай, троллейбус с сумкой на колёсах, едут да не в ту сторону, оказывается, надо было дорогу перейти. Перемещают вещи из дома на дачу. Падают с ног от усталости. Сил нет. Надо было уезжать отсюда, подальше, за горизонт, потому что счастье их ждёт именно за горизонтом.

Мать и дочь никогда не говорили о прошлой жизни в Москве.

Только иногда, когда вроде бы всё было забыто, Соня вдруг слышала звон трамвая, в её душе возникала радость, она садилась в первый подошедший номер и ехала бесцельно в любую сторону, разглядывая бесконечную и прекрасную Москву.

Шло время. Незаметно убегал месяц за месяцем, и так же незаметно год проходил за годом.

Соня выросла замкнутой, близких друзей у неё не было. Ей очень не хватало московской бабушки.

Бабушка, поднесла к глазам скомканный платочек, поцеловала три раза, перекрестила и отпустила её к матери. Сколько раз она вновь переживала это прощание и, глотая беззвучные слёзы, звала бабушку.

Соня так и не смогла полюбить эти места, она только приспособилась к жизни в них.

Соня втайне вспоминала свою жизнь в Москве. Бабушкин рабочий столик с откидной крышкой, с ящичками, полочками - целый городок рукоделья.

Окончив утренние хлопоты, бабушка за ним проводила весь день. В перерывах брала из железной банки из-под импортного печенья грецкий орех, разбивала гладким камушком и ела, приговаривая: «Это, Сонечка, для памяти хорошо. Ешь орешки. Зубы стали плохи, прежде я их разгрызала». Бабушка умела всё: штопала, шила, вышивала, чинила бельё, и всё Соне показывала, приговаривая, что в жизни надо всему учиться. Чтобы сберечь глаза, работу следует разнообразить, объясняла она, и, непременно, раскладывала перед сном пасьянс. Но утром, прежде всяких занятий, открывала институтскую книжку и шепотком повторяла старинные фразы - по-французски, по-немецки, по-английски.

- Зачем бабуля? - спрашивала Соня.

- Ну, я привыкла. Может, и пригодится еще.

Соня родилась, когда матери едва исполнилось девятнадцать, отец был на год её старше. Они поженились годом

раньше. Мать часто вспоминала, что в молодости она смущалась и краснела от нескромных мужских взглядов и слов. Потом она привыкла к тому, что многие мужчины буквально поедали её глазами, и непременно пытались познакомиться. Она стала кокетничать в ответ, а потом и встречаться с наиболее настойчивыми из них.

«Мамочка! - обратилась Соня к матери. - Прости меня за то, что я нарушаю клятву! Я перечитываю твое письмо, в котором ты умоляешь меня в память о тебе никогда не искать встреч с отцом или «его матерью». Но я не искала этих встреч. Это отец нашёл меня, а я, я неожиданно для себя ужасно обрадовалась. Я поняла, что все эти годы любила его и бабушку и ужасно скучала. Я снова и снова перечитываю твоё письмо и со смущенным удивлением смотрю, как сходны наши почерки. Характеры же и отношение к жизни у нас совершенно разные. Ты всегда была уверена в своей правоте, давала окружающим безжалостные характеристики, я же всегда сомневаюсь в своей правоте, виню, прежде всего, себя, что склонна к самобичеванию. Я закрываю глаза и вижу твои кокетливые голубые глазки, вокруг которых появилась сеточка морщин, и тонкие миниатюрные пальчики с изящными колечками».

Мать умерла, когда Соне было 19 лет.

Соня чувствовала себя без вины виноватой. Что это за чувство? Раз оно у неё время от времени появлялось, то, стало быть, она и была в чём-то виновата. Но в чём? В том что появилась на свет?

Последнее короткое письмо матери, написанное прерывистым поспешным почерком, да чудом сохранившаяся единственная фотография, на которой Соня с двумя пышными бантами сидит рядом с отцом на скамейке - были самыми дорогими Сониными ценностями. На обороте, по-видимому, рукой отца сохранилась надпись карандашом: «Сонечке 7 лет и 5 м-в. Покровский бульвар». Эту фотогра-

фию Соня обнаружила в сборнике рассказов Чехова, последнем подарке отца. Она часто гладила перед сном надпись, сделанную его рукой: «Сонечке в День рождения от папы». Книгу эту и фотографию она тщательно прятала от матери, как единственную память об отце.

Всё годы после развода с отцом мать никак не могла вспоминать о нём иначе, как с обидой и горечью. Она твердила Соне, что он «нас» бросил, предал, и «мы» ему больше не нужны.

Мать всегда говорила о себе и о Соне - «мы». Обида её на отца настолько уязвила её самолюбие, что она так и не смогла простить его. Он, его мать были во всём виноваты, твердила упрямо она Соне.

Через последние годы жизни мать пронесла горькую обиду, так и не допустив даже мысли о том, что виноваты всегда обе стороны в любом конфликте.

Воспоминания о том, как страстно и преданно муж её любил, сохранились помимо её воли. Они мелькали перед ней, как кинокадры, бессонными ночами.

Сцены из их восхитительной интимной жизни всплывали так ясно, как будто наяву, приводя в ярость, вызывали отчаяние.

Она была уверена, что обожающий её муж никуда не денется, а его ревность ей льстила. Свою обиду она хотела передать Соне, чтобы даже после её смерти бывший муж был наказан разлукой с дочерью.

АЗБУКА

Женщины в роду Анастасии славились своей статью и природной красотой. Краше их не было невест не только в деревне Большое Курапово, но и во всей округе. Женихов было много у каждой, выходили замуж по первой же любви, лет в восемнадцать, а то и раньше, но жили почему-то все, за редкими исключениями, несчастливо. Мужья либо погибали в военные годы, либо умирали не своей смертью. Анастасия отца своего знала только по фотографиям. Он пропал без вести на войне, так и не узнав, что у него родилась дочь.

Дом, в котором родилась и росла Анастасия, был самый красивый и добротный в деревне с коньком на крыше. Его построил ещё прадед на каменном фундаменте, с каменным же первым этажом. Верх был из вековых брёвен. Дед расширил дом, украсил пять окон, выходящих на улицу, резными наличниками. Пристроил террасу и построил баню. В доме было четыре комнаты. В парадной горнице бросалась в глаза голландская печь, опоясанная поливными изразцами с изображением райских птиц. На стене в рамках висели фотографии мужской половины рода с траурными ленточками. Окна завешаны белоснежным, воздушным, как облака, тюлем. В углу стояла резная этажерка с фарфоровыми фигурками - девочки с голубями, слона, и мальчика в тубетейке с гроздью чёрного винограда.

Здесь за большим столом семья собиралась на Рождество, на Пасху и в дни особо важных семейных событий - рождение ребёнка, свадьба, похороны. В их семье мальчи-

ки не рождались, зато девочки все, как одна - были настоящие пышнотелые красавицы.

В доме безраздельно царствовали женщины - бабушка, мать Анастасии и тётки, сёстры матери - все вдовы. Они были мастерицы на все руки - шили, вязали, пряли козью шерсть, не чурались и мужской работы. Всё спорилось в их руках. Жили трудно, но не особо бедствовали.

Двоюродные сёстры Анастасии рано повыскакивали замуж и уехали из деревни.

Одна из них, самая старшая, Евдокия уехала сразу после войны в Москву, работала на строительстве метро, вышла замуж за слесаря депо. Через несколько лет они получили комнату во Втором Новокузнецком переулке. Евдокия каждый год приезжала в отпуск в деревню и с некоторой надменностью, мол, вам, деревенским, не понять, подробно рассказывала о жизни в столице, какие там невиданные удобства, и набитые продуктами и товарами прилавки многочисленных магазинов.

Анастасия слушала её рассказы с придыханием и мечтала только о том, как она, повзрослев, тоже уедет в Москву.

Характер у Анастасии был настойчивый, если что решила, то так тому и быть. Она наметила себе цель - вырваться из деревни в Москву, и устроиться в ней так, чтобы все, даже Евдокия, ей завидовали. «Ничего, - говорила Анастасия себе, - погоди, придёт время, я буду жить в Москве лучше тебя».

Так в августе 1960-го года Анастасия прибыла в Москву. В одной руке у неё был внушительный холщовый узел, в который бабушка запасливо упаковала одеяло, подушку, и тёплые вещи, а в другой - авоська с едой. Деньги и документы были зашиты в специальный пояс, надетый под платьем. Платье, из синего в белый горох сатина с широкой юбкой солнце-клёш, очень шло Анастасии.

Тонкую талию подчеркивал широкий пояс.

Правда, черные тапочки со шнурками и белые носки выглядели нелепо на её стройных ногах, но чистый профиль, алые щёки, шелковистые тёмные косы, доходившие почти до талии, так и притягивали взгляды прохожих.

Был жаркий полдень.

Анастасии ужасно хотелось пить. Она, облизывая пере-сохшие губы, увидела под зонтиком женщину в белом фартуке, которая продавала воду. Анастасия поспешила к столу и за одну копейку выпила целый стакан прохладной газированной воды. Отошла в сторонку, остановилась. Ей стало страшно, куда идти, как добраться до Евдокии, до этого Второго Новокузнецкого. Адрес она держала в потном кулачке. В её обычно весёлых, даже озорных глазах, читалась растерянность.

Прохожие, наконец, подсказали, как добраться. Анастасия была обижена на сестру, у которой не нашлось для неё места в коммунальной квартире. Даже чаем не угостила, зато сразу повела в заводские кадры.

- Проволоку будешь сматывать, - сказали ей.

Да хоть полы в цеху мыть, лишь бы жильё дали.

И дали койку в общежитии.

К вечеру она уже разбирала вещи в довольно узкой комнате, в которой стояли четыре койки. И пошла наслаждаться первый раз в жизни душем в конце широкого и длинного коридора. Вдоволь намылась, потом обмотала голову полотенцем и долго смотрела в окно на голубей. Мрачноватый старый двор. Освещение приглушённое, тона серо-сталистые.

Сколько раз вспоминала Анастасия впоследствии этот первый день своей новой жизни, и он ей казался не мрачным, каким был на самом деле, а сказочным.

Москва пугала Анастасию и восхищала одновременно. Жизнь в столице ничего общего не имела с её прежним деревенским существованием.

Жадными широко открытыми глазами она вглядывалась в столичных модниц.

Она мечтала о туфлях на шпильках, невесомом итальянском плаще «болонья», умопомрачительной причёске «бабетта». Туфли же, плащ, импортные трикотажные кофты «двоечки» были ей совершенно не доступны, и стоили почти среднюю месячную зарплату.

«Ничего, - успокаивала себя Анастасия, - нужно только потерпеть. Всё у меня будет самое лучшее». Она успевала и работать, и вязать из козьей шерсти, привезённой из деревни, шарфы и модные шапочки, которые, конечно, уступали появившимся модным махеровым, но всё же пользовались спросом.

Бабушка научила её вязанью на спицах и крючком. Шитьё Анастасия освоила сама, всё у неё получалось на удивление красиво. Она выстаивала огромные очереди в ГУМе и ЦУМе за дефицитными водолазками, а потом продавала их за двойную цену нерасторопным женщинам в общежитии. Так у неё появилась серая шубка из искусственного каракуля и шапочка с шарфом из голубого махера.

Поклонников на заводе у Анастасии было достаточно, но она мечтала о надёжном спутнике жизни. Ей нравились молодые люди в военной форме.

Анастасия в узкой чёрной юбке выше колен в красной водолазке, в чёрных лодочках на шпильке, в тонких нейлоновых чулках со швом, сделала себе причёску «бабетта», и отправилась с подругой на танцы.

Успех превзошёл её ожидание. Буквально сразу к ней подошёл русоволосый офицер с белозубой улыбкой, и закружил её в опьяняющем вальсе. Между ними вспыхнула искра. Его синие погоны, синие глаза, завладели сердцем Анастасии. «Лётчик», - пронеслось у неё в голове. Три маленьких золотистых звездочки на погонах. У него был крупный, крепкий нос, с тончайшей розовой венкой на вы-

сокой горбинке. Он был вежлив и предупредителен. И не сводил с Анастасии глаз. Звали его Егором.

Танцевать весь вечер на фасонистых шпильках Анастасии было неудобно, пальцы были стиснуты в остроконечных туфлях, но она героически терпела, в голове вертелась только одна мысль - снять туфли и пошевелить пальцами. Анастасия старалась улыбаться, но Егор почувствовал её напряжение и предложил отдохнуть. Они вышли на улицу. Стоял последний день сентября. Вечер был на удивление тёплый и тихий, почти летний.

- Посидим, - предложил Егор.

- Конечно, а то у меня ноги гудят, - сказала Анастасия, присаживаясь на лавочку.

- А вы снимите туфли, - предложил он.

- Ой, какое счастье! - воскликнула Анастасия, разминая пальцы.

Он так внимательно слушал и ласково смотрел ей в глаза, как будто они уже давно знакомы. Анастасия даже не заметила, как они перешли на «ты». Они пошли к Москвереке, прислушиваясь к шёпоту сухих листьев под ногами. От их фигур падали длинные мягкие тени. Вечерний приглушённый свет закатного солнца. Смягченные тона печально угасающих лучей освещают горизонт, множатся, отражаясь в бесчисленных окнах. Ещё не вечер, но уже не день. Затихли птицы. Таинственный переход из света в ночной мрак. Прекрасный вечерний свет никогда не повторяется, он поражает разностью своей. Расставаться не хотелось, но Анастасия спохватилась, что уже поздно.

Егор проводил её до общежития. Прощаясь, он взял её руку и целовал каждый пальчик так нежно, что ей хотелось прижаться к нему всем ждущим любви телом, но она сдержалась. Бабушкин наказ не бросаться мужчине на шею, чтобы не оттолкнуть своей доступностью она усвоила твёрдо.

Эта осень стала весной их любви.

Они стремились проводить вместе каждую свободную минуту.

Егор страстно поцеловал её на втором свидании, но Анастасия твёрдо отстранила его со словами: «Не надо, так можно только мужу целовать».

В начале ноября Егор сделал ей предложение и она, конечно, его приняла.

Как можно догадаться, Анастасия была девушка практичная, поэтому свадьбу решили сыграть скромную, а на Новый год поехать в Большое Курапово, к её родителям, и там отметить это событие в кругу родных.

Уж очень хотелось Анастасии показать своего лётчика!

Правда, Егор ей уже объяснил, что он не летает, а служит в штабе ВВС.

Свадебное платье она сшила себе сама из тонкой белой шерсти, получилось очень эффектно. Туфли купила в салоне для новобрачных, изящные с бантиком. Причёску сделала сама и украсила белыми гвоздиками.

Егор приехал за ней с букетом белых хризантем.

Молодые расписались в пятницу, и в этот день Анастасия впервые вошла в комнату своего мужа, с высоким потолком, большим окном и всеми удобствами в коридоре. У Анастасии дух перехватило от восторга. Она ничего подобного не видала прежде. В комнате мужа стоял полированный шкаф и диван-кровать, три венских стула, письменный стол и приёмник. На иной взгляд комната выглядела как-то казённо, но Анастасии она показалась раем.

- Теперь ты здесь хозяйка, любимая, - сказал Егор, целуя её.

Первое время совместной жизни Анастасия по всем вопросам советовалась с мужем, а он с улыбкой отвечал всегда одно и то же: «Делай так, как считаешь нужным, ты теперь хозяйка».

Она бросила завод и превратилась просто в офицерскую жену.

Постепенно вошла во вкус и, получив от мужа солидную сумму на хозяйство, впервые столько денег сразу, бросила все свои силы на добывание дефицита.

Конечно, сразу был куплен в военторге по талону телевизор «Ленинград».

Анастасия всё свободное время посвящала обустройству и украшению семейного «гнездышка», как она говорила.

Вскоре на окнах появились немецкие шторы в бежевую и жёлтую полоску. Над диваном красовался во всю стену ковёр «русская красавица», название полностью соответствовало расцветке по сочности и яркости цветов.

Миновало некоторое время, начался следующий год, и она поняла, что беременна. Пошла к врачу и узнала, что в середине октября у них с Егором будет ребёнок.

Сначала она растерялась, они с мужем собирались провести его отпуск в военном доме-отдыха, но поразмыслив, решила, что всё складывается очень удачно. Когда же она сообщила новость мужу, он был счастлив.

Егор был уверен, что родится сын, которого он назовёт Бронислав, что значит «Славная защита».

Счастья беременности Анастасия не вкусила по молодости. Она была девушка здоровая и во время беременности успешно проводила время в очередях то за посудой, то за нейлоновыми рубашками для мужа.

При виде её впечатляющего живота понимающие женщины пропускали её без очереди, так она достала нейлоновую блузку с жабо, кружевами и оборочками. Блузка ей была мала, но Анастасия надеялась, что после родов она похудеет, а если нет, то её можно выгодно продать.

Ребёнок родился на неделю раньше срока, назначенного врачом. Анастасия стояла в «Доме фарфора» за хрус-

тальной салатницей, когда у неё начались схватки. Она даже не поняла, что рождает, просто вскрикнула и схватилась за живот, более опытные женщины рядом тут же вызвали «скорую».

Анастасия родила дочь, даже не успев испугаться, легко. Акушерка, показывая ей ребёнка, сказала: «Смотри, мамочка, какая красавица! Вся в тебя».

Егор, который был уверен, что родится сын, не смог справиться в первые минуты со своим разочарованием, услышав, что родилась девочка. Но вечером, когда увидел за окном Анастасию с маленьким сверточком в руках, даже прослезился от счастья.

В день выписки, Егор приехал с букетом роз, лицо его сияло от счастья. Когда ему медсестра протянула дочку, он бережно прижал маленький сверток к себе, потом приподнял уголок и воскликнул: «Какая крохотная, а ресницы уже такие длинные!»

Дома уже стояла деревянная кровать для ребёнка. Пелёнки, распашонки, ползунки - практичная от рождения Анастасия приготовила заранее. Всё это было голубого цвета, потому что ждали мальчика. Егор изумлённо сказал: «Настя, смотри, она шевелится!» Анастасия засмеялась и ответила: «Конечно, шевелится. Она же настоящая. Погоди, она ещё и плакать умеет!»

Дочку называли по настоянию отца Брониславой.

Каждый год летом Анастасия с дочкой на всё лето уезжала в деревню. А когда Броне пошел третий годок, то Анастасия оставила её «бабушкам», чтобы росла на свежем воздухе. Первое время они с мужем навещали свою Броню, благо, до Большого Курапово езды на поезде было четыре с половиной часа.

Возвращаясь домой после встреч с ребёнком, они часто толковали о пользе деревенской жизни для Брони. Правда, бабушка мало следила за ней, и, в сущности, Броня бы-

ла предоставлена сама себе, с чем Анастасия не соглашалась, но мирилась. Егор был на стороне бабушки, считая, что девочку на природе воспитывает сама же природа - простором, свежим воздухом и зеленью, Анастасия настаивала на строгости.

- Так она же гусей-то пасёт! - смеялся Егор.

- Вся в меня, - соглашалась Анастасия.

Девочка же совершенно спокойно встречала родителей.

Она росла, как травинка под солнышком, и не знала отказа ни в чём.

Анастасия же каждый раз выговаривала матери и тёткам, что они слишком балуют ребёнка, постоянно одёргивала дочь, которая тут же пряталась за бабушку.

Практически всё свободное время Анастасия проводила в магазинах. Она всё время что-то приносила в дом, заранее знала где, когда и как можно достать необходимую вещь. В комнате постоянно появлялись коробки и свёртки, которые вызывали раздражение у Егора. Анастасия же всячески пыталась улучшить материальное благополучие семьи.

Она постоянно твердила мужу, что им необходима машина, чтобы навещать дочку.

К тому же Егор продвинулся по службе, занял должность майора, с хорошим денежным довольствием, и ему присвоили очередное звание капитана, на вырост. Чтобы ускорить приобретение машины она покупала с переплатой моточки мохера, вязала на продажу шапочки и шарфы крупной вязкой.

Купили машину.

Появилась возможность вступить в кооператив. Анастасия «вывернулась наизнанку», как она любила повторять. Семья переехала в отдельную двухкомнатную квартиру в Беляево.

Вскоре купили гараж, потом построили дачу.

Знакомые не переставали изумляться ловкости и предприимчивости Анастасии, завидовали. Дом был «полной чашей», как любила повторять Анастасия, но они с мужем всё больше отдалялись друг от друга. Егор стал раздражать её.

Он упрекал её за то, что вещи ей дороже людей, а она кричала, что он не хочет понять её.

Анастасия постоянно твердила, что её дочка будет иметь всё, она обеспечит ей безбедную жизнь. Егор почти все вечера проводил в гараже с мужиками, стал выпивать. Дома всё чаще вспыхивали скандалы, в которых дочка всегда принимала сторону отца.

Учителя упрекали мать, когда её вызывали в школу, что Броня плохо учится, а Анастасия грубила в ответ, хлопала дверью и уходила. Она жаловалась мужу, но Егор принимал сторону дочери. Всё чаще между ними вспыхивали скандалы.

Анастасия никак не могла понять, почему ни муж, ни дочь не ценят того, что она для них делает. Упрекают её в чёрствости и холодности. Она же для них старается. Соседки и приятельницы, все восхищаются ею, а близкие не ценят.

Когда Броня училась в восьмом классе, выяснилось, что она пропускает занятия, проводит время не известно где и с кем. Потом, бросив школу, Броня, не сказав ни слова матери, уехала к бабушке в деревню. «Всё, хватит на вас батрачить, - заявила Анастасия мужу, - я теперь буду только для себя жить». И уехала с приятельницей в дом-отдыха.

В сентябре они встретились с дочерью, и та сообщила родителям, что ждёт ребёнка. Выяснилось, что в деревне у Брони есть возлюбленный Павлуха, деревенский балагур, который весной вернулся из армии. Срочно организовали свадьбу сначала в деревне, а потом в Москве. Анастасия

денег не пожалела. «У меня одна дочь, - сказала она, - свадьбу я сделаю всем на зависть».

Гуляли несколько дней и дома и на даче.

К молодым почти каждый день приходили приятели, праздник не прекращался. Всё закончилось грандиозным скандалом, и молодые уехали в деревню.

Анастасия, понимая, что жизнь с семьёй дочери невыносима, стала лихорадочно искать выход. В это время в их доме освободилась однокомнатная квартира. Анастасия направила всю свою энергию и связи, достала нужные справки, и квартира досталась Броне.

Дочь с зятем и внучкой Верочкой стали жить отдельно. Зять устроился на работу электриком. Дочка никак не могла привыкнуть к самостоятельной жизни и постоянно просила денег. Анастасия не давала, а Егор никогда не отказывал дочери. «Я сама на ноги встала, мне никто не помог, что ты иждивенцев растишь, балуешь!» - кричала она мужу. Он молча одевался и уходил в гараж, иногда даже ночевал там.

Однажды его нашли в гараже мёртвым, как объяснили потом врачи безутешной вдове, у него оторвался тромб.

После богатых похорон мужа, Анастасия облачилась во всё чёрное, повесила на стенку его портрет в траурной рамке, и каждому, кто приходил к ней, рассказывала со слезами на глазах о своём горе.

Беда не сблизила её с дочкой.

Броня с мужем поминали отца каждый день.

На упрёки матери о том, что они постоянно выпивают, дочь грубо обрывала её словами: «Это из-за тебя отец умер, ты его не любила, ты вообще не умеешь любить!»

Анастасия всю свою земную энергию направила на благоустройство дачи. Ей было важно, чтобы её дом и участок были самыми лучшими. В её дачном доме каждая комната была выкрашена в определённый цвет. Спальня, например,

была розовая, занавески, покрывала, подушки - всё было подобрано в тон. Столовая была нежно-зелёная, не только мебель была подобрана специально, но и посуда.

Внучку, Верочку, Анастасия часто брала к себе, пытаясь уберечь её от пьянства родителей.

Она пыталась спасти дочь, обвиняя во всём зятя, который бросил работу и спаивает её дочь.

В квартире дочери постоянно собирались пьяные компании, нередко вспыхивали драки.

В один из скандалов, соседи вызвали милицию. Всю компанию забрали в отделение, заплаканная Вера прибежала к бабушке.

Анастасия пыталась оградить Верочку от родителей, но внучка тянулась к ним. Ей нравился вечный праздник родителей, с бабушкой ей было скучно.

Анастасия никак не могла понять, за что ей выпало такое несчастье. Она наживает добро, а дочь пропивает. Постепенно между Анастасией и Броней выросла глухая стена непонимания, взаимных упрёков и обид.

Однажды Вера после уроков вернулась домой и увидела, что мать лежит на полу у батареи среди пустых бутылок и шприцев без сознания, а отец с приятелями спят за столом, она вся в слезах позвонила бабушке. Выяснилось, что помимо водки, компания ещё употребляла наркотики.

Броню с трудом откачали врачи.

Анастасия устроила дочь на лечение, развела её и выгнала бывшего зятя. Отчаяние охватило её. Она постоянно задавала себе и всем знакомым вопрос: «За что?» Её стали раздражать семьи, в которых росли нормальные, здоровые дети.

После лечения Анастасия забрала дочь и внучку жить к себе, а их квартиру сдала.

Теперь скандалы и ссоры вспыхивали постоянно. Броня выносила из дома вещи, если мать не давала ей денег.

Анастасия стала запира́ть дверь своей комнаты на замок.

Из красивой, уверенной в себе она превратилась в несчастную женщину без возраста.

Летом Анастасия переехала жить на дачу и взяла с собой дочь и внучку, чтобы оградить их от дурного влияния. Ведь она считала, что виноват бывший зять и его приятели в том, что дочь и внучка стали такими. На даче ничего не изменилось. Дочь всегда находила лазейку, чтобы выпить, а Вера ей помогала, да и сама стала пить.

В один из знойных июльских дней у Брони случился инсульт. В результате она стала инвалидом, и была прикована к постели.

Вера бросила школу, стала наркоманкой с измождённым фиолетовым лицом.

Каждый день в их доме разгорались не скандалы, а настоящие бои, но если кто-нибудь пытался вмешаться, Анастасия решительно вставала на сторону «любимой» внучки.

Пытаясь лечить Верочку, она не жалела денег и никак понять не могла, почему такое дорогое лечение не помогает.

Накануне своего семнадцатилетия Верочка ласково попросила бабушку разрешить ей отпраздновать его с двумя подружками. Анастасия так была растрогана лаской внучки, что дала ей денег и накрыла стол. Всё началось замечательно - девочки сидели за столом и чинно пили сок. Потом Анастасия ушла к приятельнице, чтобы девочки не стеснялись, в полной уверенности, что всё будет хорошо. Вечером к своему ужасу она обнаружила на полу в своей комнате два бездыханных тела.

Врачи только руками развели, слишком сильная передозировка наркотиков.

Спасти Верочку и одну из её подруг не удалось.

Через три месяца умерла и Броня.

После смерти внучки и дочери Анастасия, вся в чёрном, повесила рядом с портретом мужа их фотографии в траурных рамках.

Каждый день она горько рыдала, целуя портреты своих таких красивых и любимых девочек, обвиняя в их гибели всех и вся.

- Для кого я старалась? Кому я всё это наживала? - шептала она, обливаясь безутешными слезами.

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

Бухгалтерша Надя торопливо шла, не оглядываясь, по лабиринту переулков, предчувствуя нечто важное. Тревога не покидала её. Длинный и глухой забор перегораживал дорогу. Лучи солнца ещё не проникли в этот узкий сумрачный переулок. Надя уверенно толкнула железную калитку, с жалобным скрипом она приоткрылась. Протиснувшись боком, уверенно вошла во двор, и, затаив дыхание, постучала в окошко, которое уже почти вросло в землю от усталости. Дверь медленно открылась.

Надя с волнением прошла через анфиладу комнат и оказалась во втором дворе. Всё вокруг казалось ей хорошо знакомым - высокий старый дуб, деревянный стол и скамейки, с облупившейся зелёной краской, даже голоса синичек, суетящихся на столе. Чувство покоя и одиночества охватило Надю.

Присев на край скамьи, она поёжилась от наступившей прохлады. Форточку с вечера не закрыла, а теперь холодный ветер отбрасывал занавеску чуть ли не до люстры. Погода резко переменилась, и когда Надя подошла к окну, чтобы закрыть форточку, то увидела черную тучу, с невероятной скоростью надвигающуюся на Москву.

Вечер был не по-мартовски теплый, поэтому Надя легла с открытой форточкой.

А сейчас, взглянув на градусник, она увидела, что тот показывает минус два градуса.

- Вот ведь климат жуткий! - раздражённо проворчала она. - Как тут жить! То стоит плюсовая температура в десять градусов - это в марте-то! - а то минус пять ночью.

Надя взглянула на часы, убедившись, что у неё есть ещё больше часа до звона будильника, легла, накрывшись пледом.

Старалась заснуть, но безуспешно. С улицы доносились утренние звуки: то прокричит ворона, то проедет машина, то дворник крикнет что-то кому-то.

Городские звуки привычны Наде, поскольку она выросла с ними и не знала других. Но жизнь стремительно меняется, меняются и звуки города. Исчезли гудки, а точнее сирены, возвещавшие начало и конец рабочей смены на заводах и фабриках. Уже не услышишь голоса точильщиков, возвещающих о том, что они точат ножи, ножницы... В парках не звучат щемящие мелодии духовых оркестров, в фойе кинотеатров перед началом сеанса не исполняют самодельные певицы популярных песен. Изменились не только сами звуки города, но и их темп, ритм, мелодия. Они стали нетерпимыми, резкими, агрессивными. Назойливыми. Когда вокруг Нади нет никаких звуков, то это она называет тишиной.

Любит ли Надя тишину? Ответ на подобный вопрос не может быть коротким, поскольку в разных ситуациях слово это приобретает различные, порой, противоположные значения. Прежде всего, она задумалась, что такое тишина для неё? Допустим, она гуляет в лесу, слышит щебет и пение птиц, звуки леса - для неё это и есть покой и тишина. Вдруг Надя заблудилась в лесу, и он кажется ей погружённым в полную тишину. От тишины этой Надя через три часа блужданий среди осин и ёлок впадает в самую настоящую панику, желает услышать какой-нибудь звук, чтобы на него пойти, даже крики кукушки пугают, путают её. И вдруг откуда-то издалека доносится шум мотора. В подобной ситуации его шум для Нади дороже звуков музыки. Надя идёт на него, и выходит на колхозное поле, которое вспахивает тракторист. От него узнаёт, что пришла в другой район. На-

де предстоит неблизкий путь на перекладных до дому, но она чувствует себя уверенно среди привычного шума мотора, дороги, деревянной пилы, человеческих голосов. В подобном случае она рада этим звукам.

Сна не было.

В голове тяжесть. Уже в который раз она вспоминала все детали своего визита к сотруднице, у которой была на новоселье два дня назад. Именно тогда у неё окончательно испортилось настроение. Она, как обычно, разговаривала сама с собой:

- Конечно, ей повезло! Такой муж достался, где только она его нашла, и почему он обратил на неё внимание? Самая обычная женщина. Что он в ней нашёл? Нет, а как она заволновалась, когда я с ним вышла покурить на балкон! А я его заинтересовала - очевидно. А как на меня "коллеги" налетели на обратном пути, какие все кристально чистые, безгрешные. Нечего было туда идти, чувствовала же, что всё закончится очередными обвинениями в мой адрес. И платье-то у меня - короткое до неприличия, и вырез - слишком глубокий! Надоели! Как только найду хорошее место, сразу уволюсь.

- Люди остаются людьми, и нужно примириться с этим, - повторяла ей мать, - пусть он - обыкновенный, серенький человек с виду, но в твоих силах сделать из него хорошего мужа и успешного человека. - Ты уже в таком возрасте, когда женщине просто неприлично не иметь мужа или любовника.

Да, Наде хотелось счастья, очень хотелось, может быть, даже оттого, что чужое счастье не давало ей покоя. Почему у людей всё удачно складывается в жизни, а у неё нет? Счастье Надя частенько предчувствует, особенно накануне праздников и тогда ей хочется поделиться со всем миром праздничным настроением и ожиданием этого загадочного счастья.

А после праздников? Вот-вот, именно! Поэтому счастье не вполне мажорно.

Хотелось покрепче заснуть, потому что, как говорят мудрецы, глубокий сон без сновидений лучше любого дня самой счастливой жизни.

Но, с другой стороны, сны для Нади с годами стали казаться реальнее самой жизни. Сны вплетались в жизнь такими отчётливыми картинками, что заслоняли многие монотонные будни, с их переживаниями и обидами.

Надя давно заметила, что переживания, связанные с неудачами минувшего дня, легко смываются ночным сном. Утром отношение к, казалось бы, неразрешимым проблемам меняется, и то, что раздражало или приводило в отчаяние, вызывает улыбку. Но порой, проблемы настолько глубоко поглощают её мысли, а переживания так глубоки, что сон остаётся только желанной мечтой. В таком случае Надя направляет все свои хитрости и умения, приобретенные в течение предыдущих лет, на то, чтобы сон обязательно пришёл к ней. Какой!? Только её! У каждого из живущих есть свои способы заснуть. Сон - великий целитель и мудрец. Именно во сне можно понять, насколько надуманны страхи и переживания. Всё размывается, как круги на воде, удаляется и исчезает. Просыпается Надя в подобных случаях с ощущением полноты и прелести жизни. Нет никакого негатива! Надя особенно остро ощущает радость жизни и прилив сил. Накануне она рыдала. Ей казалось, что жизнь утратила смысл, а утром Надя понимает всю нелепость, надуманность и глупость своего поведения и страхов. Да, сон - великая вещь! Как часто именно во сне приходят потрясающие озарения! Иногда Надя видит вещие сны, которые предсказывают предстоящие события и подсказывают линию поведения. Бывают сны путешествия, в которых Надя летит над заснеженными горами, заповедными лесами, над прозрачными,

так что видно серебристых рыб, морями. Это оттого, что Надя летит невысоко, потому что видит море насквозь, любуясь красотой переливающихся водорослей, пьянея от свежести воздуха, вдыхая запахи неведомых цветов. Сон для Нади величайшая тайна, природный лекарь и мудрый друг.

Выпало бы Наде счастье общаться только с теми, кто ей интересен, и немилосердно отсекал тех, кто в тягость.

А в тягость были счастливые.

Любовные увлечения у Нади, конечно, случались, но всегда с чужими мужьями. Была у неё и любовь, такая, что она не могла больше думать ни о ком и ни о чём. Это был муж её единственной подруги детства. Хотелось быть покорной и безответной, отдать ему все. Не было неловкости, не было стыда. Она была готова окружить его любовью, давать ему только радость, только любовь, доверху переполнить душу счастьем. "Чего мне стыдиться? Что я сделала плохого? - думала Надя. - Ведь муж подруги тоже не дитя невинное, сам в постель со мной лёг. Что же она здесь безобразного и ненормального увидела? Каждый в этой жизни за себя".

Но он выбрал семью, убеждал её, что она всё придумала, и их связь была случайной. Надя терзалась завистью и досадой. Её нервы были предельно напряжены.

Счастье незабвенно любить, быть столь же безумно любимой - редкая женщина не мечтает втайне об этом.

А подруга явилась к ней домой со словами:

- Не ищи в моём доме своё счастье, его в нём нет. Это моя семья, мой муж, отец наших детей. Я больше не желаю иметь с тобой никаких дел. Прощай!

Как-то у метро Надя купила брошюрку, и всю дорогу жадно читала, пытаясь найти ответы на свои вопросы:

"Женщины издавна пользовались приворотной магией, чтобы не только привлечь и удержать мужчину, но и увес-

ти чужого. Приглянувшийся женатый мужчина может стать объектом магии, если другие способы не помогают.

Мужчины часто оставляют семью, поддаваясь страстям, но бывает так, что не в состоянии понять причины своего ухода из дома ради той, которую вовсе не любят.

Нередки случаи, когда оккультные действия производятся собственными подругами и хорошими знакомыми женщины. Так, заботливая подружка, помогая наклеить обои, прячет там свои волосы, отчего семейная жизнь супругов начинает разваливаться буквально на глазах. Сердобольная соседка угощает чужого мужа пирогами, начиненными любовным зельем, сотрудница наливает чай и т. д. Иногда в одежду, карманы или служебный портфель мужчины подбрасываются мелкие предметы, такие как иглы, булавки, шарики, перья, волосы и др.

Завистливые и коварные любовницы могут сделать приворот самостоятельно или на заказ, они даже не задумываются о том, что приворот может быть опасен. Другие распространенные способы агрессивной любовной магии заключаются и в том, чтобы сначала рассорить супругов, а затем "приласкать" расстроенного мужчину и войти к нему в доверие. Любительские приворотные обряды и магические манипуляции, вычитанные в книгах, тоже могут быть действенными, так как, в конечном счете, эффективность магии заключается в силе эмоций, чувств и волевых мыслей, а не специального опыта и знаний.

То, что муж стал объектом приворотной магии, можно вычислить с помощью интуиции в сочетании с логикой и наблюдательностью. Также помогает, так называемая, "бабья почта", которая непременно содержит какие-либо отрывочные сведения, новости и слухи о чужих чувствах или намерениях. Получить нужную информацию можно при общении, как с собственными подругами, так и со знакомыми мужа.

Находятся специалисты, выполняющие любые пожелания любовницы-заказчицы, поэтому помимо приворота, может быть произведена порча на отношения, тогда между мужем и женой начинаются скандалы, мужчину все раздражает, он срывает своё зло по любому поводу..."

Дочитав до этого места, Надя свернула брошюрку в трубочку и на выходе из метро аккуратно положила в урну.

Одно слово способно подарить счастье или разбить сердце.

Надя прошла к окну, не включая света. Одинокие деревья гнулись от ветра, и их мокрые, потяжелевшие листья толкнули друг к другу, шепча и жалуясь, то, разметавшись в разные стороны, тоскливо трепетали и бились на тонких ветвях. Лунный диск прорвался сквозь толщу облаков и внимательно смотрел на неё. Надя задёрнула шторы. Обхватила голову руками, пытаюсь справиться с болью, которая мучила её на протяжении всего дня. Села в кресло. Боль притаилась. Надя попыталась заплакать, пожалеть себя, но слёз не было. Ничего не было. Но вскоре веки начали тяжелеть, и огромная луна внезапно упала и покатилась по свинцовой бушующей реке, и рассыпалась на мелкие осколки.

Такие искрящиеся осколки она видела на гладкой поверхности пруда.

Наде показалось, что этой весной утки на её пруду ведут себя необычно. Прежде, когда она приходила их кормить, они пугливо отплывали в сторону. К крошкам хлеба, которые падали рядом с обрамлением, они не подплывали при ней. Как же Надя была поражена, направляясь по переулку к пруду, когда увидела, что они буквально идут прямо на неё, не сворачивая, бодро, как к себе домой, с криками, возмущённым кряканьем, а один смелый селезень прямо наступил Наде на ногу. Пришлось выдать ему отдельную порцию. Пруд обрамляют высокие покатые берега, для ук-

репления которых посажены ёлочки, в их тени отдыхают влюблённые пары - утка и селезень. Подобное Надя наблюдала впервые. Более того, утки стаями располагаются теперь на небольшой полянке, где талый снег превратился во временный водоём. Там уже пробивается трава, и утки, по-видимому, прилетают сюда за десертом. Они шумной группой взлетают, делают круг над прудом и приземляются, вытесняя голубей с воронами и воробьями, и выглядят, при этом очень уверенными.

В эту минуту Надя увидела отблеск солнца в маленьком окошке старого дома в переулке и крикнула:

- Ужас, у них там пожар!

И самой показалось, что кричала не она, а птица.

- Кто это кричал? - спросила она сама у себя.

- Где? - спросила она у себя той, которая будто бы кричала.

- Да вон там, над крышей, где пожар... что-то там точно пролетело сейчас...

- Я не видела никакой птицы.

- Да ты что, слепая?! И крик такой странный... У меня даже сердце перестало биться!

Пруд естественным образом превратился в реку.

И птица зависла над рекой. Река была широка, глубока и спокойна. Надю кто-то с тревожной силой толкал в спину с высокого обрыва. Река была внизу.

Надя в страхе закричала:

- Не трогайте меня! Кто это?! Прекратите! Вы хотите меня утопить?

Надя вздрогнула и побледнела, как будто грозовой молнией поражённая.

Она как бы поймала себя на мысли о том, что, когда её глаза открыты, она смотрит на мир через эти свои глаза, как из окна. Всё что её окружает, собственно, и есть мир внешний, другой, который она познаёт на протяжении

всей жизни. Отношение Нади к нему находится в прямой зависимости от состояния её внутреннего мира в определённый момент. Воображение - это её красочные и тревожные сны, которые примиряют её с предыдущими мирами в моменты их несоответствия. Внутренний мир Нади питается эмоциями и впечатлениями мира внешнего. Всё, что Надю окружает - безбрежный океан противоречий, впечатлений и компромиссов. Мир же снов - это всё, что было, есть и будет во все времена. Необъятность его и невозможность познать весь - и есть для Нади смысл рождения. Жажда познания, увеличивается по мере познания. Счастье и благодарность переполняют Надю.

Но кто-то уже вытаскивал Надю из воды, кто-то старался привести её в чувство, когда её поднесли к костру, и когда она пришла в сознание, то пронзительно закричала:

- Не верю, что я сама хотела утопиться!

- Да ты сама прыгнула с обрыва, - спокойно сказала знающая птица.

- Ах, и ты опять сюда прилетела! - вскричала Надя. - Это неправда! Этого быть не могло!

- Несчастливая Надя! Надя! Надя! Где она? Куда её увезли? - кричала над крышами переулка птица.

Но Надя, в которой пробудившиеся чувства всё-таки не заглушали рассудка, посоветовала птице быть осмотрительнее и замолчать.

Птице же Надя явилась типичной завистливой одиночкой - и закричала:

- Вот ты какая оказывается, вылитая змея подколодная! Самоубийца! Думала утопиться, да не вышло?

Думая о своих снах, Надя купила в киоске тонкую книжечку о толковании сновидений.

"Вам снится, что вы занимаетесь сексом со знакомым вам человеком. К каким-то чувствам к нему самому или к склонности к изменам это не имеет никакого отношения.

Просто в этом человеке есть что-то, чего, по вашему мнению, очень не хватает вашему сексуальному партнеру в реальной жизни.

Другой сон о сексе с незнакомцем (естественно, в самом сновидении вы знакомы), не мучайтесь и не стыдитесь этого. Вероятно, дело в том, что вам надоели рутина и серые будни. Вы бы хотели каких-то новых эмоций, чего-то захватывающего. И незнакомец из сновидения - будто мостик из реальной жизни в ту, о которой вы часто мечтаете.

А вот вам снится сцена секса со знаменитостью. Вариантов трактования такого сексуального сновидения несколько. Во-первых, возможно, вам тоже хотелось бы стать знаменитостью и принадлежать к высшему обществу. Во-вторых, ваш настоящий половой партнер сейчас не слишком вас привлекает, и вам хочется чего-то необычного и красивого. А может, вы немного влюблены в этого знаменитого на весь мир мужчину? Для вас он ассоциируется не только с сексуальной привлекательностью, но и с красивой жизнью.

Не надо пугаться ночных сексуальных сновидений, даже очень смелых, - лучше их изучать. Ведь они могут поведать о самых сокровенных ваших желаниях, о которых вы даже и не подозревали.

Иногда в эротических сновидениях женщина становится мужчиной. Почему так происходит? Во-первых, из-за естественного интереса. Женщинам любопытно, как устроен мужчина, что он ощущает во время сексуальной близости. Во-вторых, это может быть бессознательная психологическая защита от "неправильного секса" с себе подобной, пусть и в сновидении. В-третьих, возможно, вы очень хотели бы играть в сексе более активную роль, но в реальной жизни вас пока что-то сильно, неудержимо сдерживает..."

На этом месте Надя покраснела, свернула брошюру, как прежде, трубочкой и донесла до ближайшей урны, которых почему-то стало очень мало в Москве.

Интересно получается. Сейчас будет говорить Надя или птица? Причём, птица никак не прорисовывалась, то она казалась воробьём размером с утку, то лебедем с мужскими ногами в хромовых сапогах. Расставив ноги в этих зеркально начищенных сапогах, птица спросила:

- А теперь скажи мне, Надя, кто это кричал - женщина или мужчина? И что это вдруг люди стали кричать всё время на улице?

Надя всё-таки считала себя женщиной, поэтому опять закричала:

- Я не мужчина, и мужчина не кричал! Ясно же без объяснений, что кричала женщина. Крик её показался мне очень пронзительным и отчётливым, но шедший откуда-то издалека. Она кричала несколько раз - вроде "Пожар!" или "Горим!", ну, как это обычно кричат люди на пожаре, когда столбенеют от растерянности. А когда люди попадают в точку ужаса, то всегда впадают в истерику. Как сумасшедшие.

- Надя, вы уверены, что не обознались и что в переулке кричала именно женщина, а не какой-нибудь мужчина?

Надя задумалась, вспоминая почему-то мужа своей подруги детства. Может быть, он кричал? Что об этом потом скажут! Вероятно, даже поднимут скандал, что это именно Надя кричала! Но ведь птица видела, что не Надя сама прыгнула с обрыва, а её кто-то сильно толкнул в воду. Конечно, Надя сама всё мужу подруги объяснит. Он плыл мимо Нади, и даже узнал её и помог выбраться на берег. Ну, что тут особенного? Очевидно же, что почти невозможно было с Надей не согласиться.

Она была в реке, тонула, потому что в этом месте река была очень глубокая, а Надя не умела плавать. Вот муж по-

други её и спас. Он мимо проплывал, потому что ему очень легко плавать, и потому что он до чёртиков красив, строен и силен, как спортивный пловец. Сделает два мощных гребка и - уже на той стороне реки. Ничего особенного для любимого человека.

А что, если их увидят на реке у костра вдвоем? Тоже ничего особенного. Надя представит его как главного бухгалтера, такого объяснения будет вполне достаточно, чтобы предотвратить скандал. В бухгалтерии же работают одни женщины и - один он. И, представляете, что будет со всеми бухгалтершами, если они застукают их вдвоём?!

Маргарита Прошина

НОВЫЕ ТАЙНЫ

(вместо послесловия)

Широта писательского диапазона, кажется, должна быть такой, чтобы своим произведением тронуть даже неграмотного человека. Практически, это невозможно. Даже Гоголь загадочный, блистательный, почти буйный художник, рассыпающий перед нами на коврах своих повестей ярморочные жемчуга Малороссии, для многих скучен и недоступен. А Чехов, подаривший галерею человеческих образов и характеров, мудрый, ироничный доктор - разве он прочитан и понят? Дойти до каждого невозможно. Увы, читатели в большинстве своём ленивы и беспомощны. Они предпочитают плоские пересказы историй себе подобных, желательно менее успешных героев, чем они. Но во все времена были, есть и будут личности, которые, погружаясь в безбрежный мир художественной литературы, окунаясь в глубины подтекстов, выкладывают свою душу, создавая свои миры, оставляя своё дыхание на колесе вечности.

Пишу рассказ. Сомнения терзают меня. Все новые персонажи заявляют о себе, пытаюсь убедить меня в необходимости их присутствия в нём. "Вы только отвлекаете меня, перегружая текст частными подробностями. Моя героиня сама в состоянии выразить глубину своих переживаний, нескольких деталей вполне достаточно для этого, - объясняю я им. У Марка Аврелия в "Размышлениях" есть важное для писателя замечание: "Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства". Вот я и стремлюсь следовать им. Стремлюсь я к соразмерности. Слово какое хорошее - соразмерность, а как определить её в тексте? При чтении художественных текстов Платонова, Чехова, меня восхищает сочетание изображения, глубина, воздух, построение диалогов, в общем, дозировка. Например, рассказ Андрея Платонова "Глиняный дом в уездном саду": "Деревянная кузница стояла на другом конце сада. В ней работал и неотлучно жил пожилой одинокий кузнец Яков Саввич Еркин. Ему было теперь почти пятьдесят лет, он про-

жил длинную жизнь, почти непригодную для себя. Когда-то он работал лесным сторожем и проклял лес. Уходя навсегда из казённой избытки, он обернулся к дубовой чаще и сказал ей: - Проклинаю тебя на веки веков, грудь моя забудет все твои деревья, грибы и тропинки. Голова моя не увидит тебя и во сне никогда! Он перекрестил шумящую дубраву крестом прощания и презрения и пошёл от неё в пустошь, опять неимущий и свободный". Герой рассказа "прожил длинную жизнь, почти непригодную для себя". Как умело ставит Платонов слова, какой подтекст! Отношение героя к труду немилому подневольному, характеристика самого героя, его история, правила искусства познаются в процессе чтения и создания художественных произведений.

Подумав о дне, я поняла, что он может быть очень длинным, если ничего не делать, и очень коротким, если заниматься весь день. Например, какой-нибудь Иван Иванович с утра в выходной берёт топор и до обеда рубит дрова, и ему кажется, что время проскочило за минуту. То же самое происходит со мной. Топор я не беру, конечно, но утопаю в "Других берегах" Набокова, например. Пробуждение самосознания, зарождение чувства времени у писателя, его первые радости и огорчения вызывают в памяти картины моего прошлого. День превращается в минуту, а душа простирается на весь мир. За окном смеркается, но я не спешу возвращаться в реальность, чтобы не разрушить поэтическое настроение.

Осознавая себя, познавая, я прежде всё ждала каких-то особых событий, прозрений, которые должны произойти как бы сами собой, по судьбе. Глупость, конечно, потому что мечты эти утопические были просто связаны с ленью души. Художественная литература, погружение в неё, размышления привели меня к пониманию, что открытия происходят со мной, как и с каждым человеком, ежедневно, если интеллектуальное развитие становится самой необходимой потребностью человека, составляющей основу его творческой жизни. Примеров множество среди писателей, например. Антон Чехов прожил сорок четыре года, сколько открытий ожидают каждого, кто читает вдумчиво его произведения. Они рассыпаны щедро на каждой странице. Вот, например, из "Чёрного монаха": "Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями, скрестив на груди руки, пронёсся мимо... Босые ноги его не касались земли. Уже пронёсся

сажени на три, он оглянулся на Коврина, кивнул головой и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво. Но какое бледное, страшно бледное, худое лицо! Опять начиная расти, он пролетел через реку, неслышно ударился о глинистый берег и сосны и, пройдя сквозь них, исчез как дым" - это же совершеннейший Кафка! И далее, забирающий душу диалог, достойный Шопенгауэра; "- А какая цель вечной жизни? - спросил Коврин. - Как и всякой жизни - наслаждение. Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания, и в этом смысле сказано: в доме Отца Моего обители многи суть". (Беседа монаха с Ковриным). Самое главное открытие, которое мы делаем, появляясь на свет - это смерть. Мало кто из живущих осмеливается осознать следующее открытие - о возможности вечной жизни, а для этого следует творческое развитие своего "я", создание художественных произведений путём постоянного развития и объективирования своего внутреннего мира. На меня неизгладимое впечатление произвели слова Осипа Манделштама:

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло...

Оставить своё дыхание - вот оно открытие, которое ожидает каждого приходящего на землю, но его мало кто осмеливается осознать, произнести, тем более посвятить жизнь только, может быть, одному вздоху, который так нужен вечности.

До чего же психика человека зависима от множества самых неожиданных моментов, происходящих внутри и вокруг него! Перемену состояния уловить, передать это преображение художественно одной лишь фразой, но чтобы читатель увидел и уловил миг этот, чтобы сам его пережил, почувствовал, для меня - вершина, которую я стремлюсь покорить. Читая Чехова, упиваясь каждым словом, я сделала очередное для себя открытие, перечитывая его рассказ "Случай из практики". Каждое новое прочтение показывает все до этого неизвестные тайны текста, поражающие меня бездонностью. Вот герой рассказа Королёв входит в спальню больной Лизаньки: "Совсем уже взрослая, большая, хорошего роста, но некрасивая, похожая на мать, с такими же маленькими глазами и с широкой, неумеренно развитой нижней

частью лица, непричесанная, укрытая до подбородка, она в первую минуту произвела на Королеву впечатление существа несчастного, убогого, которое из жалости пригрели здесь и укрыли, и не верилось, что это была наследница пяти громадных корпусов". Королёв осматривает больную и вдруг: "В это время принесли в спальню лампу. Больная прищурилась на свет и вдруг охватила голову руками и зарыдала. И впечатление существа убогого и некрасивого вдруг исчезло, и Королев уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица; он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить ее не лекарствами, не советом, а простым ласковым словом". Свет лампы и всё переменялось в одно мгновение. Какое полотно художественное: обстановка, портрет, настроение, чувства, размышления. Всё переменялось, когда принесли лампу! Я перечитываю снова и снова, восхищение моё не угасает. Мне хочется впитывать каждое слово этой как бы будничной прозы.

Иногда пишешь долго и помногу, а по прочтении написанного, вдруг видишь одну ёмкую фразу, выражающую всю суть длинного текста. Проза Чехова соткана из подобных фраз. Например, в рассказе "Архиерей": "...И только старуха, мать покойного, которая живет теперь у зятя-дьякона, в глухом уездном городишке, когда выходила под вечер, чтобы встретить свою корову, и сходилась на выгоне с другими женщинами, то начинала рассказывать о детях, о внуках, о том, что у нее был сын архиерей, и при этом говорила робко, боясь, что ей не поверят... И ей в самом деле не все верили". На забвение обречены все, как бы говорит здесь Чехов, но и намекает, что его рассказ и обеспечивает бессмертие архиерею и его матери. Слова живут своей жизнью, они развиваются, как люди, меняют, порой, значение, а то и приобретают новые. Лаконичность в творчестве - это особый дар, присущий таланту. Краткость не всегда его сестра. Лаконичность, достигнутая в ущерб художественности, в творчестве только вредит. В пространном же тексте можно утратить мысль. Очень важно чувствовать меру при работе над текстом. Впрочем, в жизни тоже.

Как приятно, встав утром, подойти к клавиатуре компьютера и проверить - все ли буквы на месте. Кстати говоря, это упраж-

нение позволяет через ежедневные репетиции безошибочно попадать в те буквы, которые тебе необходимы для составления из них слов. Я давно заметила, что люди не пишут именно потому, что они не подружились с клавиатурой, не писали на пишущей машинке, защищая своё, якобы, право, писать от руки, но и от руки они ничего не пишут по той простой причине, что в жизни есть у них гораздо более важные дела. Если бы так поступали пианисты, которые бы не попадали в нужную клавишу согласно записанным нотам в партитуре, то музыки бы не существовало. Моя музыка - это льющаяся из-под моих пальцев мелодия текста.

Всё, о чём бы я ни писала, касается не обычной жизни. а творчества. Ценнейшее качество в этом отношении я отвожу сосредоточенности, но понимание этого, приходит с годами. Прежде я легко переключалась с одного на другое. Годы моего взросления совпали с эпохой лживой двойной морали и имитацией деятельности. Я с легкостью научилась делать вид, что мне интересно то, что я выполняла на работе. Теперь-то я, вспоминая себя прежнюю, краснею - изображать мне никого не нужно, тем более, демонстрировать интенсивную деятельность. Я есть я, такая, какая есть. Писать невозможно без сосредоточенности. Для точности нужна среда. Я бы уточнила - среда настроения. И вот в этой среде я нахожу точное выражение своих мыслей. Сосредоточенность.

Всюду страхи, со всех сторон. Не перестаю удивляться сложности души на своём примере, полагая, что она соответствует во многом остальным. Всё же человек создан по образу и подобию. Естественно, говорить и размышлять могу я только о себе. Первый мой страх, который мучил меня лет до четырех, был связан с уверенностью, что я являюсь всего лишь героиней сна некой маленькой девочки, которая может проснуться в любое мгновение, и я исчезну бесследно. В такие минуты я горько рыдала, а меня успокаивали, щипали и убеждали, что я живу в реальности. Второй страх - это повторяющийся многократно сон, в котором я плыла со своими братьями на горящих плотках, отбиваясь от множества стрел, которые летели на нас с берега от таких же, как мы, диких людей. Просыпалась я от собственного крика. Мои страхи возникали и росли вместе со мной. В детстве я боялась перед школой, что буду самой глупой в классе, но этот страх ис-

чез в первый школьный день. По мере того, как всё яснее стала понимать, что любой человек может внезапно умереть, я стала бояться, что кто-то из близких и дорогих мне людей может умереть. Потом, что я не встречу такого мужчину, который будет любить меня, как отец... Повзрослев, я научилась справляться со своими страхами, подавлять их, контролировать. Но они живут во мне. Глубоко, но живут. Иногда они овладевают мной, но я гораздо сильнее их. Понимаю, что нужно их выпускать и развеивать. Жизнь, конечно, состоит из множества испытаний, но на то они и даны, чтобы превозмогать их с честью.

Не перестаю удивляться тому, как меняется моё отношение к различным происходящим со мной событиям по мере того, как они остаются в прошлом. Радости и горести, неприятности и неожиданности в тот момент, когда они случаются, вызывают у меня бурную эмоциональную реакцию. Сдержанность и выдержка, увы, не являются основными чертами моего характера, но я стараюсь их развивать. Находясь внутри события, я реагирую мгновенно, при этом поступки мои опережают мысль. Через какое-то время, оглядываясь назад, я полностью меняю своё отношение к произошедшему - то, что вызывало отчаяние, кажется мне забавным, а то, что казалось правильным, оказывается глупостью. Трагедия превращается в фарс и наоборот. Всплеск эмоций отключает у меня способность размышлять и видеть ситуацию реально. Если бы я это поняла лет на двадцать-тридцать раньше, то жизнь моя, вероятно, сложилась бы иначе. Но я люблю её такой, какая она была - с ошибками, глупостями, надуманными проблемами, потому что жила я страстями и чувствами. Следовательно, всему есть своё время.

Постоянным источником, питающим меня во все времена, была и остаётся литература, книга, слово. День сегодня выдался такой ясный, прозрачный, а на душе что-то тревожно было с утра. Не совпала я с солнышком. Вот я и окунулась в живительный источник, неизменно меня исцеляющий, сегодня это были рассказы Михаила Булгакова. Упивалась, перечитывая вновь и вновь каждое слово. Вот на дремлющей в сугробах станции Сухая Канава подполз к железнодорожной лавке невзрачный воз с "водой жизни", тут-то и выяснилось, что посёлок весьма люден и оживлён. На улице вмиг стало черным-черно. Счастливы с пустыми бутылками туда проникали, а оттуда уже с двумя бутылоч-

ками, да ещё и с закуской появлялись. Живительную воду без закуски не отпускали, поэтому, когда сельдь, колбаса и русско-голландский сыр вышли все, пришлось на закуску брать зубной порошок, синьку, ситец, пять фунтов черного хлеба, два куска мыла, носки... Двести двадцать первый получил шиш. Толпа на улице застонала, но разошлась. Посёлок вновь погрузился в тишину и безлюдье. Смакуя каждое слово Булгакова, вернулась я со станции Сухая Канава в Москву.

Зимней ночью приехал Андрей Платонов на хутор к Савватию Саввичу, "больше от душевной суеты, чем по насущной надобности". Платонов чеканит в свойственной ему словесной самодельности: "Лежит окамелок старого оконечелого хлеба". Рассказ написан в 1927 году. Платонов ищет свой стиль, свои подходы к языковой полифонии. "Давай почавкаем, - сказал Савватий Саввич, - набьем в пузень дребедень - червей разводить в нутре!" Уже в этом видится бесприютность и одиночество Савватия Саввича, у которого "нет в доме осёдлости и постоянного места пребывания", но мудрость в нём имела своё "средостение". Потребность обсудить вопросы душевной пустоты, которая избывна в душе человеческой, заняла всю ночь. Ночной разговор их рождает мысль о том, что настоящая жизнь - ветер свободы, потому как человеку надобно продвижение, а не хата и не пшено. Мысль очень современная, но человечество всё ещё находится в поиске. "Душевная ночь".

Я думаю, что колдовать над чистым листом в ожидании, когда придёт идея, не стоит. Нужно открыть, допустим, Андрея Белого, пробежать несколько строк из книги "Начало века" о Старом Арбате: "Помнится прежний Арбат: Арбат прошлого; он от Смоленской аптеки вставал полосой двухэтажных домов, то высоких, то низких; у Денежного - дом Рахманова, белый, балконный, украшенный лепкой карнизов, приподнятый круглым подобием башенки: три этажа. В нем родился; в нем двадцать шесть лет проживал. Дома - охровый, карий, оранжево-розовый, палевый, даже кисельный, - цветистая линия вдаль убегающих зданий, в один, два и три этажа; эта лента домов на закате блистала оконными стеклами...". И ты сама не замечаешь, как от его строк рождаются твои собственные, оригинальные строки. Здесь дело в перестройке души на художественную волну. А выше классиков на эту волну не подняться. Так кажется сначала. Но нужно

помнить, что эти классики для тебя лишь стартовая площадка, с которой следует стремиться взлететь выше классиков. Планку требований к себе нужно поднимать постоянно. Это некий соревновательный момент, родственный спортивному азарту. Вера в себя необходима, а классика - неисчерпаемый источник вдохновения, камертон, который настраивает на нужную интонацию.

Всё чаще я прихожу к выводу, что случайности в жизни есть не что иное, как цепочка закономерностей, из которых, собственно, состоит жизнь моя. Будни следуют друг за другом незаметной чередой. Это было давным-давно, я была очень молода, но помню, что мне отчего-то было грустно. Хотелось чего-то неопределённого, но непременно хорошего. И вдруг на роскошной ограде чугунного кружева я читаю незаметное (величиной с почтовую открытку) объявление: "Требуется...". Через два дня в судьбе моей произошёл крутой поворот, который не только на несколько десятилетий увлёк меня во всевозможные интереснейшие истории по поиску и собиранию книг, но и, собственно, определил судьбу мою. А случайные встречи с прекрасными людьми! Это любовь, друзья, счастье! Однако прежде чем это происходит, следует пострадать в неопределённости молодости, пережить разочарования инфантильности. Эмоциональные качели взлетали от печали к радости. Но подарков судьбы было значительно больше, чем ушибов. Мои счастливые случайности!

Глагол глаголет истину. Он - кровеносная система мысли, текста... Глагол может вдохновить, вознести, излечить, любить, окрылить, поддержать, поднять, принять, спасти, если обращаться с ним бережно и вдумчиво, понимая его возможности неограниченные. Во власти же стихий и страстей глагол жжёт и сжигает сердца и всё живое, калечит, лишает, мешает, предаёт, уничтожает - всё подвластно глаголу. Он есть движение, суть и смысл бытия. Глагол изрекает, нарекает, передаёт и уносит смыслы слов в книгу вечности.

Да, именно так. Бросила одно слово на бумагу и - начинаю развивать. Например, само слово "развивать". Я писала уже об этом где-то, мотаешь нитки, получаешь клубок. Пишешь одно слово, прибавляешь другое, третье - получаешь рассказ. А когда не пишешь, то с легкостью говоришь по скайпу целыми главами из ненаписанного романа. Пулемётные очереди устного вдохновения. Они всюду и рассеиваются как дым. Иная в метро может

проговорить от "Юго-Западной" до "Бульвара Рокоссовского" без остановки. Сидящий рядом старичок после этого добровольно отправляется в психоневрологический диспансер. Вот что такое слово. Особенно звучащее. А как попросишь написать - стоп машина. Заклинило. После приветствия: "Здравствуйте, дорогие родные: мама, папа, дядя Толя, тётя Зоя, Иван Петрович, Дарья Кузьминична, Витя, Слава, Зина..." - возникает, обычно, пауза, затем пишут несколько общих фраз, а в конце: "Подробности при встрече". Желание к творчеству угасает. Преодолеть переход от устного слова к письменному для меня было равносильно подъёму на недостижимую горную вершину. На невысокую горку как турист я поднималась при помощи нескольких хороших людей, а вот писать стала внезапно, как будто взлетела.

Тревожные чувства беспокоят, порой, бессонными ночами без причины. В такие минуты становиться плохо от предчувствия беды. Всецело поддаваться подобным чувствам, значит, "беду приваживать", как говорили мудрые старухи в деревне. Тревожные чувства возникают как предвестники возникновения творческих идей, а вот страх телесный и боль физическую пережить гораздо труднее (как тут не вспомнить инквизицию). В жизни приходится переживать самые разные испытания. Но в минуты отчаяния, когда тебе плохо, следует помнить, что когда Господу было плохо, он как-то безропотно преодолевал все страдания, даже будучи прибитым гвоздями к кресту. Он-то понимал, что не в теле жизнь, а в Слове. Слово может излечить, помочь, ибо Бог дал человеку Слово, а оно может всё. Об этом следует помнить и обращаться со Словом бережно.

За окном мороз и тьма. Ювелирным узором расписаны стёкла окна. Именно так я представляю себе волшебное царство Снежной королевы. Уютный письменный стол у окна. Перекладина для ног, которая служила мне в качестве любимой скамейки. Бордовая настольная лампа на полу с зелёным плафоном из толстого матового стекла освещает мой уголок, в котором я путешествую по безбрежному миру художественных миров и человеческих судеб. Я представляю себя то Неточкой Незвановой, то Варенькой Добросёловой, которая чудесным образом становится счастливой вместе с Макаром Девушкиным, то я вдруг в образе Мисюсь, возвращаюсь в дом с мезонином под Новый год с подарками. Фантазии мои - беспредельны. Много лет прошло с тех

пор, но я всё больше убеждаюсь в том, что искусство, простое, как Новогодняя ёлка, позволяет жить не реализмом будней, а торжеством вымысла.

У каждого из нас имеется своё чувство времени. Мне Чехов, Гумилёв, Достоевский, Платонов всегда представляются современниками. Я становлюсь старше, а они по-прежнему через художественное видение представляются мне молодыми. Они гораздо современнее и интереснее многих ныне молодых, которые, не обладая образованностью и культурой, искренне считают себя вправе объяснять и влиять, как им мнится, на ход истории. Чувства и разум находятся у меня в постоянном диалоге. Я не думаю о своём возрасте постоянно. Я с неугасающим интересом наблюдаю течение времени вокруг меня. Вопрос о возрасте приводит меня в замешательство. Я начинаю вспоминать какой нынче год, год рождения и считаю. В сущности ведь всё на этом свете относительно - годы, века, тысячелетия. Божественный промысел они не признают. Никак понять они не могут, что являются всего лишь мотыльками, исчезающими бесследно. Всё на свете - условно и относительно, а вечно лишь то что записано.

За моим окном солнечный денёк. Лучик ласково гладит меня по щеке, улыбаясь. Непреодолимое желание веселья и восторга захватило меня. Иду, по лучику скользя, провожать ещё один год, промелькнувший, как один миг. Впрочем, это не совсем верно, для меня он был счастливым - два прекрасных литературно-документальных фильма, в которых я с большим восторгом приняла участие вместе с замечательными талантливыми людьми, рассказы, работа над которыми доставила мне неизгладимое удовольствие, сам таинственный художественный процесс. Я, по-прежнему, безоглядно верю в исполнение самых недостижимых и заветных желаний. Иначе и быть не может. Например, какое-то волшебство произошло сегодня утром, потому что меня, не поверите, разбудили высокого смысла слова: бесподобный, великолепный, волшебный, восхитительный, дивный, замечательный, изумительный, поразительный, потрясающий, превосходный, прекрасный, сказочный, упоительный, фантазмагорический, феерический. Я почти сразу догадалась, что это они шепчут с придыханием о предстоящем, о том, что лучшее впереди, потому что солнечный денёк за моим окном.

После смерти человека его вещицы теряют своё значение. Пока человек был жив, они служили исключительно ему. Каждая вещица знала своё место, была полезна или памятна. Чтобы подчеркнуть своё значение - мелкие вещи, порой, терялись, опять находились, радуя хозяина. С его смертью исчез смысл их существования. Они мгновенно как-то потускнели, превратившись просто в груды хлама, а ведь каждая вещица была нужна. Например, этот потертый, некогда цвета горького шоколада очечник, который был необходим долгие годы и хозяин дорожил им. Вот в подставке на столе лежит колпачок от авторучки "паркер", видимо, он так же, как и очечник, что-то напоминал хозяину, если он хранил его. Очки, как известно, подбирают для каждого человека индивидуально, поэтому выбирают форму и оправу для себя внимательно и относятся к очкам бережно. Вот на столе сиротливо лежат очки в солидной дымчатой оправе, как будто осознавая, что они больше не нужны и вскоре их просто выбросят. Огрызок химического карандаша, блокнот с неразборчивыми торпливыми записями, зажигалка с гравировкой "помни" - всё это безжалостно исчезает в мешке для мусора. Эти вещи уже не нужны. Так происходит со всем материальным миром. Не исчезает только Слово. Вот я написала об этих мелких вещицах, и они продолжают жить.

Настоящее - сиюминутно, без перемен. Не то чтобы... но и не так чтобы. Через мгновение оно неумолимо становится прошлым. Прошедшие события в нашей памяти если и задерживаются, то трансформируются до неузнаваемости в зависимости от нашего душевного состояния и духовного роста, а то и бесследно исчезают. Так чёрное становится белым, трагические моменты вспоминаются как комические. Счастливые случаи лучше хранить в душе бережно. Похващаешь счастьем - станет другому завидно, а начнешь сетовать на жизнь - лица делаются сочувственно-далекими и тревожно-усталыми, потому что каждому человеку довольно своей заботы. Самый близкий друг у человека - он сам. Мысли свои, впечатления, образы лучше всего выплёскивать в тексты. Тогда они становятся реальными.

Поймала себя на мысли о том, что, когда мои глаза открыты, я смотрю на мир через эти свои глаза, как из окна. Всё что меня окружает, собственно, и есть мир внешний, другой, который я познаю на протяжении всей жизни. Моё отношение к нему нахо-

дится в прямой зависимости от состояния моего внутреннего мира в определённый момент. Воображение - это мой художественный мир, который примиряет меня с предыдущими мирами в моменты их несоответствия. Внутренний мой мир питается эмоциями и впечатлениями мира внешнего. Всё, что меня окружает - безбрежный океан противоречий, впечатлений и компромиссов. Художественный же мир - это всё, что было, есть и будет во все времена запечатлённое в слове. Необъятность его и невозможность познать весь и есть для меня смысл рождения. Жажда познания, увеличивается по мере познания. Счастье и благодарность переполняют меня.

Я перестала читать содержание. Сюжет мало меня интересует. Если бы только это меня занимало, то я вряд ли бы в который раз стала перечитывать "Степь" Чехова, "Тёмные аллеи" Бунина, "Счастливую Москву" Платонова. Они притягивают меня своей неисчерпаемостью и безбрежностью в лексическом сочленении бездонных глубин. Музыка текста завораживает меня, как, скажем, второй концерт Рахманинова. Тексты живут своей жизнью, отдельной от их создателей. По мере чтения они заглубляются, приобретая всё большую ценность. Хочется перечитывать их ещё и ещё раз. Отношения читателя и книги всегда индивидуальны, во многом они зависят от желания и умения читателя погружаться в текст, или даже в подтекст. То, что художественную книгу можно читать, а прочесть невозможно, доставляет мне огромное удовольствие. Я вновь открываю и наслаждаюсь словами, которые постоянно открывают мне свои всё новые тайны.

Так хочется затормозить хорошее событие, но не получается. Жизнь не останавливается. Лента минувших событий время от времени возникает перед взором в разных ситуациях. При этом многие события, из-за которых тогда я пролила много слёз и бессонных ночей, вызывают светлую улыбку: "Сколько страсти! Сколько эмоций!" - всё было мило и счастливо. Переживания же обогатили меня, научили ценить искренность, доброту. Ценить любовь, а это так важно! Не просто быть счастливой, а подарить счастье любимому. Заботиться, любить близких просто потому, что они есть, а не для того, чтобы они тебе ответили тем же. Радоваться счастью и успехам других, казалось бы, это так естественно. Однако многие мои знакомые тяжело переживают подобное, зависть покоя им не даёт. Смотрю я издали на прошлое

своё и понимаю, что осталось только то, что заторможено мною, остановлено, проще говоря, записано.

Хожу, слегка покачиваясь, как на качелях. Взгляд просится в полёт, а тело жаждет покоя. Колебания атмосферного давления изматывают не только мой организм, но судя по всему, многих людей. Зима простояла на нуле. Мороз, его величество, никак не желает посетить зиму. Мысли клубятся как бы в тумане. Я спешу ухватить одну из них за кончик, записать. Сажусь к компьютеру, а мысль уже успела ускользнуть. Ясности нет в голове. Желания переплетаются с воспоминаниями моих героинь, каждая из них желает получить главную роль. Они, перебивая друг друга, жалуются мне на горькую судьбу свою, в превратностях которой обвиняют "проклятую" жизнь. Каждая героиня навязчиво твердит, что только она говорит истинную правду. Я прислушиваюсь внимательно к их пламенным речам, не возражая, ведь всё равно будет так, как напишу я.

Да, книги живут своей таинственной жизнью на бесконечных стеллажах, расположенных в полумраке хранилищ, в которых всегда одна температура и влажность вне зависимости от времени года. Причём, книги живут по своим законам. Они могут исчезать, нарушая принятый порядок расстановки, на годы, а то и десятилетия, но непременно обнаруживаются, к радости своего читателя, который и не надеялся их увидеть и читать. Путешествуя по хранилищу такой библиотеки, чувствуешь себя владельцем нетронутого сокровища, которое именно тебе предстоит узнать. Загадочные тома в разнообразных переплётках, которые представляют собой историю развития цивилизации, притягивают к себе, манят. Но найти нужную книгу невозможно не зная её адреса, его можно узнать в каталоге. Сегодня каталоги эти в большинстве своём уже доступны в интернете, а в прежние времена поиск по каталогу был процесс весьма увлекательный и требовал определённых знаний и бесконечного терпения. Бумажные карточки в ящичках можно было перебирать вечно, но так и не найти нужную книгу. Теперь дело обстоит иначе - нужна не сама книга, а то, что в ней написано, текст, который вызывается за пару секунд нажатием клавиши компьютера.

Признаться, что, порой, мысли меня пугают, удивляют, но чаще приводят к глубокой задумчивости. Я стремлюсь к тому, чтобы мысли мои были свободны и непосредственны. Это отнюдь не

раздвоение, это диалог длиной в жизнь, как много их пролетело мимо, не оценённых мною. Записывать, непременно, записывать следовало их. На салфетке губной помадой, на ладони, а я относилась к ним беспечно в молодости. Отношение к одному и тому же происшествию, событию, воспоминанию меняется, но интересно проследить процесс внутреннего развития в себе. Следовало записывать. Возвращаясь к записям сегодня, я обнаруживаю с удивлением, что очень изменилась. Приятно, что чаще - к лучшему. Это радует. Мысли бессонными ночами несутся, как вихрь, но в потоке этом всегда есть нечто, что следует записать.

Её ещё нет, но за то я и обожаю весну, что она незаметно покажет мне, как появляются почки, затем набухают, нежась под ласковыми лучами солнышка, и распускаются листочки. Первые листочки напоминают птенцов, только что вылупившихся из яйца. Ветер играет с ними, дождь умывает. Не успеешь налюбоваться первой зеленью, как густая листва окутывает деревья и кусты, а земля покрывается высокой травой. Какие-то очевидные вещи происходят, но всегда, с каждым годом новые - жизнелюбивая зелень шумит в ожидании влаги, без которой она желтеет и сохнет. Что ж тут нового? А каждый год - новое! На глазах происходит чудо осенних превращений, затем листья падают и кружат, гонимые ветром. Движение листвы. Движение жизни. Движение творчества.

СОДЕРЖАНИЕ

Эмиль Сокольский “В потоке классики” (предисловие)	3
Уроки деревни	19
Её волшебное озеро	33
Ледяйкина	47
Огни Москвы	60
Одноглазая	74
Провинциалочка	88
ЕГЭ	101
Поня	114
Лаврушенский переулок	121
Дневник библиотекаря	130
Особенная	143
Осчастливили	155
Шуба	163
Фортуэта	177
Бубенчик	187
Месть	200
Принцесса с Казанского вокзала	209
Секс, деторождение и клубника	222
Идентификация положительного	234
Последнее слово	248
Над Гороховым полем	261
Проводница	270
Самостоятельные губы	279

Иванова	290
Любовный напиток	304
Любушка	320
Двое под дождём	334
Скудельный сосуд	348
Я не солнышко - всех не обогрею	365
В зеркалах	379
Клятва	393
Азбука	406
Чужое счастье	420
Маргарита Прошина “Новые тайны” (вместо послесловия)	432

Маргарита Васильевна Прошина

Фортунэта

рассказы

Предисловие Эмиля Сокольского

Редактор Юрий Кувалдин

ISBN 978-5-85676-153-4

ЛР № 061544 от 08.09.99.

Сдано в набор 27.03.15. Подписано к печати 15.04.15.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура "OfficinaSansCTT". Печать офсетная.

Уч.-изд. л. (авторских листов) 17,57. Тираж 200 экз.

Издательство "Книжный сад"
www.kuvaldinur.narod.ru

Я вчерашняя отличаюсь от нынешней, ведь каждый новый день - обогащает мою душу, привносит в неё пусть крошечный, но ещё один оттенок новизны. Погружение в себя навело меня когда-то на мысль писать ежедневно. Я постепенно настолько втянулась в это увлекательное занятие, что теперь это стало моей потребностью. Самое удивительное то, что написанные мною тексты живут своей жизнью, отдаляясь всё дальше от меня. Вот я и нашла выход, освободиться от тела можно в записях. Они остаются в прошлом, продолжают свою независимую жизнь в настоящем и будут жить после меня.

Маргарита ПРОШИНА